H. lit. P.

Zapiski

332 SV
(A, 16

8° H. lit. P. 332 sv (A, 16 Zapiski

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.

1892.

662 И

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Bayerische
Staats-
Bibliothek

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ XVI-го ВЫПУСКА.

Стр.

Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета **Романомъ Брандтомъ**. Выпускъ I. Фонетика.................................... 1—146

Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Изслѣдованіе **Я. Денисова** 1—179

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета

Романомъ Брандтомъ.

Выпускъ I.

ФОНЕТИКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служитъ литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

Гласные звуки.

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать т*я*нý, т*е*нý, или т*и*нý, но 2-е лицо «тя́нешь» показываетъ, что нужно писать *я*.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впослѣдствіи.

Звукъ á не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей [1]. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго ѧ—таковое *а* мы имѣемъ, например, въ словахъ ба́ба, са́н. [2]. 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ староцерковномъ языкѣ былъ ѧ [3]; а именно юсу узкому соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью [4]. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ ѧ находимъ просто *а*. 'А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ 'са́ду, соотвѣтствующемъ староцерковному сѧдѫ; въ существительномъ м'а́са, равномъ староцерковному мѧсо. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ ѧ, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримѣръ, существительное жа́ла, основная форма котораго будетъ жѧло; имѣемъ прилагательное ша́ткъй, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ шѧтати сѧ. (Русскій глаголъ шататься въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соотвѣтствіе ѧ является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ т͡ш, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

[1] О нѣкоторыхъ оттѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

[2] Удареніе русскихъ словъ я, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отвѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, ´ и ` (акутъ и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

[3] Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со староцерковными, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ староцерковныхъ.

[4] Мягкость я буду обозначать апострофомъ.

т+ш. При такомъ произношенiи слогъ **ꙗ** находитъ подобное же отраженiе какъ **жꙗ** и **шꙗ**, т. е. представляетъ отсутствiе мягкости, напр. т͡шаст, равное староцерк. **ꙗсть**. Но не вездѣ одинаково произносятъ *ч*, въ нѣкоторыхъ говорахъ *ч* мягко, т. е. представляетъ т'+ш'. При такомъ выговорѣ *ч* не стоитъ уже на ряду съ *ж* и *ш*, а подходитъ подъ общее правило. Сказанное про *ч* относится и къ согласному трифтонгу *щ*, который есть или ш͡т'ш, или же ш͡т'ш', а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ ш͡ш': паш͡т'ша́да, или паш͡т'ш'а́да, или же паш͡ш'а́да=староцерковному ***поштада**, праславянскому ***пощада**. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключенiямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда **ꙗ** предшествуетъ ј, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово ја́дра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть *а* подъ ударенiемъ), соотвѣтствующее староцерковному **ꙗдра**. Здѣсь звуку *а* предшествуетъ мягкiй согласникъ ј, но всетаки самому **ꙗ** соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ *а*, потому что ј на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское *а* съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствiе въ староцерковныхъ формахъ съ **ѣ**. Такъ, при нашемъ нарѣчiи пра́мо мы находимъ староцерковное **прѣмо**; русской глагольной формѣ пама́н'ьт соотвѣтствуетъ староцерковная **помѣнеть**; русское прилагательное рум'а́нъй соотвѣтствуетъ староцерковному **роумѣнъ**. Но при глагольной формѣ **помѣнеть** мы встрѣчаемъ также форму **помꙗнеть**. Староцерковное **роумѣнъ** по-сербски будетъ ру̏мен, румѐна, -о; а сербское *е*, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное **е**, или **ꙗ**, но не **ѣ**: если бы тутъ былъ **ѣ**, то при формѣ ру̏мен должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности ру̏мјен и -*ин*. Итакъ серб. ру̏мен свидѣтельствуетъ объ основномъ **роумꙗнъ**. За то польскiй языкъ здѣсь предполагаетъ **ѣ**: по-польски rumiany, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому **ѣ**, на мѣстѣ же **ꙗ** было бы 'ą или 'ę: rumiąny или rumięny [1]. Такимъ образомъ праславян-

[1] Почти тожественныя фонемы rumiany и рум'а́нъй представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различiе.

скія созвучія ѣм ѣн въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности ѧм, ѧн, и русскія *'ам, 'ан* можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги ja, жа, ша, т͡ша произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ ѧ; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхожденіе. Существуютъ также слова̀ въ родѣ já г ъ д а, равнаго основному ꙗгода, гдѣ *а* восходитъ къ праславянскому а и къ славяно-литовскому ō—по-литовски это слово будетъ ůga, что̀ предполагаетъ славяно-литовское *ōgā. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ ja, жа, ша, т͡ша, а славянскій и вмѣстѣ съ тѣмъ русское *а* стоитъ очень часто вмѣсто ѣ. Мы имѣемъ, напр., глаголъ коꙗти сѧ, 2-е лицо настоящаго коиши сѧ; глаголъ стоꙗти, 2-е л. стоиши — эти глаголы образованы такъ же, какъ летѣти, имѣющій 2-е л. летиши, но только въ неокончательномъ они послѣ j вмѣсто ѣ представляютъ а. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ а вмѣсто ѣ, напр. лежати, 2-е лицо лежиши—лежати вмѣсто *лежѣти. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ *е* у з к о е, предполагающее ē, напр. нашему сѣдѣти въ литовскомъ соотвѣтствуетъ sėdėti. Подобное же *а* вмѣсто ѣ является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ жа́ба, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—ж ȁ б а (съ *а*: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ ѧ, то Сербы произносили бы ж *е* б а) и въ польскомъ żaba (а не żeba или żąba). Таково же слово ш а́ л ъ с̀ т, находящееся въ связи съ сербскимъ ш а̏ л а шутка (не ш *е* л а), съ польскимъ szalony безумный (не szelony или sząlony); далѣе слово т͡ш а́ ш а, сербское ч ȁ ш а и польское czasza. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что указанныя слова представляютъ *а* вмѣсто *ѣ*, но точнѣе говорить, что *а* замѣняетъ тутъ *ē*, которое при другихъ условіяхъ дало бы *ѣ*. Притомъ уже Праславяне послѣ j и шипящихъ употребляли *а* вмѣсто *ē*, и русскіе унаслѣдовали г о т о в о е *а*.

Такъ какъ русскій звукъ *а* съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному а, или ѧ, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное *а*. Замѣтимъ, что въ корняхъ *а* съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. е., за исключенiемъ созвучiй ја, жа, ша, т͡ша) происходитъ изъ ѧ, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее *а* съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово з'ѝмлá соотвѣтствуетъ староцерковному ꙁемлꙗ.

Замѣна ѧ черезъ *'а*—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣнiе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ ѧ соотвѣтствовали всегда мягкiе слоги: мы знаемъ, что *ч* можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и *ж*, *ш*. Такъ, напримѣръ, ж а́ л а первоначально звучало ж̍ а́ л о, ш а́ т к ъ й—ш̍ а́ т к о й. Что ѧ издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтiя—въ Остромировомъ Евангелiи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь иноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенiя буквы ѧ съ буквами ꙗ и ѩ. Напр. дiаконъ Григорiй въ послѣсловiи пишетъ: «поуахъ писати», между тѣмъ какъ нужно было написать «поуѧхъ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелiя, при списываньи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленiя буквъ ѧ, ꙗ и ѩ. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенiя въ пользу существованiя въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, носовыхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака ѧ, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ѩ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; ѧ преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакцiи; изъ его скорописной разновидности вышла буква *я* гражданскаго письма и печати.

Обратимся теперь къ звуку *е*. *Е* есть звукъ среднiй между *а* и *и*, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно середину между ними, или же приближаться болѣе къ *а*, или болѣе къ *и*. Въ русскомъ языкѣ существуютъ д в а *е*—одно болѣе близкое къ *а*, другое болѣе близкое къ *и*; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще *е* среднее, одинаково далекое какъ отъ *и*, такъ и отъ *а*. Звукъ *е* болѣе близкiй къ *а* буду обозначать посредствомъ ӓ и называть *е* ш и р о к и м ъ. Широкое *е* тоже-

p. 57 ff.

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ Aehre (колосъ), и съ французскимъ è, напр. въ словѣ père: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово м̓ӓл. Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ Ehre (честь), французскому é, напр. въ словѣ bonté (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово м̓ел̓. (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двоякость звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ е, ѣ и э». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный спеціалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, Bulletin historico-philologique, v. IX, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ ӓ, а гдѣ є, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій j, или, если употребить другой терминъ—*i* неслогово́е (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ й), является є, въ другихъ случаяхъ—ӓ. Значитъ, ӓ является пе-

редъ твердыми согласными и въ исходѣ [1]. Это можно видѣть уже на приведенныхъ выше примѣрахъ (м̓ӓл, м̓ел̓): въ первомъ случаѣ мы передъ твердымъ согласнымъ находимъ ӓ; во второмъ, передъ мягкимъ—е. Возьмемъ затѣмъ, какъ примѣръ на ӓ въ изглашеніи, нарѣчіе ъ д ӓ [2]. Сопоставимъ еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ при чередованіи согласныхъ твердыхъ и мягкихъ мѣняется звукъ *е*. Произнося въ именительномъ падежѣ д̓ӓ́ла, мы въ мѣстномъ говоримъ (в) д̓е́л̓и, далѣе: анӑ с̓ӓ́ла, но ани̓ с̓е́л̓и. Подобнымъ же образомъ является звукъ ӓ въ именительномъ падежѣ слова св̓ӓт, а мѣстный будетъ (ф) св̓е́т̓и, точно также уменьшительная форма этого слова будетъ с̓в̓е́т̓ьк. Возьмемъ еще мѣстоименіе «этотъ» въ женскомъ родѣ: напр. ʺӓ́та да́ма, но во множественномъ числѣ будетъ ʺе́т̓и да́мы. Въ появленіи е передъ мягкими согласными мы должны видѣть родъ уподобленія: мягкій согласный содержитъ въ себѣ элементъ средненёбный, элементъ j, а согласный j ближайшій родичъ гласнаго *и*; поэтому-то *е* передъ мягкими согласными приближается къ *и*, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ j.

Я приводилъ примѣры на ӓ и е, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи звука *е*; и дѣйствительно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оно почти безразлично.

Судя по письму, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ исключеній изъ нашего закона, но всѣ они мнимыя. Таково, напр., слово верхъ, гдѣ какъ будто является е передъ твердымъ *р*, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ *р* мягкій, и произносятъ в̓е*р̓*х; иногда правда, слышится и твердый *р*, но тогда говорятъ уже в̓ӓрх, съ широкимъ *е*. Впрочемъ, второе произношеніе надо считать провинціализмомъ, или же искусственнымъ примѣненіемъ къ письму. Подобныя же исключенія представляютъ слова въ родѣ мечъ, лещъ, гдѣ твердость обозначается только на письмѣ, а въ произношеніи ея не существуетъ. Мы произносимъ м̓ет̓ш̓ или м̓ет̓ш

[1] Исходомъ или изглашеніемъ называется послѣдній звукъ въ словѣ.

[2] Въ словѣ г д ѣ слышится своеобразный звукъ г, который я обозначаю черезъ ъ. Это обозначеніе было изобрѣтено Шегрѐномъ для Осетинскаго языка и потомъ употреблено Бётлингомъ для Якутскаго, а также, въ вышеупомянутой статьѣ о русской фонетикѣ.

и во всякомъ случаѣ первая часть звука *ч*, непосредственно примыкающая къ звуку *е*,—мягкая (т̓). Слово лещъ мы произносимъ л̓ е ш̓т̓ш̓, или л̓ е ш̓т̓ш, или л̓ е ш̓ш̓; опять-таки первая часть сложнаго согласнаго мягкая. Подобныя же мнимыя исключенія представляютъ прилагательныя в̓е́ш̓н̓ый и п р̓е́ж̓н̓ый, гдѣ *ш* и *ж* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго сами мягки, хотя мягкость на письмѣ не обозначается. Съ другой стороны существуютъ слова̀, въ которыхъ пишется мягкій знакъ, но передъ «мягкою согласною» приходится читать ӓ: въ этихъ случаяхъ ерь имѣетъ только этимологическое значеніе. Такъ напр. въ словѣ п-л-ѣ-ш-ь, равномъ п л̓ ӓ ш; въ велительномъ наклоненіи глагола у т ѣ ш и т ь— у-т-ѣ-ш-ь=у т̓ ӓ ш, или отъ глагола рѣзать—р-ѣ-ж-ь=р̓ ӓ ш. Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ колебанія, подобныхъ замѣченному въ словѣ в е р х ъ. Таково количественное числительное с е м ь: одни произносятъ с̓ ӓ м, другіе—с̓ е м̓; таково же порядковое числительное п е р в ы й: одни говорятъ п̓ ӓ р в ъ й, другіе — п̓ е́ р̓ в ъ й. Подобнымъ же образомъ слышится к а н̓ ӓ ш н а, съ твердымъ *ш* и съ *ӓ*, или же к а н̓ е́ т̓ш̓ н а (либо к а н̓ е́ т̓ш̓ н а), съ *ч* и съ *е*. Слово п̓ ӓ т, когда къ нему примыкаетъ частица л̓ и можетъ сохранять твердое *т*, тогда будетъ п̓ ӓ т л̓ и; если же *т* уподобляютъ элю и произносятъ его мягко, то *е* будетъ узкое— п̓ е́ т̓ л̓ и. Кажется, уподобленіе нерѣдко бываетъ неполное, такъ что *т* примѣняется къ л̓, но не дѣлается собственно мягкимъ, а только сред̓нимъ, въ такомъ случаѣ получается и *е среднее*, не широкое, но и не узкое: п̓ е́ т̓ л̓ и.

Звукъ *е* въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть звукъ *умягчительный*. (Выраженіемъ «умягчительный» я хочу сказать, что данному гласному предшествуетъ всегда мягкій согласный). Въ зачинѣ, т. е. будучи первымъ звукомъ слова, *е* имѣетъ передъ собой всегда согласный элементъ—точнѣе говоря, *е* начальнымъ звукомъ никогда не бываетъ. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пишемъ э, слово не начинается съ гласнаго элемента, а съ легкаго ȷ или неслоговаго і, который я буду обозначать маленькою буквою й, напр. ͥӓ! ͥӓ х! ͥӓ т ъ т, ͥе́ т и, ͥе й! Тоже самое и въ пришлыхъ словахъ, напр. ͥӓ х а, ͥӓ р а. Здѣсь, правда, иногда слышится *е* чистое, но только при очевидномъ желаніи произнести по иностранному. Легкій ȷ передъ звукомъ *е* въ началѣ слова, какъ само

собой разумѣется, встрѣчается рѣдко: вѣдь немногія слова на письмѣ начинаются съ буквы э. Происходитъ это оттого, что еще въ праславянской рѣчи зачинное *е* приняло *призвукъ ј*, такъ что слова, которыя въ родственныхъ языкахъ начинаются со звука *е*, у Славянъ начинаются съ ј: при греческомъ ἐστί мы находимъ славянское **ѥсть**, русское ј е с̌ т̌. Призвукъ[1] въ русскомъ языкѣ, также и въ другихъ новославянскихъ языкахъ является и передъ *ѣ*, который, слѣдуетъ думать, въ староцерковномъ и въ основномъ славянскомъ языкѣ призвука не имѣлъ. Мы видимъ по-русски глагольную форму ј ӓ м и при ней инфинитивъ ј е с̌ т̌; но предполагаемыя ими праславянскія формы **ѣмь, ѣсти**, должно быть, ј не содержали, потому что вмѣсто **ѣ** (изъ праязычнаго ē) послѣ ј и другихъ мягкихъ согласныхъ являлся **а**. Да мы, дѣйствительно, и находимъ при **ѣмь, ѣсти** господствующія въ староцерковномъ языкѣ разновидности **ꙗмь, ꙗсти**. Изъ существованія рядомъ такихъ фонемъ, какъ **ꙗмь, ꙗсти** и **ѣмь, ѣсти**, легко объясняются ј ӓ м, ј е с̌ т̌: огласовка идетъ изъ однихъ фонемъ, а призвукъ— изъ другихъ. Впрочемъ, если **ѣ**, какъ думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, былъ восходящимъ дифтонгомъ i е́, то призвукъ можно объяснять фонетически изъ перваго его элемента.—Какъ исключеніе изъ общаго закона, мы имѣемъ звукъ *е* б е з ъ п р е д ш е с т в у ю щ е й м я г к о с т и послѣ шипящихъ *ж*, *ш* и послѣ согласнаго дифтонга т͡с. Эти звуки передъ *е* бываютъ средними—ни мягкими, ни твердыми, напр. ж е с̌ т̌, ш е с̌ т̌, т͡с е л̌, прилагат. т͡с а̊ л ъ й. Подобнымъ же образомъ произносятъ т͡ш е с̌ т̌ (но также и т̌ ш е с̌ т̌), ш̌т̌ ш е л̌ (но также ш̌т̌ш е л̌ или ш̌ш е л̌). Еще мы находимъ звукъ *е* съ предшествующими средними согласными, когда слово начинающееся съ *е* примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго слова. Такія соединенія являются тогда, когда мѣстоименіе э т о т ъ примыкаетъ къ предлогу съ твердымъ изглашеніемъ, напр. аб̇ а̊ т ъ м, с̇ е̊ і ь м (*б* и *с*, примѣняясь къ *е*, умягчаются, но незначительно); то же самое въ такихъ соединеніяхъ какъ а н а̀ с л ы-

[1] Призвукъ—терминъ Я. К. Грота; обыкновенно говорятъ «придыханіе», но послѣдній терминъ страненъ, да и неудобенъ, такъ какъ мы его употребляемъ въ другомъ смыслѣ.

ш ы т ӓ х а. Вѣроятно слѣдуетъ думать, что, когда развивался такой выговоръ, въ зачинѣ еще не было легкаго j.

Въ нарѣчіи м а л о р у с с к о м ъ звукъ *е неумягчительный*: предшествующій ему согласный довольно твердъ, хотя нѣсколько мягче, чѣмъ передъ *а*, *о*, *у*. Малорусская рѣчь не знаетъ также, или знаетъ не въ такомъ явственномъ видѣ, примѣненіе звука *е* къ слѣдующему согласному, напр. слово д̓ е н̓ по-малор. будетъ д е н̓; слово б̓ е́ р̓ ъ к— б̓ е́ р е ъ; слово а т ӓ т с—о т̓ е́ т̓ с̓. Довольно значительная твердость согласныхъ передъ *е* должна считаться вторичнымъ явленіемъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе сокращенной формы велительнаго наклоненія, гдѣ вмѣсто окончанія *те* является одно *т*, но *мягкое*. Староцерковной формѣ **берѣте**! соотвѣтствуетъ по-малорусски б̓ е р̓ и̓ т̓ е! и б̓ е р̓ и̓ т! Очевидно, основная форма представляла окончаніе *те* не столь твердое, какъ въ настоящее время. Нельзя впрочемъ думать, чтобы мягкость въ основномъ русскомъ передъ *е* была такъ сильна, какъ у современныхъ Великороссовъ и Бѣлоруссовъ.

Обратимся теперь къ происхожденію звуковъ ӓ и е. Эти звуки соотвѣтствуютъ тремъ староцерковнымъ звукамъ: **є**, **ѣ**, **ь**. **Ь** въ русскомъ языкѣ или нѣмѣетъ, оставляя по себѣ мягкость, или проясняется въ *е*. Впрочемъ мягкость впослѣдствіи могла иногда утратиться, а *е*—подвергнуться вторичному измѣненію. Полное совпаденіе указанныхъ основныхъ звуковъ имѣетъ мѣсто передъ мягкими согласными: передъ ними **є**, **ѣ** и **ь** совпали въ одномъ звукѣ е. Что дѣйствительно существуетъ полное совпаденіе, въ этомъ легко убѣдиться на примѣрахъ. Сравнимъ, напр., выраженіе «а лѣнь» съ существительнымъ «олень»—и то и другое звучитъ одинаково: а л̓ е́ н̓. Подобнымъ же образомъ можно сравнить сочетаніе «а день» съ велительнымъ «одѣнь»!—то и другое въ фонетической транскрипціи будетъ а д̓ е́ н̓. Передъ согласными твердыми нѣтъ совпаденія трехъ гласныхъ, а совпадаютъ только два—**є** и **ь**. **Є** и **ь** передъ твердыми согласными расширились въ *о*, причемъ, конечно, мягкость предшествующаго согласнаго сохранилась, т. е. происходитъ, какъ обыкновенно выражаются, «переходъ *е* въ *ё*». Такимъ образомъ основная фонема **теплъи** даетъ по-русски т̓ о́ п л ъ й; основная фонема **пьсъ**—п̓ о́ с. (Не слѣдуетъ думать, чтобы **ь** *прямо* измѣнялся въ *о*: здѣсь *о* вторичное, изъ *е*). Превративъ передъ

твердыми согласными древніе є и ь въ *о*, русскій языкъ сохранилъ въ такомъ положеніи ѣ: л̓ äс, н̓ ä́га, б̓ ä́лъй и т. д., такъ что наше ä, можно сказать, соотвѣтствуетъ основному ѣ. Есть однако случаи, гдѣ ä имѣетъ иное происхожденіе: 1) этотъ звукъ встрѣчается въ словахъ пришлыхъ, напр. м̓ ä́тът, кад̓ ä́т; 2) ä бываетъ на мѣстѣ древняго є въ книжныхъ словахъ, подъ вліяніемъ церковнаго языка и правописанія. Такимъ образомъ мы имѣемъ выговоръ п̓р̓ид̓м̓ ä́т, по-польски przedmiot, да и по-русски тотъже корень въ чисто-русскомъ словѣ пам̓ óт представляетъ расширеніе; пад̓ ä́ш (грамм. терминъ), но пад̓ óш. Книжнымъ приходится считать и произношеніе н̓ ä́ба coelum, рядомъ съ н̓ óба palatum. Можно удивляться, что слово н̓ ä́ба имѣетъ книжный выговоръ; но, вѣроятно, дѣло въ томъ, что въ народѣ и въ просторѣчіи это слово приходится употреблять почти исключительно съ предлогами, т. е. безъ ударенія (нá небо, пó небу и т. д.), такъ что книжное вліяніе, на первый взглядъ невѣроятное, все-таки можетъ быть допущено [1]. 3) Мы имѣемъ ä на мѣстѣ исконнаго є или ь вслѣдствіе вторичнаго отвердѣнія согласныхъ, т. е. въ такихъ словахъ, гдѣ во время расширенія *е* въ *о* за звукомъ *е* слѣдовалъ мягкій согласникъ, отвердѣвшій только позднѣе; впослѣдствіи *е* передъ такою вторичною твердостью также расширилось, но уже не въ *о*, а въ *ä*. Основная фонема **отьць** должна была дать первоначально фонему от̓ é т͡с̓, по-малорусски дѣйствительно такъ и говорятъ; впослѣдствіи согласный дифтонгъ т͡с отвердѣлъ, а *е* расширилось въ *ä*, и получилось ат̓ ä́т͡с. **Овьца** имѣетъ въ род. пад. множ. ч. форму **овьць**; опять-таки по-русски сначала было (уцѣлѣвшее у Малороссовъ) ов̓ é т͡с̓, а отсюда вполнѣ понятенъ выговоръ ав̓ ä́т͡с. Таково же числительное с̓ äм (рядомъ съ с̓ єм̓). Сюда же можно отнести такія прилагательныя, какъ ут̓͡ш ä́бнъй, т͡сыл̓ ä́бнъй: суффиксъ здѣсь былъ перво-

[1] Въ народной рѣчи встрѣчается также нёбо coelum: нёбо Ол., до нёба Вят. Колосов. Обзор. звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 74. Такъ и въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (по сообщенію Евг. Ѳед. Будде) произносятъ нёба.

начально **ьнъи** и поэтому звукъ *б* долженъ былъ быть мягкимъ, отвердѣніе произошло лишь подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласника—основная фонема **оүъьбьнъи**. Еще 4) не восходитъ къ древнему ѣ ä въ междометіи ″ä̂!, которое употребляется и само по себѣ, и въ сочетаніи съ другими словами, какъ ″ä̂ в а! ″ä̂ т ъ т. Отсутствіе тутъ расширенія можно легко объяснить тѣмъ, что слитіе такихъ соединеній въ одно цѣлое произошло довольно поздно, послѣ того какъ законъ о расширеніи пересталъ дѣйствовать; въ самомъ же междометіи сохраненіе *е* оправдывается тѣмъ, что за нимъ не слѣдовало твердаго согласнаго. Можно бы, пожалуй, сослаться и на то, что расширяемому *е* всегда предшествуетъ средненебный элементъ (j или мягкій согласникъ), каковаго здѣсь первоначально не было. Срв. выше, стр. 10.

Мы видѣли, что великорусское ä до извѣстной степени представляетъ слѣдъ древняго ѣ. Малорусская рѣчь еще съ бóльшей отчетливостью сохранила память о ѣ, именно въ видѣ *умягчительнаго и*, напр. ліс, мíра (исконное *и* по-малорусски—неумягчительно). Вмѣсто *и* замѣняющаго ѣ существуетъ въ сѣверномъ говорѣ малорусской рѣчи слогъ *je*, а также своеобразный дифтонгъ *ие*, съ удареніемъ на *и*. О звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ Алдр. Афан. Потебні, проф. Харьковскаго Университета. Одна статья, озаглавленная: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» напечатана въ «Филологическихъ Запискахъ» въ 1865 г. Она вышла отдѣльнымъ оттискомъ вмѣстѣ еще съ одной статьей (О полногласіи), подъ общимъ заглавіемъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка». Другая его статья помѣщена въ тѣхъ же Филологическихъ Запискахъ, въ 1870 г. и озаглавлена: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» [1].

[1] Отмѣчу здѣсь еще «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П(авла) Житецкаго. Кіевъ 1876 и Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg 1880. Обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ сѣверно-малорусскихъ подрѣчій содержатся въ книгѣ «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва 1885».

Въ виду малорусскаго і на мѣстѣ древняго ѣ естественно думать, что въ общерусскомъ языкѣ *ѣ*, существованіе котораго предположить необходимо, былъ гласный узкій; былъ ли онъ долгъ, это помоему сомнительно. Можно допустить, что древній выговоръ уцѣлѣлъ, какъ областной, въ Олонецкой губерніи, гдѣ, по словамъ Алексѣя Александровича Ша́хматова [1], *ѣ* звучитъ какъ е и передъ твердыми согласными, т. е. не только говорятъ м̓ е́ р̓ и т̓, но и м̓ е́ р а вмѣсто м̓ а́ р а. При предположеніи, что общерусскій звукъ соотвѣтствовавшій древнему ѣ былъ е, мы можемъ себѣ объяснить, почему ѣ не подвергся расширенію въ *о*. Приходится думать, что напр. праславянская форма **сєла** (рус. с ё л а) первоначально представляла *е* узкое—с̓е́ла; а причастная форма **сѣла** представляла ѣ, т. е. ӓ—с̓а̋ л а. Можно предполагать, что форма с̓е́ л а въ основномъ русскомъ пріобрѣла ӓ и стала звучать с̓а̋ л а, а отсюда уже великорусское с̓о́ л а [2]; причастная же форма с̓а̋ л а, обратилась въ с̓е́ л а, изъ чего Великороссы сдѣлали с̓а̋ л а. Итакъ основная форма с̓е́ л а не прямо дала русскую форму с̓о́ л а; точно также и причастная форма с̓а̋ л а не сохранила праславянскій звукъ ѣ, а вернулась къ нему послѣ нѣкотораго отступленія.

Обратимся теперь къ звуку *и*.

Обыкновенное великорусское *и* есть звукъ острый, можно сказать мягкій. Хотя научной грамматикѣ приходится возставать противъ школьной терминологіи, въ которой являются «мягкія гласныя *я*, *ю*», но звукъ *и* есть ничто иное, какъ гласный j, и можетъ быть мягокъ самъ по себѣ. Понятно, мягкое *и* вмѣстѣ съ тѣмъ *умягчительно*, т. е. предшествующій ему согласный бываетъ всегда мягкимъ: п̓и́ в а, н̓и́ в а, л̓и с т. Подобно тому, какъ слова̀ не начинаются со звука *е*, такъ они не начинаются и со звука *и*: передъ зачиннымъ *и* слышится всегда легкій іотъ, напр.

[1] Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в. Спб. 1886 г.

[2] Какъ переходную ступень отъ ӓ къ о, мы, вмѣстѣ съ Шахматовымъ (по его литографированнымъ лекціямъ, читаннымъ въ осеннее полугодіе 1890 года), должны предполагать ӧ.

˘йва [1]. Также и внутри слова, гдѣ буква *и* стоитъ послѣ гласныхъ, ея звуку предшествуетъ легкій j, напр. глаголъ поить, произносится па˘йт. Но звукъ *и* расходится со звукомъ *е* въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко сочетается съ іотомъ явственнымъ; такой j встрѣчается передъ *и* только въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія 3-го лица: въ формахъ jим (тв. пад. ед. ч.), jих (род. и мѣстн. мн.), jим (дат. мн.), jйми (тв. мн.); но и здѣсь иные произносятъ ˘и. Чаще сочетаніе jи встрѣчается внутри слова, напр. въраб'jй, у судjй.

Мягкое *и* самое обыкновенное въ великорусской рѣчи, однако оно не единственное. Существуетъ нѣсколько оттѣнковъ этого звука, которые болѣе или менѣе приближаются къ родственному широкому звуку *ы*. (Болѣе широкій выговоръ я буду обозначать посредствомъ надписанія надъ *и* маленькихъ *ы* — и). Такой средній выговоръ является въ началѣ слова, когда оно примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго. Напр. произносятъ: аб̇ йви, над йс'т'ьнъйу, к йжытсы. Тотъ же выговоръ является послѣ согласнаго дифтонга т'ш и трифтонга ш'т'ш въ томъ случаѣ, когда послѣдній элементъ ихъ есть средній (если же произносить послѣдній элементъ мягко, то *и* будетъ узкое), напр. т'шист, ш'т'шит. Еще болѣе широкій звукъ, который почти совпадаетъ со звукомъ *ы* и который можно назвать узкими ера́ми, мы встрѣчаемъ послѣ *ж*, *ш*, напр. жыр, шыт. Послѣ тс, напр. въ словахъ тсы́пка, мьдитсы́на слышатся даже настоящіе *ы*.

Существованіе указанныхъ оттѣнковъ можно лучше всего провѣрить посредствомъ рифмы: подобравъ слова, которыя, рифмуясь между собой, представляютъ колебаніе между указанными четырьмя звуками. Слово т'шиш не рифмуется чисто на слово т'иш, съ другой стороны не рифмуется и на слово мыш, представляющее чистые ы. Сравнимъ еще существительное ш'т'шит съ одной стороны съ существ. гра˘йт, а съ другой стороны съ существ. быт. Еще

[1] Срв. выше, стр. 8.

сопоставимъ слова тсы́пка и ры́пка; шы́ла и мы́ла; мужы́к и бык. На то, что слоги русскаго письма ши, жи, ци, чи, щи не соотвѣтствуютъ произношенію, первый обратилъ вниманіе протоіерей Герасимъ Павскій, въ своихъ Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе (Санктпетербургъ 1841), стр. 127, § 111, хотя онъ впадалъ въ преувеличеніе, когда говорилъ, что во всѣхъ этихъ слогахъ слышатся *ы*. Ошибка Павскаго была исправлена Я. К. Гротомъ [1].

Что касается грамматической роли звуковъ *и* и *ы* въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, то вообще можно сказать, что *и* узкое и широкое равны основному *и*, а *ы*—основнымъ *ы*. Исключенія составляютъ съ одной стороны слоги *ги*, *ки*, *хи*, которые замѣняютъ староцерковные и праславянскіе гы, кы, хы. Съ другой стороны ы соотвѣтствуютъ основному и въ слогахъ ши, жи, напр. теперь мы имѣемъ форму нажы́ съ ы, первоначальная же славянская форма была нож́и́; подобнымъ же образомъ пишы́!, а въ праславянскомъ было пиши́! Настоящіе *ы* являются на мѣстѣ *и* въ слогѣ тсы, напр. атсы́, форма которая въ праславянскомъ звучала отьцʼи́.

Между тѣмъ какъ великорусская рѣчь сохранила, хотя и не безъ отступленій, древнеславянскую двойственность широкаго и узкаго *и*, т. е. звуки *ы* и *и*, малорусское нарѣчіе стерло эту двойственность. Въ малорусскомъ произношеніи *и* и *ы* совпали въ *и* среднемъ между *ы* и *и*, въ *и* твердомъ или широкомъ, это тоже самое *и*, которое мы въ довольно рѣдкихъ случаяхъ видѣли въ великорусскомъ языкѣ, и для котораго я употребляю знакъ *и*. Сравнимъ сущ. ми́ло (великорусск. мыло, -а) съ прилаг. ми́ла (ми́лъйа).

Впрочемъ, областная малорусская рѣчь знаетъ различіе между *и* и *ы*; та́къ, въ сѣверной части малорусскаго нарѣчія, напр. у

[1] Въ статьѣ «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка». Филол. разысканія, 1 изд., стр. 305—306, во 2-мъ—277—278.

Малороссовъ Гродненской губерніи есть звукъ *ы*, есть онъ и въ западной его части, у Малороссовъ Карпатскихъ. Малорусской рѣчи не чуждо и умягчительное *и*, но оно не равно древнему *и*, каковое соотвѣтствіе встрѣчается лишь какъ весьма рѣдкая мѣстная особенность, обыкновенно же происходитъ изъ ѣ, о чемъ я уже упоминалъ. Въ бо́льшей части малорусскихъ говоровъ такое *и* есть постоянная замѣна древняго ѣ; мы видимъ, напр. малорус. л̓ и с равное великорусскому л̓ ä с, основному **лѣсъ**. Иногда такое *и* происходитъ также (при особыхъ условіяхъ) изъ основного *е* и рѣже—изъ *о*, о чемъ подробнѣе будетъ говорено впослѣдствіи.

Подобнымъ же образомъ, какъ значительную твердость согласныхъ передъ малорусскимъ *е* мы признали явленіемъ вторичнымъ и предположили, что въ основномъ русскомъ слоги со звукомъ *е* были довольно мягки, и что впослѣдствіи въ великорусскомъ они получили еще бо́льшую мягкость, а въ малорусскомъ поотвердѣли, такъ мы должны видѣть вторичный выговоръ и въ слогахъ со звукомъ *и*. Опять-таки въ малорусской рѣчи можно указать нѣкоторые слѣды мягкости передъ *и*, а именно въ инфинитивѣ, который кончается по-малорусски или на слогъ т̇и (ы), или же на т̓, напр. б р á т̇ и (ы) представляетъ среднее, довольно твердое *т*, но при немъ существуетъ разновидность б р а т̓ съ мягкимъ *т*. Очевидно, основная форма представляла здѣсь довольно мягкое *т*, которое въ одномъ случаѣ стало среднимъ, а въ другомъ—совсѣмъ мягкимъ.

Перехожу теперь къ звуку *о*.

По происхожденію звукъ *о* можетъ соотвѣтствовать 1) основному **о**; 2) основному **ъ**; 3) онъ можетъ быть вторичнымъ измѣненіемъ звука *е* въ великорусской рѣчи; причемъ это *е* можетъ имѣть свое обыкновенное двоякое происхожденіе, т. е. а) равняться исконному *е*, или б) быть прояснившимся *ь*. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія слова: 1) исконное *о* представляетъ слово д о м, основное **домъ**; 2) *о* изъ **ъ**—сон, основное **сънъ**. Разновидностью этого *о* можно считать *о* вставочное, явившееся по примѣру органически бѣглаго *о*, напр. а г ó н̓ вм. огн̓ изъ **огнь**. 3) Звукъ *о* какъ плодъ расширенія является послѣ согласныхъ мягкихъ, въ томъ числѣ и j; также и послѣ нѣкоторыхъ соглас-

ныхъ, которые первоначально были мягкими и лишь впослѣдствіи въ бо́льшей или меньшей степени отвердѣли. Мы имѣемъ *о*, какъ разширеніе исконнаго *е*, въ слѣдующихъ словахъ: ј о́ л к а, основное ***ѥлъка**; м̓ о т, основное **медъ**; т̓͡ш̇ о́ л к а, первоначальное ***челъка**; ж̇ о́ н к а—**женъка**. Примѣрами на *е* вторичное могутъ служить слова л̓ о́ н, основное **лънъ**, и ш о́ л, основное **шьлъ**. Объ этомъ разширенномъ *е* я сейчасъ скажу подробнѣе.

Въ статьяхъ по русской фонетикѣ академика Я. К. Грота мы встрѣчаемъ утвержденіе будто звукъ *а* подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *о*. Но приводимые имъ примѣры надо толковать иначе. Мы дѣйствительно, встрѣчаемъ *о* вмѣсто *а* въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр., при 1-мъ лицѣ ј а п л а т̓͡ш̇ у́, 2-е будетъ т ы п л о́ т̓ ь ш, выговоръ п л а́ т̓ ь ш слышится рѣже. Подобныя же формы встрѣчаются и у другихъ глаголовъ: въ областной рѣчи (иногда впрочемъ и у людей образованныхъ) слышится выговоръ п а с о́ д̓ ь ш, п р̓ и г л о́ с̓ ь ш, п а д о́ р̓ ь ш, в о́ р̓ ь ш и т. п. Эти формы легко и удобно объясняются подражаніемъ тѣмъ многочисленнымъ глаголамъ, гдѣ мы имѣемъ исконное *о*, перешедшее въ 1-мъ лицѣ въ *а*, напр. ј а н а ш у́—т ы н о́ с̓ ь ш. Объясненіе это само собой напрашивается и весьма естественно [1]).

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ р а з ш и р е н і е *е* въ *о*. Это разширеніе происходитъ п о д ъ у д а р е н і е м ъ, п е р е д ъ т в е р д ы м ъ с о г л а с н и к о м ъ. Мы имѣемъ выговоръ с̓ о́ л а при ед. ч. с̓ и л о́ и прилагательномъ с̓ е́ л̓ с к ъ й; подобнымъ же образомъ въ уменьшительномъ словѣ п т̓͡ш о́ л к а развился *о*, но основное для него п т̓͡ш̇ и л а́ не имѣетъ *о*, а представляетъ неявственное *и*; производное п т̓͡ш̇ е́ л̓ н̓ ь к опять таки *о* не имѣетъ. Подобнымъ же образомъ при существительномъ л̓ о́ т стоитъ производное л̓ е́ д̓ н̓ ь к, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ является е; основная форма будетъ **ледьникъ**. Мы уже видѣли раньше, что

[1]) Печатно оно было высказано Халанскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ I т. Русс. Филол. Вѣстн., и озаглавленной: «Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи».

точно такъ же, какъ передъ мягкими согласными, не происходитъ разширенія и передъ дифтонгомъ т͡с, хотя онъ и твердъ; какъ примѣръ на это я приводилъ слово а т ӓ͡т с (не а т о́ т с) и объяснилъ его тѣмъ, что въ старинномъ языкѣ т͡с было мягко и это спасло звукъ *е* отъ разширенія, впослѣдствіи же произошло разширеніе въ ӓ. На ряду съ дифтонгомъ т͡с стоятъ шипящіе *ж* и *ш* — они тоже встарину были мягкими, и мы ожидали бы, что они должны препятствовать разширенію, однако мы видимъ существительныя г р а б о́ ш, п а д о́ ш [1]), ј о́ ш. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы имѣемъ также разширеніе передъ окончаніемъ *ш*: ͐и д о́ ш. Это тѣмъ страннѣе, что дифтонгъ т͡с у великороссовъ рѣшительно отвердѣлъ, между тѣмъ какъ мягкіе шипящіе *ж* и *ш* продолжаютъ существовать въ областной рѣчи: естественно думать, что *ж* и *ш* отвердѣли позднѣе, чѣмъ т͡с, и если передъ т͡с разширенія не произошло, то тѣмъ болѣе его не должно бы быть передъ *ж* и *ш*. Въ виду этого я склоненъ считать *о* передъ шипящими не самороднымъ, а подражательнымъ. Что касается глагольныхъ формъ, то ихъ легко признать неорганичными и предположить подражаніе 2-го лица 3-му л. ед. ч. и 1-му мн.: ͐и д о́ т, ͐и д о́ м. Также и для существительныхъ п а д о́ ш, г р а б о́ ш, ј о́ ш мнѣ такое объясненіе кажется возможнымъ: колебанія въ родѣ с̓ и л о́—с̓ о́ л; в̓ и д у́, в̓ и л а́—в̓ о́ л были настолько привычны, что по ихъ образцу къ косвеннымъ падежамъ г р а б̓ и ж а́, п а д̓ и ж а́, ј и ж а́ и т. д. могли образовать новый именительный—г р а б̓ о́ ш, п а д̓ о́ ш, ј о́ ш. На это объясненіе нельзя возражать, что при такомъ вторичномъ появленіи *о* мы должны имѣть *о* и на мѣстѣ ѣ: должны бы говорить с м̓ о́ х; потому что тутъ всѣ падежи другъ друга поддерживаютъ, а въ нашихъ существительныхъ только именительный полагаетъ удареніе на *е*. Впрочемъ возраженіемъ можетъ служить слово г р ѣ х, имѣющее также наклонное удареніе [2]): г р ѣ х а́, г р ѣ х у́ и т. д.—

[1]) Грамматическій терминъ п а д ӓ ш представляетъ ӓ, объясняемое книжнымъ вліяніемъ.

[2]) Наклоннымъ удареніемъ (по Гроту) называется удареніе, падающее на падежныя окончанія, гдѣ они есть.

если къ родит. ј и ж á образованъ именит. ј о ш, то почему къ родит. г р̓ и х á не образованъ именит. г р̓ ó х? Но слово г р ѣ х могло находиться подъ охраной церковнаго употребленія. Однако для слова м ъ л а д̓ ó ш, род.-д̓ ó ж ы я объясненія не нахожу.

Законъ расширенія звука *е*, или перехода *е* въ *јо*, былъ указанъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ. Въ 1808-мъ году вышла книга Борна «Краткое руководство къ россійской словесности», въ которой Востоковъ помѣстилъ грамматическія замѣчанія о русскомъ языкѣ. Востоковъ выставилъ законъ, что превращеніе *е* въ *о* происходитъ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; и это принято за нимъ повторять. Но мнѣ думается, что въ исходѣ расширенія быть не должно, такъ какъ расширеніе есть слѣдствіе примѣненія къ слѣдующему согласному, а конечному звуку не къ чему примѣняться. Правда, законъ Востокова на первый взглядъ кажется вполнѣ вѣрнымъ: мы имѣемъ цѣлый рядъ существительныхъ на *о* вмѣсто древняго *е*, напр. слова б ы т̓ ј ó, к а п̓ ј ó, к а л̓ т͡с ó вмѣсто древнихъ **кытнѥ, копнѥ, кольцє**; такимъ же образомъ мы говоримъ х ъ р а ш ó вм. х о р о ш é и т. д. Однако въ областной рѣчи въ такихъ словахъ иногда встрѣчается *е*, напр. въ новгородскомъ разнорѣчіи сѣверо-великорусскаго говора формы х ъ р а ш ó, к а л̓ т͡с ó звучатъ х о р о ш é, к о л ь ц é [1]). Эти формы необходимо признать самородными, т. е. произошедшими фонетически— явиться путемъ подражанія онѣ не могли, такъ какъ заимствовать *е* было неоткуда. Съ другой стороны, формы на *о* легко могутъ быть подражательными: онѣ могли заимствовать *о* у словъ твердаго различія, какъ о к н ó, с е л ó, к р а с н ó. Нѣтъ впрочемъ необходимости указанныя явленія считать вполнѣ чуждыми звуковой подкладки. Дѣло въ томъ, что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; въ живой, связной рѣчи исходъ одного слова такъ тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующаго, что никакого исхода нѣтъ. Конечный гласникъ обыкновенно, значитъ, не есть дѣйствительно конечный, а имѣетъ за собой начальный звукъ слѣ-

[1]) Даль. О нарѣчіяхъ велико-русскаго языка. Толковый словарь изд. 2, стр. XLV.

дующаго слова. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ то явленіе, которое я назвалъ неорганичнымъ, признать отчасти органическимъ. Можетъ быть, наше к а л̑ т с ӧ развилось фонетически въ выраженіяхъ въ родѣ **кольце мое**, гдѣ *е* имѣетъ за собой твердый согласный; при обратномъ порядкѣ, **мое кольце**, *е* должно было сохраниться, точно такъ же и въ выраженіи **кольце его**, гдѣ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный. Такимъ образомъ мы скажемъ, что конечное *е* въ иныхъ случаяхъ фонетически измѣнялось въ *о*, въ другихъ сохранялось, но что подъ вліяніемъ словъ твердаго различія окончаніе *о* в о з о б л а д а л о и вытѣснило *е*. Указанныя соображенія уже изложены мною печатно въ статьѣ «Нѣкоторые вопросы славянской грамматики» (Ж. М. Н. Пр. 1888 года, мартъ), въ первомъ ея отдѣлѣ, написанномъ въ отвѣтъ Алексѣю Ивановичу Соболевскому на его разборъ русской части «Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ» Миклошича въ переводѣ Николая Шлякова, изданномъ подъ моей редакціей.

Отъ нашего звукового закона мы видимъ нѣкоторыя отступленія, которыя нуждаются въ оправданіи. Бываютъ, 1) отступленія, которыя можно объяснять книжнымъ вліяніемъ; таково, напр., слово к р̓ ä с т, которое должно бы звучать к р̓ о с т, и дѣйствительно въ народной рѣчи мы встрѣчаемъ выговоръ х р̓ о с т [1]. Подобное же *е* представляетъ вполнѣ книжное слово к л̑ и в р̓ ä т. 2) Въ другихъ словахъ мы сохраненіе звука *е* можемъ объяснять такимъ же образомъ, какъ передъ т͡с, т. е. позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Таково, напр., прилагательное с у д̓ ä б н ъ й, для котораго основная форма есть **сѫдьбьнъи**; таково прилаг. л̑ ä с н ъ й, основная форма **льстьнъи**. Таково же прилаг. у т͡ш ä б н ъ й, основ-

[1]) Чередованіе *к* и *х* въ этомъ словѣ восходитъ ко временамъ давнишнимъ. Я объясняю его себѣ вліяніемъ съ одной стороны греческаго названія Спасителя—Χριστός, а съ другой—романо-германскаго выговора Kristus вм. Christus. (Слово **крьстъ** выводятъ изъ имени Христа, причемъ переходъ значенія легко можно принять такой: Христосъ, затѣмъ распятіе, а потомъ всякій крестъ).

ная форма оутьбьнъи. Это слово иногда, однако, приходится слышать въ формѣ у̑т̑ш̑о́бнъй, причемъ форма у̑т̑ш̑а̑бнъй—органическая, а у̑т̑ш̑о́бнъй — вторичная. И существительное у̑т̑ше́б'ньк надѣляютъ иногда звукомъ *о*, т. е. говорятъ у̑т̑ш̑о́б'ньк. Подобный же выговоръ, какъ въ словѣ у̑т̑ш̑о́б'ньк, мы имѣемъ въ прилаг. т̀о́мнъй, основная форма тьмьнъи; мы органически ожидали бы здѣсь произношенія т̀а̑мнъй, которое дѣйствительно встрѣчается въ областной рѣчи: мы видимъ такое произношеніе этого прилагательнаго въ онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Въ такомъ соотношеніи, какъ у̑т̑ш̑а̑бнъй и у̑т̑ш̑о́бнъй, находится литературный выговоръ с̀м̑а̑ртнъй и простонародный с̀м̑о́ртнъй. Исключенія изъ нашего закона 3) являются еще въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ; мы видимъ такимъ образомъ ӓ, а не *о* въ словахъ н̀а̑друк, н̀а̑мът̑ш̑, н̀а̑дърс̀ьл̑ [1]). Такимъ же образомъ ӓ является въ предлогѣ б'а̑з, въ б'а̑зна, б'а̑стълът̑ш̑, въ выраженіи б'а̑згъду (напр. безъ году недѣля). Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя могутъ считаться книжными, напр. бездна, недругъ, но едва ли это можно сказать про всѣ, такъ что указанныя слова представляютъ большое затрудненіе. Для нихъ, вѣроятно, слѣдуетъ предполагать вторичное образованіе послѣ того, какъ расширеніе *е* уже совершилось, или же вторичный переносъ ударенія на отрицаніе и предлогъ. Исключенія, совершенно непонятныя, представляютъ существ. ш̑а̑ст и прилаг. ш̑т̑ш̑а̑дръй; отчего не шо́ст и не ш̑т̑ш̑о́дръй? [2]).

Кромѣ дѣйствительныхъ исключеній существуетъ немалое количество мнимыхъ — слова̀, въ которыхъ употребляютъ букву *е*, тогда какъ слѣдовало бы ставить *ѣ*, напр. блескъ, вредъ, членъ, мелкій, запретъ, опека—малор. опі́ка, ноч-

[1]) Срв. также нѣсколько ниже, подо мнимыми исключеніями.

[2]) Слово кърал'а̑ва можно, кажется, оправдать тѣмъ, что оно несовсѣмъ народное, и что на него вліяли кърал'вие́т̑ш̑ и кърал'а̑вна (*кралєвьна).

л е г ъ — малор. ночліг (ночліб, ночліба: родит. падежъ я привожу потому, что въ имснит. въ закрытомъ слогѣ *і* могло явится и на мѣстѣ нашего *е*), въ Лаврентьевскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи встрѣчается написаніе этого слова черезъ ѣ (Собол., Лекціи, стр. 56, во 2 изд. 64) [1]). Таково же отрицаніе н е въ словахъ: н е к о г д а, н е к о м у, въ составъ которыхъ вошла глагольная форма н ѣ, доселѣ употребляемая въ видѣ н ѣ т у, н ѣ т ъ, т. е. **нѣ тоу (нѣсть тоу)**. Потебня даже и пишетъ эти слова черезъ *ѣ*. Сюда же слѣдуетъ отнести такія выраженія, какъ нä был (**нѣсть былъ**), нä спал (**нѣсть съпалъ**), нäмълът (**нѣсть младъ**). Можетъ быть эта же глагольная форма н ѣ, смѣшиваемая съ отрицательной частицей н е, вызвала такія слова, какъ нéдругъ, нéмочь: недругъ можетъ быть приводимъ въ связь съ выраженіемъ **нѣсть дроугъ**, немочь—съ выраженіемъ н ѣ т ъ м о ч и.

Какъ съ одной стороны мы видимъ случаи сохраненія звука *е*, гдѣ ожидали бы расширенія, такъ съ другой стороны мы встрѣчаемъ *о*, гдѣ бы должно было сохраняться *е*. Въ этихъ случаяхъ надо видѣть подражаніе родственнымъ формамъ съ органическимъ расширеніемъ. Дѣйствительно, всѣ исключенія этого рода, указанныя Гротомъ, находятъ себѣ подобное объясненіе. Мы говоримъ, напр. т̓ о т̓ а, т̓ о т̓ ь н̓ к а, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ слышится *о*, но этотъ выговоръ находитъ оправданіе въ подражаніи формѣ т̓ о т к а, съ органическимъ расширеніемъ. Р у б л̓ о в̓ ъ к, вмѣсто ожидаемаго р у б л̓ е в̓ ъ к, очевидно, руководится своимъ первообразнымъ р у б л̓ о в ъ й. Подобнымъ же образомъ мѣстные падежи—(на) к л̓ о н̓ и, (на) т̑ ш ъ р н а з̓ о м̓ и—не имѣютъ фонетическаго права на звукъ *о*, но ничто не мѣшаетъ предположить самородный выговоръ к л̓ е н̓ и, т̑ ш ъ р н а з̓ е м̓ и, и выводить *о* изъ другихъ падежей, гдѣ за нимъ идутъ твердые согласные (к л̓ о н а, -у и т. д.). Подобнымъ же образомъ 2 л. мн. ч. в̓ и д̓ о т̓ и легко могло заимствовать *о* у другихъ лицъ, напр. у 1-го л. мн. ч., гдѣ форма в̓ и д̓ о м образована органически. Прилагат. з̓ и л̓ о н̓ ь н к ъ й

[1]) Сюда же относится уменьшительное имя к о л ы б е́ л о ч к а отъ к о л ы б е́ л ь, гдѣ наставка есть **ѣль**.

вмѣсто фонетическаго з̓ил̓е́н̓ьн̓къй образовано подъ давленіемъ органической формы з̓ил̓о́нъй. Подобнымъ же образомъ и слово л̓о́д̓н̓ьк (провинціализмъ вм. л̓е́д̓н̓ьк) заимствовало свое *о* отъ органической формы л̓о́т. Также существ. кърал̓о́т̓͡шьк руководствовалось формой кърал̓о́к. При этомъ становится понятна та двойственность, на которую обратилъ вниманіе Потебня, что передъ звукомъ т̓͡ш то является расширеніе, то нѣтъ, такъ что рядомъ съ кърал̓о́т̓͡шьк стоитъ уменьшительное отъ кал̓т͡со́—кал̓е́т̓͡шка: послѣднее сохранило органическій выговоръ, такъ какъ ему неоткуда было заимствовать расширеніе [1]). Подражательнымъ измѣненіемъ слѣдуетъ объяснять и тѣ случаи, въ которыхъ *ё* слышится на мѣстѣ древняго ѣ. Въ грамматикѣ приводятся слѣдующія слова, гдѣ буква *ѣ* должна читаться за *ё*: звѣзды, сѣдла, гнѣзда, цвѣлъ, пріобрѣлъ, надѣванный, позѣвывать. Къ причастію надѣванный можно прибавить однокоренное съ нимъ существ. поддѣвка.

Изъ указанныхъ исключеній нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрно сюда отнесены. Прежде всего слѣдуетъ опустить прошедшее время т͡св̓о л, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ староцерковномъ языкѣ есть **цвѣсти-цвьтѫ** (съ болѣе слабой огласовкой), и только существ. **цвѣтъ** имѣетъ ѣ; русскій ѣ въ написаніи глагола цвѣсти можетъ объясняться подражаніемъ на письмѣ существ. цвѣтъ. Впрочемъ, въ малорусской рѣчи существуетъ форма цвіту́. Но, хотя бы инфинитивъ цвѣсти, наст. цвѣту, имѣлъ ѣ (заимствованный въ такомъ случаѣ у существ. цвѣтъ), мы все же можемъ считать произношеніе т͡св̓ол отраженіемъ первоначальнаго **цвьлъ**.

[1]) Затрудненіе представляетъ слово т̓о́ш̓т̓ша. Впрочемъ этому слову слѣдовало бы звучать не т̓е́ш̓т̓ша, а тштша́ (вѣдь мужская форма этого имени, т̓ес̓т̓, встарину имѣла *е* бѣглое): д. б. *о* по акцентнымъ соображеніямъ (по извѣстнымъ образцамъ пчела—пчолы, жена—жоны) прежде всего вставилось во множ. ч., а потомъ уже, для устраненія необычнаго созвучія т̓ш̓т̓ш, вошло и въ единств. (Серб. та̋шта вм. *тшта просто заимствовало *а*-ъ у мужской формы та̂ст, родн. та̋ста).

Нѣсколько иного рода оговорку слѣдуетъ сдѣлать относительно слова с̓ о́ д л а. Слово с ѣ д л о въ староцерковномъ звучало сєдьло; значитъ, корень тутъ представляетъ не ту огласовку, что въ глаголѣ сѣсти. Надо однако, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ все-таки можно видѣть исключеніе изъ нашего закона: за звукомъ д слѣдовалъ ь, и подъ его вліяніемъ *д* было по-русски мягко и мягкость его должна была помѣшать расширенію звука *е*, и мы всетаки должны бы ожидать фонемы с̓ а̓ д л а. Впрочемъ и польскій языкъ расширяетъ здѣсь *е*, представляя выговоръ siodło. Вѣроятно, намъ утрату звука *ъ* и уподобленіе мягкаго *д* твердому *л* слѣдуетъ отнести къ довольно ранней порѣ, такъ что звукъ *д* былъ уже твердымъ въ то время, когда происходило расширеніе [1]).

Вмѣсто двухъ исключенныхъ нами примѣровъ, въ которыхъ мы признали *ѣ* плодомъ ошибочной ороографіи, мы можемъ прибавить одно слово, къ которомъ надо бы писать *ѣ*, а пишутъ *е*; это— в е д р о, мн. ч. вёдра (вѣдро, по-польски wiadro, а не wiodro).

Что касается объясненія дѣйствительныхъ исключеній указаннаго рода, то, конечно, надо видѣть въ нихъ подражаніе развившемуся въ другихъ словахъ органическому колебанію. Такъ, з в ѣ з д а развила форму з в ё з д ы по примѣру с е л о́—с ё л а, ж е н а́— ж о́ н ы.

Впрочемъ для слова п р і о б р ѣ л ъ можно подобрать иное объясненіе; можно думать, что глаголъ п р і о б р ѣ с т и въ народномъ сознаніи сблизился съ глаголомъ б р е с т и - б р е д у, и, какъ говорятъ «набрёл», «забрёл», такъ стали говорить «пріобрёл».

Изъ указанныхъ словъ иныя въ областной рѣчи (отчасти, и въ употребленіи образованныхъ людей) представляютъ формы органическія: такъ, многіе настаиваютъ на томъ что выговоръ з в̓ о́ з д ы есть провинціализмъ, неправильность, а надо говорить з в̓ а́ з д ы.

Къ нашимъ исключеніямъ, существующимъ въ литературной рѣчи, прибавлю еще нѣсколько изъ рѣчи областной.

[1]) Малорус. с і д л о́ я склоненъ выводить изъ с е д ь л о, какъ л і д изъ л е д ъ; хотя можно допустить также, что оно представляетъ примѣненіе (въ живой рѣчи, а не только на письмѣ) къ глаголу с і д і т и.

Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ можно указать не мало случаевъ, гдѣ вмѣсто *ѣ* употребляется *ё*; на нихъ я останавливаться не буду, отмѣчу только довольно распространенныя въ народѣ прошедшія глаголовъ побѣжать, прибѣжать, которыя соотвѣтствовали бы неокончательному бѣчь, — паб'ó к, п̓риб'ó к. Иного рода исключеніе, именно исключеніе мнимое, слѣдуетъ видѣть въ народномъ выговорѣ прошедшаго къ глаголу ослѣпнуть — ос л̓ óп; по-славянски этотъ глаголъ звучитъ—**ослыпнѫти**, элевое причастіе **ослыплъ**. Это, значитъ, такое же исключеніе, какъ тсв̓óл: *ѣ* внесенъ въ глаголъ изъ прилагат. слѣпой, а народная рѣчь осталась при старинѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ паб'óк и п̓риб'óк, получили *'о* двѣ формы, которыя должны бы имѣть *'а*; это—запр̓óк и тр̓óс къ запрячь и трясти. Вмѣсто запр̓áт̓ш (**ꙁапрѧшти**) мы говоримъ запр̓éт̓ш; очевидно, изъ большинства формъ, гдѣ, 'а не имѣетъ ударенія, внесли *е* и въ инфинитивъ, а потомъ въ прошедшемъ явилось *'о*—запр̓óк; точно такъ же вмѣсто тр̓áс появилось тр̓óс [1]). Гротъ рядомъ со словами тр̓óс и запр̓óк ставитъ также нарѣчіе тр̓ит̓óвъдн̓и вмѣсто третьяго дня; но тутъ мы имѣемъ замѣну *'а* черезъ *'о* только съ точки зрѣнія правописанія: русскимъ окончаніемъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ слѣдуетъ считать ово, а не аво. Это ово, которое ясно слышится въ первой своей части подъ удареніемъ (гн̓идóва), слѣдуетъ приписать и прилагательнымъ съ безударнымъ окончаніемъ (дóбрава); соотвѣтственно тому, при мягкомъ окончаніи — ево, такъ что нарѣчіе тр̓ит̓óвъдн̓и представляетъ правильное расширеніе *е*, а вовсе не превращеніе *а* въ *о*.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ расширеніе въ сѣверно-великорусской рѣчи, вопросъ трудный. Матеріалы объ этомъ (по большей части заимствованные у Колосова) можно найти у Богородицкаго въ его «Курсѣ грамматики русскаго языка», въ Рус. Фил. Вѣстн. XVII т. Повидимому, сѣверно-великорусская

[1]) Таково же д. б. и слово дёсны (см. мой Разборъ Этимологическаго словаря Миклошича. Дополненія, стр. 53=Р. Ф. В., т. XXI, стр. 217, а м. б. и стёганый, застёгивать, застёжка.

рѣчь представляетъ расширеніе *е* передъ твердыми согласниками въ ударяемомъ слогѣ (наравнѣ съ южно-великорусскою и литературною), да еще въ предударномъ, напр. с̓л̓оза́, в̓осна́, с̓остра́, р̓обро́, жона́, гор̓ова́т̓, п̓р̓ин̓осу́, зап̓орла́. Правда, расширеніе весьма нерѣдко и въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ, но въ нихъ его можно чуть ли ни всегда считать подражательнымъ: нпр. по́л̓о вм. по́л̓ä по образцу д̓а́ло, у́тро; бо́т̓ш̓ок по образцу ла́вок, н̓и́ток; бу́д̓от, ска́жот по образцу "ид̓о́т, н̓ес̓о́т. Кромѣ того въ связной рѣчи подобные случаи отчасти могутъ быть вызваны положеніемъ передъ ударяемымъ слогомъ слѣдующаго реченія: выраженія по́л̓о бра́тнино, ш̓е́ст̓ бо́т̓ш̓ок во́тки, он бу́д̓от в го́род̓ä представляютъ тѣ же звуковыя условія, какъ цѣльныя реченія с̓л̓оза́, гор̓ова́т̓. Склоняясь съ одной стороны ко мнѣнію, что расширеніе происходило лишь въ ударяемомъ и въ предударномъ слогѣ, я съ другой стороны считаю вѣроятнымъ, что первоначально расширеніе зависило исключительно отъ твердости слѣдующаго согласнаго[1], и что только впослѣдствіи появившееся здѣсь *ŏ*[2] при однихъ акцентныхъ условіяхъ развивалось въ *о*, а при другихъ опять переходило въ *е*: произнести здѣсь рѣшительный судъ трудно.

Въ малорусской рѣчи расширеніе происходитъ гораздо рѣже, чѣмъ въ великорусской: оно имѣетъ мѣсто послѣ шипящихъ. Такимъ образомъ изъ основныхъ шьлкъ, жьрло, жена, чело, человѣкъ выходитъ шовк, жо́втий, жона́, чоло́, чолові́к. Когда мы въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго *е* видимъ *о*, то слѣдуетъ думать, что *о* явилось не фонетически, а вслѣдствіе примѣненія однихъ формъ къ другимъ, напр. јого́ должно быть получило свое *о* отъ формы твердаго окончанія того́. Такъ же, какъ малорусское јого́, можно толковать и сѣверновеликорусское јово́, хотя въ этомъ нѣтъ надобности.

Расширенное *е*, какъ мы уже видѣли, существуетъ также въ языкѣ польскомъ. Нѣкоторыя польскія явленія могутъ служить

[1]) См. выше, стр. 19.

[2]) См. выше, стр. 3.

поучительной параллелью къ явленіямъ русскимъ. Мы отмѣтили, что сущ. к л̓ о н нѣкогда въ мѣстномъ падежѣ должно было произноситься (на) к л̓ е́ н̓ ä. Такъ какъ русская азбука первоначально не имѣла буквы ё (которою и теперь рѣдко пользуются), то по написанію памятниковъ трудно провѣрить, гдѣ было *е*, гдѣ *ё*, а кромѣ того форма (н а) к л̓ е́ н̓ ä намъ можетъ показаться странною. Но мы изъ польскаго языка видимъ, что подобныя формы могли существовать. Польскій языкъ встарину при именительныхъ żona и miód (род. miodu) въ мѣстномъ падежѣ имѣлъ żenie и miedzie, и только впослѣдствіи появился новопольскій выговоръ żonie и miodzie.

Польскій языкъ представляетъ также аналогію замѣнѣ ѣ через 'о: ѣ по-польски превращается въ однихъ случаяхъ въ ie, въ другихъ (передъ твердыми зубными: t, d, s, z и ł, да еще передъ r)—въ *ia*; но есть случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго *ia* появляется *io*; напр. къ слову pieśń уменьшительное должно бы звучать piaśnka или piasenka, въ дѣйствительности же мы находимъ выговоръ piosnka и piosenka: очевидно, здѣсь такое же подражаніе случаямъ органическаго расширенія *е*, какъ и въ русскомъ.

Окончивши обзоръ ударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, присоединю къ нему еще замѣчанія о нѣкоторыхъ тонкостяхъ произношенія, которыхъ мнѣ казалось неудобнымъ касаться ранѣе.

Какъ мягкость или твердость слѣдующаго согласника отражается на звукѣ *е*, дѣлая его то широкимъ, то узкимъ, такъ она отражается и на другихъ гласникахъ. Наблюденіе это было сдѣлано упомянутымъ выше акад. Бётлингомъ. Правда, Гротъ отвергъ мнѣніе Бётлинга, однако напрасно: хотя оттѣнки произношенія въ этомъ случаѣ гораздо тоньше, чѣмъ при звукѣ *е*, но они все-таки существуютъ. Если сопоставить нарѣчіе р а́ н а съ его сравнительную степенью р а́ н̓ ш ы, то оказывается, что во второмъ случаѣ *а* нѣсколько приближается къ *е*, т. е. что передъ твердымъ согласнымъ мы имѣемъ *а* ш и р о к о е, а передъ мягкимъ—у з к о е. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи существительныхъ х о́ р и х о́ р̓ (хорёкъ), оказывается, что *о* во второмъ случаѣ приближается къ *ö*. Точно такъ же мы имѣемъ двоякое *у*: сущ. п у т' отличается отъ сущ. п у́ т (п-у-д-ъ) не только мягкостью звука *т*, но также сравнительною узостью звука *у*, кото-

рый смахиваетъ на й. Мягкость или твердость слѣдующаго согласника естественно должна отражаться также на звукахъ *ы* и *и*: *ы* въ среднемъ родѣ ед. ч. б ы л а и во множ. ч. б ы л'и не совсѣмъ одинаковы. Такимъ образомъ мы должны предположить (хотя это слухомъ трудно уловить), что отмѣченные нами четыре оттѣнка, отъ самыхъ широкихъ *ы* до самаго узкаго *и*, каждый могутъ распадаться еще на два оттѣнка, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій согласникъ. Существованіе узкихъ *а*, *у*, *о*, *ы* можно провѣрить, если начать произносить слова и не договаривать ихъ, останавливаясь на наблюдаемомъ звукѣ: вслушиваясь, можно опредѣлить по началу словъ, предполагается ли твердое произношеніе или мягкое. Напр. по первому слогу *ба-* можно узнать, имѣлось ли въ виду сказать б á б а, б á л о в е н ь, вообще какое-нибудь слово со слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, или же какое-нибудь б á н я, б á с н я. Подобнымъ же образомъ по слогу д у- можно узнать, собирались ли сказать д ý - л а, или же д ý - л'и.

Суженіе гласнаго *а* въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ (напр. у Ярославцевъ, Вятчанъ, Олончанъ), когда звукъ *а* и сзади и спереди имѣетъ мягкій согласный, идетъ далѣе, такъ что *а* п р е в р а щ а е т с я въ *е*, напр. наше з'а т' звучитъ з'е т', п р'á н' ь к'и—п р'é н' ь к'и, г р'а с'—г р'е с'.

Суженіе есть явленіе весьма извѣстное въ нѣмецкомъ языкѣ: тамъ при ед. ч. Hand мы имѣемъ множ. Hände — старонѣмецкія формы были hant, henti; подобнымъ же образомъ имѣется прилагат. schön, старонѣмецкая форма котораго была skoni; имѣется глаголъ füllen, готская форма—fulljan. Принято говорить о вліяніи послѣдующаго i, j, но такое вліяніе одного звука черезъ другой не можетъ быть допущено, и слѣдуетъ думать, что здѣсь передъ i, j произошло умягченіе (въ извѣстной степени) согласнаго, а затѣмъ суженіе гласнаго передъ мягкимъ согласнымъ. Въ языкѣ русскомъ суженіе не пошло такъ далеко, какъ въ нѣмецкомъ, и *а*, *о*, *у* только приблизились къ *ä*, *ö*, *ü*, за исключеніемъ сѣверновеликорусскаго говора, въ которомъ мы видѣли полное суженіе *а* въ *е*.

Обратимся теперь къ гласнымъ б е з у д а р н ы м ъ. При отсутствіи ударенія русскіе гласные бываютъ неявственны: *а* и *о* въ

такомъ случаѣ совпадаютъ въ одномъ звукѣ, который болѣе или менѣе подходитъ къ *а*, но иногда бываетъ весьма неявственнымъ и смахиваетъ на *ы*. Совпаденіе звуковъ *а* и *о*, извѣстно подъ именемъ «аканья» и составляетъ особенность говора южновеликорусскаго и нарѣчія бѣлорусскаго, тогда какъ сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе сохраняютъ безударное *о* [1]. Употребленіе *о* вм. *а* явленіе отнюдь не исконное: нельзя никоимъ образомъ думать, вслѣдъ за Максимовичемъ, чтобы въ этомъ случаѣ южновеликорусская и бѣлорусская рѣчь была архаичнѣй сѣверновеликорусской и малорусской; однако же аканье довольно раннее явленіе—оно не новѣе XIV столѣтія.

Такъ какъ южновеликорусская рѣчь (вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная) превращаетъ безударное *о* въ *а*, то въ ней вовсе не должно бы быть *о* безударнаго; есть однако случаи, въ которыхъ слышится такое *о*, видимо утратившее удареніе лишь въ позднѣйшее время. Это такія слова, которыя въ однихъ случаяхъ имѣютъ до сихъ поръ удареніе на *о*, а въ другихъ становятся прислонками (энклитиками). Таково личное мѣстоименіе онъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ он бы́л, да ра́з̓ви та́м он?, во́т он. И средній родъ этого мѣстоименія, ано́, сохраняетъ свое *о*, когда становится энклитикой, напр. въ выраженіи ано вы́шла; таковъ же родительный пад. јиво́ въ выраженіи «на јиво м̓а́ст̓ä». Таковы еще мѣстоименія — указательное т̑от, то и относительныя хто, што, рядомъ съ которыми стоятъ вопросительныя хто́ што́, съ полнымъ удареніемъ; ихъ род. падежи: таво, каво; т̓͡шиво и мѣстные фтом, фком, фт̓͡шом. Таковы еще союзы: штобы, но, междометіе вот.

Утверждаютъ, что въ говорѣ сѣверно-великорусскомъ существуетъ явленіе обратное аканью, т. е. не только сохраняется безударное *о*, но даже происходитъ иногда превращеніе въ *о*

[1]) Однако не вездѣ окаютъ одинаково: ярославцы (впрочемъ м. б. не всѣ) произносятъ явственное *о* только въ предударномъ и въ конечномъ слогѣ, въ другихъ же слогахъ безударное *о* чуть-ли не совпадаетъ съ литературнымъ. На этотъ счетъ не сдѣлано еще достаточно точныхъ наблюденій.

безударнаго *а*. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ около тридцати словъ, представляющихъ-де такой переходъ; при томъ онъ замѣчаетъ, что *о* вмѣсто *а* появляется только въ отдѣльныхъ словахъ и нигдѣ не составляетъ правила. Почти постоянно слышится *о* въ одномъ лишь корнѣ роб вмѣсто раб, откуда глаголъ робить (также ро́бить), сущ. робо́та; да еще въ предлогѣ раз-, который почти постоянно является въ формѣ роз-. (Замѣчу, впрочемъ, насчетъ предлога раз-, что для архангельскаго разнорѣчія показанія Колосова не подтверждаются показаніями Подвысоцкаго. Въ «Словарѣ областнаго архангельскаго нарѣчія» Подвысоцкаго мы видимъ довольно часто предлогъ раз-, хотя нерѣдко встрѣчаемъ и роз-; также рядомъ съ глаголомъ р*о*бить мы тамъ находимъ р*а*бо́тать). Полагаю, что въ такъ называемый спорадическій переходъ звуковъ, т. е. въ фонетическое измѣненіе въ однихъ словахъ, тогда какъ въ другихъ тотъ же звукъ при тѣхъ же условіяхъ остается безъ перемѣны, вообще вѣрить не слѣдуетъ. И «переходъ» безударнаго *а* въ *о* отчасти оказывается мнимымъ. Такъ относительно предлога роз- слѣдуетъ сказать, что раз- въ литературномъ языкѣ едвали не есть просто искусственное правописаніе, явившееся подъ вліяніемъ староцерковнаго языка; вѣдь мы говоримъ ро́зыск, ро́звальни, ро́степель и т. д., и раз- подъ удареніемъ представляетъ только сущ. ра́зум, которое такъ звучитъ и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ; гдѣ, однако является прилагат. р*о*зу́мной. Кажется, существ. ра́зум нѣтъ надобности считать книжнымъ и предполагать, что настоящій русскій выговоръ его былъ бы ро́зум. Можно думать, что это одно слово сохранило предлогъ раз-, который, какъ разновидность къ роз-, долженъ былъ существовать еще въ общеславянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне сѣверозападные имѣютъ предлогъ роз-, а югозападные раз-; при томъ у Славянъ сѣверозападныхъ встрѣчаются слѣды предлога раз-, а именно у Словаковъ въ нѣсколькихъ словахъ является raz, напр. rázcesty (распутье: cesta—дорога). Можно думать, что сѣверновеликорусская рѣчь, представляя рядомъ существительное ра́зум и прилаг. р*о*зу́мной, сохранила даже первоначальное соотношеніе этихъ двухъ формъ — раз- какъ

форму ударяемую, а р о з - какъ безударную. Впослѣдствіи одни славянскіе языки провели вездѣ одну форму, другіе—другую; русскій языкъ предпочелъ р о з , но, какъ остатокъ старины, въ немъ сохранилось сущ. р á з у м. Но, какъ бы то ни было, сѣверновеликорусскій безударный предлогъ р о з - не представляетъ п е р е х о д а *а* в ъ *о*. Точно также нельзя видѣть подобнаго перехода въ глаголѣ р *о* б и́ т ь: и по-малорусски мы имѣемъ глаголъ р *о* б и́ т и, и по-польски мы видимъ robić; въ этомъ случаѣ и южные Славяне произносятъ *о* вмѣсто староцерковнаго **а**, напр. по-сербски р о б (рабъ, плѣнникъ) [1]. Подобнымъ же образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что слово р а к и т а правильнѣй было бы писать черезъ *о*—р *о* к и т а. Несомнѣнно уже, что слово п а р о м ъ слѣдовало бы писать п *о* р о м ъ, потому что оно, какъ видно изъ сербскаго п р ȁ м (родъ судна), представляетъ полногласіе. Если мы находимъ вмѣсто литературнаго п а л а т а областное п *о* л а т а, то это можетъ быть подведено подъ извѣстный обычай, распространенный во всѣхъ славянскихъ языкахъ—въ заимствованныхъ словахъ безударное *а* передавать черезъ *о*, напр. **сотона** изъ Σατανᾶς (такъ во всѣхъ старѣйшихъ текстахъ Евангелія); также изъ altare—**олътарь** (вм. чего и **алътарь**), по-польски ołtarz. Если мы встрѣчаемъ въ сѣверновеликорусской рѣчи выговоръ н а л *о* г á т ь вмѣсто н а л а г á т ь, то это конечно выговоръ вторичный: основная и староцерковная форма этого глагола есть **налагати**; **лагати**—многократный видъ къ глаголу **ложити**, въ многократномъ же видѣ коренное **о** усиливается въ **а**, напр. **кодити—каждати, мошти—магати**; но легко допустить, что въ глаголѣ н а л о г á т ь *о* замѣнило *а* въ угоду формѣ н а л *о* ж и́ т ь. То же самое происходитъ и въ литературномъ языкѣ, гдѣ въ глаголахъ многократнаго вида мы почти постоянно пишемъ *о* вмѣсто древняго *а*; очевидно, на письмѣ мы дѣлаемъ тоже самое, что сѣверные великороссы дѣлаютъ въ живой рѣчи.

[1] Извѣстно, что и въ одномъ староцерковномъ памятникѣ (въ Супрасльской рукописи) не разъ пишется р о б ъ вмѣсто р а б ъ; тамъ же нѣсколько разъ встрѣчается предлогъ р о з—однако это д. б. плодъ посторонняго вліянія.

Безударное *е* въ литературномъ произношеніи болѣе или менѣе совпадаетъ съ безударнымъ *и*. Вслѣдствіе этого совпаденія замѣчается колебаніе въ правописаніи: такъ уменьшительный суффиксъ -енька нерѣдко пишется черезъ *и* -инька, напр. Олинька, Катинька, Петинька; и наоборотъ вмѣсто окончанія -инскій иногда пишутъ -енскій, напр. Екатери-н*е*нскій (Екатерина — екатерининъ — екатерининскій). Впрочемъ говоръ южновеликорусскій и нарѣчіе бѣлорусское обыкновенно превращаютъ безударное *е* не въ *и*, а въ *а*, понятно, съ сохраненіемъ предшествующей мягкости. Такимъ образомъ вмѣсто литературнаго б’ьр̓игу́ мы встрѣчаемъ б’ир̓ав у́[1]; такимъ же образомъ прилагат. з’ьл̓ина́ является въ видѣ з’ил̓ана́, с̓истра́ въ видѣ с̓астра́. Естественно бы думать, что указанная двойственность—то расширеніе первоначальнаго звука *е* въ *а*, то суженіе его въ *и*,—находится въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, и соотвѣтствуетъ двойственности звука *е* ударяемаго. Однако, какъ выяснено Потебнею, этого не замѣчается: можно указать много случаевъ, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ слышится *и*; та́къ слово человѣкъ мы имѣемъ въ видѣ т̓ш*и*ла в’ак, а не т̓ш*а*лав’а к; также и н̓*и*ра́дъс̓т̓*и*н, гдѣ мы видимъ даже два случая *и* передъ твердымъ согласнымъ; наоборотъ глагольная форма веселю произносится в̓ис̓ал̓у́; подобнымъ же образомъ встрѣчается выговоръ ут̓е́р̓*а*м̓и съ *а* вмѣсто *и* передъ мягкимъ *м*. Потебня на основаніи этихъ явленій даже отвергаетъ двойственность ударяемаго *е* въ литературной рѣчи, на счетъ которой онъ, конечно, неправъ: существованіе узкаго и широкаго *е* подъ удареніемъ подлежать сомнѣнію не можетъ, но указанное Потебней явленіе южновеликорусской фонетики заставляетъ насъ сомнѣваться въ той связи, въ которую намъ хотѣлось бы поставить чередованіе безударныхъ *и* и *а* съ чередованіемъ ударяемыхъ *е* и *ä*. Нѣкоторыя исключенія, впрочемъ, находятъ себѣ естественное и простое объясненіе. Такъ, для объясненія выговора в̓ис̓*а*л̓у́, легко можно допустить, что само-

[1] Въ начальномъ слогѣ здѣсь м. б. и нѣтъ разницы отъ литературнаго произношенія; также и въ приводимомъ черезъ строку з’ил’ана́.

родная форма была бы в̓ и с̓ *и* л̓ у́, но что *а* идетъ здѣсь изъ прилагательнаго в̓ е́ с̓ а л, ср. р. в̓ е́ с̓ а л а, ж. р. в̓ и с̓ а л а́; выговоръ у т̓ е́ р̓ *а* м̓ и можно оправдать ссылкой на остальные падежи, гдѣ *е* стояло передъ твердымъ согласнымъ, напр. именит. т̓ е́ р̓ а м. Подобнымъ же образомъ слово н̓ *и* р а́ д а с̓ т̓ и н позволительно объяснять вліяніемъ такихъ словъ, какъ н̓ и р̓ а́ х а, гдѣ отрицаніе примыкаетъ къ мягкому согласному. Есть однако случаи, для которыхъ подобныхъ объясненій указать нельзя, напр. почему т̓п̓ *и* л а в̓ а̊ к, а не т̓ш̓ *а* л а в̓ а̊ к? Кажется, въ виду этихъ случаевъ приходится отказаться отъ сдѣланнаго предположенія.

Занимающій насъ вопросъ, по даннымъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, представленнымъ Х а л а н с к и м ъ (въ I книгѣ Рус. Фил. Вѣстн.), разобранъ Я г и ч е м ъ—въ V томѣ «Архива славянской филологіи» помѣщена статья Ягича, заглавіе которой по-русски можно передать такъ: «О перегласовкѣ гласныхъ *е*, *ѣ*, *ѧ* въ славянскихъ языкахъ»[1]. Ягичъ приблизительно подтверждаетъ законъ, указанный самимъ Халанскимъ во вводныхъ замѣчаніяхъ къ щигровскимъ пѣснямъ. Вотъ этотъ законъ: *а* является р я д о м ъ с ъ у д а р я е м ы м ъ с л о г о м ъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно за нимъ слѣдующемъ. Хотя въ подтвержденіе этого закона можно сослаться на отмѣченные уже примѣры, но приведу еще нѣкоторые, которые послужатъ къ нимъ дополненіемъ. Мы имѣемъ прилаг. м̓ а д о́ в а й; существ. б̓ а р̓ о́ з а, сущ. б̓ е́ р̓ а х. Примѣромъ на *и*, которое, значитъ, является въ слогахъ, не сосѣдящихъ съ ударяемыми, можетъ служить еще п̓ и л̓ а н а́.

Какая бы, спрашивается, могла быть причина появленія *а* изъ *е* въ слогахъ, сосѣдящихъ съ ударяемымъ? Можно бы предполагать, что тутъ не настоящее *а*, а глухой гласникъ съ предшествующей мягкостью—именно, легко допустить, что слогъ сосѣдній съ удареніемъ станетъ особенно слабымъ, и гласникъ его обратится въ глухой, неявственный. Впрочемъ, можно предположить и обратное—что слоги сосѣдніе съ ударяемымъ также имѣ-

[1] Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ě, ę in den slavischen Sprachen.

ютъ на себѣ нѣкоторое удареніе, отличаются большей силой, чѣмъ другіе, такъ что развитіе *и* въ другихъ слогахъ обусловливается большею глухостью. Первое предположеніе на первый взглядъ гораздо правдоподобнѣй, но мы сейчасъ увидимъ одно соображеніе, говорящее въ пользу второго толкованія, правда, только на половину—по скольку дѣло идетъ о слогѣ предударномъ.

Мы уже отмѣтили, что безударные слоги не всѣ отличаются одинаковой неявственностью. Для южновеликорусскаго говора Потебня старался опредѣлить, при какихъ условіяхъ безударные гласники звучатъ яснѣе, при какихъ глуше. То же самое для литературной рѣчи сдѣлалъ Богородицкій. Богородицкій изложилъ свой взглядъ во «Введеніи въ изученіе русскаго вокализма», помѣщенномъ въ VII томѣ Рус. Фил. Вѣстн., а затѣмъ подробнѣе въ разсужденіи: «Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ», напечатанномъ въ Казанскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1884-й годъ. Выводы Потебни и Богородицкаго, добытые независимо другъ отъ друга, оказываются почти тожественными. Изложу ихъ своими словами. Мы можемъ различать въ безударныхъ слогахъ выговоръ 1) довольно ясный; его мы находимъ въ слогѣ предударномъ, напримѣръ въ словахъ кр*а*са́, р*а*са́. Подобнымъ же образомъ въ глагольной формѣ п л̇ *и* т у́ мы на мѣстѣ древняго *е* имѣемъ довольно ясный звукъ; также повелит. глагола с̓ є т̓ ш̑ (сѣшти)—с̓ *и* к̓ и́ представляетъ довольно явственное *и* на мѣстѣ ѣ.

2) Мы находимъ выговоръ довольно глухой. Такой выговоръ свойственъ открытому конечному слогу, т. е. конечному слогу, кончающемуся на гласный звукъ. Значитъ, довольно глухимъ будетъ *а* въ какихъ-нибудь словахъ н̓ и́ в а, в ы́ д ъ т̓ ш̑ а; такой же звукъ мы видимъ въ концѣ существ. средняго рода на безударное *о*, напримѣръ т̓ а̊ л а, с л о́ в а. Подобнымъ же образомъ слышится довольно глухое *е* въ словѣ п о л̇ ӓ. (Впрочемъ, вмѣсто п о́ л̇ ӓ чаще говорятъ п о́ л̇ *а*, но такой выговоръ не слѣдуетъ объяснять фонетически, а подражаніемъ мягкаго различія твердому).

3) Существуетъ выговоръ весьма глухой. Выговоръ этотъ свойственъ всѣмъ слогамъ, кромѣ указанныхъ ранѣе—предударныхъ

и конечныхъ открытыхъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ весьма глухой выговоръ въ конечномъ закрытомъ слогѣ: напр. слово ла́пъṫ представляетъ на мѣстѣ *о* глухой звукъ, который я обозначилъ буквой *ъ* [1]; точно такой же звукъ на мѣстѣ древняго *а* представляетъ инфинитивъ ка́пъṫ. Глухой звукъ на мѣстѣ *а* мы видимъ также въ словѣ по́въp, съ которымъ сопоставимъ созвучное съ нимъ го́въp; сопоставимъ еще глагольную форму спо́р'ьм и существ. въ предложномъ соединеніи — смо́р'ьм. Теперь возмемъ примѣры на другіе слоги, т. е. на слоги предшествующіе ударяемому, но не прямо. Напр., въ глаголѣ пъл̇уб'и́ṫ предлогъ по звучитъ пъ, точно также предлогъ за въ сущ. зъбыṫјо́ является въ видѣ зъ; велительное б'ьр̇иѓи́ представляетъ въ первомъ слогѣ вмѣсто *е* глухой узкій — сравнимъ съ нимъ сущ. б'ьṫуѓи́, гдѣ тотъ же звукъ замѣняетъ *и* [2]). Еще нѣсколько примѣровъ: къл̇ъкала́, зъстръхава́ṫ, нъ пъхърана́х, п̇ьр̇ьв̇ис̇ṫи́, ⁱьс̇п̇ьн̇ил̇и́ṫ. Примѣры на слоги, слѣдующіе за ударяемымъ. Мы можемъ повторить здѣсь слово, служившее намъ примѣромъ на открытый конечный слогъ, слово вы́дъṫша, сравнить съ нимъ вы́бъры. Сравнимъ еще глагольныя формы второго лица множ. числа глаголовъ молоть и дѣлить: ме́л̇ьṫä (-ти) и д'е́л'ьт'ä (-ṫи). Подобнымъ же образомъ произносятъ: за́мъръс̇ки, су́тълъка, вы́гнъньйа, ска́зъньйа, пра́в̇ьд̇н̇ьтса, вы́д̇ьл̇ьṫä (-ṫи).

На то́, что не все́ безударные слоги одинаково слабы, еще до Богородицкаго и Потебни обратилъ вниманіе Гротъ, хотя онъ не разработалъ этого вопроса подробно, а выставилъ только общее положеніе и указалъ нѣкоторые примѣры. Замѣчаніе Грота было сдѣлано имъ въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи» Кайслера (Kayssler). Гротъ здѣсь говоритъ, что «не всѣ неударяемые слоги равны между собой по степени крат-

[1]) Здѣсь, значитъ, вторичнымъ образомъ приблизительно возстановился праславянскій ъ.

[2]) Однако, по первому пункту: он па*л*'у́б'ьт, з*а*бы́т', б'*и*р'е́т'ш̇, б'*и*т'у́к.

кости». Это положеніе Гротъ подтверждаетъ примѣрами, представляющими сопоставленіе слоговъ предударныхъ и поударныхъ; онъ подбираетъ случаи, въ которыхъ одинъ и тотъ же слогъ то предшествуетъ ударяемому слогу, то слѣдуетъ за нимъ, и указываетъ на то, что поударный слогъ одного слова не можетъ служить предударнымъ въ другомъ словѣ. Наиболѣе удачный примѣръ—слова̀ м ы́ ш к а и к а м ы́ ш; слогъ к а въ первомъ реченіи слишкомъ кратокъ, чтобы служить начальнымъ слогомъ реченія к а м ы ш. Это то же самое, что высказано Богородицкимъ и Потебней, именно, что слогъ предударный сильнѣй поударнаго. Гротъ предлагаетъ произнести нѣсколько разъ подъ рядъ: м ы ш к а — м ы ш ь и м ы ш ь—к а м ы ш ъ, причемъ должно обнаружиться указанное несоотвѣтствіе слоговъ конечныхъ и начальныхъ: если бы его не было, то оба выраженія должны бы совпасть. Еще такой же опытъ Гротъ предлагаетъ произвести надъ словами р а́ н о и н о р а́; т ё л к а и к о т ё л ъ, т о́ п о л ь и п а л ь т о́.

Мы отмѣтили, что предударный слогъ отличается большей силой сравнительно съ другими безударными. Это и есть то соображеніе, которое можно привести въ оправданіе своеобразной его огласовки въ южновеликорусскомъ говорѣ. Значитъ, разсматривая какое-нибудь слово п и л а н а́ изъ *п е л е н а́* можно сказать, что предударный слогъ потому пріобрѣлъ своеобразную огласовку, что онъ сильнѣе другихъ безударныхъ. Однако для слога поударнаго такого соображенія нѣтъ: онъ стоитъ на ряду со слогами безударными, и въ немъ не должно бы быть своеобразной огласовки. Бо́льшая сила предударнаго слога состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ получаетъ нѣкоторое второстепенное удареніе.

Второстепенное удареніе на предударномъ слогѣ едва ли не слѣдуетъ признать чертой древней, праславянской: въ такомъ случаѣ намъ легче понять то отношеніе, которое существуетъ между акцентовками русской и сербской. Сербскій языкъ представляетъ явленіе, которое я въ своемъ «Начертаніи славянской акцентологіи» назвалъ о т т я ж к о й, т. е. тамъ удареніе оттягивается на одинъ слогъ къ началу; такимъ образомъ русскому слову вода́ по-сербски соотвѣтствуетъ вȍда, русскому копы́то—кȍпито, русскому труби́ть—тру̏бити. Это весьма странное явленіе становится болѣе понятнымъ, если предположить, что предударный слогъ

издавна имѣлъ уже нѣкоторое удареніе. Въ сербскомъ языкѣ слова̀ оттяжечной акцентовки представляютъ удареніе двухсло́говое, т. е. кромѣ главнаго ударенія еще второстепенное на слѣдующемъ слогѣ, напр. во̀да̏—на первомъ слогѣ удареніе восходящее, на второмъ — нисходящее; подобнымъ же образомъ въ глаголѣ тру́би̏ти первый слогъ имѣетъ удареніе восходящее, второй—нисходящее. Мы, значитъ, можемъ говорить, что въ сербскомъ языкѣ прежнее главное удареніе сдѣлалось второстепеннымъ, а второстепенное стало главнымъ; это измѣненіе болѣе естественно, чѣмъ превращеніе ударяемаго слога въ безударный и пріобрѣтеніе ударенія слогомъ безударнымъ [1].

Не совсѣмъ я согласенъ съ Богородицкимъ насчетъ предударныхъ слоговъ со звукомъ *е*. Богородицкій утверждаетъ, что предударный слогъ настолько силенъ, что въ немъ существуютъ тѣ же оттѣнки, какъ въ слогѣ ударяемомъ, т. е. ӓ передъ твердыми согласными, и є передъ мягкими; также и Бётлингъ въ числѣ своихъ примѣровъ на двойственность звука *е* помѣщаетъ нѣкоторыя слова, гдѣ *е* стоитъ въ предударномъ слогѣ. Богородицкій глагольной формѣ плету́ приписываетъ ӓ, а формѣ плети́ — є. Тѣмъ болѣе Богородицкій въ этомъ случаѣ видитъ различіе между звуками *е* и *и*. По моему предударное *е* и предударное *и* совпадаютъ, какъ совпадаютъ предударныя *о* и *а*; какъ тѣ являются въ видѣ довольно яснаго *а*, такъ *е* и *и* звучатъ, какъ довольно ясное *и*. Сравнимъ глагольную форму наплету́ и выраженіе на плиту; сравнимъ существительныя предѣ́лъ и придѣ́лъ; пѣту́хъ и питу́хъ; родит. падежи вѣнца́ и винца́; пѣвца́ и пивца́; развела́сь и развила́сь; мнѣ кажется, что мы въ этихъ случаяхъ говоримъ безразлично: нъпл̑иту́, пр̑ида́л, питу́х, в̑интса́, п̑ифтса́, разв̑ила́с. Можетъ быть, однако, произношеніе колеблется, такъ что иные соблюдаютъ тѣ оттѣнки, которые усматриваетъ при указанныхъ условіяхъ Богородицкій; возможно при этомъ, что тутъ сказывается вліяніе письма. Богородицкій даже самъ въ нѣкоторыхъ

[1] О сербской акцентовкѣ говорится нѣсколько подробнѣе ниже, по поводу выставленной однимъ ученымъ (Потебнѣй) теоріи полногласія.

случаяхъ подозрѣваетъ себя въ подчиненіи книжному вліянію. Но ужъ положительно не правъ Богородицкій относительно *о* въ предударномъ слогѣ, которое будто бы только приближается къ *а*, но не совпадаетъ съ нимъ: множ. число къ слову в а л ъ—в а л ы́ отличается-де отъ множ. числа къ слову в о л ъ—в а̊ л ы́. Эти слова звучатъ одинаково, и при звуковомъ письмѣ, надо писать въ обоихъ случаяхъ в *а* л ы́. Сравнимъ еще мѣстоименіе с а м а́ съ родит. падежомъ сущ. с о м ъ—с о м а́; множ. число п а р ы́ и род. пад. сущ. пора́—п о р ы́; глаголы п о д р *а* ж а́ т ь и п о д р *о* ж а́ т ь; глагольную форму п о к о л о ч у́ и выраженіе по к а л а ч у́; сущ. о к о́ ш к о и выраженіе а к о́ ш к а [1]).

Кромѣ отмѣченныхъ нами главныхъ оттѣнковъ безударныхъ гласныхъ можно усмотрѣть еще нѣкоторые: иногда являются совсѣмъ неясные гласники, и гласный элементъ бываетъ столь слабъ, что можно говорить о с л о г о в ы х ъ с о г л а с н ы х ъ. По наблюденію Богородицкаго это бываетъ, когда гласный приходится между тожественными, или родственными звуками. Такъ напримѣръ въ указательномъ мѣстоименіи этотъ мы имѣемъ особенно неясный выговоръ ͥ а̊ т ъ т (обозначу его маленькимъ ъ); такой же звукъ является въ родительномъ падежѣ прил. н о в ы й—н о́ в ъ в а, въ дат. падежѣ множ. ч. существительнаго д а́ м а—д а́ м ъ м и въ творительномъ д а́ м ъ м̓ и. Совсѣмъ неявственный выговоръ представляютъ также косвенные падежи сущ. х о́ л ъ т—х о́ л ъ д а, х о́ л ъ д у, х о́ л ъ д ъ м, х о́ л ъ д̓ и. Подобнымъ же образомъ женское отчество отъ имени Я к о в ъ звучитъ обыкновенно Ј а́ к ъ в̓ н а. Богородицкій въ этихъ случаяхъ говоритъ о слоговыхъ согласныхъ, причомъ у него оказывается, что всѣ согласные при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть слоговыми. Сохраняя названіе «слоговые согласные», я считаю нужнымъ оговориться, что слоговыхъ согласныхъ, по моему мнѣнію, не суще-

[1]) Послѣдній примѣръ считаю особенно вѣскимъ, т. к. однажды произнесенное мною (безо всякой мысли о какой-либо фонетической теоріи) слово о к о ш к о было принято за два слова. Такое же наблюденіе мнѣ удалось сдѣлать надъ указанной выше фонемою р а з в̓ и л а́ с: одна дама (москвичка) говорила мнѣ, что ея знакомая развила́сь умственно, а я понялъ, что она развела́сь съ мужемъ.

ствуетъ, а существуютъ согласные, сопровождаемые минимальными гласными.

Иногда неявственность гласныхъ доходитъ еще до большей степени, а именно до полнаго ихъ изчезновенія: въ иныхъ случаяхъ гласные, сохраняясь на письмѣ, въ произношеніи пропадаютъ. Та́къ, слово городово́й произносится обыкновенно въ три слога гърдаво́й; слово на́бережная обыкновенно представляетъ не пять слоговъ, а только четыре: на́б'ьржнъйа. Подобнымъ же образомъ выраженіе въ парикѣ иной разъ можетъ звучать фпрй'ка; вмѣсто парикмахеръ говорятъ прикма́хьр [1]).

Теперь спрашивается, не примѣняется ли къ изложеннымъ нами особенностямъ безударныхъ слоговъ старинное изреченіе: «нѣтъ правила безъ исключенія»; изреченіе, противъ котораго мы въ настоящее время очень предубѣждены, такъ какъ мы не хотимъ признавать, что есть законы съ исключеніями, ни на чемъ не основанными. Кажется, изъ нашихъ законовъ относительно безударныхъ гласныхъ дѣйствительно нѣтъ настоящихъ исключеній, а замѣчается только то вліяніе книги, то вліяніе областныхъ говоровъ, то самаго способа говоренія: когда мы говоримъ съ разстановкой, то произношеніе будетъ явственнѣе, чѣмъ при скороговоркѣ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ исключеній можно подобрать особое оправданіе. Та́къ, мы имѣемъ выраженіе пошелъ!, въ которомъ слышится нерѣдко неявственный гласный, т. е. вмѣсто пашо́л! выговариваютъ пъшо́л! и даже пшо́л!, въ одинъ слогъ; вмѣсто пали́! командуютъ пли́! По Богородицкому и Потебнѣ здѣсь въ предударномъ слогѣ *а* должно быть довольно явственно; оправданіемъ же его неявственности служитъ междометный характеръ этихъ словъ. Дѣйствительно, пашо́л употребленное какъ прошедшее время представляетъ *а* довольно ясное.

Своеобразному измѣненію подвергается безударное *а*, когда ему предшествуетъ мягкость: оно совпадаетъ со звукомъ *е*, отчасти, значитъ и съ *и*. Возьмемъ напр. прилагательное м̓а́въ к въ женкомъ родѣ, это будетъ м̓ихка́; съ формой м̓ихка́ сравнимъ

[1]) Въ такомъ видѣ («Къ прикмахеру») это слово встрѣчается у Грибоѣдова—Горе отъ ума, Дѣйствіе III, явленіе 2.

женскій родъ прилагательнаго ӓ̓ ó б ъ к—ӓ̓ и х к á; сравнимъ далѣе существительныя ј и д р ó и в̓ и д р ó; сопоставимъ еще настоящее время глаголовъ п р я с т ь и п р и д т и,. которые совпадаютъ въ одной фонемѣ п р̓ и д у́; то же самое у глаголовъ с п и с а т ь и с п ѣ ш и т ь—с п̓ и ш у́. Можетъ быть, однако, выговоръ въ этихъ случаяхъ колеблется. Богородицкій въ своихъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ произношеніемъ отмѣчаетъ выговоръ р̓ а б о́ й, согласно, значитъ, съ письмомъ; также п̓ а т̓ и́ отъ п̓ а т̓. Самъ врочемъ Богородицкій дѣлаетъ при томъ оговорку, что это чуть-ли не книжное вліяніе, и что онъ, хотя и произноситъ п̓ а т̓ и́, съ другой стороны отъ числительнаго д̓ é с̓ ь т̓ образуетъ д̓ ь с̓ и т̓ и́. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально принадлежавшихъ къ мягкимъ, въ настоящее время, вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ отвердѣнія, мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, напр. слово, которое пишется ж а р а, произносится ж ы р á (и); слово, которое пишется ш а р ы, звучитъ ш ы р ы́ (и). Послѣ согласнаго дифтонга т͡ш и согласнаго трифтонга ш͡т͡ш гласный звукъ менѣе широкъ, т. е. слышатся не узкія *ы*, а широкое *и*; сравнимъ выраженіе н а ч е л ó и глагольную форму н а ч а л ó, то и другое въ фонетической транскрипціи можно передать такимъ образомъ: н ъ т͡ш и л ó или н ъ т͡ш и л ó (ы).

Одинаковую судьбу съ безударнымъ *а* послѣ мягкости, конечно, должно бы имѣть также б е з у д а р н о е *о*; однако сочетанія *о* съ *ј* и другими мягкими согласными русскій языкъ не могъ унаслѣдовать отъ общеславянскаго языка: въ общеславянскомъ *о* въ такомъ положеніи превращалось въ *е*. Рядомъ съ какимъ-нибудь словомъ с е л о возникло к о п ь ј е вмѣсто к о п ь ј о. Есть, однако, несомнѣнные случаи измѣненія *ё* безударнаго въ словахъ пришлыхъ, въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; та́къ мѣсто для водосвятія называется ј и р д á н̓ [1]). (Конечно, *о* сначала перешло въ *е*, а потомъ уже *е* сблизилось съ *и*). Подобнымъ же

[1]) Слово это, несомнѣнно, происходитъ отъ названія рѣки І о р д а н а. Послѣднее названіе въ непринужденномъ произношеніи само звучитъ не (и) И о р д á н, а Ј и р д á н.

образомъ имя Иванъ въ своей книжной формѣ Іоаннъ при непринужденномъ выговорѣ превращается въ Јиа́н (2 слога вмѣсто 3-хъ); изъ имени Іовъ еще встарину сдѣлали Иевъ, отсюда—фамилія Іевлевъ, фонетическая транскрипція которой будетъ Йиьвлъф. Въ словахъ туземныхъ, по сказанному ранѣе, мы не должны бы ожидать перехода *о* въ *е*, а далѣе въ *и*; однако, кажется, такой переходъ все-таки имѣетъ мѣсто. Соболевскій въ статьѣ «Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ», помѣщенной въ XII томѣ Русскаго Филолог. Вѣстника, указываетъ нѣкоторыя данныя въ пользу того, что южновеликорусское и бѣлорусское превращеніе безударнаго *е* въ *а* не произошло непосредственно, а что между ними лежала переходная ступень *о*. Оказывается, что не только въ сѣверновеликорусскихъ, но и въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ встрѣчается употребленіе буквы *о* послѣ шипящихъ, т. е. написанія въ родѣ ч*о*лобитье, наш*о*му вмѣсто ч*е*лобитье, наш*е*му, на основаніи которыхъ Соболевскій и утверждаетъ, что какое-нибудь т̓ш*а*тыр̓и не восходитъ прямо къ ч*е*тыри, а предполагаетъ переходную ступень ч*о*тыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что та́къ было и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. что теперешнее с̓ало́ не прямо примыкаетъ къ старѣйшей русской и праславянской фонемѣ с̓ӓло́, но что по-русски с̓ӓло́ сначало дало с̓оло́, уцѣлѣвшее у сѣверныхъ великороссовъ, а уже потомъ явился выговоръ с̓ало́. Если это такъ, то мы въ русскомъ языкѣ и въ туземныхъ словахъ имѣемъ случаи превращенія *о* въ *и* при посредствѣ *е*: с̓ӓло́—с̓оло́—с̓ӓло́—с̓ело́—с̓ило́.

Мы поговорили такимъ образомъ о безударныхъ *а*, о, *е*; объ остальныхъ безударныхъ гласникахъ распространяться нечего. Гласника *и* я коснулся въ связи съ *е* и отмѣтилъ, что при отсутствіи ударенія эти два звука совпадаютъ. Прибавлю только, что безударное *и* иногда переходитъ въ легкій іотъ; вмѣсто не иду́ является нейду (н̓ийду́), вмѣсто не име́тъ—нейме́тъ (н̓иймо́т). Особенно часто мы это видимъ у Малороссовъ; тамъ можно, кажется, выставить звуковой законъ, что зачинное *и* становится неслоговымъ и потомъ отпадаетъ; вмѣсто иго́лка у Малороссовъ во́лка; великорусскому игра́ть соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ бра́ти; предлогъ из превращает-

ся въ *з*: при великорусскомъ ᴵᴵи з в̆ ӑ с н а мы имѣемъ малорусское з в̆ и́ с н о; при великорусскомъ ᴵᴵи з д̓ е́ р̓ ь в а стоитъ малорусское з д е́ р е в а. Сюда же я отношу превращеніе *и* въ *й* внутри слова и въ изглашеніи, т. е. такія формы, какъ велительное наклоненіе з н а й, з н а й т е: хотя бы, какъ иные утверждаютъ, тутъ *и* было неслоговымъ уже въ староцерковномъ языкѣ, но въ праславянскомъ оно едвали было таковымъ.

Превращеніе слогового і въ неслоговое слѣдуетъ видѣть и въ существительномъ јийтсо́, основная форма ꙗице. Можно бы, однако, подумать, что й тутъ сохранился отъ старины, и произошло выпаденіе звука ь, такъ какъ древнѣйшая праславянская форма была јайьтсе́ — вѣдь уменьшительный суффиксъ есть ьце [1]), и только впослѣдствіи йь дало й. Но противъ этого рѣшительно говорятъ род. множ. числа ј и й и т с и уменьшительное (первоначально уменьшительное второй степени) ј и й и т ш к а: если бы въ основаніи нашего ј и й т с о́ лежало ј а й ь ц е́, то мы говорили бы ј а й ӑ т с и ј а й ӗ т ш к а. (Такія формы дѣйствительно существуютъ, но только какъ областныя, и ихъ легко признать вторичными: онѣ замѣнили бѣглое *и* обыкновеннымъ бѣглымъ гласнымъ *е*).

У т р а т у безударнаго *и* п о с л ѣ с о г л а с н ы х ъ мы имѣемъ въ инфинитивѣ и въ велительномъ наклоненіи ед. числа, напр. с т а́ т̆ вмѣсто с т а́ т и, с т а н̆ вмѣсто с т а́ н и. Явленіе это повторяется во всѣхъ ново-славянскихъ языкахъ.

Что касается безударнаго *у* и безударныхъ *ы*, то они мало отличаются отъ ударяемыхъ; они и при отсутствіи ударенія довольно явственны. Впрочемъ, второй изъ нихъ, *ы*, какъ мы уже раньше видѣли, иногда совпадаетъ съ безударными *а* и *о*: *а* и *о* при самомъ глухомъ выговорѣ приближаются къ *ы*.

Къ обзору гласныхъ звуковъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ состояніи, къ которому я присоединилъ только немногочисленныя справки насчетъ ихъ происхожденія, слѣдуетъ прибавить теперь

[1]) «Яйцо» первоначально было уменьшительнымъ къ утраченному въ русскомъ языкѣ ꙗѥ.

нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ мы будемъ идти инымъ путемъ: будемъ исходить отъ основныхъ праславянскихъ звуковъ. Прежде всего я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія насчетъ глухихъ гласныхъ.

Я отмѣтилъ уже утрату глухихъ въ русскомъ языкѣ и переходъ ихъ съ одной стороны въ *о* и *е*, которыя, конечно, впослѣдствіи могли подвергнуться вторичнымъ измѣненіямъ; съ другой стороны я отмѣтилъ ихъ выпаденіе, при коемъ ь оставлялъ по себѣ мягкость; далѣе я также отмѣтилъ, что, какъ слѣдъ глухихъ, въ языкѣ сохранилась бѣглость ихъ замѣнителей. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать добавленіе, что въ языкѣ существуетъ также неорганичная, вторичная бѣглость: по образцу бѣглости звуковъ *о* и *е*, развившихся изъ глухихъ, сдѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглыми *о* и *е* исконныя. Такъ мы говоримъ р о ф, въ родит. р в а, основная форма была **рокъ, рока**; говоримъ л̑ о т, л̑ д у (л̑ д а), основная форма **ледъ, леда**; говоримъ к а́ м̑ ь н̑, род. к а́ м̑ н̑ а, староцерковная же форма была **камы, камене**, а не **камне**; точно также—к о́ р̑ ь н̑, к о́ р̑ н̑ а вм. **корѧ, корене**; къ имен. п̑ е́ п̑ ь л мы образуемъ родит. п̑ а̑ п л а, основная же форма была **пепелъ, пепела**. Подобнымъ же образомъ замѣчается бѣглость въ нѣкоторыхъ словахъ, представляющихъ иную огласовку; такъ мы находимъ ее въ словѣ п ъ т а л о́ к, род. п ъ т а л к а́, гдѣ бѣглое *о* составляетъ часть полногласія: т о л о к есть другой видъ корня т о л к, равнаго староцерк. **тльк** (**тлькѫ-тлѣшти**—т о л к у́, т о л о́ ч ь) и по староцерковному п ъ т а л о́ к было бы **потлакъ**. Въ двухъ словахъ мы видимъ бѣглость гласнаго, происшедшаго изъ **ѧ**, это слова з а я ц ъ и к о л о д е з ь, въ фонетической транскрипціи: з а́ й ь т͡с, род. за́йт͡са, калóд̑ьт͡с, род. калóт͡тсса [1]), старо-церковныя формы **ȥаѧць,-ѧца** и **кладѧѕь,-ѧѕа**. Первая изъ этихъ формъ сохранилась въ русскомъ правописаніи—въ начертаніи *заяцъ*; вторая—въ написаніи *колодезь*, гдѣ однако вмѣсто *я* ставятъ *е*.

Вторичную бѣглость гласныхъ мы можемъ видѣть и въ словахъ пришлыхъ, по крайней мѣрѣ, есть одно заимствованное слово, которое допускаетъ выпущеніе звука *е*, это—и г у м е н ъ, греч. ἡγούμενος: вмѣсто родит. и г у м е н а образуютъ также и г у м н а.

[1]) Знакомъ т͡тсс я обозначаю усиленный видъ звука т͡с.

Въ случаяхъ неорганичной бѣглости мы нерѣдко въ народной рѣчи встрѣчаемъ формы органическія (самородныя). Такъ, въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ вмѣсто литературнаго р о в ъ, р в а существуетъ р о в, р о́ в а, вмѣсто і о т, і́ д у мы у Малоруссовъ находимъ і и д, і е́ д у или і о́ д у. Подобнымъ же образомъ слово к а́ м ь н, к а́ м н а мы видимъ въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ въ формѣ к а́ м е н,-е н а, и по-малорусски подобнымъ же образомъ—к а́ м и н, род. к а́ м е н а. Слово п ъ т а л о́ к въ областной рѣчи тоже является съ постояннымъ *о*: въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ употребляется п о т о л о́ к, род. п о т о л о́ к а; это встрѣчается и въ извѣстномъ выраженіи: «руки въ бо́ки, глаза въ потоло́ки», гдѣ рифма спасла органическую форму.

Для нѣкоторыхъ изъ словъ съ подражательной бѣглостью легко указать частную причину ея появленія: въ словѣ п ъ т а л о́ к усмотрѣли суффиксъ *ок*, происшедшій изъ -ъкъ, и какъ говорятъ п а л о́ к-п а л к а́, с а д о́ к-с а т к а́, с а в о́ к-с а ф к а́, такъ стали говорить и п ъ т а л о́ к-п ъ т а л к а́. Очевидно также, что слово з а я ц ъ вмѣсто необычнаго окончанія я ц пріобрѣло ходячій суффиксъ ец, изъ первоначальнаго ьць, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣглость звука *е*. Правописаніе наше въ этомъ случаѣ поступаетъ весьма странно и непослѣдовательно: уже прот. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ» совершенно вѣрно замѣчаетъ, что разъ мы пишемъ въ родит. падежѣ й, то не слѣдовало бы писать въ именит. пад. я: надо бы писать или заяцъ, заяца или заецъ, зайца. И слово к а л о́ д ь т с, представляетъ суффиксъ ец въ замѣну древняг суффикса -ѧзь, т.-е. пріобрѣло вмѣсто рѣдкаго окончанія болѣе обычное. Правописаніе однако не признаётъ этого измѣненія: оно упорно держится стариннаго окончанія, слегка исказивъ его въ езь. Форма к о л о д *е ц* ъ,-*д ц* а рѣшительно господствуетъ въ живой рѣчи (слышится, правда, и к а л о́ д ь с, к а л о́ д ь з а, но чуть ли ни подъ вліяніемъ письма [1]). Форму колодецъ можно указать даже въ литературѣ: употребляетъ ее Пушкинъ въ одной изъ своихъ поэмъ, рифмуя слово к о л о д *е ц* ъ на и н о х о д е ц ъ и х о р о в о д е ц ъ («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XIV). Также у

[1]) Впрочемъ, по устному сообщенію одного туляка, такое произношеніе въ Тульской губерніи народное.

Фета, въ стихотвореніи «Я люблю его жарко» встрѣчается выраженіе «Онъ бадья при колодцѣ пустынь». Напротивъ того въ одной народной пѣснѣ (Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа», книга III, Русскія народныя пѣсни, стр. 214) поется: «У коло́дезя, у студёнова». Вторичная бѣглость попадается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Та́къ, наши заяцъ, зайца и камень, камня повторяются въ языкѣ Словенскомъ: zajec, zajca; kamen, kamna.

Въ противуположность подражательной бѣглости, въ русскомъ языкѣ встрѣчается также подражательная постоянность: мы видимъ иногда *о* и *е* тамъ, гдѣ прежде были ъ и ь, и гдѣ эти послѣдніе должны были онѣмѣть. Колосовъ изъ сѣверновеликорусской рѣчи приводитъ глаголъ местить вмѣсто мстить, прил. рожаной, вм. ржаной, левы вмѣсто львы. Весьма распространено въ народной рѣчи склоненіе рот, ро́та вмѣсто рта и т. д., напр. «в роту́» вмѣсто литературнаго «во рту́». Уменшительныя же имена ро́тик и рото́к даже по литературному представляютъ *о* (*а*) вмѣсто отсутствія гласнаго: органически было бы ртик и рток (род. ротка́). Подобное же слово есть пу́говица, которое собственно должно бы звучать пу́гвица; основная форма его **пѫгы, пѫгъве, пѫгъвица**. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ областной рѣчи, въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ, въ Архангельской, Вологодской губерніяхъ, ожидаемую фонему пу́гвица. Очевидно, литературное пу́говица явилось подъ вліяніемъ уменьшительнаго пу́говка, гдѣ произошло органическое поясненіе: основное **пѫгъвъка**. Еще отмѣтимъ постоянность звука *е* въ суффиксѣ ец, когда передъ нимъ стоитъ нѣсколько согласныхъ, напр. черне́цъ, -еца́, мертве́цъ, -еца́. Эти слова въ малорусской рѣчи являются въ органической формѣ, облегченныя посредствомъ выпуска согласнаго, напримѣръ, тшерне́тс, тшертса́ или тшентса́; мертве́тс, мертса́. Подобнымъ же образомъ Малороссы къ слову корне́тс (горшокъ) образуютъ род. кортса́. У словъ на -ец мы имѣемъ еще нѣкоторую неправильность насчетъ поясненія глухихъ: иногда, повидимому, поясняется тотъ глухой, который долженъ былъ онѣмѣть, напр. при именит. жнецъ, основная форма—**жьньць**, имѣется родит.

жнеца, а должно бы быть женца, что и видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи: жнéтс̑, жентс̑á, также швéтс̑ (сапожникъ), род. шевтс̑á, основная форма шьвьць. Да и областная великорусская рѣчь знаетъ подобныя формы; такъ отмѣченъ выговоръ женéц, женцá — изъ этихъ формъ вторая самородная, а первая заимствовала свое *е* изъ косвенныхъ падежей (женéц вм. жнец). Вообще, всѣ указанныя отступленія отъ правила бѣглости объясняются подражательнымъ измѣненіемъ. Наши родительные жнецá, жрецá и т. д., очевидно, основаны на именительныхъ жрецъ, жнецъ и т. п. Какое-нибудь «в роту́» вмѣсто «во рту́», разумѣется, заимствовало свое *о* у именительно-винит. рот; прилагательное рожаной взяло свое *о* у существительнаго рожь; глаголъ местить заимствовалъ *е* у существительнаго месть (которое и само вторичнымъ образомъ провело *е* по всѣмъ падежамъ — род. долженъ бы быть мсти); уменьшительное ротик исходитъ отъ именительно-винительнаго падежа рот; ротóк могло позаимствоваться у косвенныхъ падежей роткá, ротку́ [1]). При этомъ подражательномъ измѣненіи имѣло значеніе неудобство нѣкоторыхъ согласныхъ группъ, напр. зачинныхъ созвучій рт, рж, мст, благопріятствовавшее примѣненію къ такимъ формамъ, которыя представляли вполнѣ удобныя созвучія р-о-т, р-о-ж, м-е-с-т.

Остановимся теперь на вопросѣ, давно ли въ русскомъ языкѣ утратились глухіе гласные. Между русскими учеными довольно прочно установился взглядъ, что въ старину въ русскомъ языкѣ существовали глухіе, что они только въ историческое время отчасти перешли въ чистые, отчасти онѣмѣли. Въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Буслаевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, Потебня, Колосовъ. *Срезневскій* въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» утверждаетъ, что утрата глухихъ поздняя. «Еще въ XIV столѣтіи соотвѣтствующія буквы употреблялись-де довольно правильно, хотя и въ XIII встрѣчаются явные слѣды уклоненія отъ нихъ народнаго выговора». Выраженіе это,

[1]) Точно также какъ ротóк образовано и кашелёк вм. кашлёк отъ кáшель-кáшля.

какъ часто бываетъ у Срезневскаго, нѣсколько неясно и неопредѣленно, но несомнѣнно, что онъ признавалъ въ русскомъ языкѣ существованіе глухихъ гласныхъ. Взглядъ его повторилъ Петръ Лавровскій въ «Изслѣдованіи о языкѣ сѣверно-великорусскихъ лѣтописей». *Потебня* склоненъ былъ предположить весьма продолжительное существованіе глухихъ. Та́къ, онъ даже въ памятникахъ XVI вѣка, а именно южнорусскихъ, волынскихъ, усматриваетъ слѣды глухихъ, но это слѣды очень своеобразные. Слѣдъ глухого Потебня усмотрѣлъ, напримѣръ, въ написаніи чернъгородцкій; здѣсь ъ стоитъ на мѣстѣ исконнаго *о*, и это очевидно только архаизующее правописаніе. Еще ме́ньшую цѣну имѣетъ другой случай — написаніе **гридоүню** вм. **гридьню**. (**Гридни, гридница**—производное отъ **гридь, гриднинъ** слуга, придворный). Писецъ, произнося узкій глухой, похожій на *і, е*, пожалуй еще могъ написать, вмѣсто **ь**, **и**, **є**, или даже **ѣ**, но чтобы вмѣсто **ь** можно было употребить **оү**, это дѣло немыслимое. Впрочемъ, хотя Потебня готовъ вѣрить въ продолжительное сохраненіе внутреннихъ глухихъ, онъ полагаетъ, что конечные глухіе въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ потеряны ранѣе, уже въ XII в., или около того. Напротивъ того, въ сѣверновеликорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ новгородскомъ нарѣчіи, они де еще въ XII вѣкѣ продолжали существовать.

Очень рѣшительно насчетъ существованія въ старорусскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ высказался *Колосовъ*—по его словамъ гласность ъ и ь въ старинномъ русскомъ языкѣ есть прочно установленный научный фактъ.

Утвержденіе, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣкогда особые звуки ъ и ь, мы находимъ также у *Буслаева* въ его «Исторической грамматикѣ». Только онъ нѣсколько иначе представляетъ себѣ самые звуки. Онъ говоритъ, что русскій ъ былъ ничто иное, какъ ŏ, тогда какъ основное *о* было ō; русскій ь равнялся ĕ, а основное *е*—ē. Мнѣніе это основано на невѣрномъ положеніи, будто бы *о* и *е* происходятъ изъ двугласныхъ; извѣстно, что *о* и *е* образовались такимъ образомъ у древнихъ Индусовъ, но славянскіе **о** и **є** иного происхожденія и соотвѣтствуютъ греч. ο и ε. Кромѣ того мы, на основаніи славянскихъ языковъ знающихъ количество гласныхъ, можемъ напротивъ того думать, что, если въ общеславянской рѣчи

существовали долгота и краткость, то *о* и *е* были именно краткими. Какъ у Чеховъ, такъ и у Сербовъ *о* и *е* рѣдко бываютъ долгими, если же является долгота, то она явно вторичнаго происхожденія. Мы имѣемъ по-сербски напр., Б о̄ г, но родит. Б о̆ г а; по-чешски Bŭh, старочешское Bóh, род. Boha. Подобнымъ же образомъ по-сербски — л е̄ д, но род. л ӗ д а, по-чешски мы видимъ инфинитивъ nésti, но настоящее къ нему nesu, а у Сербовъ нѐсти, нѐсе̄м съ ĕ. Слова Бо̄г, Bŭh, ле̄д представляютъ продленіе въ закрытомъ слогѣ, и долгота здѣсь вторичная.

Утвержденіе, будто *о* и *е* въ славянскомъ восходятъ къ двугласнымъ, было повторено въ послѣднее время *Житецкимъ*, въ его «Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».

Въ противуположность русскимъ ученымъ *Миклошичъ*, къ которому примыкаютъ изъ русскихъ *Билярскій* [1]) и только что упомянутый *Житецкій*, склоненъ отрицать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Также *Соболевскій* (Лекціи, стр. 45, во 2 изд. 48) отрицаетъ существованіе глухихъ въ историческую пору, хотя (на мой взглядъ безъ надобности) предполагаетъ ихъ для болѣе ранняго времени. Впрочемъ, Миклошичъ дѣлаетъ оговорку, что доказать отсутствіе звуковъ ъ и ь въ Русскомъ языкѣ нелегко, вслѣдствіе того, что буквы ъ и ь въ значеніи гласныхъ несомнѣнно употреблялись въ старинномъ языкѣ, хотя употреблялись вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ. По моему, именно такъ и слѣдуетъ думать. Русскимъ писцамъ не трудно было отличать ъ и ь отъ **о** и є: они могли руководствоваться безсознательно (или даже сознательно), простымъ правиломъ, что посредствомъ ъ и ь изображаются *о* и *е* бѣглые. Исключеній изъ этого правила и въ настоящее время очень немного, а первоначально, вѣроятно, ихъ вовсе не было. Если бы намъ теперь вздумалось возстановить употребленіе ъ и ь въ качествѣ гласныхъ, то, конечно, мы могли бы написать черезъ *о* слово к р о в ь, потому что родит. будетъ к р о в и, хотя этимологія требуетъ написанія **кръвь**, **кръви**, но первоначально, какъ отмѣчено выше, говорили к р о в ь, к р в и. Подоб-

[1]) О средне-болгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. (Судьбы церковнаго языка I). Санктпетербургъ 1858. Стр. 14.

нымъ же образомъ мы слово честь, чести написали бы черезъ *е*, но въ старинномъ языкѣ родительный, конечно, былъ **ѹсти**. Также и **ь**, онѣмѣвшій, но оставившій по себѣ мягкость, правильно употреблять было не трудно; хотя въ настоящее время мягкость иногда утрачена, но въ старинномъ языкѣ она должна была существовать вездѣ. Теперь мы не догадаемся написать *ъ* въ словѣ правда, но въ старину, навѣрное, говорили прав'да; родит. падежъ къ существ. конецъ мы не напишемъ съ *ъ*, но первоначально было конц'а. Въ какомъ-нибудь прилагательномъ съ суффиксомъ **ьнъ**, въ родѣ честный, мы тоже не написали бы *ъ*, но первоначально было **ѹьстьнъи** и оттуда т̑шѐс̓тной. Важное значеніе для правильнаго употребленія **ъ** и **ь**, согласно со староцерковнымъ и праславянскимъ выговоромъ, конечно, имѣло также обученіе письму по староцерковнымъ рукописямъ. И такъ, полагаю, смѣло можно сказать, что въ старину на Руси могли употреблять **ъ** и **ь** на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ не существовало въ живой рѣчи. Иногда, впрочемъ, происходили и ошибки: писали о, гдѣ надо бы написать ъ, напр. *сотьникъ*, *день*. Встрѣчается, притомъ въ рукописи XI столѣтія, въ словахъ Григорія Богослова [1]), написаніе **поштеніє** вм. **поѹьтеніє**—очевидно здѣсь еря уже не было, и **ѹ** успѣло даже перейти въ **ш**. Въ этомъ же смыслѣ можно толковать одно слово въ Послѣсловіи къ Остромирову Евангелію: дьяконъ Григорій обращается къ тому, **иже горазнѣє сего напишє; горазнѣє**, вѣроятно, надо понимать какъ фонетическое написаніе вмѣсто **гораздьнѣє**. Впрочемъ, можетъ быть, по ошибкѣ здѣсь выпущенъ цѣлый слогъ **дь**, хотя это невѣроятно при тщательности письма дьякона Григорія. Возможно и то̀, что указанное прилагат. имѣло болѣе простой суффиксъ **-нъ**, т. е. звучало не **гораздьнъ**, а **горазнъ**. (**Д** передъ **н** должно было выпасть).

Насчетъ случаевъ замѣны буквы **ъ** черезъ **о**, буквы **ь** черезъ **є**, намъ говорятъ Потебня и Колосовъ, что это указываетъ только на близость между звуками **ъ** и **о**, **ь** и **є**; такъ же, понятно, толкуютъ они и обратные случаи. Я полагаю, что такое толкованіе

[1]) Изслѣдованіе и изданіе текста сдѣлано Ант. Сем. Будиловичемъ: «XIII словъ Григорія Богослова».

совершенно неосновательно: на письмѣ вовсе не смѣшиваются буквы сходнаго значенія, а смѣшиваются буквы одного произношенія; напр. звуки *ы* и *и* весьма близки другъ къ другу, но невозможно, чтобы великороссъ написалъ бикъ вмѣсто быкъ: такъ можетъ написать малороссъ, у котораго эти звуки слились въ одинъ, или иностранецъ. Подобнымъ же образомъ, хотя ä и e представляютъ довольно тонкіе оттѣнки одного и того же звука, но ни одинъ французъ не напишетъ вмѣсто слова été представляющаго е, èté съ ä; нѣмецъ не смѣшаетъ словъ Thür дверь и Thier звѣрь, за исключеніемъ тѣхъ нѣмцевъ, которые смѣшиваютъ соотвѣтственные звуки.

Каковы же, спрашивается, свидѣтельства, которыя будто бы доказываютъ существованіе глухихъ гласныхъ въ сѣверновеликорусской рѣчи XIII столѣтія внутри словъ и даже въ исходѣ? Такіе слѣды намъ указываетъ въ сѣверновеликорусскихъ грамотахъ XII—XIV вв. Изм. Ив. Срезневскій; въ приложеніи къ «Мыслямъ объ исторіи русскаго языка» онъ помѣстилъ нѣсколько памятниковъ такого рода. Такова «Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынскому монастырю»; три «договорныя грамоты Новгорода» XIII в.; «Новгородская купчая» половины XIV в. Особенно же богата свидѣтельствами въ этомъ смыслѣ «Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича [1]) съ Ригою и Готскимъ берегомъ» (т. е. съ островомъ Готландомъ), 1228—1229 гг. Грамота эта существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Срезневскій очень напираетъ на то, что грамоты представляютъ памятники чисто-народнаго языка; но по моему здѣсь есть преувеличеніе: конечно, языкъ грамотъ долженъ быть гораздо народнѣе языка священныхъ книгъ или другихъ памятниковъ, переписанныхъ съ южнославянскихъ подлинниковъ, вслѣдствіе чего русскій элементъ проглядываетъ только въ видѣ описокъ; грамоты, конечно, должны быть народнѣе поученій или житій писанныхъ въ Россіи по южнославянскимъ образцамъ; онѣ должны быть народнѣй лѣтописи составленной монахомъ; но все-таки вполнѣ народный языкъ въ

[1]) Мстиславъ Давидовичъ—сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича, праправнукъ Владиміра Мономаха.

нихъ видѣть нельзя: необходимо думать, что въ старину всякій, какъ и теперь, старался писать по книжному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, всякій въ извѣстной степени и умѣлъ такъ писать, потому что при самомъ обученіи грамотѣ познакомился съ книжнымъ, церковнымъ языкомъ. Впрочемъ, если даже признать существованіе свѣтской чисто-русской письменности, правописаніе ея не могло быть русскимъ, а было основано на церковномъ правописаніи и было полуславянскимъ; вѣдь и до сихъ поръ наше правописаніе не есть чисто-русское. Какія же въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются доказательства гласности **ъ** и **ь**? А вотъ какія—выберу нѣсколько примѣровъ изъ грамоты Мстислава Давидовича (1228): **дълго**, гдѣ **о** стоитъ вмѣсто **ъ**—**дългъ**; **женъю** вм. **женою**, гдѣ **ъ** написанъ вм. **о**; **сърьмъ** вм. **соромъ**, два раза **ъ** вм. **о**; **вѣдомъ**, какъ форма средняго рода, т. е. вмѣсто **вѣдомо**. Какъ смѣшивали **ъ** и **о**, такъ смѣшивали **ь**, **є** и **ѣ**; мы читаемъ, напр. **керьго** вм. **керегъ**, вмѣсто **боудетъ**—**боудѣте** (тутъ кромѣ того вмѣсто **є** стоитъ **ѣ**); подобнымъ же образомъ въ формѣ **Смольнѣскъ** является **ѣ** вмѣсто **ь**; такимъ же образомъ въ словѣ **дѣютѣ** **ѣ** написанъ вмѣсто **ь**—**дѣють**. Еще мы встрѣчаемъ написанія **мьсто**, **посль**, гдѣ **ь** замѣняетъ **ѣ**—**мѣсто**, **послѣ**. По моему, уже на основаніи высказанныхъ раньше общихъ соображеній, такое смѣшеніе не доказываетъ существованія глухихъ, а напротивъ ихъ совпаденіе въ большей или меньшей степени съ чистыми. Если писецъ могъ написать **є** и **ѣ** вмѣсто **ь**, то, значитъ, онъ произносилъ ихъ одинаково. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что писецъ данной грамоты видимо мудрилъ, хотѣлъ писать похитрѣе. Нѣкоторую искусственность въ правописаніи этого памятника признаётъ и Колосовъ, и признать ее необходимо уже потому, что другіе современные списки [1]) той же грамоты не представляютъ такой путаницы. Нѣсколько затруднять насъ можетъ то обстоятельство, что иногда въ этой грамотѣ является **о** тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ никакого звука, такъ мы имѣемъ написанія **керьго**, **дльго**, гдѣ буква **о** стоитъ на мѣстѣ онѣмѣвшаго **ъ**; но разъ писецъ отожествлялъ буквы **ъ** и **о**, то могъ написать и «нѣмой» **о**. Едва-ли въ этомъ случаѣ слѣдуетъ при-

[1]) Всѣхъ списковъ существуетъ 5, существовало даже 6, но одинъ изъ нихъ пропалъ.

бѣгать къ объясненію окончанія **о** изъ древнѣйшаго окончанія именительнаго падежа -os, д. б. утраченнаго еще въ праславянскомъ языкѣ.—При оцѣнкѣ стариннаго соотношенія между буквами **ъ** и **о**, **ь** и **є**, **ѣ** слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что иногда встарину могло происходить проясненіе тамъ, гдѣ впослѣдствіи установилось отсутствіе гласнаго. Выше мы видѣли написаніе **коудѣтє** вм. **коудєть**; весьма возможно, что такія формы дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому и конечные **ъ** и **ь** въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинакую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе **нє ѣ҃ъ ли строитє свою тварь** (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ **строитє** намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе **є** вмѣсто **ь**, и мы вполнѣ можемъ допустить, что **ь** передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія ̑т или т объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ. Возьмемъ еще подобное выраженіе. Мы не разъ въ грамотахъ встрѣчаемъ формулу: **писєць** (или **письць**) **кнѧжь псалъ**. (Первоначально, конечно, слово **кнѧжь** представляло **ъ—кънѧжь**, а **пьсалъ** имѣло **ь**). Въ этомъ выраженіи должно было произойти проясненіе конечныхъ глухихъ, примыкающихъ къ группѣ слѣдующихъ согласныхъ: вѣроятно когда-то произносили ***писєцє кнѧжє псал**. Возможно также допустить, что формы ***писєцє**, ***кнѧжє**, развившіяся передъ группами согласныхъ, иногда употреблялись и помимо этихъ группъ.

Я изъ грамоты 1228 г. привелъ только такіе случаи, гдѣ Срезневскій отмѣтилъ смѣшеніе **ъ** и **о**, **ь** и **є** или **ѣ**, другіе случаи (смѣшеніе **ь** и **о**, **ъ** и **є**), яко бы тоже свидѣтельствующіе о существованіи глухихъ, для нашего вопроса никакого значенія не имѣютъ. Иногда въ этой грамотѣ вмѣсто **ь** встрѣчается **о**, напр. **ѡндєто** вм. **ѡндєть**; эта форма стоитъ въ выраженіи **ѡндєто по кѣрьмьнємь**. **Ѡндєто** вм. **ѡндєть** можно объяснять тѣмъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго произносилось твердое **т** вмѣсто мягкаго, и писецъ поставилъ **о** вмѣсто **ъ**. Что касается употребленіе **ь** въ

дат. пад. кърымьнємь вмѣсто ъ, то позволительно думать (если это не простая описка), что писецъ не умягчалъ конечныхъ губныхъ. Пояснимъ это примѣромъ изъ современнаго языка: кто произноситъ въ числит. с е м ь твердый *м*, но знаетъ, что пишется *мъ*, тотъ, по этому образцу, можетъ наградить еремъ и сущ. ш л е м ъ. Иначе слѣдуетъ объяснять нѣкоторые случаи, гдѣ является є вмѣсто ъ. Во «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» мы читаемъ вдалє Варламє вм. вдалъ Варламъ. Форму Варламє можно признать звательнымъ падежомъ въ роли именительнаго, каковое употребленіе встрѣчается въ пѣсняхъ у Малороссовъ и Сербовъ и легко можетъ быть предположено для того періода Великорусской рѣчи, когда звательный сталъ замѣняться именительнымъ, но не былъ еще вовсе забытъ. Что же касается до «вдалє», то его естественно толковать, какъ вдалъ ѥ, вдалъ ѥсть, а тогда оно не только не свидѣтельствуетъ о гласности ъ, но свидѣтельствуетъ противъ нея, такъ какъ писецъ написалъ вдал безъ ъ. Какъ однако быть со свидѣтельствомъ малорусскаго нарѣчія, на которое особенно напираетъ Потебня? У Малороссовъ въ закрытыхъ слогахъ исконные о и є перешли въ *і*, замѣнители же глухихъ сохранились въ видѣ *о* и *е*; основное попъ звучитъ п і п, но основное сънъ будетъ с о н, а не с і н; пєчь, староцерковное пєштъ, будетъ п і ч, но дьнь будетъ д е н ь, а не д і н ь. Разумѣется невозможно, чтобъ малорусская рѣчь произвела вторичное разграниченіе между ъ и о, ь и є, если бы эти звуки совпали въ общерусскомъ. Но всетаки нѣтъ надобности предполагать въ старорусскомъ существованіе глухихъ—надо только допустить, что, какъ слѣдъ этихъ звуковъ, существовала въ закрытыхъ слогахъ разница между древними ъ и о, ь и є. Эта разница, судя по языкамъ Чешскому и Сербскому, состояла въ д о л г о т ѣ, и общерусскія формы были: п ō п, п ē т͡ш, но с ŏ н, д ĕ н. Возможно притомъ, что рано вмѣсто количественнаго различія явилось качественное, т. е. были оттѣнки звуковъ: исконное *о* могло быть ближе къ *у*, нежели вторичное; также исконное *е* могло быть ближе къ *і*, нежели замѣнитель еря. Мое мнѣніе о существованіи въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ ō и ē въ соотвѣтствіе основнымъ *о*, *е*, и ŏ, ĕ въ соотвѣтствіе ъ и ь, напоминаетъ мнѣніе Буслаева, но далеко не совпадаетъ съ нимъ: по моему именит. пōп долженъ былъ имѣть

при себѣ родит. пōпа, сŏн—сна, пēтш—пēтши, дĕн—днĕ; по Буслаеву же выходитъ пōпŏ, родит. пōпа; сŏнŏ, род. сŏна; пēч, род. пēчи; дĕнĕ, родит. дĕнē.

Итакъ мы видимъ, что незачѣмъ приписывать старинному русскому языку особые звуки **ъ** и **ь**; однако въ одномъ случаѣ есть вѣроятность, что такіе звуки существовали—именно въ соединеніи съ **р** и **л**. Можно думать, что старинный языкъ имѣлъ фонему в ъ л к вм. позднѣйшаго в о л к, т ъ р г вм. позднѣйшаго т о р г, в̓ ь р̓ х вм. позднѣйшаго в̓ е р̓ х, ж̓ ь л̓ т вм. позднѣйшаго ж е л т и далѣе ж о л т. Дѣло въ томъ, что при согласныхъ **р** и **л** буквы **ъ** и **ь** употребляются съ особенной правильностью, причемъ замѣчается еще явная склонность, въ противуположность староцерковному письму, ставить **ъ** и **ь** передъ **р** и **л**, а не позади, т. е. писать **кълкъ**, **кьрхъ** и т. д. Такой порядокъ звуковъ признанъ настоящимъ русскимъ порядкомъ; въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Колосовъ и Потебня. Колосовъ, между прочимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что въ замѣнѣ **о** и **є** черезъ **ъ** и **ь** замѣчается нѣкоторая постепенность. Онъ отмѣчаетъ, что «Житіе Бориса и Глѣба», въ рукописи XII вѣка, правильно удерживаетъ **ъ** и **ь** въ разсматриваемыхъ случаяхъ, тогда какъ другой списокъ, XIV в., замѣняетъ ихъ по новорусскому способу черезъ **о** и **є**. Правда, можно допустить, что старинные писцы при употребленіи сочетаній **ър**, **ъл**, **ьр**, **ьл** руководствовались довольно простымъ правиломъ, что въ созвучіяхъ **ор**, **ол**, **єр**, **єл** слѣдуетъ передъ согласными буквами изображать *о* и *е* черезъ **ъ** и **ь**. (Постановка этихъ знаковъ впереди плавныхъ, конечно, представляла несомнѣнную уступку русскому выговору). Такимъ образомъ возможно, что написанія **ър**, **ъл**, **ьр**, **ьл**, не вполнѣ выражали произношеніе, но есть одно вѣское соображеніе въ пользу пониманія Колосова. Если (какъ я теперь дѣлаю) приписывать праславянскому языку слоговые r и l, то теперешній русскій выговоръ т о р г восходитъ къ древнѣйшему tr̥gъ, и въ качествѣ переходной ступени между tr̥gъ и т о р г приходится предполагать фонему съ настоящимъ ъ внутри—т ъ р г: неестественно думать, чтобы r̥ прямо развился въ ор. Это соображеніе говоритъ въ пользу того, что когда-то существовали въ русскомъ языкѣ сочетанія ър, ъл. Подобнымъ же образомъ, какъ твердый r̥ долженъ былъ развиться прежде все-

го въ созвучіе ър, такъ мягкій г̥, въ какомъ-нибудь словѣ vѓ̥hъ, долженъ былъ дать фонему съ ь — в ь р̓ х, а потомъ уже теперешнее в̓ е р̓ х. Изображеніе на письмѣ переходнаго выговора можно видѣть въ старорусскомъ написаніи вьрьхъ (рядомъ съ вьрхъ, врьхъ), гдѣ въ такомъ случаѣ второй ь есть «мягкій знакъ». Правда, такое написаніе можно толковать также, какъ сдѣлку между старорусскимъ и староцерковнымъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ь, и впереди, и позади плавнаго. Въ пользу второго толкованія говорятъ такія написанія какъ търъгъ вмѣсто търгъ или тръгъ, гдѣ второй ъ едвали можно считать «твердымъ знакомъ». Выводя *ер* въ такихъ словахъ, какъ в е р х ъ, изъ ѓ̥, при посредствѣ созвучія ьр̓, мы можемъ понять, почему въ нихъ *р* мягкій. (Гротъ безо всякаго основанія утверждаетъ, что мягкость вызвана предшествующимъ *е*). Мягкость въ такихъ словахъ мы видимъ и въ языкѣ польскомъ, гдѣ слово в'ер̓х звучитъ wierzch съ r шепелявымъ, указывающимъ на основное ѓ. Гдѣ русскій языкъ вмѣсто древняго ѓ̥ представляетъ созвучія съ твердымъ р, тамъ надо видѣть позднѣйшее отвердѣніе; какое-нибудь прилагательное с̓ м̓ а̊ р т н ъ й замѣнило первоначальное с̓ м̓ е́ р̓ т̓ н ъ й: т̓ уподобилось звуку *н*, р' уподобилось ставшему твердымъ звуку *т*, и узкое *е* передъ твердымъ *р* стало широкимъ. Отмѣтимъ, однако, что есть нѣкоторыя слова, гдѣ вмѣсто ѓ̥ является слогъ ёр, котораго мы совсѣмъ бы не ожидали. Мы имѣемъ глаголъ м̓ о́ р з н у т̓ (староцерковная форма мрьзнѫти) — мы ожидали бы выговора м̓ а̊ р з н у т̓, который, правда, существуетъ, но только въ областной рѣчи. Также вмѣсто произношенія т̓ш̓ о́ р н ъ й должно бы быть т̓ш̓ а̊ р н ъ й. Впрочемъ соотвѣтственно этому мы и по-польски находимъ m*ar*znąć, cz*ar*ny, какъ t*ar*g, т. е. съ замѣною ѓ̥, равною г̥. Приходится думать, что здѣсь уподобленіе произошло еще до утраты слоговыхъ согласныхъ: ѓ̥ перешолъ въ г̥ твердый, который затѣмъ раздѣлилъ судьбу искони твердаго г̥.

Сторонники существованія въ старинномъ русскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ приводятъ нѣкоторые слѣды ихъ въ современномъ языкѣ; однако эти слѣды 1) всѣ являются въ соединеніи со звукомъ r, и 2) принадлежатъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы въ основномъ славянскомъ должны предполагать не г̥ и ļ, а с л о г и ръ и

лъ, рь и ль. Это такія слова, въ которыхъ при *р* и *л*, въ соотвѣтствіе староцерковнымъ написаніямъ съ глухими ъ и ь, является въ новославянскихъ языкахъ проясненіе или выпаденіе глухихъ на общемъ основаніи, причемъ гласный стоитъ позади плавнаго; значитъ, напримѣръ, слово к р о ф', основное кръвь, п л о т'—пльть, к р е с т—крьстъ, п л е в а т'—плькати [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ областная рѣчь представляетъ отсутствіе гласнаго, которой имѣется въ обыкновенной рѣчи; та́къ, у Карпатскихъ Малороссовъ являются фонемы—т р с т и́ н а, к р т и́ ц я (к р о т ъ), к р т о в и́ н а, к р с т и́ т и, вмѣсто чего также к с т и́ т и. Въ этихъ случаяхъ, кажется, *р* слога не составляетъ, но есть примѣры на *р* с л о г о в о й (или на *р*, предшествуемый глухимъ гласнымъ); у Галицкихъ малороссовъ мѣстами встрѣчаются фонемы въ родѣ: к ъ р в а́ в ы й, к ъ р т о в и́ н а. Видѣть въ такихъ словахъ остатокъ r̥ и l̥ намъ, конечно, не приходится: думать, чтобъ r̥ вторичнымъ образомъ между двухъ согласныхъ превратился въ неслоговый, нельзя; напротивъ, можно легко допустить, что согласный *р* между двухъ согласныхъ сдѣлался слоговымъ. Такимъ образомъ всѣ эти формы предполагаютъ выпаденіе ъ, послѣ котораго и *р* иногда подвергался выпаденію, какъ к с т и́ т и, а иногда становился слоговымъ. Это явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ. Староцерковному ръжда, русскому р ж а, представляющему выпаденіе ъ, по-сербски соотвѣтствуетъ р̏ђа. (Удареніе здѣсь оттянуто—первоначально было р ђ ȁ; *р*, ставши слоговымъ, впослѣдствіи получилъ и удареніе).

Итакъ, западно-малорусскія слова, яко-бы представляющія слѣдъ слогового *р*, вовсе не представляютъ такого слѣда: онѣ восходятъ къ фонемамъ со слогомъ ръ. Нѣтъ притомъ надобности (какъ хотѣли нѣкоторые ученые) говорить о вліяніи на Карпатскихъ Малороссовъ ихъ сосѣдей, Словаковъ, въ языкѣ которыхъ существуетъ r̥.

Изъ согласнаго *р* и согласнаго *л*, замѣнившихъ древнѣйшіе слоги ър и ьр, при посредствѣ r̥ и l̥ слѣдуетъ выводить также слоги ir и il, представляющіе, повидимому, приставочное i. Такое i мы

[1]) См. мои «Грамматическія замѣтки»—«О слоговомъ р и л у Славян», стр. 92—94. (Въ 1 изд. 94—95=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196—197).

видимъ, напр., въ малорусскомъ і р ж á т и вм. р ж á т и, і р в á т и вм. р в á т и, і л ь н ý вм. л ь н у, І л ь в í в вм. Л ь в о в ъ. Подобныя созвучія существуютъ также въ великорусской областной рѣчи, напр. и р ж á вм. р ж а, и л ь г ó т а вм. л ь г ó т а, и л ь с т é ц ъ вмѣсто л ь с т е ц ъ. Слѣдуетъ предполагать, какъ переходную ступень, формы съ r̥ и l̥, гласный элементъ которыхъ затѣмъ прояснился въ і. Это то же самое, что мы видѣли въ сербскомъ словѣ р̓ђ а: и наше і р ж á т и по-сербски р̏ з а т и, і р в á т и — р̏ в а т и [1]). Такое же объясненіе, какъ въ только что приведенныхъ словахъ, слѣдуетъ давать для звука і въ бѣлорусскихъ косвенникахъ слова к р о в ь. К р о в ь побѣлорусски будетъ к р о ў, род. к р̓ и в' и́. Я полагаю, что первоначальный родительный кръви [2]), съ выпаденіемъ ъ, далъ прежде всего форму к р в и, т. е. ту же форму, какая доселѣ живетъ у Поляковъ (krwi); подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго *р* сдѣлался мягкимъ — к р̓ в' и́, потомъ онъ сталъ слоговымъ, и явился выговоръ к р̥̓ в' и́, подобнымъ же образомъ, какъ у Сербовъ кр̏ви, и наконецъ превратился въ слогъ *ри* — к р̓ и в̓' и́. Аналогія съ раньше приведенными случаями неполная: тамъ мы видѣли появленіе гласнаго элемента впереди плавнаго, тутъ онъ появляется позади его.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи въ русскомъ языкѣ *носовыхъ гласныхъ*.

Мы уже отмѣтили, что въ самыхъ раннихъ памятникахъ букву ѫ смѣшивали съ оу, а букву ѧ — съ ꙗ и а. Правда, по словамъ Б у с л а е в а, русскій языкъ долженъ былъ имѣть нѣкогда юсы, потому что представляетъ чередованіе оу и ꙗ съ носовыми согласными, какъ д у т ь — н а д м е н ъ, п л е м я — п л е м е н и; однако это не доказываетъ существованія юсовъ въ русскомъ языкѣ, а только

[1]) Что касается несоотвѣтствія въ глаголѣ р ж а т ь - р з а т и звуковъ *ж* и *з*, то его должно объяснять отступленіемъ отъ старины языка русскаго: первоначальною формою надо считать рѫꙁати, наст. рѫжеши, глаголъ азово-ітовый, т. е. имѣющій въ инфинитивѣ примѣту а, въ настоящемъ j; русскій языкъ переиначилъ инфинитивъ примѣнительно къ настоящему.

[2]) Что древнѣйшее окончаніе было не и, а є, для насъ теперь безразлично.

существованіе ихъ въ праславянскомъ. Незачѣмъ даже говорить вмѣстѣ со Срезневскимъ, будто *у* и *я*, замѣнившія юсы сохраняли способность превращаться въ *ен* и *ем*: тутъ чередованіе происходитъ лишь по преданію. Иные однако искали въ русскомъ языкѣ остатковъ носовыхъ гласныхъ. Возможность найти такіе остатки по моему надо отвергать уже теоретически: разъ существуетъ звуковой законъ превращенія ѫ въ **оу**, а **ѧ** въ **ꙗ**, то всѣ юсы должны были подвергнуться этому измѣненію и изчезнуть. Буслаевъ указываетъ сохраненіе носового произношенія въ словѣ Венгры; но очевидно только по недосмотру, такъ какъ самъ въ другомъ мѣстѣ признаётъ, что это слово заимствовано съ польскаго Węgrzy, гдѣ ę—правильная замѣна ѫ; древняя органическая русская форма была Угре (теперешнее Угры представляетъ намѣренное возвращеніе къ старинѣ). **Ѧ** будто бы сохранился въ глаголѣ бренча́ть, при которомъ стоитъ староцерк. форма **брѧцати**. Однако бренчать надо толковать иначе: въ немъ и звукъ *ч* не соотвѣтствуетъ староцерк. **ц**; бренчать, очевидно, въ староцерк. было бы **брьньчати**, предполагающее какое-нибудь сущ. въ родѣ ***брьньць**, которое съ **брѧцати** имѣетъ общій корень **брьн**. Еще усматриваютъ сохраненіе носового элемента въ малорусск. н̓а, которое является иногда вм. *'а* послѣ губныхъ. Существуетъ напр. малорус. выговоръ мн̓áсо вм. обыкновеннаго мjáсо изъ основного **мѧсо**; однако *н* въ этой формѣ нельзя считать остаткомъ пригнуски: вѣдь онъ не слѣдуетъ за гласнымъ элементомъ и не сопровождаетъ его, а предшествуетъ ему. Кромѣ того фонема мн̓áсо представляетъ правильную замѣну **ѧ** черезъ *'а*, а *н* въ ней самъ по себѣ. Надо думать, что въ такихъ созвучіяхъ развился прежде всего j, изъ м̓áсо вышло мjáсо, далѣе j, уподобившись предшествующему носовому согласному, перешелъ въ носовой же мягкій согласный—*н*. Такія же слова, какъ мн̓áсо, т. е. представляющія слогъ мн̓а вм. м̓а изъ древняго **мѧ**, суть: румня́ний, мня́кий, мня́та, по́ломня, і́мня (імня́), сі́мня, пле́мня. Мы такимъ образомъ видимъ, что слѣды носовыхъ гласныхъ, усматриваемые въ русскомъ языкѣ, суть мнимые. Однако въ пользу существованія юсовъ въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ можно, вслѣдъ за *Соболевскимъ*, сослаться на нѣкоторыя слова, заимствованныя у Германцемъ. Таково народное названіе Варяг (произ-

носимое въ старину, вѣроятно, съ удареніемъ на начальномъ слогѣ). Основная герм. форма этого слова была varing; передача герм. in черезъ русское *'а* весьма странна, и для объясненія ея удобно предположить, что первоначально Русскіе изъ in сдѣлали ѫ, который затѣмъ уже перешелъ въ *я*. Если это такъ, то надо приписать старѣйшему русскому языку носовые гласные. Но возможно, что слово в а р я г и ему подобныя заимствованы не прямо отъ Норманновъ, а при посредствѣ какихъ-нибудь Славянъ, знавшихъ носовые гласные. Можетъ быть также, что это слово взято у Византійцевъ, гдѣ оно звучало *βάραγγος*; греч. га со среднимъ согласнымъ, Русскіе могли передать не только черезъ *ра* но и черезъ *ря*. Вмѣстѣ съ тѣмъ опущеніе носового элемента, который передъ согласнымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ не встрѣчался, вполнѣ понятно; это подобно просторѣчному выговору а́ г л и цк і й вм. а́ *н* г л і й с к і й. Такимъ образомъ замѣна герм. in по-рус. черезъ *я* говоритъ отчасти въ пользу существованія въ русск. языкѣ ѫ. Но не имѣютъ никакой силы тѣ случаи, гдѣ по-русски является **оу** вм. сканд. un; слово **соудъ** заливъ, изъ герм. sund, конечно, можно объяснять просто опущеніемъ звука *н*. Такимъ образомъ, по-моему, мнѣнія Соболевскаго, что въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ существовали юсы, нельзя принимать прямо и рѣшительно.

Обратимся теперь къ одному звуковому явленію, которое помѣщается въ числѣ отличительныхъ примѣтъ русской рѣчи, такъ какъ имъ русскій языкъ довольно рѣзко отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ. Это—появленіе з а ч и н н а г о *о* вм. инославянскаго *je*, т. е. та особенность, какую представляетъ, напр., слово о л е́ н ь при староцерк. **юлень**, серб. ј ѐ л е н, словен. jêlen (съ *е* широкимъ; широкій выговоръ обозначается иногда циркумфлексомъ), по-чеш. jelen, по-поль. jeleń, также и по-лужиц. jeleń. Такимъ же образомъ слово о́ з е р о въ староцерк. формѣ будетъ **юзеро**, по-серб. јѐзеро, по-словен. jézero, по-болг. е́зеро [1]), по-чеш. jezero, по-поль. jezioro, по-верхнелуж. jězor, по нижнелуж. jazor (у Лужичанъ это слово муж. рода; кромѣ того у Нижнихъ Луж.

[1]) Произносятъ језеро и эзеро. По-болг. вообще зачинное *е* колеблется между выговоромъ съ ј и безъ ј.

произошло вторичное расширеніе звука *е* въ *а*). То же явленіе представляетъ слово о́сень, староц. **ѥсень**, серб. jȅсе̄н, по-словен. jesén, по-болг. е́сень, по-поль. jesień, по-словац. jeseň. (Чехи, а также и Лужичане имѣютъ другое слово). Таково еще слово осётр, которое въ староц. формѣ будетъ **ѥсетръ**, по-серб. jѐсетра (жен. рода). Къ отмѣченнымъ нами словамъ на рус. *о* при инослав. *je* можно прибавить еще нѣкоторыя: мы видимъ старинное **одка**, которое имѣетъ другой обычный видъ — едва. Надо полагать, что вторая форма—книжная, во всякомъ случаѣ въ областной рѣчи существуетъ одва́. Еще сюда относятъ старинный союзъ **оже** что, если, отожествляя его со среднимъ родомъ относительнаго мѣстоим. **иже—ѥже** (ж. р. **яже**); но это **оже** можно, вслѣдъ за Соболевскимъ, въ его статьѣ посвященной разсматриваемому нами вопросу [1]), толковать иначе. Соболевскій сопоставляетъ **оже** съ другими старинными союзами: **оть** (при которомъ существуетъ равносильное ему **ать**) чтобы, **оли** даже и **ото**, **осе**, **оно** вотъ. Такимъ образомъ онъ усматриваетъ въ первой части союза **оже** особое мѣстоименіе *о*, которое входитъ въ составъ всѣхъ этихъ словъ, соединяясь съ другими мѣстоименіями; но этому толкованію **оже** и **ѥже** сходны только во второй части, а первая часть различна.

Что-же, спрашивается, древнѣе, русское ли зачинное *о* или инославянское *je*?—На этотъ вопросъ ученые довольно согласно отвѣчаютъ, что *о* вторично. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» видитъ здѣсь «одинъ изъ случаевъ замѣны мягкихъ гласныхъ церковнославянскихъ твердыми». Срезневскій въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» говоритъ о «перемѣнѣ коренпаго **є** въ **о** въ началѣ словъ». Ни тотъ, ни другой, впрочемъ, подробно вопроса не разсматриваетъ; дольше на немъ останавливался Колосовъ. Колосовъ во введеніи къ своему «Очерку исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» [2]) высказывается въ такомъ смыслѣ, что инославянская огласовка древнѣе русской, что однако *j*,

[1]) Статья Соболевскаго напечатана въ Р. Ф. В., томъ VIII; озаглавлена она: «Русское начальное о=ц.-слав. **ѥ**».

[2]) Изложу здѣсь колосовскую теорію; возраженія же противъ нея приведу ниже, при изложеніи воззрѣній Ягича и Потебни.

вѣроятно, вторичный, а первоначально было просто *e*, изъ котораго можно-де выводить съ одной стороны *o*, а съ другой *je*. Доказательства въ пользу такого взгляда слѣдующія: 1) звукъ *e* является также у Литовцевъ: при рус. о л е́ н ь, староцерк. **юлень**, стоитъ лит. élnis; при о́ з е р о, **юзеро**—ẽžeras прудъ. (Этимъ примѣромъ замѣняю неудачный Колосовскій примѣръ, который намъ встрѣтится ниже); 2) всѣ остальные славян. языки согласуются со староц., а не съ рус.; 3) самъ рус. языкъ представляетъ свидѣтельство о вторичности звука *o* въ собственныхъ именахъ заимствованныхъ съ греч., какъ О л е н а изъ Ἑλένη, О в д о т ь я изъ Εὐδοκία. Примѣры мой—у Колосова приводится неудобный примѣръ **олѣи** вм. **юлеи**, произошедшее-де изъ греч. ἔλαιον [1]). За бо́льшую древность звука *e* рѣшительно высказывается также Я г и ч ъ въ упомянутой уже раньше статьѣ о расширеніи узкихъ гласныхъ («О перегласовкѣ звуковъ e, ê, ę»). Ягичъ думаетъ, что основное jelenь могло дать сначала jolenь, а потомъ olenь съ утратой *j*. Конечно, это толкованіе весьма неудобно: 1) приходится допустить расширеніе *e* не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ, 2) приходится предположить утрату зачиннаго *j*—также явленіе необычное для рус. языка. Одно изъ затрудненій мы могли бы отчасти устранить, исходя отъ Колосовской безпризвучной формы elenь; но почему тогда произошло расширеніе, которое происходитъ передъ твердыми согласными *послѣ мягкихъ*? Позволительно ли предполагать, что зачинное *e* имѣло ту же судьбу, какъ *e* послѣ мягкихъ? Противъ этого говоритъ междометіе *э* (срв. стран. 12), но не особенно рѣшительно, т. к. оно, именно какъ междометіе, могло быть на особомъ положеніи. Да и построеніе безпризвучной формы elenь нѣсколько неудобно, потому что всѣ славян. языки единогласно указываютъ на *j* (только въ болг. языкѣ мы здѣсь, какъ отмѣчено выше, замѣчаемъ колебаніе). По поводу Колосовскаго «Очерка» разсматриваемый вопросъ былъ опять поднятъ

[1]) Слово это является въ такомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: въ староцерк. **олѣи** (хотя тамъ встрѣчается и **юлеи**), въ словен., чеш., поль.—olej, у Нижнихъ Луж.—volej, у Верхнихъ Луж.—volij, по-серб. олај; поэтому естественно думать, что оно взято не съ греческаго, а съ латинскаго (oleum).

Потебнею въ «Замѣткахъ по исторической грамматикѣ русскаго языка» [1]). Потебня здѣсь высказывается въ пользу того, что ни *е* не происходитъ изъ *о*, ни наоборотъ, а что оба восходятъ къ одному древнѣйшему *а*. Лит. *е*, на которое ссылается Колосовъ, можно де признать вторичнымъ варьянтомъ *а*—лит. рѣчь рядомъ съ *е* представляетъ также и *а*: существуетъ колебаніе между erẽlis и arẽlis орелъ, между elkúnė и alkúnė локоть, между esmì и asmì. Примѣры эти не особенно удачны: они не представляютъ такихъ словъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ произносятъ arẽlis, alkúnė, asmì, могутъ произнести и *álnis вм. élnis. Насчетъ доказательности лит. словъ со звукомъ *е* для нашего вопроса Потебня, разумѣется, неправъ: если говорить, что какое-нибудь erẽlis есть вторичное лит. измѣненіе основного arẽlis, то этимъ предполагается, что въ славянолит. языкѣ не существовало еще звука *е*, а было, вмѣсто позднѣйшаго *о* и *е*, одно *а*. Больше,—Потебнѣ при его взглядѣ на занимающій насъ вопросъ даже праславянскому приходится приписать вмѣсто *о* и *е* одинъ звукъ *а*; между тѣмъ и по теоріи Гримма, Боппа и Шлейхера, хотя въ праязыкѣ было одно *а* вмѣсто «позднѣйшихъ» *а*, *е*, *о*, но существованіе звука *е* всетаки признавалось для общеславянскаго и уже для славяно-литовскаго. Поэтому выговоръ arẽlis, alkúnė, asmì слѣдуетъ считать вторичнымъ: *е* въ областной рѣчи перешло въ *а*. Кромѣ того эти слова, кажется, представляютъ неточность правописанія: въ нихъ чуть-ли не слышится всетаки *е*, только весьма широкое, близкое къ *а*. Надо такимъ образомъ признать, что литовское *е* говоритъ-таки въ пользу древности инославянской огласовки и противъ русской. Кромѣ того этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ языкахъ. Такъ можно сослаться на греч. ἔλαφος, равное основному el̥bhos, которое первыми тремя звуками совпадаетъ съ лит. élnis; при ἔλαφος по-греч. мы имѣемъ еще ἐλλός (изъ *ἐλνός) молодой олень; также старонѣм. elah лось своимъ первымъ слогомъ совпадаетъ съ греч. и лит. фор-

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. въ 1873—74 г.; въ 75-мъ г. онѣ вновь появились въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ въ Фил. Зап., а также отдѣльнымъ оттискомъ. Онѣ составляютъ первую часть сборника статей «Къ исторіи звуковъ русскаго языка»).

мой и говоритъ въ пользу *е*. Подобнымъ же образомъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ германскихъ языкахъ слово **ѥльха**, рус. ольха: нынѣшнее нѣмецкое названіе Eller, въ старонѣм. было elira, для котораго можно построить основную форму elisā, совпадающую съ основной формой для слав. **ѥльха**. Теорія Потебни возобновлена Миклошичемъ. Миклошичъ во второмъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», въ 1879-мъ г., также возводитъ русское *о* и инославян. *je* къ одному древнѣйшему *а*. И еще позднѣе, въ 82-мъ г., Соболевскій въ упомянутой выше статьѣ выставляетъ тоже ученіе. Однако, если Потебнѣ въ 74-мъ г. (при господствѣ старой теоріи праязычнаго вокализма) было позволительно дѣлать подобное предположеніе, то Миклошичъ и Соболевскій, повторяя его, поступили весьма странно и неосновательно.—Потебня кромѣ уже указаннаго дѣлаетъ также другое возраженіе Колосову. Онъ указываетъ на существованіе начальнаго *о* вм. *je* у другихъ Славянъ. Такъ, у Словенцевъ есть слово omela (рус. омёла), въ словацкомъ нарѣчіи чеш. языка—omelie (сущ. собирательное), тогда какъ поль. языкъ представляетъ jemiel или, съ окончаніемъ сходнымъ съ рус. и словен.,—jemioła; въ чеш.—jemela, у Верхнихъ Лужичанъ—jemelina, у Нижнихъ Луж.—также jemelina или hemelina. Слово это мы находимъ также со звукомъ і: въ староц. отмѣчена форма **имела**, въ болг. является имéла, въ серб. — имела (или мѐла, съ безгласнымъ корнемъ), въ чеш. имѣется собирательное сущ. jmélí, которое, возведенное къ староцерк. звукамъ, будетъ **имелиѥ**. Формы въ родѣ сербскихъ видимо объясняются сближеніемъ этого слова съ глаголами имати (хватать, ловить) и мести. Далѣе Потебня указываетъ на существ. ольха. *Е* въ этомъ словѣ представляютъ только южнослав. языки, причомъ одинъ изъ нихъ колеблется между *е* и *о*: мы видимъ болг. елха́, серб. јо́ха [1]), а по-словенски jelša, olša и jolša. (Jolša естественно считать плодомъ сдѣлки между первыми двумя форма-

[1]) У Сербовъ мы видимъ *о*, но это *о* не слѣдуетъ отожествлять съ рус. *о*: јо́ха есть стяженная форма: јельха̀ дало ближайшимъ образомъ јелха̀; *л* по серб. фонетикѣ, имѣя передъ собой гласный и не имѣя его за собой, превращается въ *о*, такъ что изъ јелха̏ вышло јеоха̏, затѣмъ съ переносомъ ударенія—јѐоха, и наконецъ со стяженіемъ—јо́ха.

ми). Нѣчто похожее на jolša знаетъ и рус. областная рѣчь: какъ владим. и вят. отмѣчено j о л х а вм. о л ь х а, какъ нижегород. отмѣчено j е л о́ х а; эти рус. формы, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего объяснять сближеніемъ со словомъ j о́ л к а. Сѣверозап. славяне въ словѣ о л ь х а имѣютъ *о*, какъ Русскіе: Поляки говорятъ olcha и olsza; остальные сѣверозап. славяне употребляютъ съ обыкновенными измѣненіями вторую изъ этихъ формъ: у Чеховъ—olše, у Лужичанъ—volša, въ языкѣ вымершихъ Полабскихъ славянъ—vülsa. Подобное же слово, какъ о л ь х а и о м ё л а, есть словенская множи́нница olita кишки; при немъ стоитъ серб. jѐлито; это слово существуетъ также у Нижнихъ Лужич.—jelito сычугъ (одинъ изъ желудковъ жвачныхъ). Еще Потебня указываетъ на словен. odvaj едва. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ появленіе звука *о* у западныхъ Славянъ мнѣ казалось бы возможнымъ объяснить сближеніемъ начальнаго слога съ предлогомъ *о*,—замѣною не имѣющаго никакого значенія *е* знаменательнымъ *о*: какое-ниб. *edvaj легко было переиначить въ odvaj, усмотрѣвъ въ первой части предлогъ, а во второй числительное; *elita могло разложиться въ народномъ сознаніи на *е*, корень li и суффиксъ ta, послѣ чего *е* могли замѣнить предлогомъ *о*. Какое-ниб. словен. olša, кажется, можно сопоставить съ сущ. lišej лишай, такъ что о л ь х а въ такомъ случаѣ стала бы пониматься, какъ покрытая лишаями. Позволительно такимъ же образомъ объяснять и рус. *о* на мѣстѣ инославян. *е*: можетъ быть, въ какомъ-ниб. словѣ е л е н ь въ первомъ слогѣ усмотрѣли предлогъ и возстановили его въ видѣ *о*. Въ пользу такого нефонетическаго объясненія говоритъ то обстоятельство, что рус. языкъ въ иныхъ словахъ знаетъ зачинное сочетаніе je, въ чистомъ видѣ, или со вторичнымъ измѣненіемъ. Вѣдь существуютъ же слова j е л̑, j о́ л к а, j о ш, j и ш̑т̑ш̑о́, косвенные падежи къ мѣстоименью он, она: j и м у́, j и й о́, jе́ й у, не переходя въ о л̑, о́ л к а и т. д. Одно изъ этихъ словъ впрочемъ встарину, какъ будто, подвергалось такому измѣненію: слово ё ж ъ въ спискѣ Даніила Заточника, XV ст., является въ начертаніи **ѡжъ** (Колосовъ приводитъ его въ примѣръ на рус. *о* при инослав. и литов. *е*—**ѥжь** и ežỹs); но мы, вслѣдъ за Потебней, лучше будемъ толковать это **ѡжъ**, какъ попытку изобразить созвучіе jo: писецъ, не желая писать *е* вм. *о*, вѣрно изобразилъ гласный элементъ,

пренебрегши согласнымъ [1]). Относительно словъ ель, ёлка и т. д. я могъ бы сказать, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть предлога, и оттого они остались непереиначенными. Впрочемъ надо признаться, что одно изъ этихъ словъ легко могло бы примѣниться къ предлогу—это нарѣчіе ещё, которое могло быть понято, какъ о что; и дѣйствительно существуетъ областная (олонецкая) форма ощё. Но съ другой стороны, кажется, можно допустить, что нарѣчіе ещё чувствовалось въ связи съ глагольною формою есть, и что такая связь могла сохранить его отъ переиначенья.

Противъ третьяго довода Колосова въ пользу первенства звука *е* Потебня не выставилъ возраженій, но противъ этого пункта споритъ Соболевскій, въ упомянутой статьѣ. Соболевскій хочетъ выдѣлить изъ числа занимающихъ насъ случаевъ слова пришлыя. Онъ указываетъ нѣкоторые примѣры появленія начальнаго *о* вмѣсто *е* въ памятникахъ болгарской редакціи. Таково слово **ѳѳиоплѣнинъ** (Эѳіопъ—Αἰθίοψ) и собственное имя **Орьмини** (описка вм. **Орьмонии**), греч. Ἑρμιόνη. Вмѣстѣ съ тѣмъ [2]) Соболевскій ссылается на мѣстный греческій выговоръ, представляющій *о* вм. начальнаго *е*: существуютъ областныя греч. формы охтрóс и óркон вм. ἐχθρός и ἔργον. Однако весьма сомнительно, вправѣ ли мы приводить русскія измѣненія такихъ именъ, какъ Олена, и единичные болгарскіе случаи въ связь съ греч. областнымъ явленіемъ. Еслибы Соболевскій указалъ намъ греческія имена Олени, Овдокіа, тогда, конечно, надо бы принять его взглядъ, но ихъ не встрѣчается. Въ отдѣльныхъ болгар. случаяхъ можно видѣть или описки, или руссизмы, или такое же осмысленье начальнаго *е* въ предлогъ, какое я предположилъ раньше. Впрочемъ насчетъ того, что собственныя имена, въ родѣ Олёна, слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, чуть ли не должно согласиться съ Соболевскимъ. Замѣна зачиннаго *е* или *je* черезъ *о* произошла еще въ доисторическое время, и врядъ ли Русскіе, заимствуя такія имена въ IX—X ст., могли передѣлать ихъ фонетически. Приходится кажет-

[1]) Впрочемъ въ пользу существованія, рядомъ съ фонемою ёж, разновидности ож можно сослаться на малорусское ожи́на ежевика.

[2]) Въ той же статьѣ и въ дополнительной замѣткѣ «Къ вопросу о русск. начальномъ *о*=ц.-слав. ѥ.» Р. Ф. В., т. XIII, стр. 140—141.

ся допустить, что выговоръ Олена возникъ по образцу колебанія между формами книжными и народными: употребляя просторѣчное олень при книжномъ јелень, можно было и вмѣсто собственнаго имени **Ѥлена** произнести на русскій ладъ Олена.

Высказавъ, по поводу возраженій сдѣланныхъ Потебнею Колосову, что начальное *о* при инославянскомъ *je* могло появиться путемъ осмысленія, считаю нужнымъ оговорить, что такое объясненіе удобно далеко не во всѣхъ словахъ, и что едвали не слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять объясненіе Потебни, Миклошича и Соболевскаго, а именно признать, что *е* и *о* одинаково древни. Конечно, мы не станемъ ихъ возводить къ одному *а*, развившемуся на славянской почвѣ безо всякой причины то въ *е*, то въ *о*, а должны будемъ предположить, что здѣсь сохранилось весьма древнее (праязычное) колебаніе—подобное же колебаніе, какое представляетъ глагольная форма **берѫ** при сущ. **из-боръ**, греч. φέρω и φόρος, лат. tĕgo и tŏga. На существованіе подобнаго колебанія повидимому указываетъ сущ. **лани** оленица, стоящее рядомъ съ **ѥлень**. Такъ какъ при слав. словѣ **лакъть**, стоитъ лит. alkúnė, при слав. **лакати** (имѣющемъ, впрочемъ, побочную форму **алъкати**)—álkti, то и **лани**, возведенное къ основнымъ звукамъ, будетъ olnī. Образованіе это такое же, какъ санскр. vṛkī́ волчица, при vṛ́kas волкъ. Основѣ **ѥлен** въ словѣ **лани** противуполагается, значитъ, oln. Колебаніе въ основѣ слѣдуетъ предположить и для самаго слова **ѥлень**; оно ужъ и было предположено Лескинымъ, въ статьѣ, помѣщенной въ III т. Архива Славянской филологіи—«Слѣды разноступеннаго склоненія въ славянскомъ и въ литовскомъ: Spuren der stammabstufenden Declination im slavischen und litauischen». Отъ слова **ѥлень** встрѣчаются нѣкоторыя формы, указывающія на согласную основу; мы имѣемъ, напр., род. **ѥлене**; въ виду этого можно думать, что основа кончалась первоначально на **н**, и что имен. пад. былъ ****ѥлы**, какъ **камы**. Корень тутъ, значитъ, **ѥл-** и суффиксъ **-ен-**, но суффиксъ **-ен-**, какъ видно изъ языка греч. и санскр., есть суффиксъ разновидный, т. е. онъ принимаетъ разный видъ, смотря по падежамъ, по-греч. мы имѣемъ напр. слово λιμήν, въ имен. η, въ род. ε—λιμένος, производное же сущ. λίμνη представляетъ одинъ только ν. Подобнымъ же образомъ санскр. основа rā́džan царь образуетъ имен. rā́džā, вин. rā́džānam,

зват. rádžan, род. rádžńas (вм. an здѣсь просто n, мягкій, въ примѣненіи къ предшествующему dž). Подобное же колебаніе огласовки встрѣчается и въ другихъ суффиксахъ; такъ, извѣстно колебаніе между ēr, ĕr, и r, какое мы имѣемъ въ греч. πατήρ, πατέρα, πατρός и въ санскр. формахъ pitá, вин. pitáram, дат. pitrē. Такія колебанія слѣдуетъ предположить уже въ праязыкѣ, т. е. праязыку слѣдуетъ приписать у нѣкоторыхъ словъ оттѣненіе или разноступенность основы (по-нѣм. Stammabstufung). Итакъ слово **ѥлєнь** представляетъ основу на другой ступени, чѣмъ литов. élnis: основа слав. **ѥлєнь** такая же, какъ въ санскр. зват. rádžan, а въ лит. élnis такая, какъ въ род. rádžńas. Славянолитовское склоненіе слова **ѥлєнь** было élō, род. elnós, им. мн. elénes; послѣ Литовцы по всѣмъ падежамъ провели слабую основу eln, Славяне же—сильную elen. Разноступенность намъ приходится предполагать не только въ такихъ случаяхъ, когда имѣется настоящая тема, но и въ такихъ, гдѣ корень служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ темой—она, значитъ, можетъ состоять и въ различной огласовкѣ корня: такое колебаніе было свойственно основной формѣ лат. pēs, pĕdis и греч. πούς, ποδός (при πεζός); очевидно въ праязыкѣ было въ однихъ падежахъ *e*, въ другихъ *o* (примѣрно: *pōs, pedós, pódm); Римляне провели по всѣмъ падежамъ *e*, а Греки—*o*. Такое же колебаніе м. б. позволительно предположить и для слова **ѥлєнь**, которое тогда содержало не только измѣнчивую наставку, но и измѣнчивый корень, и представляло формы olō, elnos, olenes или elenes, подравненіе которыхъ въ разныхъ направленіяхъ породило и русское олень, и инослав. јелень. У нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ словъ, дѣйствительно можно указать въ родственныхъ языкахъ широкую огласовку корня. Таково слово осень, **ѥсєнь**, которое существуетъ въ готскомъ языкѣ въ значеніи жатвы и звучитъ asans, род. asanais (т. е. это основа на i=слав. ь); также въ старопрусскомъ мы находимъ assanis осень. Опять мы, значитъ, можемъ построить древнѣйшее склоненіе **осы**, **єснє**, им. мн. **єсєнє** или **осєнє**. Также и лат. alnus, можетъ быть, позволительно выводить изъ древняго *olnos, въ какомъ случаѣ оно представляетъ въ видѣ ol тотъ же корень, который по-слав. колеблется между *о* и *е* (ольха и **ѥльха**), а въ нѣм. Eller (elira) имѣетъ e. Къ только что изложенному объясненію зачиннаго *о* вм. *je* пришелъ и Богородицкій,

который впрочемъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ. Мнѣ удалось привести вамъ нѣкоторые доводы, но я всетаки не настаиваю рѣшительно на этомъ объясненіи. Можетъ быть, лучше всего сохранить рядомъ съ нимъ и другое, предложенное мною ранѣе, т. е. въ однихъ словахъ выводитъ нашу двойственность изъ праязычнаго колебанія, въ другихъ объяснять ее переиначеніемъ.

Перейдемъ теперь къ звуковому явленію, особенно характерному для русскаго языка, помѣщаемому съ полнымъ правомъ въ число отличительныхъ примѣтъ его—къ *полногласію.* Полногласіе есть терминъ, пущенный въ оборотъ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, въ 30-хъ гг. Это названіе основано на невѣрномъ пониманіи самаго явленія: Максимовичъ усматривалъ въ русскомъ языкѣ сравнительно съ другими славянскими языками особенное обиліе гласныхъ, такъ что у него подъ понятіе полногласія подходили и такія слова, какъ волк при чеш. vlk. Въ этомъ смыслѣ онъ видѣлъ полногласіе и въ санскритскомъ языкѣ. Но отказываться отъ термина «полногласіе» незачѣмъ, потому что онъ успѣлъ получить условное, точное значеніе. Передавая своими словами формулировку, данную уже Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, я опредѣляю полногласіе слѣдующимъ образомъ: полногласіе есть своеобразная огласовка плавно-чистыхъ созвучій—появленіе двухъ *о* или двухъ *е* по сторонамъ плавнаго (*р* или *л*), который въ другихъ славян. языкахъ слѣдуетъ за согласнымъ и имѣетъ за собой звуки *а* или *ѣ*, либо *о* или *е*. То, что въ другихъ славян. языкахъ рус. полногласію соотвѣтствуетъ сочетаніе плавнаго съ *а* или *ѣ*, слѣдуетъ понимать не буквально: звука *ѣ* ни въ одномъ славян. языкѣ, кромѣ староцерк. и праслав., не существуетъ, а существуетъ лишь его отраженіе въ томъ или другомъ видѣ, такъ что новославян. языки, представляющіе *ѣ* вм. двухъ русскихъ *е*, имѣютъ собственно не *ѣ*, а его замѣну. Наконечная огласовка плавно-чистыхъ созвучій, притомъ съ ѧ и съ ѣ, свойственна, какъ извѣстно, языку староцерковному, кромѣ того мы ее видимъ въ языкахъ южнославян. — въ болгарскомъ сербскомъ и словенскомъ, и въ одномъ сѣверозападномъ языкѣ— въ чешскомъ. Такимъ образомъ вмѣсто рус. борода́ является староцерк. брада, болг. брада́, серб. бра́да, словен. brâda, чеш. brada. Русскому голова́ соотвѣтствуетъ староцерк. глава,

болг. г л а в а́, серб. г л а́ в а, словен. glâva, чеш. hlava. Русской формѣ м е р ё ж а (сѣть) соотвѣтствуетъ староцерк. мрѣжа, болг. м р е́ ж а, серб. м р ȅ ж а, словен. mréža, чеш. mříže. Этотъ примѣръ впрочемъ представляетъ то неудобство, что въ болг. и серб. языкахъ является такое измѣненіе *ѣ*, въ которомъ его нельзя отличить отъ *е*. Въ дополненіе возьмемъ еще рус. б е́ р е г, староцерк. брѣгъ, болг. б р ѣ г ъ (выговар. б р я к), серб. б р ȉ ј е г, словен. brég. (Чеш. břeh могло бы произойти также изъ б р е г ъ). Языки польскій и лужицкій въ обоихъ своихъ нарѣчіяхъ представляютъ *о* вмѣсто староцерк. а. Мы вм. брада имѣемъ broda, вм. глава—głowa—такъ по-поль. и по-нижнелужиц., по-верхнелуж. будетъ разница въ согласныхъ—hłowa (произносится u̯óva). Вмѣсто ѣ польскій языкъ представляетъ *е*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, можно бы усмотрѣть и ѣ, но въ другихъ совершенно ясно, что основной звукъ для польскаго языка есть *е*. Если мы возьмемъ слово brzeg, то не видно, что̀ лежитъ въ основаніи, но въ соотвѣтствіе русскому б е р ё з а мы находимъ поль. brzoza, гдѣ очевидно имѣется основное *е*, потому что изъ ѣ вышло бы *а*—*brzaza. (Передъ t, d, n, s, z, ł и г є и ѣ подверглись расширенію—первый въ *о*, второй—въ *а*). У Лужичанъ повидимому замѣчается колебаніе: иныя слова указываютъ на є, другіе на ѣ: брѣгъ по-верхнелуж. будетъ brjóh, по-нижнелуж.—brjog (jo указываетъ на *е*); съ другой стороны мы имѣемъ верхнелуж. brěza (ě этимологически есть ѣ; произносится въ родѣ i) [1]), въ нижнелуж. находимъ bŕaza: это bŕaza, скорѣе предполагаетъ є, нежели ѣ [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда славянскіе языки представляютъ колебаніе между двойной (полногласной) и двумя видами наконечной огласовки, родственные языки полагаютъ гласный в п е р е д и п л а в н а г о: въ нихъ, позволю себѣ такъ выразиться, является огласовка *срединная*. Такъ одинъ изъ нашихъ примѣровъ—слово г о л о в а́ существуетъ у ближайшихъ родичей Славянъ, у Литов-

[1]) Это е у Верхнихъ лужичанъ (по наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова: Archiv für slavische Philologie, IV, 576) является тамъ, гдѣ у Чеховъ д о л г о т а. Срв. ниже, стр. 72.

[2]) Впрочемъ считаютъ возможнымъ возводить луж. ě также къ основному *е*, чѣмъ устраняются указанія на основной ѣ.

цевъ: по-лит. — galvà; въ лит. же языкѣ мы находимъ и слово березá въ видѣ bérżas (слово это по-лит. муж. рода). Въ лит. языкѣ имѣется и слово го́род — gar̃das (значитъ овчарня); это же слово существуетъ въ языкѣ готскомъ, гдѣ звучитъ gards (домъ) [1]).

Противополагая обыкновенно въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ наконечной огласовкѣ староцерковнаго языка свое полногласіе, русскій языкъ однако въ иныхъ случаяхъ и самъ представляетъ наконечную огласовку. Мы говоримъ напр. брат, слаб, какъ въ староцерк., а не борот, солоб, какъ можно бы ожидать. Въ такихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки между собой согласны. Что у южныхъ Славянъ и у Чеховъ является *а*, разумѣется само собой, но мы находимъ *а* и у Поляковъ и у Лужичанъ: brat, и не brot; słaby, а не słoby. Сверхъ того и родственные языки сходятся со славянскими въ постановкѣ гласнаго: онъ и тамъ стоитъ позади плавнаго. Вспомнимъ извѣстныя параллели къ слову **братъ, братръ**: frater, φράτωρ, готское brothar, литовское brólis, санскритское bhrā́tar. Слово **слабъ** сродни нѣм. schlaff вялый, безсильный и глаголу schlafen спать, готская форма—slēpan.

Полногласіе есть черта общерусская, одинаково свойственная всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, только въ литературномъ языкѣ она значительно ограничена книжнымъ вліяніемъ; впрочемъ и на народную, особенно на пѣсенную рѣчь приходится допустить книжное вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ полногласіе есть явленіе древнее, исконно-русское—уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности мы находимъ слѣды его. Въ послѣсловіи къ Остромирову Евангелію дьяконъ Григорій упоминаетъ о князѣ **Володимирѣ** и о **Новѣгородѣ**; въ календарѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: **иши задн перегъныкъ листа дъва**. (Въ томъ же словѣ, гдѣ написанъ **ъ** на

[1]) Основное значеніе, очевидно, самое общее: «нѣчто огороженное»— вѣдь городъ первоначально былъ «укрѣпленное мѣсто», «крѣпость», поэтому вполнѣ понятно и тó, что это слово у другихъ Славянъ имѣетъ значеніе зáмка: поль. gród, чеш. hrad значатъ зáмокъ, такъ же и словен. grad; серб. гра̂д, хотя получаетъ иногда значеніе города, но обыкновенно значитъ зáмокъ; съ Русскими насчотъ значенія этого слова вполнѣ сходятся только Болгары.

своемъ мѣстѣ, гдѣ употребленъ правильно ж, онъ написалъ пере- вмѣсто староцерк. прѣ-!).

Въ случаѣ разногласія русскаго языка со староцерковнымъ мы всегда будемъ склонны предполагать отступленіе со стороны Русскихъ. Въ такомъ смыслѣ и понималъ полногласіе Добровскій, который въ своихъ «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» выводитъ оро и ро изъ ра, не вдаваясь, впрочемъ, въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе вопроса. Объясненіе русскаго полногласія предложено имъ, хотя также безъ подробной мотивировки, въ другомъ трудѣ, въ «Наброскѣ славянскаго корнеслова» (Entwurf zu einem Etymologikon der slavischen Sprachen). Въ этой книгѣ Добровскій утверждаетъ (приведу его слова въ точномъ переводѣ), что «русское смягченіе вовсе нежосткихъ созвучій, въ родѣ прѣ- въ пере-, указываетъ на смѣшеніе ихъ съ Финнами». Значитъ, Добровскій объясняетъ тутъ полногласіе вліяніемъ Финскаго племени. Конечно, легко допустить, что русская рѣчь могла подвергнуться финскому вліянію; однако же Финны могли бы навязать русскимъ славянамъ только то, что было у нихъ самихъ. Финскіе языки, также и тюркскіе, никогда не представляютъ двухъ зачинныхъ согласныхъ. Соотвѣтственно этому у нихъ измѣняются слова пришлыя; та́къ, въ финскій языкъ вошло шведское слово klockare звонарь, пономарь (отъ klocka, равнаго нѣмец. Glocke колоколъ), причемъ стало прозноситься lukkari. Подобнымъ же образомъ Финны заимствовали слово крест и сдѣлали изъ него risti. Впрочемъ у Мадьяръ въ заимствованныхъ словахъ встрѣчаемъ вставочные гласные: такъ слово крьстъ звучитъ kereszt, изъ блждъ сдѣлали bolond. На основаніи мадьярскихъ формъ, которыя м. б., имѣлъ въ виду и Добровскій, можно бы объяснить полногласіе финскимъ вліяніемъ; но въ тако́мъ случаѣ русскій языкъ вообще не долженъ бы представлять двухъ согласныхъ въ началѣ словъ: зачѣмъ изъ кратъ не сдѣлано борот, изъ слабъи—солобой? Зачѣмъ вообще, и помимо плавныхъ созвучій, не устранены зачинныя группы согласныхъ: отчего напр. сохранились глаголы стоять, гнать, не обратившись въ тоять, нать или въ сотоять, гонать? Очевидно, объясненіе Добровскаго надо признать неудовлетворительнымъ.

Къ тому же взгляду на полногласіе, какъ Добровскій, т. е. къ признанію его вторичнымъ измѣненіемъ староцерковной огласовки, склонялся Востоковъ. Не усматривая возможности финскаго вліянія, Востоковъ причину полногласія искалъ въ общихъ русскому народу съ финскимъ климатическихъ условіяхъ, во вліяніи сѣвернаго климата. Мысль эта высказана въ извѣстномъ «Разсужденіи о словенскомъ языкѣ». Однако и взглядъ Востокова, какъ замѣтилъ уже Максимовичъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ полногласіе существуетъ не въ меньшей степени и на югѣ Россіи. Притомъ такая общая ссылка на климатическія условія цѣны не имѣетъ, да и самъ Востоковъ, должно быть, не придавалъ ей большого значенія.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и у Каткова, въ его магистерской диссертаціи «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», вышедшей въ 1845 году. Катковъ несовсѣмъ ясно и точно изложилъ свой взглядъ на полногласіе, но изъ сказаннаго имъ можно вывести, какъ его мнѣніе, что основныя славянскія формы сходствовали со староцерковными, т. е. было напр. градъ, изъ чего вышло сначала гродъ, а потомъ городъ. Какъ на доказательство вторичности полногласія Катковъ ссылается на существующее въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и русской акцентовкой. Катковъ отмѣчаетъ, что 1) русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ чешская долгота, напр. коро́ва по-чеш. будетъ kráva, соло́ма—sláma, берёза—bříza, моло́ть (староцерк. млѣти)—mlíti. Когда же 2) удареніе приходится на первую часть полногласія, или вовсе на падаетъ на полногласіе, тогда у Чеховъ, по указанію Каткова, является краткость: го́род по-чешски будетъ hrad, мо́лот—mlat, бе́рег—břeh, де́рево—dřevo, жо́лоб žlab; точно также 3) борода́, слово, гдѣ удареніе приходится не на полногласіе, будетъ brada, голова́—hlava, сторона́—strana. Впрочемъ изъ третьей части катковскаго правила, т. е. изъ утвержденія, что русскому безударному оро по-чешски соотвѣтствуетъ ră, столько исключеній, что слѣдуетъ отрицать самый законъ. Напр. мы имѣемъ по-чешски brázda при русск. борозда́,

dláto при долото́, vlákno при волокно́ [1]). Законъ Каткова въ нѣсколько иномъ видѣ былъ уже раньше указанъ чехомъ Антономъ Ярославомъ Пухмайеромъ (Puchmayer или Puchmír), въ грамматикѣ русскаго языка, изданной въ 1820-мъ г. (Lehrgebäude der russischen Sprache). Пухмайеръ воспользовался этимъ наблюденіемъ для облегченія Чехамъ произношенія русскихъ словъ: онъ даетъ правило, что въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ чехъ по своему количеству можетъ опредѣлить мѣсто русскаго ударенія — зная свое слово hrad, онъ безошибочно можетъ рѣшить, что по-русски будетъ г о́ р о д, а не г о р о́ д; зная свои kráva, bříza, онъ можетъ сообразить, что по-русски говорится коро́ва, а не ко́рова или к о р о в а́, б е р ё з а, а не б е́ р е з а или б е р е з а́. Катковъ изъ указаннаго звукового соотвѣтствія выводитъ, какъ я уже сказалъ, первенство староцерковной огласовки передъ русской. Доказательство этого первенства онъ усмотрѣлъ въ томъ, что русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ долгота. Долгота свидѣтельствуетъ де о первичности ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о первичности носящаго его гласнаго: напр. изъ того, что чехъ говоритъ kráva съ ā, слѣдуетъ, что въ русскомъ к о р о́ в а первичный звукъ есть второе *о*, а первое представляетъ позднѣйшую вставку. Въ связи съ утвержденіемъ, будто чеш. долгота въ соотвѣтствіе русскому ударенію доказываетъ его первичность, находимъ у Каткова цѣлое ученіе о томъ, что рус. удареніе вообще, или, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ первоначальную долготу—ученіе весьма неосновательное.

Въ первенство староцерк. огласовки плавно-чистыхъ созвучій вѣрилъ также С р е з н е в с к і й; онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, не входя однако ни въ какія подробности, въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

Къ тому же мнѣнію видимо склонялся и М и к л о ш и ч ъ, въ 1-мъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», хотя онъ также не вдавался въ подробное разсмотрѣніе вопроса [2]). Миклошичъ

[1]) Мимоходомъ сдѣлаю замѣчаніе насчотъ русскаго слова воро́та-ворота́: чешскій языкъ говоритъ за большую исконность второй акцентовки, такъ какъ нашему воро́та соотвѣтствовало бы *vráta.

[2]) Впослѣдствіи онъ посвятилъ полногласію особую монографію, о которой рѣчь будетъ ниже, т. к. въ ней проводится совсѣмъ иной взглядъ.

дѣлаетъ однако въ этой книгѣ дополненіе къ закону Каткова и Пухмайера, дополненіе, которое вполнѣ опровергаетъ взглядъ Каткова, устраняя и тотъ невполнѣ убѣдительный доводъ, которымъ Катковъ подкрѣпилъ свою теорію полногласія. Оказывается, что чешская долгота въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ не можетъ быть признана прямо праславянской, какъ дѣлалъ Катковъ. Миклошичъ отмѣтилъ, что насчотъ количества плавно-чистыхъ созвучій въ постоянномъ противорѣчіи съ чешскимъ языкомъ находится языкъ сербскій: гдѣ по-чешски долгота, тамъ по-сербски краткость, и, наоборотъ, гдѣ—краткость, тамъ—долгота.

Прежде чѣмъ приводить сербскіе примѣры, необходимо сказать два слова о сербскомъ удареніи. Въ сербскомъ языкѣ существуетъ удареніе однослогóвое и двуслогóвое, т. е. или удареніе приходится цѣликомъ на одинъ слогъ, или же въ немъ участвуетъ также слѣдующій слогъ. Однослогóвое удареніе, когда оно сопряжено съ краткостью гласнаго, обозначается двойнымъ грависомъ, напр. сла̏ва; это однослогóвое удареніе краткостное иначе можно назвать рѣзкимъ. Однослоговое удареніе долготное обозначается округленнымъ циркумфлексомъ; это удареніе есть нисходящее, т. е. первая часть гласнаго по тону выше второй. Тоже самое существуетъ и при рѣзкомъ удареніи, только тамъ, вслѣдствіе краткости гласнаго, это менѣе замѣтно. Однослоговое долготное удареніе представляетъ напр. слово пра̑вда. Двуслоговое удареніе также бываетъ краткостнымъ и долготнымъ. Знакъ краткостнаго двуслоговаго ударенія, которое я называю въ своей акцентологіи слабымъ, есть грависъ; удареніе это мы можемъ видѣть въ какомъ-нибудь словѣ мàгла (мгла). Двуслоговое долготное удареніе, обозначаемое акутомъ, можетъ быть названо восходящимъ, потому что вторая часть гласнаго въ музыкальномъ отношеніи выше первой, напр. ша́ла шутка. И слабое удареніе есть восходящее, но при краткости восходящее движеніе голоса менѣе замѣтно. Срв. сказанное о рѣзкомъ удареніи [1]). Двуслоговость удареній «слаба-

[1]) Сербское употребленіе акута и грависа главнымъ образомъ побуждаетъ меня избѣгать этихъ знаковъ въ русскомъ языкѣ и замѣнять ихъ (что сдѣлано въ моемъ Начертаніи славянской акцентологіи) новымъ знакомъ—отвѣсомъ. Срв. стр. 2, пр. 2.

го» и «восходящаго» состоитъ въ томъ, что кромѣ главнаго восходящаго ударенія есть еще весьма сильное второстепенное удареніе на слѣдующемъ слогѣ; удареніе это нисходящее. Какое-нибудь слово м а̀ г л а имѣетъ, значитъ, на начальномъ слогѣ удареніе восходящее краткостное, а на конечномъ слогѣ удареніе рѣзкое, т. е. краткостное нисходящее. Такимъ же образомъ слово ш а́ л а представляетъ на начальномъ слогѣ удареніе восходящее долготное, на конечномъ — нисходящее краткостное. Возьмемъ далѣе такое слово, гдѣ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ будетъ долгій, напр. ј у̀ н а̑ к. Здѣсь слогъ ј у̀ представляетъ удареніе восходящее краткостное, а н а̑ к—нисходящее долготное [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній отмѣтимъ соотношеніе сербскаго количества съ русской акцентовкой въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ, противорѣчащаго, какъ уже сказано, количеству чешскому. При русскомъ удареніи на второй части, которому у Чеховъ соотвѣтствуетъ долгота, у Сербовъ является удареніе рѣзкое, т. е. нисходящее краткостное: к о р о́ в а по-сербски будетъ к р а̏ в а, с о л о́ м а—с л а̏ м а, б е р ё з а—б р ѐ з а, м о л о́ т ь—м љ ѐ т и [2]). Напротивъ того русскому ударенію на первой части полногласія, которое у Чеховъ находитъ соотвѣтствіе въ краткости, у Сербовъ соотвѣтствуетъ удареніе нисходящее долготное: г р а̑ д, х л а̑ д, б р е̑ г (или, съ разложеніемъ ѣ на два слога, - б р ѝ ј е г). Русск. безударному о р о, мы видѣли, по закону Каткова у Чеховъ соотвѣтствуетъ краткость, въ дѣйствительности то краткость, то долгота; у Сербовъ мы тутъ постоянно видимъ удареніе восходящее, т. е. долготу: г л а́ в а, б р а́ д а, в р а́ т а [3]).

Итакъ чеш. долготу мы не можемъ признать праславянскою въ виду ея противорѣчія съ сербскою, и она отнюдь не свидѣтельствуетъ о первичности второго элемента въ полногласіи. Петръ

[1]) См. у Леонарда Мазинга: Leonhard Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XXIII. № 5. St.-Pétersbourg 1876.

[2]) Знакъ љ обозначаетъ *л* м я г к і й.

[3]) Такимъ образомъ сербское восходящее удареніе, подобно чешской краткости (см. выше, стр. 73, пр. 1), говоритъ за первенство произношенія воротá передъ произношеніемъ ворóта.

Алексѣевичъ Лавровскій, взглядъ котораго на полногласіе намъ придется разсматривать впослѣдствіи, пытался, въ статьѣ по этому предмету, отстоять ученіе Каткова противъ Миклошича и устранить противорѣчіе между количествомъ чешскимъ и сербскимъ. Онъ высказывалъ догадку, что Сербы при опредѣленіи своихъ удареній смѣшали долготу и удареніе; но это предположеніе совершенно неосновательно: нѣтъ сомнѣнія, что написанію съ грависомъ (простымъ или двойнымъ) соотвѣтствуетъ краткость, а циркумфлексу и акуту—долгота, и что противорѣчіе между чешскимъ и сербскимъ языкомъ дѣйствительно существуетъ.

За первенство староцерковной огласовки высказался также Потебня [1]), въ своей монографіи «О полногласіи». Эта монографія, напечатанная въ Филологическихъ запискахъ за 1864 годъ, въ оттискѣ составляетъ первую часть «Двухъ изслѣдованій о звукахъ русскаго языка» [2]). Потебня въ доказательство вторичности полногласія приводитъ аналогію изъ языка сербскаго. Сербскій языкъ, въ югозападномъ своемъ говорѣ, представляетъ явленіе, на которое мы уже видѣли одинъ примѣръ—слово бр̏ијег, при другомъ выговорѣ бр̑ег, въ восточномъ нарѣчіи (въ сѣверозападномъ—бр̏иг). Потебня говоритъ: какъ ē разлагается на ије, такъ, слѣдуетъ думать, и древнее ра разложилось по-рус. на оро, ла—на оло, рѣ—на ере, лѣ—на еле. Что тутъ дѣйствительно есть ближайшая связь, это подтверждается-де соотвѣтствіемъ акцентовки между словами полногласными и словами съ разложившимся ятемъ. По этому поводу Потебня вкратцѣ изложилъ особенности сербской акцентовки. Намъ, чтобы понять сопоставленія Потебни, необходимо отмѣтить, что сербское нисходящее удареніе (какъ краткостное, такъ и долготное) есть удареніе исконное и соотвѣтствуетъ русскому ударенію на томъ же слогѣ: слава—сла́ва, пр̑авда—пра́вда. Съ другой стороны, удареніе восходящее (краткостное и долготное) есть удареніе оттянутое, приближенное на одинъ слогъ къ началу слова. Какъ остатокъ древняго ударенія, сохраненнаго въ русскомъ языкѣ, является удареніе второ-

[1]) Впослѣдствіи измѣнившій свой взглядъ на этотъ вопросъ.

[2]) См. выше, стр. 12.

степенное нисходящее: русскимъ м г л а́, п и л а́ соотвѣтствуютъ серб. м а̀ г л а̏, п и́ л а̏. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что м а̀ г л а есть вторичное измѣненіе древняго м а г л а̏, п и́ л а—древняго п ӣ л а̏: такая акцентовка употребляется у приморскихъ Хорватовъ—Хорватовъ-чакавцевъ, прозванныхъ такъ отъ мѣстоименія ч а (=* чь), вм. котораго у настоящихъ Сербовъ—ш т о [1]). Принимая въ соображеніе вторичность восходящаго ударенія, Потебня указываетъ на стройное соотвѣтствіе между акцентованіемъ сербскаго разложившагося *ѣ* и русскаго полногласія. Оказывается, что русское го́род: сербскому гра̑д= югозап. (герцеговин.) сни̏jег: восточ. сне̑г; рус. б о р о д а́: серб. б р а́ д а, т. е. первоначальному б р а̄ д а̏ = югозап. б и j ѐ д а, первоначальное б и j е д а̏: восточ. б е́ д а, первоначальн. б е̄ д а̏. А такъ какъ иjе есть вторичное измѣненіе, плодъ разложенія, то и аналогичное ему по акцентовкѣ полногласіе должно считаться плодомъ разложенія. Впрочемъ аналогія между полногласіемъ и разложеніемъ *ѣ*, какъ отмѣтилъ уже самъ Потебня, неполная; именно, разложеніе *ѣ* происходитъ только тогда, когда э́кающіе и и́кающіе говоры представляютъ долготу, а при краткости разложенія не бываетъ, полногласіе же является и тогда, когда у Сербовъ произносится краткій звукъ. Та́къ, восточно-сербскія в е̏ р а, д е̏ д по югозап. выговору будутъ в j е̏ р а, д j е̏ д (или со вторичнымъ измѣненіемъ ђ е̏ д)—разложенія нѣтъ, и только вм. простого *е* слышится *jе*. Съ другой стороны сербскому в р а̏ н а соотвѣтствуетъ рус. в о р о́ н а, серб. с л а̏ м а—с о л о́ м а, серб. б р е̏ з а—б е р е̑ з а. Противъ толкованія Потебни, кромѣ его собственной оговорки, можно привести еще одно соображеніе, которое его вовсе опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что соотвѣтствіе между акцентовкой рус. и серб., на которое напиралъ Потебня, есть (какъ было извѣстно и самому Потебнѣ) только частное проявленіе общаго соотвѣтствія въ акцентовкѣ, проходящаго по всему серб. и рус. языку. За немногими исключеніями русскій можетъ безошибочно опредѣлить мѣсто сербскаго

[1]) Впрочемъ въ настоящее время мы склонны предполагать, что предударный слогъ издавна имѣлъ нѣкоторое удареніе. См. выше, стр. 37·

ударенія—оно будетъ всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ по-рус.; напр. по-рус. калáч, калачá—по-сербски кȍла̑ч, колáча; по-рус. добротá—по-серб. добрȍта; по-рус. ширинá—по-серб. шӣрина. Притомъ это оттянутое ударенiе бываетъ двуслогóвымъ, т. е. слабымъ, или же восходящимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Когда же ударенію, падавшему на начальный слогъ, некуда было идти, тогда оно и по-серб. оставалось на мѣстѣ, но въ видѣ однослогóваго, т. е. рѣзкаго, или нисходящаго въ тѣсномъ смыслѣ, напр. рус. вѣ́ра по-серб. звучитъ вјȅра, пи́шешь—пи̑шеш. Такимъ образомъ совершенно естественно, что между акцентовкой плавно-чистыхъ созвучій и слоговъ съ *ѣ* имѣется соотвѣтствіе, и это соотвѣтствіе вовсе не доказываетъ аналогичности полногласія и разложенія *ѣ*. Ничто намъ не мѣшаетъ выставить положеніе обратное Потебнинскому. Тогда какъ Потебня говоритъ, что фонема гра̑д съ нисходящимъ удареніемъ, разлагаясь, давала фонему гóрод съ удареніемъ на первой части, мы смѣло могли бы сказать, что основное гóрод подверглось стяженію, и изъ óро явилось ра̑; также изъ первоначальнаго бородá по-сербски могло бы выдти борȍда, а потомъ со стяженіемъ—брáда [1]). Я вовсе не предлагаю держаться такого толкованія, но привожу его какъ возможное: въ доказательство, что объясненіе, предложенное Потебнею (оставленное впослѣдствіи и имъ самимъ) не заслуживаетъ признанія.

За первенство староцерковной огласовки стоитъ также и Ягичъ. Ягичъ останавливался на этомъ вопросѣ по поводу работы Лавровскаго, въ критическихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ XIV т. Загребскаго журнала «Труды Югославянской Академіи» (Rad Jugoslavenske Akademije). Потомъ онъ возвращался къ нему въ разборѣ одного нѣмецкаго изслѣдованія о полногласіи, о коемъ рѣчь будетъ ниже. Вторая статья напечатана въ Архивѣ Славянской филологіи, и озаглавлена «О нѣкоторыхъ явленіяхъ славянскаго вокализма» [2]).

[1]) Правда вра̏на вм. ворóна, съ краткостью, несмотря не стяженіе, непонятно; но вѣдь ворóна и вјȅра тоже не ладятъ.

[2]) Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Arch. f. slav. Phil., B. I. S. 397—411.

Къ тому же взгляду склоненъ и Лескинъ, соображенія котораго, такъ же, какъ и соображенія Ягича, приведу впослѣдствіи.

Тогда какъ перечисленные изслѣдователи считали полногласіе явленіемъ вторичнымъ, другіе напротивъ—признавали его древней общеславянской чертой, уцѣлѣвшей въ русскомъ яз.; одинъ даже желалъ возвести его къ самому праязыку. Въ такомъ смыслѣ высказался Максимовичъ, котораго я называлъ уже ранѣе, какъ изобрѣтателя термина «полногласіе». Рядомъ съ именемъ Максимовича можно поставить имя чешско-хорватскаго ученаго (чеха по происхожденію, хорвата по дѣятельности въ Загребскомъ университетѣ)—Гейтлера. Затѣмъ слѣдуетъ назвать во второй разъ Потебню, котораго мы раньше видѣли какъ представителя другого взгляда; и также профессора Берлинскаго университета, противъ котораго полемизировалъ Ягичъ, въ только что названной статьѣ,—Іоганна Шмидта.

Максимовичъ въ этомъ ряду первый. Онъ коснулся вопроса о полногласіи въ своей «Исторіи русской словесности», вышедшей въ 1839 г., а потомъ въ «Начаткахъ русской филологіи» (1848). Я уже говорилъ, что Максимовичъ подъ полногласіемъ понималъ вообще обиліе гласныхъ въ языкѣ, что онъ поэтому видѣлъ полногласіе также въ языкѣ санскр., который по сравненію съ новѣйшими языками дѣйствительно представляетъ избытокъ гласныхъ. Если мы однако сравнимъ количественное отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ староцерк. и санскр., или въ санскр. и греч., то сравненіе выходитъ не въ пользу санскр. Такимъ образомъ въ Санскритѣ нѣтъ полногласія въ смыслѣ Максимовича; нѣтъ въ немъ также полногласія и въ нашемъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, хотя Максимовичъ пытался доказать его существованіе нѣсколькими сравненіями. Сравненія эти не выдерживаютъ научной критики, и приводить ихъ почти не стоитъ; указаніе и разборъ ихъ можно найти въ «Замѣткѣ о полногласіи» П. А. Лавровскаго въ VIII т. Извѣстій 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Максимовичъ между прочимъ утверждаетъ, что рус. соро́ка равняется санскр. sāráṅga. Sāráṅga значитъ пестрый, пѣгій [1]), такъ что значеніе не особенно близкое; кромѣ того *о* и *ап*, *к* и *g* другъ другу не со-

[1]) Служитъ также названіемъ одной антилопы, одной птицы и т. д.

отвѣтствуютъ: sārāṅga въ переложеніи на слав. звуки было бы **сарѫга**, по-рус. с а р у г а; или пожалуй (т. к. санскритскому ā въ открытомъ слогѣ м. б. иногда соотвѣтствуетъ слав. **о**)—**сорѫга**, с о р у г а [1]). Другія сопоставленія еще менѣе удачны; такъ напр. слово п т и ц а Максимовичъ сближаетъ съ санскр. pataga; тутъ дѣйствительно есть сродство — корень pat летѣть, д. б., заключается и въ славян. **пътица**, но этимъ сходство и ограничивается: санскр. слово состоитъ изъ patá-s полетъ и ga идти. Еще Максимовичъ кромѣ санскр. яз. ссылается на языкъ мадьярскій, гдѣ онъ указываетъ слова, заимствованныя у Славянъ и представляющія полногласіе, напр. kalasz колосъ, что якобы доказываетъ, что въ періодъ заимствованія такихъ словъ полногласіе существовало также внѣ рус. языка—однако Мадьяры [2]) и изъ **класъ** могли дѣлать kalasz. Еще Максимовичъ приводитъ два-три слова, сохраняющія будто полногласіе у другихъ Славянъ. Таково поль. слово dereń кизильникъ—но это слово надо считать заимствованнымъ у Малороссовъ: настоящимъ польскимъ словомъ оно быть не можетъ, такъ какъ тогда оно звучало бы *dzierzeń.

Взглядъ на полногласіе Максимовича, въ измѣненномъ, болѣе научномъ видѣ, былъ возобновленъ Г е й т л е р о м ъ. Гейтлеръ въ своей «Староболгарской фонологіи» (Starobulharská fonologie, V Praze, 1873) подобно Максимовичу выводитъ наконечную огласовку изъ двойной, причомъ однако, въ виду показаній другихъ европейскихъ яз., считаетъ полногласіе не праязычнымъ явленіемъ, а только п р а с л а в я н с к и м ъ. Слово **жрѣба**, по этой теоріи, первоначально звучало **жерба**, изъ этого вышла прежде всего общеслав., уцѣлѣвшая въ рус. языкѣ, полногласная фонема **жереба**; староцерк. и нѣкоторые другіе славян. языки произвели стяженіе **-ере-** въ **-рѣ-**, и такимъ образомъ возникло **жрѣба**. Самое присутствіе **ѣ**, по мнѣнію Гейтлера, свидѣтельствуетъ о стяженіи: вѣдь **ѣ** возникаетъ изъ звуковъ долгихъ, долгота же тутъ вполнѣ понятна, если исходить изъ фонемы съ двумя гласными. Подобнымъ же образомъ Гейтлеръ предполагаетъ древнѣйшую фонему **голва**, изъ чего по-

[1]) Что sārāṅga, какъ существ., муж. р., разумѣется, неважно.

[2]) По причинамъ, указаннымъ выше, стр. 71.

праславянски вышло голова, сохраненное русскимъ языкомъ и превращенное староцерковнымъ въ глава, причомъ а опять-таки указываетъ на долготу и вмѣстѣ съ тѣмъ на стяженіе. Гейтлеръ нѣсколько затруднялся появленіемъ вмѣсто двухъ *о* звука *а*, тогда какъ можно бы ожидать *долгаго о*, но оправдывалъ это тѣмъ, что Славяне вообще не знаютъ *ō*, а имѣютъ на мѣстѣ его *а*. Мы теперь могли бы, если принять теорію Гейтлера, представить дѣло такъ, что olo дало сначала lō, а это ō, какъ и наслѣдственное *ō*, перешло въ *а*.

По поводу разсужденія Гейтлера вернулся къ вопросу о полногласіи А. Аѳ. Потебня, въ первой части своего труда «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Потебня отчасти согласился съ Гейтлеромъ, но затруднялся выводить la изъ olo, находя, что olo должно бы дать lo, и предположилъ поэтому, что стяженіе произошло въ такой періодъ, когда не было еще *о*, а было *ă*, т е. онъ строилъ полногласную фонему г ă л ă в а, откуда со стяженіемъ — г л ā в а, а затѣмъ уже глава. Поправка лишняя и неудачная: при современномъ взглядѣ на индоевропейскій вокализмъ мы не вправѣ предполагать фонему г *ă* л *ă* в а, а должны предположить г *о* л *о* в а [1]).

Еще разъ ученіе Максимовича было возобновлено въ измѣненномъ видѣ Іоганномъ Шмидтомъ, который не зналъ о мнѣніяхъ Гейтлера и Максимовича, и самъ пришелъ къ подобному же взгляду. Іоганнъ Шмидтъ посвятилъ вопросу о полногласіи и сходныхъ съ нимъ явленіяхъ въ другихъ языкахъ 2-ю часть своего изслѣдованія «Къ исторіи индоевропейскаго вокализма» [2]). Полногласіе у Шмидта является подъ санскритскимъ названіемъ svarabhakti. Слово svarabhakti значитъ «частичный гласный» (svara звукъ, гласный; bhakti дѣленіе, отъ корня bhaǵ дѣлить). Этимъ

[1]) Нѣкоторымъ словамъ, правда, надо приписать дославянское *а*, нпр. основная форма къ прилагат. со́лон, какъ показываетъ сравненіе съ иностранными языками, будетъ *salnos съ *а*, но древнѣйшая праславянская всетаки *solnos.

[2]) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Zweite Abtheilung. Weimar 1875.

именемъ индійскіе грамматисты назвали гласный, который, по ихъ мнѣнію, вторичнаго образованія, а именно возникъ послѣ r и l, имѣющихъ за собой согласные. Такимъ образомъ Шмидтъ подобно Гейтлеру объясняетъ вторую часть полногласія: первая унаслѣдована отъ древности, а вторая есть вторичный звукъ, развившійся изъ нѣкотораго гласнаго призвука, свойственнаго звукамъ r и l. Полногласныя формы по Шмидту, какъ и по Гейтлеру, возникли въ общеславян. языкѣ. Какъ и Гейтлеръ, Шмидтъ строитъ праслав. źerebę. Широкой огласовкѣ плавночистыхъ созвучій онъ придаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ Гейтлеръ—у него является звукъ *а*, склонный къ *о*—g͡alåva, изъ этого средняго звука съ одной стороны могъ-де развиться *а*, а съ другой *о*. Послѣдочная огласовка у Шмидта, какъ и у Гейтлера, происходитъ путемъ стяженія, только онъ пытается оправдать странность такого измѣненія, хотя эта попытка цѣны не имѣетъ и похожа больше не поэтическій оборотъ, чѣмъ на серьёзный доводъ: онъ говоритъ, что первый гласный какъ бы просачивается сквозь полувокальные ŕ и l. Предположивъ, какъ и Гейтлеръ, праславянское происхожденіе полногласія, Шмидтъ сталъ искать слѣдовъ его помимо рус. языка. Указанные имъ слѣды полногласія однако не заслуживаютъ такого названія.

Разсужденіе Шмидта вызвало цитованный уже на стр. 78 разборъ Ягича. Ягичъ высказывается въ пользу первичности послѣдочной огласовки у Славянъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ доказалъ вѣрность этого взгляда: онъ только привелъ рядъ соображеній противъ Шмидта, съ которыми слѣдуетъ согласиться—съ одними вполнѣ, съ другими—отчасти. Не лишено значенія во первыхъ то обстоятельство, что полногласіе встрѣчается только въ одномъ славянскомъ языкѣ, во всѣхъ другихъ, въ томъ или иномъ видѣ, является послѣдочная огласовка. Даже и самъ русскій языкъ знаетъ полногласіе только внутри словъ, а тамъ, гдѣ сочетанія *р* и *л* со слѣдующимъ согласнымъ имѣютъ передъ собой всего одинъ гласный, который составляетъ зачинъ слова, и рус. языкъ ставитъ согласный позади плавнаго. Литовскому alkúnė по-рус. соотвѣтствуетъ *ло*коть, а не *оло*коть; санскр. корню ardh (r̥dhnóti удаваться, преуспѣвать) соотвѣтствуетъ *ро*сти, а не *оро*сти. Далѣе Ягичъ указываетъ на то, что мы должны бы ожидать слѣдовъ полногласія особенно въ вымершемъ языкѣ Полабскихъ

славянъ, который представляетъ двоякую огласовку плавночистыхъ созвучій: въ однихъ случаяхъ (при l)—послѣдочную, а въ другихъ (при r)—передовую. Мы видимъ нпр. х л å д, в л å с (какой здѣсь былъ гласный, мы не знаемъ, по мнѣнію Шлейхера—широкое *o*, или *a*, смахивавшее на *o*), а съ другой стороны мы находимъ г о р д, с т о р н а. Именно въ такомъ языкѣ естественно бы ожидать и полногласія, но его не оказывается. Правда, Шмидтъ привелъ одинъ или два примѣра полабскаго полногласія, однако они не годятся: какое-нибудь dülan вм. **длань** не можетъ быть названо полногласнымъ, потому что гласные въ немъ неодинаковы, существенная же черта полногласія—одинаковость гласныхъ. Еще Ягичъ указываетъ на своеобразное передвиженіе акцента въ русскихъ полногласныхъ словахъ, свидѣтельствующее о вторичности полногласія. Обыкновенно при колебаніи ударенія мы видимъ переходъ его съ сосѣдняго слога на сосѣдній, переходовъ черезъ слогъ почти не бываетъ, между тѣмъ въ полногласныхъ словахъ удареніе скачетъ и черезъ слогъ—при им. пад. б о р о д á стоитъ вин. б ó р о д у, при им. г о л о в á—вин. г ó л о в у. Послѣдній доводъ впрочемъ надо признать слабымъ, или даже совершенно бездоказательнымъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ въ пользу того, что полногласныя слова содержали прежде однимъ слогомъ меньше, чѣмъ впослѣдствіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что было когда-то б р а д á—б р á д ж, мы можемъ сказать, что было б о р д á — б ó р д ж. Вѣскимъ соображеніемъ въ пользу вторичности полногласія можно считать одно отдѣльное слово, на которое не даромъ напираетъ Ягичъ; это—слово с т ó р о ж. С т ó р о ж несомнѣнно сродни лит. sar̃gas, корень sorg, значитъ основная форма будетъ sorg̑ios, откуда въ старо-церк. ***срѫжь** и съ развитіемъ **т** между **с** и **р**, какъ переходнаго звука—**стражь**. Поэтому если с т ó р о ж вышло изъ древнѣйшаго **стражь**, то **т** въ немъ совершенно понятно, если же основное ***сорżь** прежде всего дало полногласную фонему, то должны бы говорить с о р о ж. Что касается полногласныхъ словъ указываемыхъ Шмидтомъ въ общеславянскомъ языкѣ (какія это словà, мы сейчасъ увидимъ), то Ягичъ призналъ ихъ существованіе, но указалъ совершенно справедливо, что они говорятъ не въ пользу Шмидтовской теоріи, а противъ нея: если одни полногласныя словà остались полногласными у всѣхъ славянъ, отчего бы

другія, если были таковыми, подверглись измѣненіямъ? По моему однако общеслав. полногласія не существуетъ ни въ одномъ словѣ. Полногласіе будто бы представляетъ слово **желѣзо**. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ иноязычныя формы съ передовой огласовкой: литовскую gelžìs, латышскую dzelze, старопрусскую gelso; въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать русской формы ж е л ё з о, въ дѣйствительности же рус. языкъ представляетъ *ѣ* на второмъ мѣстѣ, и *ѣ* является во всѣхъ славянскихъ языкахъ; значитъ, это не есть полногласіе. Огласовка этого слова впрочемъ вообще представляетъ затрудненія: лит. языкъ имѣетъ еще форму geležìs съ двумя *e*; съ этимъ словомъ роднятъ также, и д. б. основательно, греч. χαλκός, хотя его κ не ладитъ со слав. з. Мы можемъ, правда, предположить древнѣйшую греч. форму *χαλχός съ двумя придыхательными, изъ которыхъ затѣмъ одинъ утратилъ свое придыханіе, но это не выведетъ насъ изъ затрудненія, п. ч. придыханіе долженъ потерять первый согласный—вышло бы *καλχός, а не χαλκός, какъ изъ *φεύθομαι—πεύθομαι, а не *φεύτομαι. Впрочемъ окончаніе χος могли просто замѣнить обычнымъ суффиксомъ -κος. (Еще до дѣйствія закона о придыхательныхъ въ сосѣднихъ слогахъ.) Полногласіе Шмидтъ усматриваетъ также въ прилаг. **сверѣпъ**, которое въ словенскомъ языкѣ существуетъ въ видѣ srêp (вм. svrêp). Опять таки мы имѣемъ **-ерѣ-** а не **-ере-**, значитъ, и это не есть настоящее полногласіе. Дѣйствительно полногласное созвучіе **-еле-** представляетъ другое прилаг. **пелесъ** темный, сѣрый; однако рядомъ съ **пелесъ** является и **пелѣсъ** съ ѣ. Слово это сопоставляютъ съ лит. pálszas блѣдный, желтоватый. Сюда же относится и лит. названіе мыши — pelẽ. Легко, кажется, можно допустить, что наше прилагат. звучало первоначально **плѣсъ**, и что *е* перенято имъ у какой-нибудь другой однокоренной формы, въ родѣ лит. pelė. Далѣе у Шмидта фигурируетъ слово **елень**, а которомъ мы уже отмѣтили, что оно должно было имѣть нѣкогда разноступенное склоненіе: въ однихъ падежахъ была основа elen, въ другихъ—eln; elen, значитъ, не есть полногласіе, а есть сильный видъ основы, и не произошло изъ eln черезъ Шмидтовскую svarabhakti, а наоборотъ eln развилось изъ elen. Сравнивая съ разнотемностью, проявляющейся у этого слова, санскр. разнотемность какого-ниб. слова radžan—им. rádžā, род. rádžńas, вин.

rādžānam, мы легко могли бы предположить, что слав. **єлєнь** имѣло также нѣкоторыя формы съ **ѣ** на второмъ мѣстѣ. Вотъ къ подобнымъ формамъ можетъ восходить затрудняющая насъ огласовка слова **желѣзо. Желѣзо** въ такомъ случаѣ предполагаетъ огласовку ghelēgh, лит. geležìs—ghelegh, другая лит. форма gelžìs—ghelgh, греч. χαλκός—gh ̥lgh.—Наибольшее сходство со словомъ **єлєнь** имѣетъ, приводимое также у Іог. Шмидта, слово **пєлєна**, которое является въ такомъ видѣ въ староцерк., серб., болгар., хотя въ староцерк. отмѣчена и форма **плѣны** (мн. ч.); мы по-серб. видимъ пелѐна, по-болг. пелена́; у Словенцевъ однако plenà, уменьшительное pleníca. Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить для него древнѣйшее склоненіе съ согласной основой; т. е. какой-нибудь имен. pélō, род. pelnós, вин. pelénm̥, при чемъ, значитъ, изъ однихъ падежей идетъ ele, изъ другихъ el, которое по староцерковной фонетикѣ дало **лѣ**.

Возвращаясь къ возраженіямъ Ягича противъ Шмидта, я долженъ отмѣтить еще одинъ изъ доводовъ послѣдняго, который ему представлялся особенно вѣскимъ. По мнѣнію Шмидта въ нѣкоторыхъ словахъ староцерковная огласовка развивается такъ сказать на нашихъ глазахъ изъ полногласія. Онъ видитъ такое явленіе въ словѣ **пладьнє: пладьнє** произошло-де изъ **полодьнє**. Однако формы **полодьнє** не встрѣчается, и предполагать ее вовсе не слѣдуетъ. Вѣдь **полъ** половина есть слово уковаго склоненія — **полъ**, род. **полоу**; значитъ, оно, хотя и могло явиться въ составѣ сложенія въ видѣ **поло** (такъ какъ по-славянски *о* сдѣлалось обыкновеннымъ «соединительнымъ» гласнымъ), но нѣтъ никакой надобности въ этомъ; органическая же форма была бы **полъдьнє**. Однако и этой формы не встрѣчается. Для объясненія нашего **пладьнє** удобнѣй всего предполагать, что основа была первоначально согласная, а въ такомъ случаѣ **плад-** вм. **полд-** представляетъ обыкновенныя условія появленія **ла** вм. **ол**: какъ ***голва** дало **глава**, такъ и ***полдьнє** дало **пладьнє**. Подобнымъ же образомъ можно толковать, и притомъ рѣшительнѣе, слово **устрѣдьнєвьнъ** (эпитетъ Лазаря). Шмидтъ выводитъ **-рѣ-** изъ **-єрє-**, но совершенно произвольно. По замѣчанію Ягича написаніе **-єрє-** почти не встрѣчается (мнѣ кажется, что оно даже совсѣмъ не встрѣчается), но является колебаніе между **-єро-**, **-єръ-**, **єрѣ-** и даже **-ѣрѣ-**. Можно думать, что окончаніе пер-

вой части было непонятно для писца; но съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, думается мнѣ, эту форму слѣдуетъ считать совершенно ясной, а толковать ее можно такъ же какъ пладьне, т. е. видѣть въ первой части согласную основу четвер-, которая представляла при соединеніи съ д тѣ условія, при которыхъ въ староцерк. возникаетъ вм. ер —рѣ. Меньше еще вѣсу, чѣмъ указанные примѣры, имѣетъ скралоупа рядомъ со скорлоупа. [1]) Нѣкоторымъ словамъ, приводимымъ Шмидтомъ, нельзя впрочемъ отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности: таково заимствованное народное названіе σαρακηνός, которое по-слав. является въ формѣ срацинъ; тутъ дѣйствительно, греч. -αρα- замѣнено черезъ -ра-. Можно однако допустить, что изъ греч. σαρακηνός русскіе сдѣлали сороцинъ, а потомъ эту форму, которая могла показаться полногласной т. е. руссизмомъ, передѣлали на церковный ладъ. Еще Шмидтъ сопоставляетъ τέρεμνον со слав. трѣмъ, считая трѣмъ заимствованнымъ изъ греческаго, въ чемъ можно и сомнѣваться; но, конечно, и при общемъ происхожденіи этихъ словъ τέρεμνον представляетъ нѣкоторый доводъ въ пользу первенства полногласія.—Возраженія Ягича вызвали отвѣтъ Шмидта, напечатанный въ XXIII т. Журнала Сравнительнаго языкознанія. Излагать эти возраженія, хотя иныя изъ нихъ и не лишены значенія, нѣтъ надобности, такъ какъ я къ доводамъ Ягича уже присоединилъ нѣкоторыя оговорки, отчасти взятыя у Шмидта.

Соображенія, высказанныя въ пользу послѣдочной огласовки Лескинымъ, я приведу ниже, теперь же перейду къ третьей группѣ взглядовъ на полногласіе, по которымъ разныя славянскія огласовки одинаково древни и не происходятъ одна изъ другой. Представителемъ этого взгляда является Миклошичъ, который раньше склоненъ былъ исходить отъ староцерковной огласовки, но измѣнилъ свои воззрѣнія въ посвященной этому вопросу монографіи: «О происхожденіи словъ старословенской формы trêt и trat», 1878 г. Trêt и trat—это формулы, въ которыхъ r служитъ общимъ знакомъ для обоихъ плавныхъ (r и l), а t—для другихъ согласныхъ. Пользуясь этой формулой, Миклошичъ для обозначенія

[1]) Срв. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, стр. 147 =Р. Ф. В., т. XXIV, стр. 175, пр. 2. Скоролоупа, конечно, руссизмъ.

полногласія пишетъ teret и torot, а соотвѣтственную польско-лужицкую огласовку обозначаетъ посредствомъ tret и trot. Миклошичъ въ указанной монографіи строитъ праславянскія формы съ передовой огласовкой (tert и tort) и изъ нихъ выводитъ троякую огласовку отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Праславянскій выговоръ былъ, по этой теоріи, bergъ, откуда вышло съ одной стороны брѣгъ, съ другой—берегъ, съ третьей—брегъ. Такимъ же образомъ существовало-де праславян. golva, которое породило съ одной стороны глава, съ другой—голова, съ третьей—глова. Какъ и почему произошло такое измѣненіе, Миклошичъ не говоритъ: онъ довольствуется утвержденіемъ, что Славяне не терпѣли плавныхъ *р* и *л* передъ слѣдующимъ согласнымъ и такъ или иначе старались избавиться отъ подобныхъ созвучій. Миклошичъ, значитъ, только высказалъ свой взглядъ, но отнюдь не доказалъ его.

Непосредственную связь между полногласіемъ и инославян. огласовкой отрицалъ также Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ статьѣ «О русскомъ полногласіи», помѣщенной въ Извѣст. 2-го отдѣл. Имп. Ак. Н. въ V т., въ «Матеріалахъ для сравнительнаго словаря и грамматики русскаго языка и славянскихъ нарѣчій». Толкованіе полногласія у Лавровскаго довольно странное, но я приведу его для полноты нашего обзора. Лавровскій исходитъ изъ предположенія, что въ праязыкѣ были корни со слоговыми r и l, которые обладали способностью къ подъему; путемъ подъема и получался первый звукъ полногласія, т. е. подобнымъ образомъ, какъ корень tv r̥ въ существит. затворъ является въ видѣ тв*о*р, корень st l̥ въ существ. столъ—въ видѣ ст*о*л, такъ произошелъ подъемъ и въ какихъ-нибудь корняхъ gr̥d, gl̥v, при чемъ появилось первое *о* въ словахъ городъ и голова, звучавшихъ первоначально гордъ и голва. Чехи и Южные славяне утратили, сохраненную русскими, способность къ подъему—у нихъ напр. въ словахъ trh, plný слышны слоговые r и l, которые по-русски путемъ подъема переходятъ въ ор и ол: торг, полный. Утративъ способность къ подъему, Чехи и Южные славяне восполнили ее прибавленіемъ къ r и l другихъ гласныхъ—*а* и *ѣ*: вм. г*о*лва у нихъ явилось гл*а*ва, вм. б*о*рда—бр*а*да, подобнымъ же образомъ бр*ѣ*гъ вм. б*е*ргъ. Вліяніемъ этихъ инославянскихъ формъ Лавровскій объясняетъ появленіе въ русскомъ

языкѣ второго гласнаго.—Въ этомъ объясненіи есть цѣлый рядъ странностей. Во первыхъ такъ называемый подъемъ (употребленіе корня въ болѣе сильномъ видѣ) зависитъ отъ строенія слова: словамъ при извѣстныхъ окончаніяхъ свойствена болѣе сильная, или болѣе слабая огласовка корня; значитъ подъемъ является при возникновеніи новыхъ словъ. Рус. волк рядомъ съ чеш. vlk, огласовка котораго совпадаетъ съ праславянскою, не представляетъ подъема, а переходъ l̥ (или замѣнившаго его ьл, ъл) въ ol; рус. языкъ вѣдь не унаслѣдовалъ корня vlk и не образовалъ отъ него вновь существ. волк. Точно также у Праславянъ существовало, съ той или другой огласовкой, существ. голова — Русскіе не вновь образовали это слово, и о подъемѣ на русской почвѣ говорить невозможно. Что до второго гласнаго, то замѣна черезъ ꙁ и ѣ утраченнаго подъема есть предположеніе странное; странно также заимствованіе этихъ гласныхъ: мы, правда, на каждомъ шагу видимъ заимствованіе словъ, но не звуковыхъ особенностей. Если даже допустить заимствованіе, предположивъ нпр. для его оправданія смѣшеніе Русскихъ съ другими славянскими племенами, то это вліяніе вѣроятно породило бы фонемы голава, борада и берѣг съ ятемъ, а не извѣстныя намъ полногласныя фонемы съ двумя *о* или съ двумя *е* [1]. Странной представляется также одна подробность въ теоріи Лавровскаго. Лавровскій говоритъ, что слоги er и el, замѣненные у Югозападныхъ славянъ черезъ *рѣ* и *лѣ*, представляютъ подъемъ r и l слоговыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе восходятъ къ слогамъ ri и li. Ri, li, конечно, могли бы чередоваться съ рѣ, лѣ, еслибы *ѣ* тутъ былъ дифтонговый, однако чередоваться со слогами er, el они никакъ не могутъ. Это ученіе Лавровскій взялъ, повидимому, изъ санскритской грамматики, съ которой вѣроятно былъ мало знакомъ. Д. б., ему представлялись такіе случаи какъ tr̥tíya третій отъ корня tri. При теоріи Лавровскаго оказывается также необъясненнымъ, почему развилась послѣдочная огласовка у Поляковъ и Лужичанъ, чтò онъ и самъ отмѣтилъ. Поляки и Лужичане сохраняютъ «подъемъ»: Поляки не говорятъ напр. trg, a targ, между

[1]) Впрочемъ есть всетаки возможность выводить г*о*л*о*ва изъ параллельныхъ фонемъ г*о*лва и гл*а*ва, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

тѣмъ у нихъ является выговоръ broda. Хотя такимъ образомъ объясненіе полногласія у Лавровскаго оказывается весьма неудачнымъ, но статья его вполнѣ заслуживаетъ упоминанья потому, что Лавровскій далъ подробное сопоставленіе славянскихъ словъ между собой и со словами родственныхъ языковъ—отмѣтивъ, какія явленія соотвѣтствуютъ полногласію въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ. Кромѣ того, кажется, и въ самомъ объясненіи есть таки доля правды. Мнѣ представляется невозможнымъ объяснять разнообразныя огласовки плавно-чистыхъ созвучій исключительно звуковымъ путемъ, и я склоненъ допустить здѣсь, въ томъ или иномъ видѣ, подражательное измѣненіе словъ.

Изслѣдователи нашего вопроса, по моему, прекрасно опровергаютъ другъ друга, но ни одинъ самъ не выставилъ убѣдительной теоріи. Весьма странно, какъ мы уже отмѣтили, перестановка, или же прохожденіе гласнаго сквозь плавный, каковыя приходится предполагать при любомъ изъ предложенныхъ объясненій. Одинаково, говорю я, непонятно, ка́къ форма городъ могла дать гроодъ, изъ чего потомъ грōдъ и градъ, и ка́къ градъ или грōдъ могло разложиться въ гроодъ, откуда потомъ городъ. Непонятно также, почему глава въ такомъ случаѣ разложилось въ голова, а прилаг. слабъ сохранилось безъ разложенія. Для послѣдняго затрудненія указана однако возможность оправданія Лескинымъ. Лескинъ въ III т. Архива Славянской филологіи помѣстилъ «Замѣчанія къ вопросу о полногласіи» (Bemerkungen zur Svarabhaktifrage). Лескинъ обратилъ вниманіе на аналогію, представляемую однимъ явленіемъ Нижнелужицкаго языка, явленіемъ, которое на первый взглядъ можно бы истолковать въ пользу первенства полногласія, но которое требуетъ иного объясненія. Явленіе это слѣдующее. У Нижнихъ лужичанъ звукъ r, слѣдуя за безголоснымъ смычнымъ согласникомъ, т. е. за звуками k, t, p, превращается въ š: основному **просити**, русск. просить, но-нижнелуж. соотвѣтствуетъ pšosyś; основному **просо**—pšoso, основному **троха** малость—tšocha, основному **кръть**, русск. крот,—kšet, инфинитиву **трясти**, русск. трясти, соотвѣтствуетъ tśeść (ś—знакъ мягкаго *ш*). Въ противуположность указаннымъ случаямъ, въ которыхъ r во всѣхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ за k, t, p, тѣ случаи, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, сохраняютъ звукъ

r, напр. **праса**, рус. поросёнокъ не будетъ pšose, a prose; староц. **страна**, рус. с т о р о н а не будетъ stšona, a strona, глаголъ **прѣти**, рус. п е р е т ь не будетъ pśeś, a pŕeś. Это вотъ явленіе можно бы, какъ замѣчаетъ Лескинъ, обратить въ пользу полногласія— сказавъ, что, очевидно, въ то время, когда у Нижнихъ лужичанъ совершался переходъ созвучій kr, tr, pr въ kš, tš, pš, такія слова какъ **праса** не представляли еще соприкосновенія звуковъ k, t, p съ r, а представляли полногласіе, только впослѣдствіи измѣненное, т. е. когда вм. proso стали произносить pšoso, говорили еще porose, и лишь позднѣе совершилось выпаденіе перваго *o*, и тогда уже превращенія r не произошло. Однако такое толкованіе было бы ошибочно, потому что можно указать письменный памятникъ XVI столѣтія, гдѣ нѣтъ еще превращенія r послѣ указанныхъ согласныхъ, т. е. пишется prosyś, но уже существуетъ послѣдочная огласовка. Значитъ, объяснять отмѣченную двойственность какъ слѣдъ полногласія не приходится. Лескинъ предлагаетъ видѣть въ разсматриваемыхъ случаяхъ двоякій выговоръ r. Дѣйствительно, можно предполагать, что звукъ r, имѣвшій предъ собой согласные k, t, p, издавна пріобрѣлъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ не было такого соприкосновенія. Можно, такимъ образомъ, думать, что разсматриваемое явленіе восходитъ къ двоякости праславянскаго r: r въ какомъ-нибудь словѣ **трава**, гдѣ r издавна стоялъ послѣ t, могъ отличаться отъ r въ словѣ **страна**, восходящемъ къ дославянскому *stornā. Вотъ на этой двоякости, м. б., и основывается та двойственность, которая насъ затрудняетъ въ русскомъ языкѣ: т р а в а, но с т о р о н а и т. п. Конечно, вопросъ о полногласіи и этимъ не рѣшается вполнѣ: мы, правда, поймемъ, что своеобразный r могъ выдѣлить изъ себя новый гласникъ, такъ что какая-нибудь фонема б *о* р *а* д а была бы понятна, но зачѣмъ же б о р *о* д а: зачѣмъ звукъ *а* измѣнился въ *о*? Непонятна также польская и лужицкая огласовка: зачѣмъ тамъ вмѣсто *а* появляется *о*, вм. *ѣ—е*?

Въ виду всего выше изложеннаго, мнѣ казалось бы нужнымъ предположить въ праславянскомъ языкѣ двоякую огласовку занимающихъ насъ созвучій. Это указано въ одномъ примѣчаніи къ первой таблицѣ моего «Начертанія славянской акцентологіи» (стр. 233). Въ виду господствующей во всѣхъ неславянскихъ язы-

кахъ передовой огласовки, древнѣйшему славянскому языку, кажется, приходится вмѣстѣ съ Миклошичемъ приписать такую же огласовку, т. е. предположить фонемы **борда, голка, бергъ, мелко**. Съ другой стороны, однако, согласіе Южныхъ славянъ съ Чехами, языкъ которыхъ вообще довольно далекъ отъ языка Южныхъ славянъ, говоритъ въ пользу того, что и послѣдочная огласовка есть явленіе праславянское, т. е. что кромѣ фонемъ **борда, голка, бергъ, мелко** существовали **брада, глава, брѣгъ, млѣко**. Изъ указанныхъ дублетовъ съ удобствомъ можно объяснять существующее разнообразіе—иные Славяне просто сохранили одни изъ дублетовъ (**брада, глава** и т. д.); у Поляковъ же и Лужичанъ можно предположить сдѣлку между фонемами **борда** и **брада, бергъ** и **брѣгъ**, породившую сумѣски broda и breg, въ которыхъ постановка гласнаго идетъ изъ одной фонемы, качество—изъ другой. Русскій языкъ, по моему мнѣнію, произвелъ прежде всего ту же сдѣлку, какъ польскій и лужицкій, а потомъ слилъ получившіяся фонемы въ одну, сохранивъ огласовку обѣихъ, такъ, что изъ **борда** и **брода** вышло полногласное б *о* р *о* д а. Но ка́къ, спрашивается, понять двойственность **брада** и **борда**? Не отстрочиваемъ ли мы только этимъ объясненіемъ наши затрудненія? Вѣдь всетаки формамъ послѣдочной огласовки, не появляющимся внѣ славянскихъ языковъ, приходится приписать вторичное возникновеніе въ общеславянскомъ языкѣ. Однако существуетъ теорія, которая, если справедлива, можетъ насъ вывести изъ затрудненія. Именно, выставлено предположеніе (К р у ш е в с к и м ъ, въ V т. Рус. Фил. Вѣстн., въ работѣ «Къ вопросу о гунѣ»), что славянскія *ра, ла, рѣ, лѣ* соотвѣтствуютъ иногда долгимъ слоговикамъ праязыка, т. е. $\bar{\underset{\circ}{r}}$ и $\bar{\underset{\circ}{l}}$. Пришлось бы, значитъ, предположить въ данныхъ корняхъ колебаніе между огласовкой черезъ *о* и *е* и черезъ долгіе слоговики: построить праязычное склоненіе bhórdhā, родит. bh$\bar{\underset{\circ}{r}}$dhā́s, изъ чего по-славянски развилось **бо́рда, брады́**—съ колебаніемъ огласовки по падежамъ, впослѣдствіи устраненнымъ черезъ примѣненіе ихъ другъ къ другу.

При моемъ толкованіи полногласія падаетъ также нѣкоторый свѣтъ на одно весьма загадочное явленіе, которое, впрочемъ, и такъ не вполнѣ выясняется. Я разумѣю то обстоятельство, что староцерковному созвучію **лѣ** по-русски соотвѣтствуетъ не только *еле*, но и *оло*. *Еле* мы видимъ въ словѣ ж е л е з а́, словенская

форма котораго есть žléza или žlézda, сербская ж л и ј ѐ з д а; видимъ также въ словѣ с е л е з ё н к а, при которомъ стоитъ староцерковное слѣзена (встрѣчается, впрочемъ, также написаніе слезена), и въ словенскомъ мы находимъ slezena, и въ сербскомъ с л е з ѝ н а (окончаніе -*ена* по-сербски замѣнено обычнымъ суффиксомъ -*ина*). Въ большинствѣ случаевъ мы однако видимъ не *еле*, а *оло*: при староцерк. млѣко стоитъ рус. м о л о к ó. Млѣко проходитъ по другимъ славянскимъ языкамъ съ обычной варьяціей. Подобнымъ же образомъ мы имѣемъ форму м о л ó з и в о (первое молоко посотёлу), вмѣсто староцерк. млѣзиво съ ѣ; глаг. п о л ó т ь въ староцерк. формѣ будетъ плѣти; староцерк. длѣто (оно не встрѣчается, но можетъ быть предположено на основаніи серб. д л и ј ѐ т о и словен. dléto), по-русски произносится долотó [1]). Подобное же явленіе какъ русское *оло* вм. лѣ, замѣчается и у сѣверозападныхъ Славянъ—у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ. Тáкъ, слово д о л о т ó находитъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ языкѣ чешскомъ, гдѣ оно звучитъ dláto; въ польскомъ является фонетически не совсѣмъ ясное—dłuto, уменьшительное dłutko. По-польски u нерѣдко происходитъ изъ *o* при извѣстныхъ условіяхъ, которыя отчасти существуютъ въ уменьшительномъ dłutko, поэтому можно думать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что dłutko есть неэтимологичное написаніе, и что слѣдовало бы писать, вм. u, ó; въ форму же dłuto u могло зайти изъ уменьшительнаго. Впрочемъ, можно также думать, что слово это заимствовало огласовку черезъ u отъ однокореннаго глагола dłubać долбить, что въ переложеніи на староцерк. звуки будетъ длъбати. Но, какъ бы то ни было, едвали подлежитъ сомнѣнію, что польское dłuto замѣнило первоначальное dłoto, равное чеш. dláto, рус. д о л о т ó. Далѣе мы въ соотвѣтствіе рус. м о л о к ó по-поль., рядомъ съ mleko, находимъ другое существ.

[1]) Въ староцерк. памятникахъ, правда, употребляется это слово въ видѣ длато, но длато можетъ быть просто неправильнымъ измѣненіемъ русской формы на староцерковный ладъ: при томъ согласіи, которое вообще существуетъ относительно огласовки плавно-чистыхъ созвучій между староцерковнымъ и другими южно-славянскими языками, едвали можно сомнѣваться, что по-староцерковному было длѣто, а не длато.

młokos молокососъ [1]). Еще мы въ польскомъ видимъ твердый согласный и широкую огласовку въ соотвѣтствіе рус. м о л о́ з и в о, а именно говорятъ młodziwo. Młodziwo представляетъ явное переиначеніе: dź вм. ź идетъ изъ прилаг. młody, но едвали оттуда же заимствована огласовка: еслибы по-польски основная фонема была mleziwo, то ее не стали бы примѣнять къ мало-похожему прилаг. młody: вѣроятно, было młoziwo. Далѣе мы видимъ въ соотвѣтствіе рус. ж о́ л о б (при староцерк. **жлѣбъ**, серб. ж л ӣ ј е б, слов. žlẽb), чешск. žlab, поль. żłób, род. żłobu; также у Лужичанъ (у Верхнихъ, какъ у Нижнихъ)—žłob. И слово ж е л е з а́, которое въ рус. языкѣ представляетъ узкую огласовку, встрѣчается съ огласовкой широкой, рядомъ съ узкою, у Чеховъ; это слово у Чеховъ имѣетъ троякій выговоръ: hlíza, hláza и žláza.

Основная форма въ указанныхъ словахъ, повидимому, представляла *е*; объ этомъ можно заключить уже по такимъ случаямъ, какъ **жлѣбъ**, ж о́ л о б, гдѣ произошло смягченіе, указывающее на соприкосновеніе согласнаго съ узкимъ гласнымъ. Можно сослаться также на родственные языки: при глаголѣ в о л о́ ч ь, староцерк. **влѣшти**, стоитъ литов. velkù съ *е*. Въ третьихъ въ этомъ же смыслѣ говоритъ явно заимствованное слово ш е л о м, ш л е м, равное готскому hilms, нѣмецкому Helm. Но, конечно, существованіе передовой огласовки черезъ *е* не мѣшаетъ предположенію, что рядомъ съ нею могли существовать другія формы съ огласовкой послѣдочной.

Для объясненія славянскаго колебанія при звукѣ l между широкимъ и узкимъ гласникомъ І о г. Ш м и д т ъ ссылается на вліяніе твердаго ł. У нѣкоторыхъ Славянъ развился-де твердый ł, и подъ его вліяніемъ произошло расширеніе, т. е. еще въ праславянской рѣчи въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ древняго želbъ сдѣлалось żełbъ съ твердымъ *ł*, который потомъ повліялъ на *е*, и вышло žołbъ. Фонема želbъ, становясь полногласной, дала želebъ, а фонема žołbъ—žołobъ, потомъ со стяженіемъ получилось žlêbъ и žłabъ. Объясненіе это однако не годится. Расширеніе *е* въ *о* никакъ не можетъ считаться явленіемъ праславянскимъ: несомнѣнно, что рус-

[1]) Насчетъ соотношенія польскаго młokos и рус. м о л о к о с о с ъ ср. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, подъ словомъ Melko.

ское полногласіе древнѣе расширенія; такъ что преполагать форму žoꙇъ и изъ нея žoꙇoъ не приходится. Нѣсколько яснѣе представляется это дѣло при моемъ взглядѣ на полногласіе. Можно предположить колебаніе по падежамъ; та́къ отъ слова ж е л е з а́ имен. могъ быть *желꙁа, род. глаꙁы; изъ формы *глаꙁы мы прямо и будемъ выводить чешское hláza; žláza объяснимъ примѣненіемъ къ тѣмъ падежамъ, гдѣ было ж. Примѣняясь къ такимъ падежамъ, какъ *желꙁа, *глаꙁы могло вм. $\bar{a}$ получить $\bar{e}$ (*ѣ*), т. е., сохранивъ долготу, но усвоивъ окраску отъ другихъ падежей, $\bar{a}$ могло замѣниться черезъ $\bar{e}$. При полномъ примѣненіи огласовки родительнаго къ именительному, могло возникнуть *желꙁа, *глеꙁы, а далѣе ж *е* л *е* з а́. Однако какое-ниб. м *о* л *о* к о́ можно вывести изъ основного *мелко, род. млака не иначе какъ при содѣйствіи такихъ формъ, какъ *болто, род. блата — безъ нихъ могло бы возникнуть только млѣко, *млако, *мелако, *мелѣко.

Остановимся теперь на другой особенности русскаго языка, которая также не повторяется въ инославянскихъ языкахъ. Это есть появленіе звука *о* вм. староцерковныхъ ъ и звука *е* вм. староцерковнаго н, которое замѣчается передъ *j*. Вмѣсто староцерк. фонемъ мън!, мънѫ мы имѣемъ по-русски м *о* й!, м о́ й у, а въ какомъ-нибудь родит. падежѣ людни по-рус. является е—л ю д *е́* й. Это превращеніе даже не есть общерусское: оно господствуетъ только въ великорусскомъ нарѣчіи, но не въ бѣлорусскомъ и не въ малорусскомъ. Происходитъ такое измѣненіе въ слѣдующихъ случаяхъ. *О* вм. ъ является 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат.: з л о й вм. ꙁълън, д о́ б р о й вм. добрън. (Основной великорус. формой слѣдуетъ считать д о б р о й, теперешнее д о б р ы й орѳографическій славянизмъ, который впрочемъ и фонетически находитъ себѣ оправданіе, такъ какъ *ы* довольно хорошо изображаютъ тотъ глухой выговоръ, который слышится вм. безударныхъ *о* и *а* въ закрытомъ слогѣ). 2) Мы находимъ такое измѣненіе у нѣкольких глаголовъ, въ настоящемъ времени и въ повелит. наклоненіи; это глаголы: в ы т ь, к р ы т ь, м ы т ь, р ы т ь, н ы т ь. 3) Мы видимъ это измѣненіе въ нѣкоторыхъ родственныхъ указаннымъ глаголамъ существительныхъ; напр. в о й при глаг. в ы т ь, п о р т о м о́ й к а при глаголѣ м ы т ь, з е м л е р о́ й к а при глаг. р ы т ь.

Звукъ *е* вм. **и** является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат., гдѣ мы пишемъ *i*, подобно тому, какъ въ твердомъ различіи пишемъ *ы*, но основнымъ великорус. окончаніемъ слѣдуетъ считать *ей*; напр. си́ней, лу́чшей. 2) Въ родит. пад. мн. ч.: людéй, костéй и т. д. 3) Въ настоящ. и повелит. глагола брить: брѣю, брѣй, гдѣ, правда, обыкновенно пишутъ *ѣ*, но совершенно произвольно. 4) Въ повелит. глаголовъ бить, вить, пить, шить. И наконецъ 5) въ нѣкоторыхъ существ.: воробéй, соловéй, муравéй, жéребей, и́ней, змѣй и змѣя́ (въ двухъ послѣднихъ мы пишемъ *ѣ*, но безъ надобности). Изъ указанныхъ случаевъ употребленія *е* вм. **и** нѣкоторые повторяются и въ малорусскомъ, а именно, мы находимъ сущ. соловéй и род. падежи на *е*: свинéй, дiтéй, хотя есть также свини́й и т. п., и у Бѣлоруссовъ здѣсь является *ей*; но въ большинствѣ случаевъ Малороссы и Бѣлоруссы, какъ уже сказано, согласны съ остальными Славянами.

Въ указанной особенности великорусскаго языка видятъ обыкновенно вторичное звуковое измѣненіе. Однако, еслибы совершился переходъ звука **ы** въ *о* и звука **и** въ *е* передъ j, то не могли бы существовать такія формы, какъ злы́йä, друг'и́йä. Мнѣ кажется (по этому вопросу есть моя статейка въ V т. Р. Ф. В.), что *о* и *е* слѣдуетъ выводить изъ **ъ** и **ь**, которые первоначально чередовались съ **ы** и **и**. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень легко допустить; та́къ прилагат. **ѕълыи** имѣло древнѣйшую форму **ѕълъи**; такъ и для **синии** основная форма есть **синьи**. Точно также и родит. на **ии** имѣютъ при себѣ дублеты, представляющіе **ьи—людьи**. Существительнымъ на *ей*, какъ сълав'éй, върабʼéй, естественно приписать первоначальное окончаніе **ьи** уже вслѣдствіе бѣглости звука *е* (родит. сълав'já, върабʼjá). Также у глаголовъ, представляющихъ *е* вм. **и**, мы видимъ бѣглость коренного гласнаго—пью рядомъ съ пей; въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ настоящ. шью, бью, вью. Особое положеніе занимаетъ повелит. лей при наст. лью; его можно бы объяснить изъ **льи**; но, такъ какъ обыкновенное наст. въ староцерк. есть **лѣѭ** и повелит. **лѣи** (съ **ѣ**), то здѣсь можно возводить *е* къ **ѣ**. Въ пользу древности **ь** въ указанныхъ случаяхъ говоритъ языкъ чешскій: въ старочеш. языкѣ существуютъ формы bju, pju вм. позднѣйшихъ bijі,

ріјі. Подобнымъ же образомъ я для глаголовъ съ *о* вм. ы предполагаю наст. и повелит. съ ъ—мъѭ, мън. Можно спросить, конечно, почему тутъ ъ не онѣмѣлъ, находясь въ открытомъ слогѣ. Но сохраненіе ера легко объясняется тѣмъ, что на него падало удареніе, а ударяемый гласный онѣмѣть не могъ. Чередованье ы съ ъ, и съ ь въ корняхъ и суффиксахъ вполнѣ понятно: оно аналогично тому чередованію, которое мы дѣйствительно имѣемъ въ староцерк., напр. въ настоящемъ уьтѫ при инфинитивѣ уисти. Кромѣ указанныхъ словъ, въ которыхъ переходъ, по-моему мнимый, совершался передъ ј, есть одно слово, гдѣ русскій языкъ представляетъ звукъ *о* вм. ы передъ другимъ согласнымъ; это нарѣчіе нонѣ вм. нынѣ. И здѣсь очень легко предположить колебаніе между ы и ъ, т. е. первоначально между ū и ŭ. Мы дѣйствительно по-греч. видимъ νῦ рядомъ съ νῦν, по-санскр. nū и nŭ. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется было нынѣ и *нънь-уе, и впослѣдствіи стали примѣнять одну форму къ другой и говорить не только ноньче, но и нонѣ, нонѣшній. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ моего толкованія можно сослаться на исторію языка: Колосовъ отмѣчаетъ, что ей вм. ій встрѣчается только съ XII или начала XIII вѣка, а ой вм. ый въ XIII, или въ началѣ XIV в. Приблизительно тоже самое говоритъ Потебня: «въ началѣ XIII ст. является ей, которое въ началѣ XIV уже господствуетъ». Мнѣ однако кажется, что эти данныя не мѣшаютъ допустить, что великорусское нарѣчіе своими *о* и *е* восходитъ къ ъ и ь. Писцы могли подъ книжнымъ вліяніемъ предпочитать написанія ы и и—вѣдь еще до недавняго времени у насъ писали злый. Могли такому употребленію буквъ ы и и вм. о и є или же ъ и ь содѣйствовать мѣстные говоры: уроженецъ юга или запада, говорившій, слѣдовательно, языкомъ, который впослѣдствіи развился въ малорусское или бѣлорусское нарѣчіе, конечно, могъ писать *ы* и *и* по свойству своей рѣчи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе явленіе, котораго приходилось касаться уже по другимъ поводамъ — малорусское сжатіе или наклоненіе гласныхъ, при которомъ исконные *о* и *е* переходятъ въ *і*. Наклоненіе или сжатіе имѣетъ мѣсто въ закрытыхъ слогахъ: основное волъ даетъ віл, родит. однако волá; таковы же ніс—нóсу, кість—кóсти; лід (ледъ)—

ле́ду. Это явленіе не во всѣхъ областяхъ Малороссіи вполнѣ одинаково. Прежде всего замѣтимъ, что звукъ *і*, возникающій изъ первоначальнаго *о*, произносится различно: въ говорахъ Галиціи это *і* умягчительное, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ ѣ; напротивъ того на Волыни и въ Подольѣ оно неумягчительно, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ и; на Украйнѣ оно вообще умягчительно, но лишь слегка умягчаетъ звуки *н* и *л*. Такимъ образомъ въ словѣ лій, основномъ лои, слогъ лі не совпадаетъ со слогомъ лі въ словѣ ліс, гдѣ і вполнѣ мягкое, въ словѣ же лій оно тоже мягко, но въ меньшей степени, съ чѣмъ соединенъ также двоякій выговоръ *л*; такимъ же образомъ въ словѣ ніс (носъ) *и* и *н* мягкія, но мягкость не столь значительна, какъ въ словѣ німець. Какъ изъ всякаго звуковаго закона, такъ и изъ этого закона есть исключенія, которыя однако обыкновенно объясняются очень легко и просто. Есть, вопервыхъ, такіе случаи, гдѣ наклоненію подвергаются прояснившіеся ъ и ь, напр. слова́ брова́ (староцерк. бръвь), дро́ва́ (дръва) образуютъ род. мн. брів, дрів. Очевидно, здѣсь происходитъ подражаніе словамъ со звукомъ *о* исконнымъ; точно такъ же объясняется уменьшит. брі́вка вм. органическаго бро́вка. И полногласное *о* сжатію не подвержено; однако здѣсь также есть, но опять-таки рѣдкія, исключенія: та́къ, слово борона́ можетъ образовать род. мн. боро́н и борі́н; бере́за—бере́з и бері́з: очевидно и это і плодъ подражанія. Мы находимъ также иногда *і* вм. *о* въ открытыхъ слогахъ; напр. уменьшит. гвіздо́к не должно бы имѣть звука і, а должно бы звучать гв*о*здо́к; таково же слово кіло́к (кол) и родительные гіро́к, кізо́к; не ожидали бы мы встрѣтить и уменьшительнаго второй степени ні́жечка къ слову нога́. Однако всѣ эти формы объясняются вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ формъ; именно, гвіздо́к и кіло́к взяли свое *і* у косвенниковъ—гвіздка́, кілка́, гвіздку́, кілку́ и т. д.; род. кізо́к основывается на законномъ сжатіи въ остальныхъ падежахъ—кі́зка, кі́зки и т. д.; уменьшит. второй степени ні́жечка взяло свое *і* отъ уменьшит. первой степени ні́жка. Есть также нѣкоторыя исключенія въ другую сторону—случаи сохраненія *о* и *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ихъ превращенія. Это должно отчасти объясняться книжнымъ вліяніемъ. Таково слово Бог, которое, впрочемъ, встрѣчает-

Bayerische Staats-Bibliothek München

ся и въ формѣ Біг, напр. да́сть Біг, помога́й Біг, спаси́бі. Съ такимъ же книжнымъ *о* является слово год (настоящее малорусское названіе года есть рік—поль. rok), при производномъ погі́дчата (дѣти-погодки); таковы же слова́ Господ́ь, дом (дом по-малорус. ха́та), гром, рядомъ съ которымъ есть и грім. Далѣе исключенія представляютъ нѣкоторыя глагольныя формы: веде́ш, веде́цця, гдѣ, очевидно, было вліяніе другихъ лицъ, напр. 3-го л. безъ суффикса—веде́.

По сравненію съ другими славян. языками слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что малорус. *і* вм. *о* и *е* восходитъ къ первоначальной долготѣ, т. е. что первоначально происходило въ закрытыхъ слогахъ продленіе, и потомъ уже это количественное измѣненіе повело къ качественному.

Подобное же сжатіе, какъ въ въ малорусской рѣчи, существуетъ въ языкахъ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ и сербскомъ. Притомъ въ сербскомъ языкѣ дѣйствительно является долгота, точно также и въ чешскомъ, только чешская долгота соединена и съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Не пускаясь въ подробности, отмѣчу серб. Бо̄г—Бо̄га, ле̄д—ле̄да (или, употребляя знаки сербскихъ словарей и грамматикъ, Бо̂г—Бо̏га, ле̂д—ле̏да); по-чешски мы имѣемъ Bůh—Boha. Въ чешскомъ мы видимъ ū, которое по этимологическимъ соображеніямъ обозначается черезъ ů, въ болѣе старомъ языкѣ здѣсь былъ дифтонгъ uo, еще раньше—о̄.

Также и малорусское сжатіе м. б. проходило черезъ эти ступени. Дѣло въ томъ, что въ областной малорусской рѣчи существуютъ дифтонги уо, уе, уа, уі, также просто у и ў; такіе дифтонги и монофтонги встрѣчаются въ разныхъ областяхъ: въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ковенской, Черниговской, на Угорской Руси. Потебня, Житецкій и Огоновскій, видя въ этихъ звукахъ остатокъ старины и думая, что они представляютъ переходныя ступени отъ о̄ къ теперешнему і, строятъ длинный рядъ переходовъ. Я затрудняюсь съ ними согласиться и не считаю нужнымъ приводить ту послѣдовательность, въ которой они располагаютъ этотъ переходъ звуковъ. Въ говорахъ, представляющихъ дифтонги вм. *о*, тѣ же дифтонги замѣняютъ и первоначальное *е*, только что предшествующій согласный мягокъ; напр. тамъ, гдѣ говорятъ

вуол вм. віл, тамъ также говорятъ и ꙇуод вм. лід. Поэтому указанные ученые и сжатіе *е* проводятъ через тѣ же ступени, какъ сжатіе *о*. Потебня, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ *е* стояло передъ согласнымъ мягкимъ, такъ что трудно предположить расширеніе его въ *о*, напр. ка́мін, ка́мена: здѣсь Потебня выводитъ *і* прямо изъ *е*. Мнѣ казалось бы, къ чему склоненъ и Ягичъ, что естественнѣй выводить *і* изъ *е* и *о* безъ посредства дифтонговъ, считая дифтонги побочнымъ явленіемъ областной рѣчи. Но, и не проводя звука *е* черезъ всѣ эти ступени, всетаки можно объяснять ими *і* на мѣстѣ *о*. Въ пользу дифтонговъ говоритъ обычность передъ сжатымъ *о* призвука: подвергшееся сжатію начальное *о* всегда имѣетъ передъ собой *в*, напр. слово окно́ звучитъ вікно́, слово ове́ць (род. мн.) стоитъ при именит. вівця́; оре́л образуетъ род. вірла́. Съ одной стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что звукъ *в* не могъ развиться фонетически передъ *і*, а съ другой—первая часть дифтонга *уо* легко могла перейти въ *в*. Можно думать, что изъ основного ōрла́, которое мы имѣемъ въ серб. языкѣ (имен. о̏рао, род. о̏рла), развилась форма уорла́, перешедшая сначала, смотря по тому, предшествовалъ ли гласный звукъ или согласный, въ ворла́ и ірла́, а затѣмъ, какъ плодъ сдѣлки между этими двумя фонемами, появился выговоръ вірла́. Въ виду показанія другихъ славянскихъ языковъ, мнѣ кажется, надо возводить начатки продленія въ закрытомъ слогѣ звуковъ *о* и *е* къ праславянской порѣ, т. е. надо думать, что подъ конецъ этого періода началось ослабленіе ъ и ь, рука объ руку съ которымъ шло усиленіе другихъ е́ровъ и ерей и продленіе чистыхъ гласныхъ въ предшествующихъ слогахъ—въ реченіяхъ сънъ, дьнь, домъ, ледъ конечный слогъ ослабѣвалъ, а начальный усиливался. Объ этомъ нѣсколько подробнѣй говорится въ моей «Славянской акцентологіи», въ дополнительной главѣ о количествѣ. Предположивъ, что продленіе началось еще въ праславянской рѣчи, естественно думать, что оно должно было существовать и въ основномъ русскомъ языкѣ. Я склоненъ предполагать, что какое-нибудь слово нос въ основномъ рус. представляло ō; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что вмѣсто срединнаго ъ въ такихъ случаяхъ было ŏ напр. сŏн; соотвѣтственно тому лēд представляло ē, а день—ĕ. (Возможно, конечно, что

въ основномъ русскомъ уже не было долготы, а что она была замѣнена качественнымъ измѣненіемъ гласнаго). Держась такого мнѣнія, я долженъ допустить, что, тогда какъ въ малорусской рѣчи фонемы съ продленными или же нѣсколько измѣненными въ качественномъ отношеніи звуками *о* и *е* продолжали развиваться фонетически и дошли до звука *і*, въ великорусской онѣ были устранены путемъ подражанія: ледъ и носъ утратили свои долгія или своеобразныя *о* и *е*, заимствовавъ краткія или обыкновенныя *о* и *е* у косвенниковъ. Такимъ образомъ малорусское сжатіе представляетъ слѣды древняго количества, м. б., правда, не русскаго, а только праславянскаго. Въ пользу того, что долгота существовала и въ самомъ русскомъ, можно сослаться на нѣкоторыя областныя формы. Кое-гдѣ (въ Гродненской и Ковенской губ.) слышится, будто-бы, вмѣсто сжатаго *о* просто ō; если это вѣрно, то въ этомъ можно видѣть глубокій архаизмъ.

Въ обыкновенной русской рѣчи настоящаго количества не существуетъ; мы видѣли, впрочемъ, что безударные гласные представляютъ количественные оттѣнки: что они неодинаково кратки. Существуетъ далѣе, въ областной рѣчи, какая-то долгота, о которой, однако, свѣдѣнія весьма скудны. Колосовъ въ Вятской губерніи подмѣтилъ случаи долготы, не зависящей, по его мнѣнію, отъ ударенія. Онъ приводитъ напр. глаголъ синѣ́ти, сущ. ōзеро, нарѣчіе пожа́луйстā, глаг. вози́тӣ. Указанная долгота едва ли можетъ быть признана древнею, потому что сербскій языкъ въ этихъ случаяхъ (по скольку имѣетъ такія слова) представляетъ краткость: језеро, во̏зити, го̏р-је-ти. Весьма немногочисленныя фразы, приводимыя Колосовымъ, указываютъ на логическій характеръ этого продленія: «не берутъ то вѣдь ӯжъ, молодые-то не берӯтъ», тутъ видимо продленіе представляетъ риторическій пріемъ. Уже несомнѣнно риторическимъ характеромъ отличается та долгота, которая слышится въ обыкновенной русской рѣчи. Такъ, при удивленномъ вопросѣ мы, кажется мнѣ, употребляемъ восходящее удареніе, сопряженное съ долготой: спрашивая напр. «зачѣ́мъ это?» «когда́ это было?» мы протягиваемъ ударяемый гласный и, кажется, повышаемъ голосъ на второй части. Обыкновенно однако русскіе ударяемые гласные—средней длительности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ ударяемые гласные болѣе краткіе,

получающіе притомъ удареніе, похожее на рѣзкое удареніе сербскаго языка и на краткостное—нѣмецкаго. Такой выговоръ гласнаго—краткій съ рѣзкимъ удареніемъ—сопряженъ съ усиленіемъ слѣдующаго согласнаго, которое на письмѣ выражается удвоеніемъ согласной буквы. Можно подобрать довольно много прилагательныхъ съ окончаніемъ нный: браннъй, брȁннъй, висеннъй, соннъй, длȉннъй, палы̏ннъй, тшугȕннъй. Подобнымъ же образомъ слышится рѣзкое *о* въ словѣ пȍдданъй; точно такъ же въ прилаг. низшій (гдѣ мы пишемъ *зш*, а этимологически должно бы писать *жш*, фонетически—*шш*) мы имѣемъ *и* съ рѣзкимъ удареніемъ—нȉшшъй; точно такъ же въ прилаг. вы̏шшъй слышатся *ы* съ рѣзкимъ удареніемъ, а въ словѣ бȕтта—*у* съ такимъ же удареніемъ. Само собой разумѣется, что все дѣло въ произношеніи: иногда мы на письмѣ не обозначаемъ усиленія согласнаго, но въ рѣчи соблюдаемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произносимъ рѣзкое удареніе. Таково слово поручик, этимологическое написаніе котораго было бы -чщикъ, а фонетическое -ттшик, таково нарѣчіе фпрȍттшим. Такое же удареніе является во 2-мъ л. ед. ч. и въ 3 л. обоихъ чиселъ, равно какъ въ неокончательномъ возвратныхъ глаголовъ, такъ что получаются окончанія -аттсса, -ȁттса, -ȉттсса, -оттсса, -ȕттсса, -ы̏ттсса, -ȉсса, -ȍсса; такимъ образомъ является выговоръ старȁттсса, грȁттсса, ръзлитаттсса, стримȉттсса (въ послѣдней фонемѣ совпадаютъ инфинитивъ и однинное третьеличье настоящаго), (он) нисȍттсса, (ани) нисȕттсса, мы̏ттсса, (ты) нисосса, (ты) стримȉсса. Также и наоборотъ, когда согласныя буквы удваиваются, но въ произношеніи этого удвоенья не соблюдается, то предшествующій гласный не становится рѣзкимъ—такъ напр. слово классъ, гдѣ мы пишемъ два *с*, но произносимъ одинъ, не имѣетъ рѣзкаго ударенія.

По поводу количества я коснулся вопроса объ удареніи; скажу теперь нѣсколько словъ о его мѣстѣ, чѣмъ и закончу свой очеркъ фонетики гласныхъ. Русское удареніе, какъ извѣстно, не связано

никакими общими законами и можетъ падать на любой слогъ— русская акцентовка, по моей терминологіи, есть разномѣстная-вольная. Въ другихъ языкахъ бываетъ акцентовка одномѣстная; такова чешская, напирающая всегда на начальный слогъ; другія акцентовки, будучи разномѣстными, могутъ быть разномѣстными-связанными, т. е. представляющими ограниченную свободу; такова напр. греческая акцентовка, которая держится въ границахъ конечнаго слога и двухъ ему предшествующихъ, и притомъ связана еще извѣстными количественными ограниченьями. Вольную акцентовку среди славянскихъ языковъ представляютъ еще сербскій, словенскій и болгарскій. Впрочемъ, можно сказать, что и въ русскомъ языкѣ удареніе обыкновенно падаетъ на три послѣдніе слога, какъ въ греческомъ, уже потому, что односложныя, двусложныя и трехсложныя слова составляютъ въ языкѣ большинство, да и во многосложныхъ удареніе не разъ падаетъ на одинъ изъ этихъ трехъ слоговъ. Итакъ, русское удареніе чаще всего приходится на одинъ изъ трехъ конечныхъ слоговъ. Нерѣдко, однако, оно падаетъ на четвертый съ конца, иногда и на пятый; встрѣчается удареніе на шестомъ, на седьмомъ, пожалуй, даже на восьмомъ слогѣ отъ конца, но оно составляетъ уже рѣдкость. На удареніе въ предѣлахъ трехъ конечныхъ слоговъ приводить примѣровъ не стоитъ, такъ оно обычно. На 4-мъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слѣдующія слова: ви́сѣлица, су́кровица, о́колотень, глагольныя формы опи́сываю, отдѣ́лываю, разска́зываю, портня́жничаю, разбо́йничаю, прилагательныя на -и́тельный въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. снисходи́тельная, -наго; на пятомъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слова: взя́точничество, вы́брошенные, глагольныя формы (вы) разска́зываете, (что̀ вы) подѣ́лываете. Удареніе на шестомъ слогѣ, еще болѣе рѣдкое, представляютъ напр. о́боротничество, заи́мствованіями, Все́володовичи; такую акцентовку имѣетъ цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся, напр. обнару́живающійся, скра́дывающійся, воспи́тывающійся. Еще рѣже встрѣчается удареніе на седьмомъ слогѣ; примѣромъ можно взять, служившее намъ уже раньше примѣромъ, отчество Всеволодовичи въ твор. пад.: Все́володовичами, и нѣкоторые падежи прича-

стій на -и в а ю щ і й с я, -ы в а ю щ і й с я, напр. с к р а́ д ы в а ю щ і е с я. На восьмомъ слогѣ удареніе имѣетъ одно только слово, и то, если не сокращать его окончанія -іе въ -ье, это—в ы́ б а л л о т и р о в а н і е. Примѣровъ на удареніе на пятомъ, шестомъ и седьмомъ слогѣ съ конца можно подобрать довольно много, однако при этомъ замѣчается, что слова такого рода—книжныя, искусственныя, чаще всего—причастія. Считая отъ н а ч а л а слова, удареніе также чаще всего приходится на первый, на второй, или третій слогъ, рѣже на четвертый, весьма рѣдко на пятый, или на шестой. Удареніе, падающее на четвертый слогъ отъ начала, мы видимъ напр. въ слѣдующихъ словахъ: в о р о т н и к и́, и н с п е к т о р а́, п е р е п л е с т и́, удареніе на пятомъ слогѣ: с о р о к о в и к и́, п е р е п о л о ш и́ т ь, (о н а) п е р е в е д е н а́; на шестомъ: п е р е г о в о р е н о́, о т р е к о м е н д о в а́ т ь. На седьмомъ слогѣ имѣемъ удареніе въ одномъ искусственномъ словѣ—в ы с о к о п р е в о с х о д и́ т е л ь с т в о; однако здѣсь удареніе соединено со второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. То же второстепенное удареніе замѣчается въ сложныхъ словахъ, съ удареніемъ на шестомъ слогѣ: м а̀ л о р а с п р о с т р а н е́ н н ы й, о̀ б щ е у п о т р е б и́ т е л ь н ы й—слова эти также искусственныя.— Русскій языкъ въ дѣлѣ ударенія представляетъ немало мѣстнаго разнообразія, но въ большинствѣ случаевъ слова акцентуются одинаково во всей Великой и даже Бѣлой и Малой Россіи [1]).

[1]) Подробнѣе говорится объ удареніи въ моемъ не разъ уже цитованномъ Начертаніи славянской акцентологіи; кое-что указано и въ этихъ лекціяхъ на стр. 1, 36, 72—73, 75—78.

Согласные звуки.

Характерную особенность русскаго консонантизма составляетъ сильное развитіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (по терминологіи Грота—дебелыхъ и тонкихъ). Въ другихъ европейскихъ языкахъ господствуютъ согласные среднiе. Такъ напр. твердое *т* въ прилагательномъ тóмный представляетъ рѣзкую противуположность мягкому *т* прилагательнаго тёмный, а нѣмецкое *t* какого-нибудь Tonne бочка стоитъ между ними по серединѣ. Даже остальные славянскіе языки—за исключеніемъ польскаго и, кажется, лужицкаго—не знаютъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ русскій. Съ другой стороны, у остальныхъ славянъ не такъ развита мягкость [1]). У Поляковъ (сравнительно весьма богатыхъ мягкими согласными) не бываютъ мягкими ch, t, d и r: первое вслѣдствіе сохраненія имъ исконной твердости, напр. muchy, а не мýх'и, какъ по-русски; вторыя два вслѣдствіе перехода мягкихъ t и d въ ć и dź, напр. pić, dzień, а r — вслѣдствіе превращенія его въ болѣе-менѣе твердый шипящій звукъ (первоначально *рж*, *рш*, теперь просто *ж*, *ш*), напр. morze (гдѣ rz=*ж*), krzyk (гдѣ rz=*ш*). Подобнымъ же образомъ Нижніе лужичане не знаютъ мягкихъ ch, h: говорятъ напр. muchy, hykawa (икота), не знаютъ также мягкихъ t, d, которыя перешли

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи допущены нѣкоторыя неточности, во избѣжаніе неумѣстныхъ здѣсь подробностей изъ инославянскихъ фонетикъ. Между прочимъ я предпочелъ вовсе не упоминать о Болгарахъ.

въ ś, ź, напр. piś, źeń. У Верхнихъ лужичанъ мы не находимъ t′, d′, ś, ź, l′: первыя два превратились въ ć, dź, напр. pić, dźeń, остальныя три отвердѣли—s и z вполнѣ, напр. sywy сивый, zyma зима, l—до средняго выговора, напр. ludźo (людиѥ). Чехи знаютъ мягкость только у трехъ согласныхъ: ť, ď, ň, напр. tělo, děd, něco (нѣчто). Сербы имѣютъ четыре мягкихъ звука љ, њ, ћ и ђ, напр. кра̑љ, ко̏њ, но̑ћ, мѐђа. Словенцы умягчаютъ лишь два согласника: l и n, напр. kralj, konj.

Въ русскомъ же языкѣ всѣ согласные, за коими первоначально слѣдовали є, ь, ѣ, и или ѧ—бываютъ мягки: мы видѣли въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ, что русскіе *е* и *и* звуки «умягчительные», что ѧ перешелъ въ *’а*, и что онѣмѣвшій ь оставилъ по себѣ мягкость [1]). Изм. Ив. Срезневскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе наши слависты, понимали меньшее количество мягкихъ согласниковъ въ инославянскихъ языкахъ какъ утрату сохраняемой русскою рѣчью старины, такъ что говорили объ «ослабленіи» въ этихъ языкахъ мягкости и твердости. Однако гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагать у всѣхъ славянъ уклоненіе отъ старины, только въ разныя стороны: тогда какъ у однихъ мягкость и твердость уменьшалась, у другихъ она увеличивалась. Въ Староцерковномъ несомнѣнно могли умягчаться всего три согласныхъ л, р и н, мягкость которыхъ обозначалась на письмѣ посредствомъ іотированныхъ гласныхъ, а иногда посредствомъ ка́моры (̑): **полѥ, полꙗ, полю, пол̑и, пол̑ь; морѥ, морꙗ, морю, мор̑и, мор̑ь; син̑ь, синꙗ, синѥ**—умягченіе произошло подъ вліяніемъ нѣкогда входившаго въ составъ окончаній j. Тѣ же л̓, р̓, н̓ слѣдуетъ предполагать и въ праславянской рѣчи, гдѣ, кромѣ того, должны были звучать мягко ж, ш, ч, ждж (=ж̓д̓ж̓), щ (=ш̓т̓ш̓), ц (=т̓с̓) и ѕ (д̓з̓), напр. бож̓е!, душ̓е!, отьч̓е!, дъж̓д̓ж̓ь, рош̓т̓ш̓а, рѧц̓ѣ, ноѕ̓ѣ. Возможно, что такъ было и въ староцерковномъ (это предполагаютъ на основаніи весьма обычнаго употребленія въ такихъ случаяхъ бук-

[1]) Тамъ же отмѣчены и нѣкоторыя (вторичныя) отступленія отъ общаго закона.

вы ю: мѫжю, быкъшю, отьцю и т. п.), но навѣрное сказать этого нельзя [1]).

Итакъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ староцерковномъ и въ праславянскомъ языкѣ согласные передъ всякимъ є, ь, ѣ, ѧ и и были мягки. Даже въ общерусскомъ, въ виду малорусской твердости слоговъ те, ти, де, ди, и т. д., удобнѣе предположить передъ узкими гласными средній выговоръ. Противъ праславянской мягкости нѣкоторыхъ слоговъ можно привести фонетическія соображенія. А именно, зубные *с*, *з*, *т* и *д* не могли бы въ такомъ случаѣ удержаться, а подверглись бы превращенію въ **ш**, **ж**, **шт** и **жд**: вмѣсто **село**, **ꙁемлꙗ**, **тѧжькъ**, **дьнь** явились бы **шело**, **жемлꙗ**, **штѧжькъ**, **ждьнь**. (По-русски было бы вм. тáшкъй— т͡шáшкъй, вм. д҆ен҆—жен҆; у другихъ славянъ еще иначе). Также губные въ такомъ положеніи у южныхъ и у восточныхъ славянъ потерпѣли бы нѣкоторое измѣненіе: вмѣсто **бити**, **перо**, **вьсь**, **мѧсо**, стали бы говорить **блити**, **плеро**, **вльсь**, **млѧсо**. Не предполагая такимъ образомъ для праславянскаго языка мягкости согласныхъ передъ всѣми узкими гласными, мы съ другой стороны не можемъ приписать имъ вездѣ одинаковое произношеніе; а должны думать, что у Праславянъ, смотря по широкости или узости слѣдующаго гласнаго, появлялись такіе же оттѣнки, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ звукъ t въ словѣ Theer деготь мягче чѣмъ въ словѣ Thor ворота, а въ словѣ Thier животное еще мягче чѣмъ въ Theer. Умягченіе (въ большей или меньшей степени) является естественнымъ слѣдствіемъ того, что переходъ отъ твердаго согласнаго, образуемаго съ расширенною устною полостью, къ узкому гласному весьма неудобенъ.

Сильно развивши мягкость и твердость, русская рѣчь почти не знаетъ согласныхъ среднихъ. Таковые слышатся въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально твердый согласный (имѣвшій когда-то за собою ъ), или же склонный къ отвердѣнію губной подвергся такъ сказать половинному примѣненію къ слѣдующему мягкому, напр. к҆н҆йга, первонач. **кънига**, лóв҆л҆а; нѣкоторые согласные (ж, ш и ц) бываютъ средними и передъ гласными—срв. стр. 9.

[1]) См. мой разборъ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина.“ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., іюль, стр. 185.

Представлю теперь таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, къ которой присоединю замѣчанія на счетъ принятой въ этой таблицѣ классификаціи и терминологіи, а также на счетъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ.

		Согласные					
		Мгновенные			Протяжимые		
		Ротóвые		Носовые	Проточные		Дрожащіе
		Безголосные	Голосовые		Безголосные	Голосовые	
Заднеебные	Тв.	к: как	г: гáга	—	х: крахá	ҕ: блáҕа	—
	Ср.	к̇: к̇н̓и́га	г̇: г̇н̓и́т̓и!	—	х̇: вздах̇н̓и́т̓и!	ҕ̇: ҕ̇д̓ä	—
	Мяг.	к̓: к̓и́с̓т̓	г̓: г̓ил̓	—	х̓: с̓т̓их̓и́	j: а блájä	—
Переднеебные	Тв.	—	—	—	ш: шар	ж: жар	р: рак
	Ср.	—	—	—	ш̇: ш̇ес̓т̓	ж̇: ж̇ес̓т̓	р̇: р̇в̓и!
	Мяг.	—	—	—	ш̓: з̓д̓е́ш̓н̓ый	ж̓: п̓р̓е́ж̓н̓ый	р̓: р̓áса
Зубные	Тв.	т: так	д: дар	н: нос	с: сон	з: зуп	л: лáпа
	Ср.	т̇: т̇р̓и	д̇: д̇р̓ан̓	н̇: зван̇к̓и́	с̇: ус̇н̓и́!	з̇: з̇л̓ýка	л̇: пал̇к̓и́(?)
	Мяг.	т̓: т̓ен̓	д̓: д̓ен̓	н̓: н̓áн̓а	с̓: с̓óмга	з̓: з̓áбнут̓	л̓: л̓áмка
Зубногубные	Тв.	—	—	—	ф: фóфън	в: вол	—
	Ср.	—	—	—	ф̇: вáф̇л̓и	в̇: дрóв̇н̓и	—
	Мяг.	—	—	—	ф̓: ф̓е́да	в̓: в̓ол	—
Губные	Тв.	п: пол	б: бок	м: мох	—	—	—
	Ср.	п̇: лóп̇н̓и	б̇: грáб̇л̓и	м̇: кáм̇н̓и	—	—	—
	Мяг.	п̓: п̓ен̓	б̓: б̓äс	м̓: м̓ел̓	—	—	—

Мгновенные согласные иначе называются взрывны́ми, или смычны́ми: термины эти выставляютъ разныя стороны образованія этихъ звуковъ, при которомъ во рту происходитъ сомкнутіе органовъ, а затѣмъ мгновенный разрывъ ихъ выпускаемою струею воздуха. Словомъ «протяжимые» я замѣняю употребляемыя другими «протяжные» и «длительные», потому что звуки этого рода обыкновенно вовсе не протягиваются, а только спо-

собны къ протяженію. Гротъ, весьма удачно назвавшій мгновенные звуки «смычными», противуполагаетъ имъ протяжимые какъ «проторные», ибо при образованіи ихъ воздухъ такъ сказать протирается черезъ тѣснину между не совсѣмъ сомкнутыми органами. Термина «проторные» я не усваиваю себѣ потому, что онъ слишкомъ похожъ на другой терминъ «проточные» употребляемый мною при подраздѣленіи протяжимыхъ звуковъ. Названіе «проточные» указываетъ на тó, что воздухъ какъ бы плавно протекаетъ по устной тѣснинѣ, тогда какъ при образованіи «дрожащихъ» языкъ приходитъ въ дрожательное движеніе [1]). Мгновенные согласные въ нашей таблицѣ подраздѣлены на «ротóвые» и «носовые». «Ротóвые» согласные образуются въ одной лишь ротóвой полости, которая бываетъ отдѣлена отъ носовой посредствомъ поднятія небной занавѣски; при «носовыхъ» же воздухъ выпускается и въ ротъ и въ носъ: носовая полость даетъ свой особый резонансъ, а во рту происходитъ то же сомкнутіе органовъ, какъ для звука *д* (при чемъ получается *н*), или какъ для *б* (тогда получается *м*). Носовой резонансъ есть элементъ протяжимый и придаетъ носовымъ согласнымъ нѣкоторую протяжимость—ихъ поэтому обыкновенно и относятъ къ звукамъ длительнымъ; чтò на мой взглядъ, въ виду участія въ нихъ мгновенныхъ элементовъ *д* и *б*,—невѣрно [2]).

Изъ согласныхъ названныхъ въ таблицѣ «задненёбными» одни вполнѣ заслуживаютъ это названіе, т. к. при нихъ задняя часть языка подымается къ заднему нёбу; другіе точнѣе могли бы быть названы средненёбными, т. к. дѣйствуютъ среднее нёбо и средняя часть языка. Конечно, между задненёбными и средненёбными нельзя провести точной границы. Нашимъ задненёбнымъ

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что названіе „плавныхъ," которымъ я выше (напр. стр. 68) по привычкѣ пользовался для звуковъ *р* и *л*, лучше подходитъ къ другимъ протяжимымъ, нежели къ нимъ. Еще менѣе оно подходитъ къ *н* и къ *м*, которые въ греческой и латинской грамматикѣ также называются плавными.

[2]) Думаю такъ на перекоръ Зиверсу (Eduard Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1881, S. 45, Anm. 2), который отвергаетъ сходное съ моимъ мнѣніе „индусовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ".

согласнымъ обыкновенно даютъ неточное, хотя болѣе краткое и удобное названіе «гортанныхъ».

Изъ звуковъ «передненёбныхъ» (при коихъ кончикъ языка приближается къ переднему нёбу) *ж* и *ш* носятъ удобное и характерное названіе «шипящихъ».

«Зубные» не вполнѣ заслуживаютъ своей клички: они образуются поднятіемъ кончика языка къ верхней челюсти. Протяжимымъ проточнымъ зубникамъ *с* и *з* присвоено особое названіе «свистящихъ».

«Зубногубные» образуются при сближеніи верхнихъ зубовъ съ нижнею губой.

При «губныхъ» производится сомкнутіе и затѣмъ разрывъ губъ.

Дѣленіе согласныхъ на «безголосные» и «голосовые» [1]) основано на участіи въ ихъ образованіи *голосовыхъ струнъ*. При образованіи голосовыхъ согласниковъ голосовая щель на столько сужена натянутыми голосовыми струнами (горловыми связками), что проходящій воздухъ приводитъ эти струны въ дрожательное движеніе, при образованіи безголосныхъ—воздуху предоставленъ свободный проходъ и струны остаются въ покоѣ. Голосовые согласные иначе называются «звучными», «звонкими», «ясными», «громкими», а безголосные—«отзвучными», «беззвучными», «глухими», «тихими», «шопотными» [2]). Согласные носовые и дрожащіе, по участію голосовыхъ струнъ принадлежатъ къ голосовымъ, но не названы такъ въ таблицѣ, потому что не имѣютъ соотвѣтственныхъ безголосныхъ; къ этому положенію впрочемъ ниже будетъ сдѣлана нѣкоторая оговорка.

«Мягкость» согласныхъ, о коей рѣчь была уже ранѣе, съ физіологической стороны состоитъ въ томъ, что при образованіи согласнаго средняя часть языка приближается къ среднему нёбу и губы складываются въ узкое отверстіе, какъ для гласнаго і и родственнаго ему согласнаго j; иначе говоря, одновременно съ другимъ согласнымъ произносится j, который примѣшивается къ этому дру-

[1]) Это термины Я. К. Грота.

[2]) Встрѣчаются также названія „мягкіе“ и „твердые“, взятые изъ школьной терминологогіи Нѣмцевъ, весьма неудачныя, да и употребляемыя нами уже въ иномъ значеніи.

гому согласному и такъ сказать пропитываетъ его насквозь. Мѣсто образованія согласныхъ задненёбныхъ, передненёбныхъ и верхнечелюстныхъ («зубныхъ») при умягченіи ихъ приближается къ среднему нёбу—первыя изъ задненёбныхъ становятся прямо с р е д н е н ё б н ы м и. Умягченіе же губныхъ и зубногубныхъ представляетъ совсѣмъ особую артикуляцію: нижняя губа съ верхней губой или съ верхними зубами произносятъ *п*, *б*, *ф*, *в*, а языкъ въ то же время произноситъ *j*. Противоположная мягкости т в е р д о с т ь состоитъ въ отсутствіи іотовой примѣси, въ образованіи согласнаго по-дальше отъ средняго нёба и въ широкомъ растворѣ губъ.

Въ частности о согласникахъ з а д н е н ё б н ы х ъ замѣтимъ слѣдующее. Въ праславянской, да еще и въ общерусской рѣчи звуки *к*, *г*, *х*, дѣйствительно всегда были задненёбными, и за ними всегда слѣдовали широкіе гласные. И въ настоящее время *к*, *г*, *х* средненёбныя встрѣчаются обыкновенно лишь передъ звукомъ *і*, на мѣстѣ котораго въ старину стояли ы, напр. ќи́ с л ъ й, г'и́ б н у т̓, х́и́ т р ъ й; с а р о́ ќи, с л у́ г̓и, м у́ х'и — первоначально к ы́ с л ъ и, г ы́ б н у т и, х ы́ т р ъ и; с о р о́ к ы, с л у́ г ы, м у́ х ы; рѣже, а именно (если не считать пришлыхъ словъ) только въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ, являются сочетанія *к'е*, *г'е*, *х'е*: ќä м, р у ќä̊, н а г'ä̊, б л а х'ä̊—случаи, въ коихъ старинный языкъ производилъ смягченіе *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с*. Мягкое *к* передъ *а* мы произносимъ исключительно въ весьма извѣстномъ названіи китайскаго города К я́х т ы [1]). Однако слогъ ќа, а также ќо, ќу не рѣдко слышатся въ областной великорусской рѣчи (преимущественно въ южной—Курской, Орловской, Воронежской), вслѣдствіе уподобленія предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. к а й е́ й·ќа, ш̇а́ п ъ т̓ш̓ ќа, вин. -й ќу, -т̓ ш̓ ќу; т̓ ш̓ е й ќу́, т̓ ш̓ е й ќо́ м. Совершенно однородны съ этими вологодскіе (значитъ, сѣверно-великорусскіе) примѣры у Никанора Бѣлоруссова [2]): п о с к о р ё ш е н ь к ю, т р а в о н ь к я, ц ь в ѣ т и ч ь к я х ъ и т. п. Одну судьбу со зву-

[1]) На письмѣ представляетъ подобное-же сочетаніе слово г я у р ъ, но т. к. мы ударяемъ на *у*, то здѣсь не произносимъ звука *а*.

[2]) Н(иканоръ) Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Варшава 1887, стр. 26=Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 218.

комъ *к* послѣ мягкихъ должны были имѣть *х* и *г*, но такія сочетанія 1) весьма рѣдки: на *х* мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ с в е р ь х ю (Собол. Лекціи, изд. 1 стр. 92, изд. 2—116) и даже предположить я, кромѣ другихъ падежей того же слова в е р х ъ, могу лишь одно еще о̀ л̆ х'а; на *г* я вовсе не знаю примѣровъ, а предположительно могу указать слова в о л ь г о́ т н о, д е н ь г а́, с е р ь г а́, п у с т е л ь г а́ (ятребокъ Falco tinnunculus) и 'О л ь г а. 2) Въ тѣхъ говорахъ, коимъ по преимуществу свойствено занимающее насъ явленіе, звукъ *г* подвергся такому измѣненію, что едвали можетъ переходить въ г'. См. ниже. Т. к. въ староцерковномъ не существовало сочетаній кь, гь, хь, то естественно въ русскомъ языкѣ не встрѣчается к', г', х' въ изглашеніи, или передъ согласными. Впрочемъ слово в̓ е р̓ х, вслѣдствіе того-же уподобленія, которое повело къ выговору с̓ в̓ е́ р̓ х'у, м. б. произносится также в̓ е р̓ х'.—Возникновеніе мягкихъ (среднենёбныхъ) *к, г, х* Потебня относитъ приблизительно къ XIV вѣку, Соболевскій же возводитъ начало его къ XII вѣку; установленіе здѣсь хотя бы приблизительной даты едвали возможно, ибо съ одной стороны могли сохранять кы, гы, хы какъ наслѣдственное правописаніе, а съ другой стороны написанія ки, ги, хи могутъ указывать не на мягкіе, а на средніе слоги, каковые до сихъ поръ слышатся у малороссовъ и должны быть предположены какъ переходная ступень отъ кы, гы, хы къ *к'и, г'и, х'и*.

Задненёбный проточный и безголосный звукъ *х* въ зачинѣ является въ менѣе сильномъ видѣ нежели внутри слова и въ исходѣ: зачинное *х* приближается къ нѣмецкому h [1])—сравнимъ первое *х* со вторымъ въ словахъ х о́ х ъ т, х а х о́ л, х'и х'й к а т̓.

Соотвѣтственный звуку *х* голосовой звукъ г [2]) господствуетъ въ нарѣчіяхъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ, а также въ Южновеликорусскомъ говорѣ (за исключеніемъ Московскаго разнорѣчія), напр. г о с̓ т̓, г у с̓, г р а д (г р а т), н о г а́ (н а г а́) и т. д. Возможно, что

[1]) Нѣмецкое h—гортанное и образуется посредствомъ суженія голосовой щели.

[2]) Насчотъ нашего обозначенія этого звука срв. стр. 7, пр. 2. См. таку Грота въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія", изд. 2, по указателю, стр. 412—413.

разсматриваемый звукъ не всегда и не вездѣ одинаковъ и можетъ приближаться къ нѣмецкому h, знакомъ котораго принято передавать его въ латинской транскрипціи; но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не слышится настоящаго h, и соотвѣтственный нѣмецкій звукъ есть не h, а g въ словахъ Wage вѣсы, Bogen дуга и т. п., по сѣверно-нѣмецкому произношенію. Мгновенное *г* въ рѣчи Малороссовъ, Бѣлоруссовъ и Южныхъ великороссовъ является лишь какъ плодъ уподобленія звука *к* слѣдующему голосовому согласнику, напр. по-малорусски г̇ б и́ с у, по-бѣлорусски г ƅ а р̓ а̂: Малороссы и Бѣлоруссы имѣютъ однако звукъ *г* въ нѣкоторыхъ словахъ заимствованныхъ съ польскаго, напр. г р у н т, г а́ н о к (крыльцо, галлерея),=польскимъ, первоначально нѣмецкимъ grunt, ganek. Для этого *г* въ малорусской и бѣлорусской письменности, съ конца XIV столѣтія (Соб., Лекц., изд. 2, стр. 46, въ 1 изд. 43), употребляется сочетаніе *кг*. Въ противуположность другимъ вѣтвямъ русскаго языка, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ *г* м г н о в е н н о е. Литературное произношеніе представляетъ протяжимое *г* только 1) въ созвучіяхъ гд, гг и гб, изъ коихъ послѣднія два возникаютъ лишь въ соединеніяхъ съ предлогомъ къ: к а ƅ д а́, т а ƅ д а́, ̆ь н а ƅ д а́, ф̇ с̓ и ƅ д а́, ƅ д̓ ӓ, ƅ д о́ м у, ƅ̇ д̓ е́ р̓ ь в у; ƅ г а р̓ а̂ [1]), ƅ̇ г̇ и́ р̓ и; ƅ б р а́ т у, ƅ̇ б̓ е́ р̓ ь г у [2]); 2) въ словахъ н о́ ƅ ъ т̓, к о́ ƅ ъ т̓, д̓ о́ ƅ ъ т̓, л̇ о́ ƅ ъ к и м̓ а́ ƅ ъ к, которыя (надо полагать) пріобрѣли ƅ въ угоду другимъ своимъ формамъ, представляющимъ *х*: н о́ х̇ т̓ а, к о́ х̇ т̓ а, д̓ о́ х̇ т̓ а, л̇ о́ х к ъ й, м̓ а́ х к ъ й; 3) въ словахъ (Б о х) Б о́ ƅ а, Б о́ ƅ у и т. д., б а ƅ а́ т ъ й, б ъ ƅ а т ы́ р̓, у б о́ ƅ ъ й, Ƅ а с п о́ т̓ (однако г ъ с п а д̓ и́ н, г ъ с п а ж а́) и н а ƅ о́ й. Прилагательныя б о г а т ы й и у б о г і й, получаютъ ƅ (первое не всегда) подъ вліяніемъ, дѣйствительно родственнаго, Бох- Б о́ ƅ а; также можно объяснять и б о г а т ы р ь, хотя это слово могли заимствовать изъ Татарскаго съ готовымъ ƅ (baγadúr); 4) ƅ слышится еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ названіяхъ городовъ: Д а́ н т̓ с̓ ь х, род. Д а́ н т̓ с̓ ь ƅ а,

[1]) Сравнимъ обратный порядокъ заднепёбныхъ у Бѣлоруссовъ и Южновеликороссовъ.

[2]) Слышится также *г* мгновенное: д. б. по желанію произнести ближе къ письму. *Гб* посерединѣ является въ славянизмѣ с о г б е́ н ъ.

П̓ьт̓ирбу́рх—П̓ьт̓ирбу́рга. Это очевидно вліяніе сѣверно-нѣмецкаго выговора Dàntsiχ́, Pétъrsburχ́. Бох- Бога, Баспо́ї и набо́й, м. б. и убо́гъй, могутъ считаться заимствованіемъ изъ языка церковнаго, въ коемъ чтеніе г за г объясняется южнорусскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ. Настоящему церковному—староцерковному—языку естественно приписывать г мгновенное, каковое господствуетъ у южныхъ славянъ—Болгаръ, Словенцевъ и Сербовъ. Есть, правда, соображеніе въ пользу протяжимости староцерковнаго г, указанное Бётлингомъ въ его «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ», а именно тò, что переходъ при смягченіи въ ж и ʒ (боже!, боʒи) роднитъ его съ х, смягчаемымъ въ ш и с (доуше!, доуси), а не съ к, дающимъ ч и ц (пророче!, пророци), соотвѣтственно чему было бы бо͡дже, бо͡дзи. Однако смягченіе созвучія ʒг въ ʒд (дрѧʒга лѣсъ—въ дрѧʒдѣ) и превращеніе сочетанія ʒж въ жд (нждєнѧ вм. нʒжєнѧ) доказываетъ, что первоначально г смягчался именно въ согласные дифтонги д͡з и д͡ж: дрѧʒдѣ и нждєнѧ упрощены изъ *дрѧздзѣ, *иждженѧ, какъ иштадиє изъ *ишчадиє. Для дифтонга д͡з даже существовала въ азбукѣ особая буква (смыслъ которой впрочемъ рано позабылся)—ѕ. И въ праславянской рѣчи вѣроятно употреблялось г мгновенное [1]): мы уже отмѣтили, что таково южнославянское г (впрочемъ областная рѣчь Словенцевъ знаетъ h вмѣсто g), таково же польское и нижнелужицкое; у Чеховъ же и у Верхнихъ лужичанъ, произносящихъ h вм. g, такой выговоръ явно вторичный, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкая передача мѣстныхъ названій, напр. Praha—Prag, Hradec (Опавскаго округа въ Силезіи)—Grätz, Rajhrad (Бёрненскаго округа въ Моравіи)—Raigern; село Hodźij и деревня Holca (въ Верхней Лужицѣ)—Göda и Golenz. Такія имена доказываютъ, что во время усвоенія ихъ Нѣмцами Чехи и Верхніе лужичане еще не имѣли звука h. Считаю однако нужнымъ оговорить, что это вовсе не доказываетъ существованіе у нихъ г мгновеннаго: могло тогда слышаться, какъ переходный звукъ между g и h, г

[1]) Однако впослѣдствіи, въ морфологіи, мы увидимъ случай въ коемъ хотѣлось бы предположить г протяжимое.

проточное, которое Нѣмцамъ естественно было передавать черезъ свое g. Полагая такимъ образомъ, что староцерковный, а также и праславянскій языкъ (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) представлялъ *г* мгновенное [1]) мы склонны будемъ приписать таковой и общерусскому языку, хотя я не рѣшаюсь, вслѣдъ за Соболевскимъ, утверждать [2]), что до XII вѣка и въ южнорусскомъ произношеніи не существовало ҕ: опущеніе въ скандинавскихъ именахъ звука h, напр. Алданъ изъ Halfdan, доказываетъ только, что не было звука h, а ҕ (далеко не тождественное съ нимъ) могло существовать.

Мягкое, т. е. средненёбное, ҕ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ. Поэтому ҕ, очутившись передъ узкими гласными, и превращается по-русски въ j: мы произносимъ бла́го и а бла́jӓ (или а бла́j*и*); бох и а бо́jӓ (а бо́j*и*), бо́jи, баj*и́*н̇а; Пьт̇ирбу́рх и ф Пъ̇т̇ирбу́р̇jӓ. Подобнымъ же образомъ новогреческій языкъ, представляющій проточное *г*, передъ узкими гласными превращаетъ его въ j: л̇е́ҕо, но л̇е́jис̇. Съ другой стороны j сродни мягкому (средненёбному) х́, къ коему относится какъ голосовой звукъ къ безголосному, что̀ можно провѣрить на сѣверно-нѣмецкомъ произношеніи, въ которомъ j попадаетъ нерѣдко въ изглашеніе или передъ безголосные созвучники и, дѣлаясь тогда по общему закону безголоснымъ, даетъ х́, напр. в̇е́jъ дороги—ед. ч. в̇ех́, л̇е́jън̇ класть—прош. вр. л̇е́х́тъ. По-русски этого не происходитъ потому, что русскій междугласный j есть j слабый или полугласный, иначе говоря—неслого́вое і. Для обозначенія этого неслоговаго і я въ своей транскрипціи пользуюсь буквою *й*: сохраняя обычное начертаніе бой, пишу также бо́йа, бо́йу, бо́йъм, бо́йӓ (бо́ⁱи) [3]), баⁱ́и, байо́ф и т. д. Сравнимъ выра-

[1]) За древность *г* высказался Потебня въ статьѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій" и въ „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчіи"; Колосовъ на этотъ счетъ колебался, Срезневскій приписывалъ обоимъ звукамъ одинакую древность.

[2]) Лекціи, стр. 45 (2 изд.), въ 1 изд.—42.

[3]) Передъ гласнымъ і этотъ звукъ особенно слабъ, на что̀ указываетъ маленькая надстрочная буква.

женія о Богѣ и о боѣ: разница между ними только въ томъ, что первое представляетъ послѣ *о* сильный, настоящій j, а второе—слабый, полугласный (неслогóвое i); таково же отношеніе между выраженьями о благѣ и облаѣ. Въ зачинѣ и послѣ согласныхъ слышится болѣе сильный j, который однако тоже смахиваетъ на полугласный и нѣсколько разнится отъ j изъ ь, напр. jáма, jєл̇, jóлка, jук, сълавjи́, -в̇jóф, -в̇jáм [1]). J слышится также въ началѣ нѣкоторыхъ пришлыхъ реченій, гдѣ пишется *ге*, напр. jьн̇ирáл, jьаграф'ьйа: выговоръ съ г' д. б. искусственный, вызванный написаніемъ, т. к. эти слова (первое несомнѣнно, а второе по всей вѣроятности) взяты у сѣверныхъ нѣмцевъ, съ готовымъ j. Также и собственное имя Jиóрjьй, Jигóр̇ьй, или Jигóр могло придти отъ грековъ съ тѣмъ же звукомъ—смущаетъ меня только то обстоятельство, что Γεώργιος представляло, надо полагать, два j, и *г* въ формахъ Егорій, Егоръ приходится тогда объяснять вліяніемъ другого, похожаго имени Григорій. Притомъ русскіе, заимствуя слово съ рѣдкимъ вообще, а въ зачинѣ совсѣмъ не существующимъ сочетаніемъ *ге*, и сами могли замѣнить его родственнымъ, вполнѣ обычнымъ jе.

Передненёбные проточные согласники *ш* и *ж*, коимъ по звуковому впечатлѣнію присвоено названіе шипящихъ, имѣютъ по-русски ту особенность, что мало способны къ умягченію: кромѣ прописаннаго въ таблицѣ з̇д̇éш̇н̇ьй, я на мягкое *ш* могу привести лишь немногіе примѣры: в̇éш̇н̇ьй, т̇ш̇иᵘр̇éш̇н̇а, г̇р̇éш̇н̇ьк, -ьтса, нас̇м̇éш̇н̇ьк, -ьтса, нъканéш̇н̇ьк,

[1]) Нѣсколько подробнѣе говорится о j въ моей статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи", Р. Ф. В., т. V, стр. 358—362, къ которой я впрочемъ впослѣдствіи счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку, въ разборѣ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина", Ж. М. Н. Пр. 1890, іюль, стр. 177, пр. 1. Срв. также замѣчанія Ѳ. Евг. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Arch. f. slav. Phil., B. III"—поправки къ статьѣ акад. Грота „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen", въ томъ же томѣ, которая по-русски озаглавлена „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка" и болѣе раннія наблюденія Каткова: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка", Москва 1845, стр. 88—89.

г̓р̓є́ш̓н̓ьвъйа (ка́ша), в̓и́ш̓н̓а, гдѣ *ш* также стоитъ передъ н̓, а передъ собой имѣетъ узкій гласный; примѣры на ж̓: в̓є́ж̓д̓ьвъй, -въс̓т̓, п̓р̓є́ж̓д̓и, н̓ив̓є́ж̓д̓и, ад̓є́ж̓д̓и, на-. Въ словахъ съ предшествующимъ широкимъ гласнымъ, какъ башня, пашня, *ш* звучитъ уже нѣсколько тверже. Кромѣ того даже сочетаніе єш̓н̓ слышится не у всѣхъ: произносятъ также з̓д̓є́ш̓н̓ьй, в̓є́ш̓н̓ьй, і̓ш̓иᶦᶦр̓є́ш̓н̓а, также п̓р̓є́ж̓н̓ьй, п̓р̓є́ж̓д̓и. Твердость *ш* и *ж* явленіе вторичное, о чемъ рѣчь будетъ ниже [1]).—Передненёбный дрожащій *р* проявляетъ нѣкоторую склонность къ отвердѣнію: у Бѣлоруссовъ и у многихъ изъ западныхъ малороссовъ онъ вообще отвердѣлъ, а въ великорусской (даже литературной) рѣчи весьма обыченъ слогъ *ры* вм. *ри*, напр. скрып [2]).

Относительно зубныхъ (верхнечелюстныхъ) звуковъ слѣдуетъ оговорить, что мои средніе *н* и *л* не совсѣмъ заслуживаютъ этого названія и мало разнятся отъ твердыхъ.

Изъ зубно-губныхъ вызываетъ нѣкоторое замѣчаніе безголосный *ф*. Принято говорить, что это не русскій и вообще не славянскій звукъ. Дѣйствительно, праславянская рѣчь не знала этого звука, но новославянскіе языки вовсе его не чуждаются. Помимо нѣкоторыхъ вполнѣ обрусѣвшихъ, хотя и пришлыхъ реченій, въ родѣ Ф̓ил̓ип, Ф̓о́дър, лафа́, фут, фунт, звукъ этотъ весьма часто замѣняетъ соотвѣтственный голосовой *в* (сохраняемый на письмѣ), что̀ по общему закону происходитъ въ изглашеніи и передъ безголосными согласниками, напр. лоф, праф, жыф, крас̓и́ф, г̓н̓ӓф, праф̓!, ло́фка, ла́фка, с̓и́фка, пра́ф̓т̓и! и т. п. Въ областной рѣчи *ф* нерѣдко происходитъ изъ сліянія двухъ звуковъ *х* и *в*, напр. въ галицкомъ фал̓и́т̓и. (Объ этомъ ниже будетъ сказано нѣсколько подробнѣе). Звукъ *ф* въ словахъ заимствованныхъ у грековъ замѣняетъ не только φ, но и ϑ, напр. Ф̓о́дър Θεόδωρος, ана́ф̓ьма ἀνάθεμα, ᶦᶦиф̓и́р αἰθήρ, что̀ основано на новогреческомъ (очевидно уже и византійскомъ, отчасти м. б. и еще болѣе древнемъ) произношеніи ϑ какъ англійское th

[1]) И объ „удвоенныхъ“ *ш̓* и *ж̓* будетъ сказано впослѣдствіи.

[2]) Карскій, Обзоръ 58—59; Соболевскій Лекціи 97, 2 изд. 122; мой Разборъ Этим. слов. Микл., Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 28, пр. 3.

въ thing вещь, т. е. какъ звукъ средній между *с* и *ф*. Смѣшеніе тождезначныхъ для русскаго ф и θ встрѣчается съ первыхъ памятниковъ русской письменности. Соболевскій (Лекціи, стр. 47, въ 1 изд.—44) приводитъ, въ числѣ другихъ примѣровъ, **сапьѳиръмь** и **анъфракъсъ** (греч. σάπφειρος и ἄνθραξ) изъ Святославова Изборника 1073 г., л. 104 и 121 об.

Въ нашу таблицу согласныхъ не вошли *ц*, *ч* и *щ*, потому что это не простые звуки, а созвучія, содержащія (какъ указано уже выше, стр. 3 и 9, и согласно чему дѣлалась транскрипція) въ тѣсномъ сліяніи элементы *т*, *с* и *ш*: *ц*=т+с, ч=т+ш, щ=ш+т+ш. Вслѣдствіе очевиднаго сходства съ *с* и съ *ш* звукъ *ц* относятъ къ свистящимъ, а *ч* и *щ*—къ шипящимъ. Что *щ* не простой звукъ, признается всѣми, но многіе отрицаютъ это для *ц* и *ч*. Даже Я. К. Гротъ, который въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донынѣ [1])», совершенно основательно самъ доказывалъ сложность *ц* и *ч* тѣмъ, что при попыткѣ протянуть эти звуки, они слышатся только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращаются въ С (ЦССС... т. е. ТСССС...) и въ Ш (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...), и повторилъ это доказательство въ «Русскомъ правописаніи», § 14, тѣмъ не менѣе утверждаетъ въ послѣднемъ трудѣ, что *ц* и *ч* «производятся каждый одной артикуляцiей языка» и прибавляетъ, будтобы для того «чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ языкѣ *ч* не сложный, а одинъ цѣльный звукъ, стоитъ только сравнить произношеніе нашего к у ч е р ъ съ нѣмецкимъ Kutscher». Подобнымъ же образомъ Потебня говоритъ, что «было бы поразительно услышать н а р ѣ т с ѣ́ или на р і т с і́ вм. н а р ѣ ц ѣ́, н а р і ц і́» и что «с русской точки зрѣнія произношеніе напр. м е т ш у вм. м е ч у, м е ч ю.. очень далеко отъ дѣйствительности»; притомъ де «сочетаніе *т-ш* тоже встрѣчается» [2])—какъ примѣръ на него приводится «польское *тш* изъ trz: trzeba». Разница между противополагаемыми Гротомъ и Потебней случаями дѣйствительно существуетъ, но по моему вовсе не состоитъ въ цѣльности здѣсь, и раздвоенности тамъ, а

[1]) Филологическія разысканія. Изд. 2, т. II, стр. 17.

[2]) К исторіи звуков русскаго языка, ч. II, стр. 38 и 45 (Р. Ф. В., т. II, стр. 2 и 207).

въ неодинаковости составныхъ элементовъ: написаніе р ѣ т с ѣ, р і т с і мы прочитаемъ съ твердымъ *т* и съ мягкимъ *с*, тогда какъ созвучіе т͡с въ первомъ случаѣ содержитъ два среднихъ звука, во второмъ—два мягкихъ; написаніе м е т ш у указываетъ на *т* и *ш* твердые, а произносятся здѣсь *т* мягкое, а *ш*—мягкое или среднее; подобнымъ же образомъ поль. trz содержитъ t твердое и этимъ (да еще, кажется, большею рѣзкостью *ш*) разнится отъ cz: срв. trzy три=т͡шы и czy ли=т͡ши. Сопоставимъ еще русскія слова п о д с и н и т ь и о ц ѣ н и т ь, о т ш е л ь н и к ъ и к а ч е л и, п о д ш и т ь и п о ч и т ь, т. е. п ъ т͡с и н и т, а т с ы н и т, а т͡ш е л н ь к, к а т͡ш е л и, п а т ш ы т, п а т͡ш и т [1]). Различіе нѣмецкаго Kutscher отъ русскаго к у ч е р ъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что *ч* въ обоихъ элементахъ среднее, а кромѣ того усиленное («удвоенное»), что̀ сопряжено съ краткостью предшествующаго гласника: рус. к у ч е р ъ есть к-у-т͡ш-ь-р, нѣм. Kutscher — к-ӱ-т͡т͡ш-ъ-р. Срв. стр. 101. Подобно этому нѣм. *ч*, разнится отъ *ч* сочетаніе *тш* въ какомъ-нибудь дѣепричастіи о т ц в ѣ т ш и: срв. а т͡с в о т т͡ш ш ы и выраженіе в о т͡ш и.

Созвучіе *ц* обыкновенно является въ твердомъ видѣ, напр. т͡с а р, т͡с ы п к а, а т͡а т с, передъ звукомъ *е* оно среднее: т͡с а п, т͡с е р к ъ ф мягкое *ц* является лишь какъ плодъ уподобленія, напр. въ словахъ а т͡с у т͡с в ь й а, б е т͡с т в ь й а, с л е т͡с т в ь й а, гдѣ пишется *тс* и *дс*, а кромѣ того въ пришлыхъ словахъ на ц і я: а к т͡с ь й а, а с и г н а т͡с ь й а, л е к т͡с ь й а, хотя произносятъ также, по требованію русской фонетики, ц ы я: а к т͡с ы й а, а с и г н а т͡с ы й а, л а к т͡с ы й а. Впрочемъ мягкое *ц* весьма обычно у Малороссовъ, которые говорятъ напр. в о р о б е т͡с воробей, в и в т͡с а, равно какъ у Бѣлоруссовъ, у коихъ оно развилось изъ мягкаго *т*: д а т͡с, т͡с о т͡с а [2]).

[1]) Насчетъ оттѣнковъ звука *и* срв. выше стр. 14—15.

[2]) Переходъ этотъ, съ коимъ сопряжено также превращеніе мягкаго *д* въ д'з', носитъ названіе д з е к а н ь я. Дзеканье, кромѣ бѣлорусской рѣчи

Ч есть *т*+*ш* среднее, или же *т'*+*ш'*, напр. т ш е с т или т ш е с т, н о т ш или н о т ш; во всякомъ случаѣ оба элемента мягки при послѣдующемъ мягкомъ согласникѣ, напр. н а і т ш н и, п е т ш к и. Тѣмъ, что *ч* обыкновенно состоитъ изъ *т* мягкаго и *ш* средняго объясняется на первый взглядъ весьма странное явленіе, что *ч* суживаетъ предшествующіе гласные, но слѣдующее за нимъ *и*—расширяетъ: срв. м е т ш и м и т ш и, п е т ш и нъ п и т ш и. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить новымъ доказательствомъ сложности *ч*.

Трехзвучіе *щ* въ первыхъ двухъ элементахъ мягкое, а въ третьемъ—среднее, или же мягкое во всѣхъ трехъ: і е ш т ш, р о ш т ш а, и ш т ш у или і е ш т ш, р о ш т ш а, и ш т ш у. Вмѣсто *штш* слышится также мягкое, протяжное *ш*: и ш ш у, и ш ш о; таково московское произношеніе, которое я однако затрудняюсь назвать вмѣстѣ съ тѣмъ «великорусско-литературнымъ» (Соб., Очерки изъ исторіи русскаго языка I, 110). Это шш естественно выводить изъ ш т ш просто черезъ опущеніе средняго элемента, а не путемъ какой-то «ассимиляціи» (Соб. Лекціи по ист. русск. яз., 94, во 2 изд.—119); также «сѣв.-великор. ш т ю к а=щ у к а, е ш т ё= ещо и т. п.», являющіяся «спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи», я объясняю опущеніемъ п о с л ѣ д н я г о элемента.

Шипящіе и *ц* въ старорусскомъ, какъ принимаютъ всѣ изслѣдователи, на основаніи господствующихъ въ старѣйшихъ памятникахъ написаній въ родѣ чю, ча, чю, всегда были м я г к и. По Колосову отвердѣніе ихъ, начавшись не позже XII вѣка, къ XV-му завершилось. Но, какъ отмѣтилъ уже Потебня, въ Замѣткахъ по историч. грамм. рус. яз., это излишнее обобщеніе, т. к. мягкость

встрѣчается еще кое-гдѣ: изъ сѣверныхъ великороссовъ у Ситкарей (на рѣкѣ Сити, Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи), а изъ малороссовъ у Заблудовцевъ (Заблудовье — Бѣлостоцкій и отчасти Бѣльскій уѣздъ Гродненской губ.) и у нѣкоторыхъ угорскихъ русиновъ, въ Шарошпотацкомъ комитатѣ (Семеновичъ въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго).

и донынѣ кое-гдѣ сохраняется, о чемъ можно справиться у Потебни (О звуковыхъ особенностяхъ, 10 в, г) и у самого Колосова, въ его позднѣйшемъ трудѣ, Обзорѣ. Съ другой стороны болѣе ранніе примѣры твердости шипящихъ (Очеркъ, стр. 80): ловцща, віж и т. п. могутъ быть просто написаніями на церковный ладъ, и достовѣрны лишь тѣ случаи, въ коихъ являются сочетанія *жы, шы, цы*, а такіе примѣры встрѣчаются только съ XIV-го вѣка (Соб. Лекціи, 93; 2 изд. 118).

Чередованіе звуковъ.

Окончивъ обзоръ отдѣльныхъ звуковъ, обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются при производствѣ и при измѣненіи словъ—здѣсь придется говорить и о гласныхъ и о согласныхъ звукахъ, но преимущественно о послѣднихъ. Чередованіе звуковъ бываетъ двухъ родовъ, изъ коихъ я для одного сохраняю обыкновенное названіе звукового *перехода*, а другой называю звуковой *подстановкой*. О переходѣ можно говорить напр. въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. ч. в о *т* вм. в о *д*, т. к. превращеніе конечнаго *д* въ *т* составляетъ для насъ органическую потребность, на столько, что, не наломавъ языка на иностранный ладъ, мы и французское mode вм. м о *д* произнесемъ м о *т*; таково же чередованіе ä съ є (срв. выше, стр. 6—8). Примѣромъ подстановки можетъ служить хоть слово ј о́ л к а рядомъ съ ј є л̓: чередованіе здѣсь *е* и *о* происходитъ по преданію, т. к. звуковые законы современной рѣчи вполнѣ допускаютъ выговоръ ј ä л к а (конечно, не ј е́ л к а), или же ј о л̓—срв. в̓ и с̓ о́ л̓ ь н̓ к ъ й. Другой примѣръ подстановки: слово с у́ ж ъ н ъ й могло бы не мѣнять *д* на *ж*—с у́ д̓ ь н ъ й столь же возможно, какъ дѣйствительно существующее к р а́ д̓ ь н ъ й, и лишь въ силу привычки удерживается *ж* [1]).

[1]) Необходимость историческаго взгляда на звуковую мѣну отчетливо выставлена Колосовымъ въ его „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. (По поводу 3-го изданія Исторической Грамматики Буслаева и I-го тома Сравнительной Грамматики Шерцля)", Фил. Зап., 1872, вып. IV. Подробнѣе толкуетъ объ этомъ Бодуэнъ-де-Куртенэ. „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной фонетики словянских языков". Р. Ф. В.,

Различая звуковую подстановку отъ перехода, мы должны однако признать, что въ основѣ своей это одно и тоже явленіе; подстановка обусловливается прежними звуковыми законами и есть ничто иное, какъ закостенѣвшій переходъ: с у́ ж е н о й напр. когда-то развилось изъ древнѣйшаго сѫдјенъи путемъ перехода *дј* въ *ж*. Поэтому, естественно, нельзя провести точной границы между подстановкой и переходомъ. Такъ переходъ звука *к* передъ узкими гласными въ *ц* и въ *ч*, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, несомнѣнно совершился еще въ праславянскомъ, и староцерковная мѣна звуковъ въ родѣ **рѫка, въ рѫцѣ, рѫчьнъ** представляетъ не переходъ, а подстановку, но это чередованіе такое живое, такъ послѣдовательно выдерживается, что мы погрѣшимъ несущественно, если назовемъ его переходомъ.

Какъ съ одной стороны бываютъ живыя чередованія, такъ съ другой стороны бываютъ устарѣвшія, законы которыхъ совершенно вышли изъ сознанія, а иногда даже не поддаются научному объясненію. Такія чередованія нерѣдко устраняются путемъ подравненія. Напр. глаголъ х о т ѣ т ь первоначально представлялъ *о* только въ настоящихъ формахъ, а въ инфинитивныхъ являлся *ъ*, но въ русскомъ языкѣ *о* проведено по всѣмъ формамъ. Уже въ староцерковномъ рядомъ съ **хътѣти** встрѣчается **хотѣти**, а иногда также наоборотъ въ настоящемъ—**хъштеши** вм. обыкновеннаго **хоштеши**. Такимъ образомъ при подобной подправкѣ новая огласовка можетъ вовсе вытѣснить старую, или же употребляться съ нею рядомъ. Случается, что съ уцѣлѣвшею древней огласовкой соединяется нѣкоторый оттѣнокъ значенія: слово м о́ ш к а напр. есть ничто иное, какъ уменьшительное къ м у́ х а, т. к. равно поль. meszka (pchła ziemna), сродни со староцерк. **мъшица** и предполагаетъ основное мъшька, срв. чередованіе *у* съ *о* въ прилаг. с у х о й=**соухъи** и въ глаголѣ с о́ х н у т ь=**съхнѫти**; однако теперь какъ уменьшительное употребляется переиначенное м у́ ш к а [1]), а м о́ ш к а стало

т. V (1881 г.)—статья впрочемъ неудобная для чтенія, между прочимъ вслѣдствіе цѣлаго ряда новыхъ латинскихъ терминовъ; то же неудобство представляетъ статья Крушевскаго „К вопросу о гунѣ", тамъ же.

[1]) Приводимое въ словарѣ II-го Отдѣленія и у Даля м о́ х а (изъ употребленія мнѣ неизвѣстное) представляетъ обратное примѣненіе.

обозначать другое насѣкомое. При значительномъ измѣненіи звуковъ и смысла связь между разновидностями одного и того же корня можетъ совершенно порваться: такъ б д-и́ т е л ь н ы й, б у д-и́ т ь и с о-б л ю д-а́ т ь съ русской точки зрѣнія содержатъ три различныхъ корня, хотя первоначально **бъд**, **боуд** и **блюд**, т. е. древнѣйшія bhudh, bhoudh и bheudh, были разновидностями одного. Иной разъ сохранившееся чередованіе, поступивши такъ сказать на службу производства, распространяется за свои первоначальные предѣлы: такой случай представляютъ наши глаголы на -и в а т ь, -ы в а т ь, при образованіи которыхъ коренное *о* замѣняется черезъ *а*—по примѣру наслѣдственнаго соотношенія х о́ д и т и п о х а́ ж и в а е т, с п о́ р и т и о с п а́ р и в а е т [1]) развилась 1) замѣна черезъ *а* второго *о* въ полногласіи: п о в о р о́ т и т—п о в о р а́ ч и в а е т, к о л о́ т и т—в ы к о л а́ ч и в а е т, п о л о́ щ е т—в ы п о л а́ с к и в а е т и 2) замѣна имъ прояснившагося ъ: к о́ р м и т—о т к а́ р м л и в а е т; *а́* вм. такого *о* представляютъ также глаголы р а з б а́ л т ы в а т ь, п о м а́ л к и в а т ь, о т т а́ л к и в а т ь рядомъ съ б о л т а́ т ь, м о л ч а́ т ь, т о л к а́ т ь, содержащіе *о* на письмѣ и при окальскомъ произношеніи. Своеобразенъ глаголъ з а п о-д а́ з р и в а т ь, при з а п о д о́ з р и т ь, гдѣ превратился въ *да* (правда, не сознаваемый ясно) п р е д л о г ъ *до*.

Въ области согласныхъ, можно сказать, самый замѣчательный случай подстановки есть такъ называемое с м я г ч е н і е, т. е. замѣна задненёбныхъ: *к* черезъ *ц*, *ч*; *г*—черезъ *з*, *ж*; *х*—черезъ *с*, *ш*; замѣна зубныхъ *т* и *д* черезъ *ч* и *ж*; замѣна губныхъ *п*, *б*, *м*, *в* черезъ *пл'*, *бл'*, *мл'*, *вл'*. Терминъ «смягченіе» мы вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ, должны признать неудачнымъ, т. к. звуки получаемые при упомянутомъ превращеніи въ настоящее время могутъ и не быть мягкими; но, за незнаніемъ лучшаго, я пользуюсь имъ какъ терминомъ условнымъ; при чемъ отличаю отъ него у м я г ч е н і е (терминъ Гротовскій): «смягченіе» у меня то же, что̀ «переходное» смягченіе Срезневскаго, умягченіе—что̀ «непереходное, непосредственное» т. е. напр. замѣна *к* черезъ *к̓*, *т* черезъ *т̓*. Умягче-

[1]) Привожу примѣры въ настоящемъ времени, т. к. въ инфинитивѣ древнее соотношеніе нерѣдко скрашивается аканьемъ.

ніе заслуживаетъ названіе перехода: образуя напр. мѣстный падежъ къ недавно заимствованному слову т е л е ф о́ н, мы въ немъ невольно превращаемъ твердый *н* въ мягкій—а т̓ ь л̓ и ф о́ н̓ ä (-и). Напротивъ того «смягченіе» представляетъ звуковую подстановку, и неправильно говорить, будто «русскій языкъ смягчаетъ» напр. *ки* въ *чи*; другой примѣръ на смягченіе уже приведенъ выше, какъ образчикъ подстановки. Смягченіе несомнѣнно явленіе древнее: превращеніе *к*, *г*, *х* передъ *j* и узкими гласными въ шипящіе, а передъ однимъ изъ такихъ гласныхъ, дифтонговымъ *ѣ* [1]) и замѣняющимъ дифтонговый *ѣ*—*и*, въ свистящіе, которое повторяется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и притомъ господствуетъ съ большею строгостью въ болѣе ранніе періоды, совершилось уже на праславянской почвѣ. Вѣроятно у Праславянъ же произошло и смягченіе мгновенныхъ зубныхъ передъ j, которое, хотя и въ различномъ видѣ, свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ—причемъ всѣ измѣненія древнихъ tj и dj (кромѣ болгарско-староцерковныхъ **шт** и **жд**, представляющихъ затрудненіе и при другихъ толкованіяхъ) съ удобствомъ выводятся изъ т̓с̓ и д̓з̓, напр. с в ѣ т̓ с̓ á и м е д̓ з̓ á, которыя я считаю праславянскими. См. мою замѣтку «Два слова о смягченіи **т** и **д**». Грамм. зам., I, 74=Р. Ф. В., т. VII, стр. 278. Смягченіе губныхъ, если не праславянское (я не прочь допустить, что сѣверозападное з̓ е м̓ а—поль. ziemia, чеш. země—такое же вторичное измѣненіе древнѣйшаго з е м л̓ á, какъ болг. з е м я́), то общее юговосточное.

Относительно tj и dj замѣчу еще, что между превращеніемъ перваго въ согласный дифтонгъ *ч*, а второго въ *ж* замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, аналогію къ которому можно указать въ чешскомъ языкѣ: с в ѣ ч á по-чешски svíce, м е ж á—meze. Чешское z, по свидѣтельству польскаго языка, а также словацкаго нарѣчія, представляющихъ выговоръ miedza, medza есть упрощеніе болѣе ранняго dz, соотвѣтственно коему и русское *ж* надо возводить къ д͡ж. Однако упрощеніе д͡ж произошло еще въ до-

[1]) Дифтонговый *ѣ*—*ѣ* произошедшій изъ дифтонга оі. Срв. мою статью О звуковомъ значеніи *ѣ*. Грамм. зам., т. I, стр. 44, въ 1 изд. 42=Р. Ф. В., т. VI, стр. 12.

историческую пору, т. к. уже старѣйшіе памятники русскаго письма, съ Остромировымъ евангеліемъ во главѣ, представляютъ смягченіе *д* въ *ж*. Употребительное въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *дж* (напр. галицкія х о̂ д ж у, р а д ж у, с а д ж е н и й рядомъ съ м е ж е, ч у ж и й) естественно объяснять подобно великорусскому *жд* (по-скольку оно народное, напр. въ словѣ у р о ж д а́ й р. съ у р о ж а́ й) позднѣйшимъ возстановленіемъ *д* въ угоду не смягчавшимъ его формамъ, какъ х о д и́ т и; тѣмъ болѣе, что это *дж* извѣстно по памятникамъ лишь съ XVII в. (Соб., Лекціи 126). Однако исключительное господство *дж* изъ *дj* въ Карпатскомъ говорѣ, напр. м е д ж е, ч у д ж и й (Пот., О звук. особ., 39) неудобно объяснять, вслѣдъ за Соболевскимъ, подражаніемъ возникшему у другихъ словъ колебанію между *ж* и *дж*, и мы кажется должны допустить здѣсь, соглашаясь отчасти съ Потебней, сохраненіе древнѣйшаго русскаго *дж*. Слѣдуетъ отмѣтить еще неодинаковое отношеніе старѣйшихъ памятниковъ къ смягченію *т* и *д*: при весьма нерѣдкомъ ж, почти не встрѣчается ч—Колосовъ приводитъ изъ памятниковъ XI в. только *ч*уждиимъ Сб. 1073 г., *ч*южему Сб. 1076 г. и пе*ч*ерахъ тмж., а на счетъ XII-го говоритъ, что встрѣчаются хо*ч*етъ Вкладн. Варл., о*ч*юженыи Жит. Бор. и Гл., *ч*южихъ Ев. 1143 г. и еще нѣсколько, но добавляетъ, основываясь особенно на первомъ примѣрѣ, что такое смягченіе въ живомъ языкѣ было обычно. Нельзя не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, сравнительную же рѣдкость ч можно оправдать тѣмъ, что гораздо легче было допустить, въ угоду русскому произношенію, пропускъ одной буквы (д), нежели замѣну знака щ или шт черезъ ч.

Примѣромъ на звуковой переходъ намъ служило превращеніе конечнаго *д* въ *т*—это частное проявленіе общаго закона, что в ъ и с х о д ѣ (или, употребляя другой терминъ, въ изглашеніи) г о л о с о в ы е с о г л а с н и к и с т а н о в я т с я б е з г о л о с н ы м и [1]): не только конечное *д* переходитъ въ *т*, такъ что напр. единственное число слова р о́ д ы совпадаетъ съ единственнымъ числомъ слова р т ы въ одной

[1]) Согласные очутились въ исходѣ, а во многихъ случаяхъ передъ другими согласными, лишь вслѣдствіе онѣмѣнія нѣкогда слѣдовавшихъ за ними ъ и ь.

фонемѣ р о *т*; но также *г* превращается въ *к*, причемъ совпадаютъ слова р о г ъ cornu и р о к ъ fatum; такимъ же образомъ мы произносимъ б о *х* (въ родительномъ бо́ка) [1]), в о *с*, л о *ф*, л о *п*. Одинакую судьбу съ твердыми согласными имѣютъ и мягкіе: к л а т̇, к̇ н а̇ с, к р о ф, г л у п̇. Мягкіе *в* и *б* въ изглашеніи, кромѣ перехода въ *ф* и *п*, наравнѣ съ *п* и *м*, склонны къ отвердѣнію и становятся средними или прямо твердыми: народная рѣчь, повидимому, лишь въ видѣ исключенія представляетъ изглашеніе на мягкій зубной (такъ въ Олонецкомъ, по Колосову, конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь). Въ южновеликорусскомъ изъ числа согласныхъ подлежащихъ въ исходѣ обезголо́шенію слѣдуетъ исключить *в*, каковой звукъ переходитъ въ полугласный (неслого́вое *у*), образуя съ предыдущими гласниками дифтонги: р о ў, п р а ў, к р а с и́ ў. Одно изъ южновеликорусскихъ разнорѣчій, путивльское, и одно изъ сѣверныхъ, яренское (Яренскъ—Вологодской губ.), говорятъ, вовсе не превращаютъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные. Конечные голосовые свойствены также Малорусской рѣчи, гдѣ мы находимъ выговоръ р̇ и *д*, р̇ и в, н̇ и *ж*, в̇ и з, ш о *в*, л о *б*. Однако западные малороссы согласны съ великороссами, и Головацкій въ своей Грамматикѣ, 31, предписываетъ произносить л о *п*, х л і *п*, ч е р *ф ъ*, д і *т*, о б л і́ *х* (облі́г—цѣлина), к н я *с ъ*, с т о́ р о *ш*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что восточные малороссы и согласные съ ними великороссы въ этомъ случаѣ вовсе не сохранили старину, а в о з с т а н о в и л и голосовые согласные изъ другихъ формъ. Остатокъ общерусскаго обезголо́шенія я усматриваю въ словѣ д о щ, род. д о щ а́, которое звучитъ такъ и на Украйнѣ, и естественнѣй всего объясняется переходомъ старѣйшаго д о ж д̑ ж ь—д о ж д̑ ж а́ въ д о *щ*—д о ж д̑ ж а́, послѣ чего возникли, какъ новотворки къ именительному, косвенники д о щ а́,-у́ и т. д. Срв. поль. deszcz, род. dżdżu и deszczu.

Повсемѣстное исключеніе изъ разсматриваемаго закона представляетъ изглашеніе предлоговъ, напр. п а *д* а к н о́ м, а *б* у р а ж а́ и, и *з* у г л а́. Но это исключеніе мнимое, т. к. предлогъ не само-

[1]) При проточномъ выговорѣ *г* вм. него всегда получается *х*: въ южновеликорусскомъ говорѣ слышится р о *х*, д р у *х* и т. п.

стоятельное слово, а составляетъ одно цѣлое съ «управляемымъ» имъ именемъ, только по этому вѣдь и могли возникнуть безсложные предлоги *в*, *к* и *с*. Нужно сдѣлать оговорку и насчетъ изглашенія самостоятельныхъ словъ, когда за ними, безо всякой паузы, слѣдуетъ голосовой согласный, напр. р ȍ *д* Г а ɫ и́ т͡с ы н ы х. Сомнительно, сохранился ли въ такихъ соединеніяхъ древній выговоръ, или же голосовые вновь возникли изъ безголосныхъ путемъ уподобленія; въ пользу второго взгляда говоритъ появленіе безголосныхъ передъ гласными и передъ согласными нейтральными: р ȍ *т* У́х т ъ м̇ с̇ к̇ ь х, р ȍ *т* Н а р ы́ ш̇ к̇ ь н ы х, хотя такіе случаи могли бы представлять п о д р а ж а н і е другимъ, гдѣ *т* развилось фонетически.

Что касается хронологіи обезголо́шенія конечныхъ согласниковъ, то Соболевскій приводитъ на него лишь единичные примѣры изъ памятниковъ XIII в. (калан*тъ* Кормч. 1282 г., отину*ть* Пс. 1296 г.), но мы можемъ за нимъ повторить, что «нѣтъ основанія думать, чтобы эта замѣна получила развитіе въ очень позднее время»: вѣдь и теперь мало-мальски грамотный не собьется въ употребленіи окончаній *бъ*, *дъ* и т. д.

Перейдемъ къ согласнымъ с о з в у ч і я м ъ (иначе говоря, къ согласнымъ сочетаніямъ или группамъ). Созвучія вообще бываютъ о д н о р о д н ы, т. е. голосовые согласники не сочетаются съ безголосными, мягкіе—съ твердыми.

Голосовые согласные передъ безголосными о б е з г о л а ш и в а ю т с я: изъ первоначальныхъ в о д ъ к а, г ж б ъ к а, л а в ъ к а, н о ж ь к а и т. п. выходитъ в о́ *т* к̲ а, г у́ *п* к а, л а́ *ф* к а, н о́ *ш* к а. Иногда безголосные звуки, вслѣдствіе подражанія, заходятъ и въ такія формы, гдѣ могли бы сохраняться голосовые, такъ слово б у́ т к а образуетъ род. мн. б у́ т ъ к, уменьшительное б у́ т ъ ч к а и производное б у́ т ъ ш̇ н̇ ь к, и первоначальное *д* сохраняется только на письмѣ, да иногда въ книжно-ломанномъ произношеніи. Въ народной рѣчи подобная замѣна встрѣчается и у другихъ (вѣроятно у всѣхъ) словъ этого рода; отмѣчены напр. л о́ т о к вят., л о́ т ы ч к а нж., перм., кур. (щигров. у.), ш у́ п а ч к а кур., в о́ т а ч к а кур. (щигр.), л о́ ш е ч к а влгд., п о н е м н о́ ш е ч к у олон. Съ указанными словами можно сравнить поль. уменьшительное łepek отъ łeb-łba. Малорусское нарѣчіе, въ восточныхъ говорахъ, не знаетъ

обезголо́шенья, а произноситъ н̓и́жка, с̇ї́ӥ̑ⁿз̓кӥⁿй, розказува́т̓иⁿ, помоб̓т̓и́ⁿ, вез̓т̓и́ⁿ, п̓ид столо́м, но Галичане (по показаніямъ Головацкаго, § 56, стр. 29, и Осадцы, § 560) говорятъ бу́пка, ло́шка, л̓е́хко, ффториⁿй, и т. д. Малорусскіе голосовые передъ безголосными я склоненъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ: слово теско́ тёзка вм. ожидаемаго тезко́, кажется, представляетъ объ этомъ, хотя единичное, но вѣское свидѣтельство. Великорусскіе (а именно южные) говоры уклоняются отъ общаго закона, когда дѣло касается звука *в*, который превращается въ полугласный (неслоговое *у*), если ему предшествуетъ гласный звукъ, или въ настоящій гласный (*у* слоговое): ла́ўка, д̓а́ўка—усо́, удава́. Эти явленія не вовсе чужды и сѣверно-великорусскому; у Малороссовъ же начальное *у* вм. *в* передъ согласными весьма обычно, а *в* въ какомъ-нибудь брівка лишь слегка приближается къ полугласности. Срв. сказанное объ изглашеніи, стр. 126. Обезголо́шеніе передъ безголосными Соболевскій (стр. 98) склоненъ возводить ко второй половинѣ XIII вѣка, при чемъ указываетъ примѣры начиная съ 1307 года (ускими въ Поликарповомъ ев.), а изъ смоленскаго договора 1229 г.—написаніе *ризкии*, свидѣтельствующее-де о сохраненіи въ то время голосовыхъ передъ безголосными. Мнѣ однако кажется, что *жск* никакъ не могло перейти въ *зк*, которое я считаю только хитрымъ написаніемъ вмѣсто *ск* и толкую такимъ образомъ въ пользу болѣе ранняго совпаденія древняго *зк* съ *ск*.

Безголосный звукъ передъ голосовымъ звукомъ голосовѣетъ: **съдати, отъ брата, къде, просьба, сватьба** являются въ видѣ здат̓, адбра́та, г̓д̓ӓ, про́з̓ба, сва́д̓ба. Вслѣдствіе подражанія голосовой можетъ зайти въ такія формы, гдѣ долженъ бы сохраняться безголосный: слово сва́дьба образуетъ род. мн. сва́*д*еб и прилаг. сва́*д*ебный, вм. сва́*т*еб и сва́*т*ебный (срв. сват̓, сва́таться). Исключеніе составляетъ звукъ *в*, который терпитъ передъ собой безголосные: с̇в̓ӓт, т̓во́рдъй, к̓л̓у́ква, хвост. Въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ иные (Бодуэнъ-де-Куртенэ), происходитъ обратное уподобленіе, и являются сочетанія *сф*, *тф*, *кф*, *хф*,—дѣйствительно встрѣчаются, говорящія въ пользу такого взгляда написанія **Тферь, Тихфинъ**, а у Поляковъ (однако не у всѣхъ) явственно слышат-

ся tfardy, kfiat вм. twardy, kwiat. Не посрединѣ ли правда, т. е. не содержатъ ли подобныя созвучія, въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи, *с* смахивающій на *з* (не совсѣмъ безголосный) и *в* приближающееся къ *ф* (голосовое, но въ слабой степени)? Подобное же исключеніе представляютъ—отчасти древнія—сочетанія безголосныхъ съ *р*, *л*, *н*, *м*: *к р*'и к, *т р* у п, р á *т н* ъ й, ј á *с н* ъ й, к̓ и́ *с л* ъ й, ý *т* л ъ й, з а *т̓ м̓* и т̓, в а с̓ м ó й, въ нихъ также не то возникаютъ безголосные *р*, *л*, *н*, *м*, не то происходитъ взаимное примѣненіе. Голосовѣніе *с* передъ *м* въ такихъ словахъ какъ К у з ь м а, И з м а и л, о р г а н и з м, явленіе не русской, а греческой фонетики.—Превращеніе безголосныхъ въ голосовые происходитъ также въ концѣ словъ (не только предлоговъ, но и словъ самостоятельныхъ), если только не дѣлать послѣ нихъ паузу; мы говоримъ напр. б р à *д* з а б ы л к̓ н̓ и г у, п ò *б* д а в à л с т ó р у б̓ л̓ é й, н ó *з* б а л̓ и т, м ы *ж* б̓ и ж ы т, т с̓ è б з а з̓ в̓ и н̓ а л а, г р à *в* Г á б з б у р с к ъ й, п р а р ò *г* Д а в ы т, м ó в г а р̓ и т; также б р à *д* Д а н̓ и л, п ò *б* б р а н̓ и л м у ж ы к á, н ó *з* з ъ б а л̓ а л, м ы *ж* ж á л ъ б н а п̓ и ш̓ т̓ ш а л а, т̓ с̓ è *б*' б у д̓ ь т с̓ н̓ á т а, г р à в в á ж н̓ ь т̓ п̓ ъ й ь т, п р а р ò *г* г р а м̓ и л п а р ó к̓ и [1]). Однако Богородицкій и Александровъ, въ своихъ фонетическихъ транскрипціяхъ разсказа «Ось и чека» оба пишутъ (а кък уш) р à *с* з ъ г а р̓ á л а с̓ ò с̓ [2]); хотя по моему въ этомъ случаѣ не можетъ быть паузы (и Богородицкій здѣсь паузы не отмѣчаетъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть созвучія *с* з. Говорю о невозможности для русскаго языка: сами по себѣ сочетанія въ родѣ *с* з, *п* б возможны и дѣйствительно существуютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ необходимая для такого произношенія пауза, будучи минимальною, нисколько не мѣшаетъ цѣльности словъ, какъ л̓ ó *с̓* з ā в н̥, à *п̓* б̓ и ᶤ т̓ н̥, ò ў ф̓ в̓ ӣ ј н̥; сравнимъ еще м̓ и ᶤ *т̓* б ў р ј р̥, в̓ а̂ й *с̓* б̓ ӣ р, ш л̓ à *х̓* б̓ о ў м и особенно своеобразное *п̓* з а л̓ м̥̓ [3]), а также литовскія *ш* б, *шж*, *п* д въ

[1]) Сочетанія *гд* и *гг* (*кд* и *кг*) могутъ, кажется, переходить также въ вд и вг.

[2]) В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика (Варш. 1887), стр. 107 и 116=Р. Ф. В., т. XV, стр. 119 и 128.

[3]) Нѣмецкая орѳографія этихъ словъ: lossagen, abbitten, aufwiegen, Mitbürger, Weiszbier, Schlagbaum, Psalm.

iszbēgu выбѣгаю, isz̃vejóju вылавливаю, lìpdamas лѣзущій [1]. Относительно хронологіи голосовѣнія передъ голосовыми естественно, хотя не обязательно, думать вмѣстѣ съ Соболевскимъ (Лекц. стр. 97), что оно произошло тотчасъ послѣ того, какъ безголосные—съ изчезновеніемъ ъ или ь—очутились передъ голосовыми; проявленіе этого уподобленія на письмѣ начинается съ XIII в.: г д е, н ѣ г д ѣ Жит. Ниф. 1219 г. (тж., стр. 98).

М я г к і е с о г л а с н ы е п е р е д ъ т в е р д ы м и—въ какомъ положеніи они могли очутиться, конечно, лишь по выпаденіи за ними ь—т в е р д ѣ ю т ъ. Напр. к а н т с ы, б а р т с ы, з в а р с к ъ й, в з д о р н ъ й, п о т н ъ й изъ основныхъ **коньцн, борьцн, ʒвѣрьскън, въʒдорьнън, потьнън**, гдѣ сначала, какъ слѣдъ онѣмѣвшаго ь, необходимо предполагать мягкость. Гротъ, когда говоритъ, что передъ наставками н ы й и с к і й не происходитъ умягченія у словъ на ъ и даже замѣчается у словъ на ь отвердѣніе, грѣшитъ противъ исторіи языка: въ какомъ-нибудь п у т н ъ й, не смотря на п у т', нечего ждать мягкости вмѣсто твердости въ п о т н ъ й, т. к. русскій языкъ унаслѣдовалъ и только подвергъ дальнѣйшимъ изѣненіямъ сходныя фонемы **пѫтьнън** и **потьнън**. Разницы можно бы еще ждать между такими словами какъ м и р с к о й и т с а р с к ъ й, и с п а л и н с к ъ й и к о н с к ъ й, г о р н ъ й и б у р н ъ й, т. к. мы въ праславянскомъ должны предполагать съ одной стороны **мнрьскън, нсполнньскън, горьнън** со средними согласными передъ ь, а съ другой стороны (въ виду первичницъ **цѣсарь, конь, боурıа**) **цѣсарьскън, коньскън** и **боурьнън**—съ мягкими; однако въ русскомъ языкѣ, гдѣ нѣмѣвшій ь всегда оставлялъ по себѣ мягкость, эта двойственность была сглажена. Всѣ указанные примѣры представляютъ отвердѣніе передъ твердыми зубными; передъ задненёбными и губными мягкость сохраняется: н а н к а, б а р б а, п и с м о [2].

[1]) Kurschat, Friedr. Grammatik des littauischen Sprache, Halle 1876, § 129 a.

[2]) Срв. мои Грамм. зам., т. I, стр. 89=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 191; срв. также польское расширеніе *е* и *ѣ* въ 'о и въ 'а только передъ твердыми зубными (да еще передъ r) siolo, las, но pogrzeb, wiek.

Особое положеніе занимаетъ звукъ л̄, который сохраняется и передъ твердыми зубниками: не только с̇т р̄и л̄ б а́, б̄и л̄ м о́, п о́ л̄ к а [1]), 'О л̄ г а, но также с̇ е́ л̄ с к ъ й, д̇ е́ л̄ н ъ й, з а с т о́ л̄ н ъ й. Впрочемъ въ областной (сѣверновеликорусской и малорусской) рѣчи попадается также отвѣрдѣніе л̄: с и́ л н о й, б о л н о́ й, б о л ш о́ й, т о́ л к о и т. п.; в о́ л н и й, б і́ л ш и й, т і́ л к о и т. п. (Соб., Лекц. 106). Писменное проявленье отвердѣнія отмѣчено уже въ XIII и даже въ XII вѣкѣ: въ Галицк. ев. 1266 г. читается с н ѣ д ъ н о, р а в ъ н ы, т е м ъ н ы, въ Добрил. ев. 1164 г. н и в ъ н ы х ъ. Въ Галицк. ев. встрѣчаются также написанія б о л ъ н а, д о в о л ъ н о (Тж., стр. 105).

Т в е р д ы е с о г л а с н ы е, очутившись (по выпаденіи ъ) передъ мягкими, подвергаются уподобленію и у м я г ч а ю т с я, становясь мягкими, или средними; иногда впрочемъ умягченіе столь незначительно, что можно говорить о сохраненіи твердости. Не всѣ согласные одинаково способны умягчать другіе звуки, или сами умягчаться; кромѣ того въ этомъ дѣлѣ не мало мѣстнаго, а м. б. и личнаго разнообразія. Такъ губные и шипящіе даже передъ j, отъ коего прежде были отдѣлены также умягчительнымъ ь, имѣютъ средній выговоръ: б̆ j у, п̆ j у, в̆ j у; р у ӂ j о́, м ы ш̆ j а́ к. Впервые подмѣтившій здѣсь несогласіе произношенія съ письмомъ прот. Павскій впалъ въ преувеличеніе, усмотрѣвши здѣсь твердый выговоръ; кромѣ того онъ напрасно относилъ сюда же *ч* и *щ*. Или м. б. у него сказалось какое-нибудь областное произношеніе? По Коршу, въ нижецитуемой статьѣ, передъ j не умягчаются только *ш* и *ж*. У Малороссовъ и Бѣлоруссовъ губные передъ j дѣйствительно тверды, или почти тверды. Примѣры на полное умягченіе: в а с̇ н̄ а̄ (**къ сънѣ**), н а д̇ н̄ а̄ (**на дънѣ**), п р а д̇ л̄ и̇ т̄ (***продълити: рус.**

[1]) Это слово представляетъ отступленіе отъ даваемаго Гротомъ правила, что „*л* умягчается передъ всѣми наставками, *кромѣ начинающихся съ к*“, самое же правило развилось вслѣдствіе того, что передъ начальными согласниками нашихъ суффиксовъ обыкновенно выпалъ ь, а передъ начальнымъ *к*—ъ: м'а̄ л к ъ й, к о́ л к ъ й, в̇ и́ л к а, с͡сы́ л к а=**мѣлъкъи, колъкъи, вилъка, съсылъка.**

вдоль), з'ли̇т (*ꙁълнтн); на половинное: с к'ӓм (съ *кѣмь) [1], г̇н̇и! (гънн!), к̇д̇а (кѫдѥ); на минимальное умягченіе: го́ри̇ки, са́н̇ки, па́л̇ки [2]). Въ иныхъ словахъ д. б. не происходило выпаденія ъ, т. к. они образованы, или же подправлены въ сравнительно позднее время, когда уже не было особаго звука ъ—таковы предложныя слова с̇јес̇т̇ (стрцк. сънѣстн), в̇јӓст-в̇јӓзда, пад̇јо́м и т. п. [3]). Такой случай представляютъ и только что приведенныя го́рки, са́нки, па́лки, т. к. ъ изъ основныхъ фонемъ горъкы, санъкы, палъкы, конечно, выпалъ ранѣе, чѣмъ слогъ *кы*, перешедши въ к'и, пріобрѣлъ умягчительность. Надо полагать, что, при чисто звуковомъ развитіи, постепенное умягченіе слога *кы* сопровождалось бы такимъ же умягченіемъ предшествующаго звука, и получился бы выговоръ го́р̇к'и, са́н̇к'и, па́л̇к'и; если же *р, н, л* довольно тверды, то въ этомъ естественно видѣть примѣненіе къ другимъ падежамъ, какъ го́рка, -у и т. д. Такъ же я объясняю привычное мнѣ, какъ и Гроту, произношеніе д̇ӓ̇ф̇к'и (или, если угодно, д̇е́ф̇к'и: *е*, кажется, не очень широкое); рекомендуемое Коршемъ—д̇е́ф'к'и ститаю самороднымъ [4]). Со словами нѣкогда представлявшими *ъ* не слѣдуетъ ставить на одну доску такія слова, гдѣ согласные издавна соприкасались и никогда не могло быть твердаго выговора, какъ п̇е́с̇н̇и (стрцк. пѣснн), вай̇нс̇т̇в̇ьнъй (конньствьнън): здѣсь уже у

[1]) Наша буква ъ въ такихъ случаяхъ не имѣетъ своего настоящаго значенія, а иногда и вполнѣ равносильна *ъ*: напр. слово аб̇јо́м отличается отъ слова паб̇јо́м только отсутствіемъ звука *п*.

[2]) Послѣднее слово, вслѣдствіе весьма распространенной картавости, превращающей твердый л въ чисто-губное (т. е. не зубно-губное) в, похожее на англійское w, а послѣ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ—въ неслого́вое *у*, такъ что получаются дифтонги оў, аў, ӓў, иў, ыў, можетъ и не представлять своеобразнаго *л*.

[3]) Срв. мою статью „Об устраненіи ъ", стр. 5=Р. Ф. В., т. XIV, стр. 351. Въ этой статьѣ я впрочемъ напрасно приписывалъ словамъ съѣсть и объявить *с* и *б мягкія.*

[4]) Я. К. Гротъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка (Филолог. разыск.). Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen (Arch. f. sl. Ph., B. III).

Праславянъ имѣлось нѣкоторое умягченіе (выговоръ средній), и въ Русскомъ языкѣ произошло только усиленіе мягкости. Тѣмъ менѣе можно говорить объ уподобленіи тамъ, гдѣ послѣ согласнаго выпалъ оставлявшій по себѣ мягкость ь, напр. въ словахъ на *чик*: ма́л̓т̓шьк, ко́н̓т̓шьк, ла́р̓т̓шьк=*мальчнкъ, *коньчнкъ, *ларьчнкъ, также *д* въ словахъ бѣдствіе и поздній (б'е́т̓с̓т̓в̓ьйа, по́з'н̓ьй), давшее въ первомъ словѣ *т*, а во второмъ выпавшее, вовсе не умягчилось путемъ уподобленія, т. к. первоначальныя формы были бѣдъствьје, поздъный (стрцк. поздьнъ). Коршъ, и въ большей еще степени Гротъ недостаточно обращаютъ вниманіе на указанное обстоятельство. Гротъ иногда даже сбивается со звуковъ на буквы и ожидалъ бы умягченія въ словахъ то́ржъш̓т̓ша, ста́р*ш*ъй передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*: здѣсь напротивъ того произошло отвердѣніе въ одномъ случаѣ мягкаго или средняго, а въ другомъ несомнѣнно мягкаго *р*—основныя фонемы тър̓ж'ищ'е или тър̓ж'ищ'е и стар̓ш̓ьй (стрцк. старьшин вин. п.).—Что до времени умягченія передъ мягкостью, то Соболевскій (Лекц., стр. 105) приводитъ на него примѣры уже изъ памятниковъ XII—XIII вѣка: възя, възяти Добр. Ев. 1164 г., ропъщють Псалт. 1296 г., алъчьна, алъчюща Галиц. Ев. ок. 1266 г. [1]).

Шипящіе и свистящіе несочетаемы, и свистящій передъ шипящимъ самъ становится таковымъ же, вмѣстѣ съ чѣмъ, разумѣется, происходитъ также уподобленіе голосового слѣдующему безголосному или безголоснаго—голосовому: вмѣсто *сш*, *зш* появляется двойное, или, лучше сказать, нѣсколько протяжное *ш*, вмѣсто *зж*, *сж*—такое-же *ж*, напр. шшу́мъм, бишшу́му;

[1]) Послѣднее слово меня нѣсколько затрудняетъ: хотя теперешній выговоръ а*л*чный, а*л*чущій и могъ бы считаться вторичнымъ порожденіемъ орфографіи, но вѣдь мы произносимъ ма*л̓*т̓ша́т̓. Приводимыя тамъ же жа*л*ьче и ме*л*ьче д. б. заимствовали мягкость у болѣе раннихъ жал̑ьше и мѣл̑ьше (вѣдь первичная сравнительная степень первоначально производится отъ корня), или же произошли изъ нихъ посредствомъ замѣны *ш*, въ угоду звуку *к* положительной степени, черезъ *ч*.

жжынóйу, бьжжыный; штшéстју, биштшéсти. (Передъ штш *з* и *с* вовсе пропадаютъ: биштшóтк'и; сочетанія *сщ* въ предложныхъ соединеніяхъ не существуетъ, т. к. говорятъ напр. саштшóткъй, мы однако встрѣтимся съ нимъ ниже). Впрочемъ насчетъ жж и шш изъ *зж* и *зш* слѣдуетъ сдѣлать оговорку, которая относится также къ зз и сс (напр. бьззабóт, бисси́лы). Въ староцерковномъ, какъ извѣстно, предлоги, которые у насъ въ отдѣльномъ написаніи кончаются на *зъ*, обыкновенно ъ не имѣютъ и подвергаются сліянію съ согласнымъ зачиномъ соединяемаго съ ними реченія, напр. **кештнсльнъ, кештнсла, нждеінж** (**шт** и **жд** вторичное упрощеніе штш и ждж изъ зтш, здж); **беснлы, безъла; бездразоума** (съ переходнымъ отъ *з* къ *р* звукомъ *д*); **бежнего** (съ такимъ же смягченіемъ какъ **мышлѣж** къ **мыслнтн**). Если же русскій языкъ въ такихъ случаяхъ унаслѣдовалъ *щ*, *жджк* и т. д. (соотвѣтственныя написанія, кромѣ **жн**, вполнѣ обычны въ старѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. из-д-Ростова Сказ. о Бор. и Гл., по сп. XII в.), то соединеній *зш, зж, зч* въ немъ никогда не было, а произошла только попытка возстановить въ чистомъ видѣ какъ изглашеніе предлога, такъ и зачинъ соединеннаго съ нимъ слова, при чемъ возстановляемое *з* прямо стало звучать *ж*, *ш* или *с*. Первые примѣры на возстановленіе (по Соб., Лекц. 130) р а *с с* у д и т и Тріодь Моис. кіевлян. XII—XIII в., 14, и *ж ъ ж* е н у т ь Ев. 1270 г., 24, б е *з з* л о б ь ѥ Кормч. ок. 1282 г., 458. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ подобныхъ написаніяхъ могло бы отражаться мудрствованіе грамотѣевъ, а не живое произношеніе.—Стремленіемъ къ раздѣльности корня и приставки я объясняю себѣ также старинную замѣну *зш*, вмѣсто *ш*, черезъ *штш*, напр. **нщъдъше** Остр. ев. 65 г., **нщьдъше** 99 а, **ращнке** Минея XII в., Ягичъ, 20, стрк. 2 сн. (едвали можно сомнѣваться, что **щ** здѣсь трифтонгъ, а не сокращеніе вм. **шт**); Соболевскій, Лекц. 46, склоненъ понимать здѣсь **щ** какъ *ш'ш'*, что по моему весьма неправдоподобно.

Случаи, гдѣ бы приходились ш и п я щ і е п е р е д ъ с в и с т я щ и м и, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: с т р и м̈ сса,

н̑исо̑сса. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе **шн** или ***шь+сѧ** д. б. дало бы ш̑са и далѣе с̑са съ мягкимъ *с*, но здѣсь могло повліять отвердѣніе *с* послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такія сочетанія въ прилагательныхъ на с к о й, напр. в о л о́ ш с к і й, п р а́ ж с к і й, м у ж с к о́ й, п е т е р б у́ р г-с к і й (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ *г*, то это только невѣрное правописаніе, срв. п е т е р б у́ р *ж* е ц ъ [1])—здѣсь *шс* и *жс*, передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый *с*. *Ч*, сливаясь со слѣдующимъ *с*, даетъ *ц*, что̀ бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на с к о й, напр. м ъ л а д а̑ т с к ъ й, *и г р а̑ т с к ъ й, м ъ с к в а р а̑ т с к ъ й=***младьчьскън**, ***игрьчьскън**, ***москворѣчьскън**; таково же народное к у п а̑ т с к ъ й при литературномъ к у п е́ т ш̑ ь с к ъ й. Для оправданія двоякости окончанія а̑тскъй и е т ш̑ ьскъй можно сослаться на то̀, что **ь** между *ч* и *с* не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. **коупьчьскъ**, что̀ дало к у п е́ ч е с к и въ именахъ на с т в о—***коупьчьство**, откуда к у п е́ ч е с т в о.

У д в о е н і е или, лучше сказать, у с и л е н і е согласныхъ, каковое мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ только что отмѣченныхъ случаевъ, есть явленіе рѣдкое въ русскомъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ (въ староцерковномъ, а д. б. и въ праславянскомъ его вовсе не существовало). Мы нерѣдко произносимъ усиленный *н* въ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ: с а̑ н н ъ й, п а̑ н н ъ й, н̑ ь п р и м а̑ н н ъ й; д а̑ н н ъ й, ж ы л а̑ н н ъ й, р ъ з д и л о̑ н н ъ й и т. п. Срв. выше, стр. 101. Въ прилагательныхъ этого рода дѣйствительно имѣется соединеніе двухъ *н*, изъ коихъ одинъ принадлежитъ первичному имени, а второй про-

[1]) Дѣйствительно содержатъ сочетаніе *гс*=*кс* или *хс* прилагательныя т а г а н р о́ г с к і й и к р и в о р о́ г с к і й, навѣрное, книжно-искусственныя, да м. б. въ живомъ употребленіи и не представляющія какофоническихъ созвучій *кск* или *хск*. Ужъ несомнѣнно книжное образованіе о с с к і й произносится о̑ с с к ъ й. Л'е́ й п т с ь *х* с к ъ й отъ иностраннаго Л'е́ й п т с ь х и т. п. въ счетъ не идетъ.

изводственной наставкѣ: **сан-ьнън, пѣн-ьнън, непрѣ-мѣн-ьнън**; причастія же не имѣютъ этимологическаго права на удвоеніе, которое появилось въ нихъ, думается мнѣ, вслѣдствіе того, что они стали чувствоваться производными отъ приглагольныхъ именъ на аніе, еніе, напр. желанный отъ желаніе. (Первоначальное соотношеніе, какъ извѣстно, обратное). Обособившіяся отъ глагола причастія лужо́нъй, кало́нъй, прида́нъйа и т. п. остались безъ усиленія. Усиленный л представляютъ прилагательныя гуль-ли́вый, щеголь-ли́вый. Усиленное в получается при положеніи предлога в передъ зачиннымъ в: напр. ввада́, ввисти́, ввол не совпадаютъ съ дат. вада́и съ безпредложнымъ глаголомъ висти́-вол. Подобнымъ же образомъ при употребленіи предлоговъ от, под возникаютъ тт и дд: аттуда, оттьпьл, аддат, аддалът, паттайьт (срв. потая·ть, содержащее предлогъ по), паттибрьт, паддакьвът, паддѣлнъй (срв. поддѣльная бумажка и подѣльная плата). Нѣсколько инымъ путемъ появилось тт въ инфинитивѣ итти́ вм. древнѣйшаго **н-тн**, а именно подъ вліяніемъ настоящаго иду́. См. Сравнит. морфол., стр. 462, пр. 2. Усиленіе звука п слышится въ предложномъ выраженіи оппъл; но это единичный случай, т. к. предлогъ об передъ п, какъ и вообще предъ согласными, обыкновенно является въ видѣ о. Въ предложныхъ соединеніяхъ замѣчаются также встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе (стр. 133) сс, зз, шш, и жж [1]). Здѣсь прибавлю еще, что есть также усиленное ж мягкое, которое восходитъ къ основному здј или згј: јéжжу, дажжи́, дожжьк, дрожжи; таково же ш замѣняющее, по московскому произношенію, щ: гушша, пушшу́. Усиленіе имѣетъ мѣсто также при столкновеніи т и д съ тш и тс: пъттшитат, т. е. подготовиться чтеніемъ, не совпадаетъ съ пътшитат уважать, аттсыпит (напр. вагонъ) не совпа-

[1]) Иное сс мы видѣли на стр. 101.

даетъ съ а т͡с ы й и т (напр. домъ). Такія же «удвоенные» *ч* и *ц*, только иного происхожденія, а именно изъ т+с, т+ш, д+ш намъ встрѣтились уже на стр. 101 и 118. Въ иныхъ словахъ, какъ с а л д ӓ і т͡т ш ш ь н а, с к л ӓ т͡т ш ш ь н а, п ь р и п л̈ о т͡т ш ш ь к, п ь р и в ӧ т͡т ш ш ь к, к а б ӓ т͡т ш ш ь к, усиленное *ч* восходитъ къ сочетаніямъ *тщ*, *дщ*, *чщ*: производки тутъ щ и н а, щ и к, древнѣйшія ьщина, ьщикъ, представляющія распространеніе ьскъ; срв. б а́ р щ и н а при б а́ р с к і й, д е н ь щ и́ к ъ при д е н ь с к о́ й равныя основнымъ б о ј а р ь щ и н а, б о ј а р ь с к ъ, д ь н ь щ и к ъ, д ь н ь с к ъ. Этимологическое написаніе разсматриваемыхъ словъ было бы поэтому с о л д а т *щ* и н а, с к л а д *щ* и н а, п е р е п л е т*щ* и к ъ, п е р е в о д *щ* и к ъ, к а б а *чщ* и к ъ (также р а з н о *сщ* и к ъ, и з в о *зщ* и к ъ): рѣшительно незачѣмъ тутъ говорить о какомъ-то переходѣ *щ* въ *ч*, а Гротовское к а б а *к* щ и к ъ, будто-бы перешедшее затѣмъ въ кабатщикъ, а далѣе въ к а б а *тч* и к ъ, есть совершенно невозможное построеніе.

Для усиленнаго выговора согласныхъ не безразлично удареніе: безударность предшествующаго гласнаго, хотя и не исключаетъ удвоенія, но не благопріятствуетъ ему. Такъ говорится д ӓ н͡н ъ й, но д а н а́, -о́,-ы́. Также усиленный *с* во 2 лицѣ возвратныхъ глаголовъ, явственный послѣ ударенія, при отсутствіи его упрощается: з д ӓ л ъ й ь с͡а, н а д е́ й ь с͡а, с т а р а́ й ь с͡а, в л у́ б ь с͡а. Впрочемъ тутъ можетъ быть и слышится (вообще, или же иногда) нѣкоторое усиленіе; но въ 3 лицѣ при такихъ условіяхъ положительно является обыкновенное *ц*: сравнимъ глагольныя формы к у́ р и т с я, п е р е н о́ с и т с я, к а́ т и т с я, д ѣ́ л и т с я, с т е́ л е т с я и с л а́ в и т с я съ существительными к у́ р и ц а, п е р е н о́ с и ц а, к а р а к а́ т и ц а, б е з д ѣ́ л и ц а, м я т е́ л и ц а, к р а с а́ в и ц а—каждая пара составляетъ чистую трехсложную рифму, а первыя двѣ вполнѣ совпадаютъ. Въ словахъ пришлыхъ мы послѣ ударенія болѣе-менѣе выдерживаемъ свойственное ихъ первообразамъ усиленіе и говоримъ к ӓ с͡с а, в ӥ л͡л а, г р ӱ п͡п а, г ӓ м͡м а, но въ иномъ положеніи производимъ упрощеніе и говоримъ к а с и́ р, г р у п ь р а в а́ т, также а л е́ й а, Р а с и́ й а, а б а́ т: удвоеніе, которое слышится таки и въ такихъ случаяхъ, звучитъ вычурно.

Впрочемъ упрощеніе не разъ происходитъ и передъ удареніемъ (видно потому, что собственно-русское усиленіе является рѣдко и всегда по этимологическимъ причинамъ, и потому въ этимологически темномъ словѣ кажется совершенно лишнимъ): говорятъ напр. прафа́съp, кла́сы, када́ты, ва́л. Ближайшій источникъ этихъ словъ нѣмецкія Professor, Klasse, Kadett, Wall. И въ русскихъ словахъ выражаемое на письмѣ удвоеніе не всегда соблюдается въ выговорѣ: мы произносимъ напр. ру́скъй, франтсу́скъй. Обратное явленіе мы отмѣтили выше (стр. 101) въ существительномъ пору́чикъ и въ нарѣчіи впрочемъ. (Таково и прилагат. прочій: въ него, кажется, вносятъ окончаніе сравнительной степени -шій) [1].

Усиленныхъ *к* и *г*, которыя попадаются въ пришлыхъ словахъ (Мекка, квагга), въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи не существуетъ: возникшія было въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетанія *кк* и *гг* перешли въ *хк* и *гг*: ма́хкъй изъ **мякъкън**, *х* каму́ изъ **къ комоу**, лёхкъй изъ **льгъкън**; ѕгара́ изъ **къ горѣ**. Срв. стр. 112, пр. 2; но также 129. Въ памятникахъ это явленіе засвидѣтельствовано уже въ XIV столѣтіи: мяхкы Поликарп. ев. 1307 г., Ев. 1354 г., *х* коѥи притчи Ев. 1354 г., *хъ* кievьскимъ Лавр. сп. лѣт., л. 15, стр. 13 (*ѕтпо*); также *г* кому Лавр. 159 об., 20, *г* кудеснику 119 об., 24, *г* камени 130 об., 23 и т. п. естественно, вслѣдъ за Соболевскимъ (Лекц., стр. 100), читать *х* кому и т. д.

Подобнымъ же образомъ, какъ передъ другимъ к или г, превращеніе к и г въ х и ѕ происходитъ передъ *т* и *д* (также передъ *ч*, первый элементъ котораго есть *т*): хто, хтаму́, хтиба, лёхтши, ма́хтши, хтшиму́; примѣры на ѕд см. выше, стр. 112. Однако мы произносимъ лакти!, ло́кти. Хто есть

[1]) Усиленные мягкіе созвучники (иногда впрочемъ вторично отвердѣвшіе) представляютъ нарѣчія Малорусское и Бѣлорусское на мѣстѣ болѣе раннихъ сочетаній съ j, напр. малорус. суд'д'а́, колос'с'а, с'ил'л'у, бѣлорус. суд'дз'а́, калос'с'а, сол'л'у (ближайшимъ образомъ изъ суд'jа́, коло́с'jа, со́л'jу—староцерк. **сѫдин, класие, солнѫ**).

и малорусская форма; въ памятникахъ она встрѣчается съ XIV столѣтія.

Созвучія *чн* и *щн* упрощаются въ *шн*: м а л о́ *ш* н ъ й, с к у́ *ш* н ъ й, к а л а́ *ш* н ъ й, б у́ л ъ *ш* н ъ й а, п а т͡с в е́ ш н ь к, к͡л у́ ш н ь т с а, и т. п., а в а *ш* н о́ й (о́ в ъ ш͡т ш и ͫ), т о́ *ш* н а (т о́ ш͡т ш ь й=**тъштьн**, т а с к а́=***тъска**). Въ словѣ п а м о́ ш н ь к *ш* д. б. произошло изъ *ч*, и написаніе черезъ *щ* слѣдуетъ признать славянизмомъ. Упрощеніе *чн* въ *шн* общерусское: по малорусски напр. серде́шний, немошни́й, па́сішник, по-бѣлорусски п а м о́ ш н и к, с к у́ ш н а, р у ш н и́ к. Примѣры въ письменности указываютъ съ конца XIV или съ начала XV в. (Соб., Лекц. 100). Однако существуетъ также созвучіе *чн*, появленіе котораго въ иныхъ случаяхъ можно оправдать книжнымъ характеромъ слова: б р а ч н ы й, з л а ч н ы й, м л е ч н ы й, м р а ч н ы й, п р о з р а́ ч н ы й, а л ч н ы й, п е р в и́ ч н ы й, в т о р и́ ч н ы й, т р е т и́ ч н ы й (м. б. сюда позволительно отнести также прилагательныя в ѣ ч н ы й, п о б о́ ч н ы й, п о р о́ ч н ы й), въ другихъ случаяхъ можно сослаться на охранное или же возстановительное вліяніе родственныхъ формъ: н а ч н у́ (н а ч а́ т ь), к а ч н у́ (к а ч а́ ю), о т л и́ ч н ы й, п р и- (о т л и ч и́ т ь), о б ы́ ч н ы й (о б ы́ ч а й), встрѣчный (в с т р ѣ́ ч а), н е р а з л у́ ч н ы й (р а з л у ч а́ т ь), т о ч н ы й (т о ч ь в ъ т о ч ь), в ь ю ч н ы й (н а в ь ю ч и т ь), з в у ч н ы й (з в у ч а́ т ь), з а п е́ ч н ы й (п е ч ь), б е з п е́ ч н ы й (н е п е ч е́ т с я), п р о ч н ы й (у п р о́ ч и т ь). Есть однако случаи, для которыхъ я не вижу объясненія: п о п е р е́ ч н ы й, с о ч н ы й, т у ч н ы й, с р о ч н ы й, у р о́ ч н ы й, к о н е́ ч н о (рядомъ съ к о н е́ ш н о), и с т о́ ч н и к ъ. Впрочемъ можно думать, что здѣсь имѣется, въ родѣ того какъ въ первомъ рядѣ словъ, вліяніе письма на произношеніе. Народное произношеніе послѣдовательнѣе литературнаго (не знаю однако вполнѣ ли последовательно): слышится та̀к т о́ ш н а, с҆ и р д а̂ ш н ъ й, и с т о́ *ш* н и к (отмѣчено Колосовымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губ.) и даже з а п е́ ш н ы й и в ѣ ш н ы й туль. Р. Ф. В., X, 31).

Зачинное созвучіе *чт* упрощается въ *шт* въ мѣстоименіи *ш* т о: написаніе **што** отмѣчено уже въ Добриловомъ ев. 1164 г. и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII в. (Соб., Лекц. 99, Р. Ф. В., XV, 9, п. 3). Но *ч* т и т ь, *ч* т е ц ъ; также между гласными: м е *ч* т а́, м а́ *ч* т а,

по́*ч*та. Однако въ народной рѣчи по*ш*те́нье, по*ш*те́нный. Написанье поштенне приведено выше, стр. 49.

Хв въ народной рѣчи иногда сливается въ одинъ звукъ *ф*, средній между *х* и *в*: отъ перваго идетъ безголосность, отъ второго—зубногубное образованіе. Такое превращеніе произошло у галицкихъ малороссовъ (фіст, фати́ти, фали́ти, фо́рост) и кое у какихъ великороссовъ: фост, фата́ть, фо́рост Туль. губ., туль. у. (Р. Ф. В., X, 29), «по*ф*альбами всѣ по*ф*аляются... кто чѣмъ... *ф*астаетъ» Он. был., 387. Чтò до хронологіи, то самый ранній примѣръ на *ф* вм. *хв* изъ приводимыхъ Соболевскимъ (Лекц., 125) есть лифою въ Ев. 1399 г. Болѣе ранніе примѣры (XIII в.) имѣются на смѣшеніе въ пришлыхъ словахъ *ф* и *х*—*х*, рядомъ съ *хв*, стало обычной замѣной иностраннаго *ф* у Малороссовъ: Хома́, Хівря (Хавронья, Февронія), Хве́дір, Хвили́п.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые случаи выпаденія согласныхъ. Изъ созвучій *стн*, *здн* выпадаютъ *т* и *д* (сохраняемые однако на письмѣ): стра́снъй, ѣ̑ша́снъй, гру́снъй и т. д., пра́знъй (праздьнън), ба́зна, по́зна [1]). Примѣры на сн вм. с*т*н, по Соболевскому (Лекц. 102 и 103) восходятъ къ XIV в. [2]). Выше (стр. 49) мы видѣли гораздо старѣйшій, но зато сомнительный примѣръ.—С*т*л превращается въ сл: сла̓т=стьлати совпадаетъ со сла̓т—сълати; естьли даетъ если. Такимъ же образомъ, надо полагать, развились ма́сло, ја́сли, число́, изъ ма́с*т*ло, ја́с*т*ли, чис*т*ло́,=ма́з-тло, ја́д-тли, чит-тло́—только это произошло не на русской почвѣ, а на праславянской.—Средній звукъ опускается также изъ группы с*т*к, все равно восходитъ ли она къ стък или къ ꙁдък: ѝива̊ска, пава̊ска, ӥзво́ска, маск'и́; баро́ска, паја́ска.—Здб изъ стб, стъб дало зб въ словѣ ӥзба́=истъба, уменьш. истъбъка (истокꙋ въ Лавр. сп. лѣт., 150 б, стрк. 4 сн., 151 а, 6 и 8 св.): современное уменьш.

[1]) Употребляемое также, хотя и не попавшее въ письменный языкъ по́зда не представляетъ выпаденія *н*, а должно быть приводимо въ связь со староцерковнымъ поꙁдѣ.

[2]) У Соболевскаго въ указанномъ мѣстѣ приводится еще нѣсколько единичныхъ случаевъ выпаденія согласныхъ.

изо́бка и поль. izdebka подправлены въ угоду первичницѣ изба́. Мимоходомъ отмѣтимъ, что ходячая этимологія «изба отъ топить» совершенно невозможна. То же звуковое явленіе какъ изба представляетъ гозьба́ пиръ олон. (Кол., Замѣтки, 201), приводимое и Далемъ, какъ новгородское, въ этимологическомъ написаніи гос*т*ьба́. Срв. серб. го̀зба, болг. го́зба.

Выпаденіе передъ *н* смычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *б*, *п*, *д* и *т* у эновыхъ глаголовъ—д̓ви́нут̓, т̓и́снут̓, з̓г̓и́нут̓, утану́т̓, к̓и́нут̓, в̓ирну́т̓ и т. п., я склоненъ считать не русскимъ, а праславянскимъ явленіемъ, объясняя выговоръ ля*г*ну́ть, поги́*б*нуть, староцерк. **двигнѫти** и т. д. вторичнымъ, хотя бы и раннимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ, сохранявшихъ *г*, *б* и т. д. (ляга́ть, погиба́ть, **двиглъ** и др.). Срв. однако Лекціи Соб., стр. 31, п. 2.

Несомнѣнно праславянскимъ должно считаться опущеніе *в* послѣ *б*, при сочетаніи предлога *об* со словомъ начинающимся съ *в*: о́блако, оболо́чка, о́бод, противорѣчіе которыхъ такимъ словамъ, какъ обва́л, обви́ть, обвѣ́сить, легко объясняется тѣмъ, что утрата *в* произошла у Праславянъ (срв. староцерк. **облакъ, обити, обѣсити**, серб. ȍбла̄к, чеш. oblak, поль. obłok и т. п.), а Русскіе (также другіе славяне) въ словахъ этимологически ясныхъ возстановили *в* и во вновь образуемыхъ не выбрасывали его.

Противуположная выпаденію вставка—явленіе рѣдкое. Наиболѣе обычно *т* какъ посредствующее звено между *с* и *р*, но и оно по литературному произношенію присвоено одному глаголу вс*т*рѣтить и родственнымъ встрѣчать, встрѣча, встрѣчный; въ народной рѣчи весьма обычны еще с*т*рамъ и с*т*ражаться, -женіе. О вставкѣ гласныхъ звуковъ (*о* и *е* и ихъ вторичныхъ видоизмѣненій) уже упомянуто ранѣе и придется еще говорить при обзорѣ склоненій.

Отпаденію подвергается звукъ *л* съ предшествующимъ созвучникомъ. Случай къ тому представляется 1) въ мужескомъ родѣ прошедшаго времени (элеваго причастія): н̓ос, в̓ос, п̓ок, с̓т̓ир̓о́к, паг̓и́п, у́м̓ьр—староцерк. **неслъ, везлъ, пеклъ, стрѣглъ, погыблъ, оумрьлъ**. Особое положеніе корней на *т*, *д*, у коихъ изчезаютъ эти звуки, а *л* сохраняется (п̓ол, в̓ол) обусловлено тѣмъ,

что *т* и *д* передъ *л* выпали въ юговосточной славянщинѣ, или м. б. даже въ праславянщинѣ, и русскій языкъ унаслѣдовалъ тожественныя со староцерковными фонемы **плелъ, велъ**[1]. 2) Отпаденіе *л*, а именно *л* мягкаго, замѣчается въ существительныхъ мужескаго рода на **бль, вль, мль**: к а р а́ п или к а р а́ п, р у п (р у п), к р е м (к р ä м). Въ этихъ случаяхъ однако *л* иногда сохраняется (но, кажется, лишь у людей книжныхъ, подъ вліяніемъ письма), при чемъ становится безголоснымъ: к а р а́ п л, р у п л, ж у р а́ ф л, к р е м л. Подобнымъ же образомъ возникаетъ въ исходѣ б е з г о л о с н ы й *р*: т ä а́ т р, с м о т р, П' о т р, А л ä к с а́ н т р. По другому книжному произношенію: т и а́ т ъ р, с м о́ т ъ р, П' о́ т ъ р, А л и к с а́ н д ъ р, съ *ър* или м. б. правильнѣе сказать со слоговымъ *р*; народъ же въ подобныхъ словахъ, по скольку ихъ употребляетъ (едвали напр. простолюдинъ скажетъ «о н ъ п о д л ъ» или «о н ъ м у д р ъ»), мѣняетъ окончанія, говоря съ одной стороны т и и́ а́ т ь р (к и и́ а́ т ь р), какъ в е́ т ь р, а съ другой—П' о́ т р а, Л' и к с а́ н д р а.

Отпадаетъ, или же становится слоговымъ также звукъ *н* съ предшествующимъ *з*: с а б л а́ с или с а б л а́ з ъ н, к а́ с или к а́ з ь н. Пришлое окончаніе *изм* звучитъ обыкновенно и з ъ м; простолюдины, кажется, превращаютъ его въ изма: р ь в м а т и́ з м а. Искусственное произношеніе допускаетъ въ такихъ случаяхъ *н* и *м* безголосные.

Въ областной рѣчи нерѣдко отпаденіе конечнаго *т* послѣ *с*: х р о с, п о́ ј ь с, г о с вм. литературныхъ к р ä с т, п о́ ј ь с т, г о с т. Срв. болгарскій выговоръ к о с, п ъ р с, г р о с вм. первоначальныхъ **кость, прьстъ, гроздъ**. Историческія справки насчетъ отпаденія согласныхъ (Соб., Лекц. 104) весьма скудны, д. б. отпаденіе явленіе довольно новое; хотя отсутствіе *л* въ извѣстныхъ формахъ элеваго причастія теперь—общерусское.

Иногда встрѣчается, противоположное отпаденію на концѣ приставка въ началѣ, или, употребляя Гротовскій терминъ, п р и з в у к ъ. А именно въ иныхъ словахъ является передъ начальнымъ *о* приставочное *в*: в о́ т ч и м рядомъ съ о́ т ч и м, в о́ с е м ь (однако в о с ь м и или о с ь м и́, в о с ь м о́ й или о с ь м о́ й), народныя

[1]) Срв. мою статью О вставочныхъ д и т. Грамм. зам., т. I (Р. Ф. В., т. V).

во́стрый, во́спа вм. о́стрый, о́спа [1]). По-малорусски призвучное *в* (для котораго я впрочемъ выше, стр. 99) предложилъ иное толкованіе, составляетъ правило передъ *о* суженнымъ. Написанія вовьца, воовца Соболевскій (Лекц., 113) приводитъ уже изъ Галицкаго евангелія ок. 1266 г. Великорусскія же его примѣры (напр. изъ духовной Ивана Калиты), гдѣ «призвучное» *в* слѣдуетъ за предлогомъ *въ*, надо полагать, представляютъ лишь двукратное написаніе предлога. Призвукъ v передъ *о* господствуетъ въ языкѣ Лужицкомъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ: vorać (-aś), voŕech (или vóŕech), а также въ народныхъ говорахъ Чешскаго: vorat, vořech.

Кое-что о призвучномъ в и о праславянскомъ призвукѣ сказано въ моихъ Дополн. къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, стр. 60—62 и 117 пр., = Р. Ф. В., т. XXII, 115—117 и XXIII, 98.

[1]) Приставочное *в* отчасти могло бы считаться предлогомъ—срв. одно мое соображеніе, въ Дополненіяхъ къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, подъ словомъ otй, стр. 121 (Р. Ф. В. XXIII, стр. 289).

Поправки и дополненія.

Стр. 5, стрк. 17. Совпаденіе ѫ съ оу и ѧ съ ѩ проявляется и въ Архангельскомъ евангеліи 1092 года—почти полнымъ устраненіемъ ѫ (ѫ читается нпр. на л. 13, об., стрк. 10 сн.: вьсѧкѫ розгоу и на 38, стрк. 6 св.: ꙁапрѣти ѥмѫ) и довольно послѣдовательнымъ употребленіемъ, независимо отъ этимологіи, въ началѣ слоговъ ѩ, а послѣ согласныхъ—ѧ, сходно съ новоцерковною орфографіей.

Стр. 10, стрк. 17. Все-таки можно предположить здѣсь отвердѣніе: какъ р̓е, л̓е, н̓е, несомнѣнно мягкія въ праславянскихъ фонемахъ морѥ, полѥ, конѥви, у Малороссовъ сдѣлались полутвердыми, такъ могли отвердѣть и всѣ слоги съ *е* (также и съ *и*), если были мягкими въ общерусскомъ. Но мнѣ (наперекоръ Шахматову, Литографиров. лекціи, стр. 154) это кажется невѣроятнымъ и думается, что сначала поотвердѣли решительно преобладавшіе въ языкѣ средніе слоги бе, де и т. д. и потомъ уже они потянули за собой и немногочисленные мягкіе. Указываемые тамъ же написанія съ ѥ вм. простого є (нєбєсѥ Стихир. 1157 г., 103 в., естѥ Мин. XII в., № 221, 22а и т. п.) м. б. свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи значенія буквы ѥ.

Стр. 13, пр. 2. Лекціи Шахматова, § 58, стр. 161.

Стр. 15, стрк. 5 сн. Явные примѣры на совпаденіе *ы* и *и* встрѣчаются въ памятникахъ съ XIV в. Соб., Лекц., стр. 74. Впрочемъ изъ болѣе раннихъ случаевъ «очень рѣдкихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія» иные мнѣ кажутся довольно убѣдительными—таковы п р о с *ы* т и и с ъ в ѣ т ь н *ы* к ъ въ Добриловомъ евангеліи 1164 года.

Стр. 16, стрк. 13 сн. Срв. поправку къ стр. 10, стрк. 17.

Стр. 21, пр. 2. Вм. к ъ р а л̓ в̓ и е́ т̓ ш нужно к ъ р а л̓ е́ в и т̓ш,

или, лучше, к ъ р а л̓ е́ в̓ ь т̓ш.

Стр. 23, стрк. 10. Отъ слова м̓ и ш о́ к употребляются и подражательное м̓ и ш о́ т̓ш ь к и самородное м̓ и ш е́ т̓ш ь к.

Ст. 24, стрк. 12. Возможно, что было не седъло, а седгло.

Стр. 25, стрк. 18. Соболевскій (Лекц., стр. 86), указывая на малорусское т р̓ и с и сѣверно-малорусское запр̓уов, приписываетъ этимъ формамъ древнее *е*, которое чередовалось съ *я*=ѧ, какъ въ л я̓ г у-л е ч ь-л ё г.

Стр. 26, стрк. 5 сн. Расширеніе *е* въ *о* на письмѣ встрѣчается съ XII ст.: въ Словѣ св. Ипполита объ антихристѣ написано нпр. **съкажомъ** стр. изд. 22 (л. 17), **блажонъ** стр. 99 (л. 61), **раздѣлнкъшомъ сѧ** стр. 40 (л. 28), Соб., Лекц. 59. Итакъ расширеніе не новѣе XII в., однако сомнительно—вообще ли, или только послѣ шипящихъ.

Стр. 30, стрк. 14 сн. Еще р а́ с п р я, р а́ з в и т и р а́ с п я т, но это очевидно слова̀ книжныя; впрочемъ и къ нимъ подходило бы предлагаемое тамъ же объясненіе слова р а́ з у м. Соболевскій (Лекц. 26) отмѣчаетъ, что «въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ р *о* з, а не р *а* з».

Стр. 33, стрк. 7. Н'и р а́ д а с̓ т и н, точнѣе д. б. н̓ и р а́ д ъ с̓ т ь н, представляетъ столь же непонятное исключеніе въ своемъ послѣднемъ слогѣ.

Стр. 37, стрк. 11. Въ «Начертаніи славянской акцентологіи», стр. 67, я напрасно оспаривалъ этотъ взглядъ, выставленный (м. б. съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ) сербскимъ ученымъ Даничичемъ.

Стр. 37, прим. На стр. 76, но больше въ другомъ мѣстѣ, стр. 74.

Стр. 37, стр. 6 сн. У иныхъ м. б. предударныя *е* и *и* совпадаютъ въ є узкомъ. Конечно, и мое предударное е-и, будучи не вполнѣ яснымъ, смахиваетъ на є.

Стр. 38, стрк. 7 св. Пожалуй предударное *о* хорошо выражено у Богородицкаго черезъ å, обозначающее *а* склонное къ *о*, но тогда также слѣдуетъ выражать и предударное *а*.

Стр. 41, стрк. 3. Написаніе **Нѥвъ**, также **Нѥрданъ**, встрѣчается уже въ староцерковныхъ памятникахъ. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, Москва 1891, стр. 138.

Стр. 42, стрк. 15. Вспомнимъ еще j и ͥ й ш н ъ й и j и ͥ й ш н̓ ь т͡ с а, Иногда вм. j а́ й т͡ с а слышится въ три слога j а́ ͥ ь т͡ с а; эта фо-

нема является у Крылова въ басняхъ «Воспитаніе Льва», стихъ 75 и «Напраслина», стихъ послѣдній.

Стр. 48, стрк. 4 сн. Вм. «какъ отмѣчено выше,» нужно «см. ниже, стр. 57.

Стр. 50, стрк. 11. Подобныя ошибки всетаки встрѣчаются, но только при полной безграмотности, т. е. у людей, которые знаютъ лишь основное значеніе буквъ, да и то нетвердо — каковой безграмотности мы не въ правѣ приписывать стариннымъ книжникамъ.

Стр. 51, стрк. 17. Слово **Смольнѣскъ**, надо полагать, не представляетъ ѣ въ смыслѣ мягкаго знака, а ѣ вм. є: первоначально д. б. было Смо́лнеск—Смо́лнеска. Срв. стр. 45—46.

Стр. 55, стрк. 11. Въ **кьрьхъ, търъгъ** и т. п. случаяхъ можно говорить о «глухомъ полногласіи» — Потебня назвалъ это «вторымъ полногласіемъ». См. въ лекціяхъ Соб., стр. 27—30.

Стр. 63, стрк. 10 сн. Омѣла даетъ птичій клей, употребляемый для ловли птицъ, и походитъ на метелку.

Стр. 64, стрк. 12. Тоже слово въ формѣ jèlito, jelìto и со значеніемъ кишки есть у Чеховъ и у Поляковъ.

Стр. 67, стрк. 20. Нужно póďm̥, т. е. m слоговой.

Стр. 69, стрк. 12. U знакъ неслоговаго *у* (легкаго, чисто-губного *в*).

Стр. 83, стрк. 6 сн. Обыкновенно однако въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ вставки не бываетъ: **срамъ, срамица, срѣда** и т. д. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, стр. 128.

Стр. 87, стрк. 16. Лавровскій писалъ раньше Миклошича—въ 1855 г.

Стр. 88, стрк. 10 сн. **Ѣ** дифтонговый, т. е. восходящій къ oi, ai, при чемъ соотношеніе было бы такое же, какъ между греческими ἔλιπον и λέλοιπα.

Стр. 88, стрк. 6 сн. Въ добавокъ tr̥tíya чуть ли не единичный случай, да и корень его м. б. не tri, а tr=tr̥=ter.

Стр. 131, стрк. 11. Здѣсь однако можно бы видѣть воспроизведеніе южнославянскаго смѣшенія ь и ъ.

Стр. 133, стрк. 21. **Кьдѧ** и т. д., приводимыя здѣсь изъ церковныхъ памятниковъ, могли бы считаться паннонизмами, т. к. паннонскіе памятники передъ узкими слогами нерѣдко пишутъ ь вм. ъ.

ДОХМІЙ.

ГЛАВА ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ МЕТРИКИ.

Изслѣдованіе Я. Денисова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1892.

ΘΕΟΔΩΡΩΙ ΚΟΡΧΙΩΙ.

Ὡς ὄφελες προλιπεῖν ἑτάρους περὶ κῆρι φιλεῦντας
μήποτε πρὶν γ' ἀίδεω δῶμ' ἐρεβεννὸν ἴμεν
ἀλλὰ καὶ οἰκίζων καλὸν πτολίεθρον Ὀδησσοῦ
ἴσθι ποθεινὸς ἐὼν καὶ τόδε δῶρον ἔχε.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ритмическое значеніе дохмія не могло возбуждать никакихъ сомнѣній до тѣхъ поръ, пока существовала живая связь между музыкой и поэзіей; но, повидимому, какъ только она была разорвана, сами древніе постепенно утратили правильное пониманіе этого размѣра. Подтвержденіемъ этого служитъ разнообразіе и ненадежность большинства показаній о дохміи, дошедшихъ до насъ со стороны древнихъ ритмиковъ и метриковъ.

Въ новое время сдѣлано было много попытокъ опредѣлить ритмическое значеніе дохмія; но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ того, что изслѣдователи, занимаясь изученіемъ вопроса о дохміи, дѣлаютъ ошибки въ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, ссылаясь на показанія древнихъ, не провѣряютъ, на сколько они надежны; во-вторыхъ, не относясь съ должнымъ вниманіемъ къ даннымъ стихотворныхъ текстовъ, выставляютъ такія положенія, которыя противорѣчатъ этимъ даннымъ; въ-третьихъ, стараясь подвести дохмій подъ нормы современной музыкальной ритмики, забываютъ, что между этой послѣдней и древней ритмикой существуетъ большая разница.

Имѣя въ виду такое положеніе дѣла, я задался цѣлью: во-первыхъ, разсмотрѣть, насколько надежно каждое изъ дошедшихъ до насъ изъ древности свидѣтельствъ о дохміи; во-вторыхъ, основываясь

на сдѣланныхъ отсюда выводахъ и наблюденіяхъ надъ стихотворными текстами, объяснить, что такое представляетъ изъ себя дохмій съ точки зрѣнія ритмики; въ-третьихъ, дать отчетъ о работахъ моихъ предшественниковъ и указать, въ чемъ они заблуждались. При этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ представлялась возможность пояснить то или другое явленіе на основаніи современной музыкальной ритмики, я прибѣгалъ къ ея помощи, но никогда не упускалъ изъ вида, что нѣкоторыя особенности, возможныя въ нашей ритмикѣ, были совершенно невозможны въ древней.

§ 1.

Показанія древнихъ о дохміи.

Схема дохмія.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохмій въ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохмій у ритмиковъ и музыкантовъ*: Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохмій у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схоліи А.—Etym. M.—Триха.—Димитрій Триклиній.—Схоліи къ «Птицамъ» Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ.—Марій Плоцій Сацердотъ.—Діомедъ.

Схема дохмія. Изслѣдуя какой-либо стихотворный размѣръ, прежде всего мы должны задать себѣ вопросъ о томъ, какова его схема. Древніе писатели, у которыхъ упомянутъ дохмій, почти единогласно принимали для него слѣдующую схему: ⏑ — — ⏑ —. Отступленіе мы находимъ только у Аристида Квинтиліана, который, различая два вида дохмія, кромѣ приведенной схемы, указываетъ еще другую: ⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ —, Діомеда, который даетъ такую схему для простаго дохмія: ⏑ ⏑ — ⏑ —, и такую для дохмія per synzugian: ⏑ — — — ⏑, и Бакхія, у котораго дохмій въ текстѣ является со слѣдующей схемой: ⏑ — ⏑ ⏑ — — ⏑ —, а въ примѣрѣ—: ⏑ ⏑ ⏑ — ⏔ — ⏑ —. Въ новое время, начиная съ Г. Германа, почти всѣ ученые принимаютъ для дохмія только слѣдующую схему: ⏑ — — ⏑ —, и мы, употребляя слово дохмій, будемъ имѣть въ виду только эту послѣднюю.

Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи. Показанія древнихъ о дохміи распадаются на три группы. Въ первую изъ нихъ входятъ свѣдѣнія, получаемыя нами изъ случайныхъ упоминаній объ

этомъ размѣрѣ въ теоріяхъ краснорѣчія, принадлежащихъ Цицерону, М. Фабію Квинтиліану и Руфину. Писатели эти, разбирая, какія сочетанія слоговъ годны для того, чтобы ими начинать и оканчивать періодъ, и прилагая къ нимъ названія различныхъ метрическихъ стопъ, между прочимъ упоминаютъ и о дохміи.

Тѣ свѣдѣнія, которыя мы почерпаемъ объ этомъ размѣрѣ изъ показаній ритмиковъ и музыкантовъ, съ одной стороны, и метриковъ и грамматиковъ, съ другой,—составляютъ вторую и третью группы. При этомъ надобно замѣтить, что свѣдѣнія эти относятся къ той эпохѣ, когда живая связь между ритмикой и метрикой была уже порвана, когда грамматики, принявшіе въ свое вѣдѣніе метрику, не обращали болѣе вниманія на мелодію лирическихъ и драматическихъ произведеній, а довольствуясь только метрическо-ритмической номенклатурой, выработанной ихъ предшественниками, ограничивались изученіемъ одного текста поэтовъ безъ связи съ его напѣвомъ.

Ко второй группѣ спеціально мы отнесемъ такія свидѣтельства, которыя по крайней мѣрѣ по предположенію основаны на данныхъ ритмики. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подлинныхъ показаній о дохміи Аристоксена и его ближайшихъ учениковъ; мы можемъ только съ нѣкоторой долей вѣроятности догадываться, какъ они объясняли дохмій. Первое мѣсто по своей важности въ этой группѣ должно принадлежать замѣчаніямъ схоліаста къ Aesch. Sept. 101 и 120, которыя, повидимому, почерпнуты изъ хорошаго и весьма древняго источника. Далѣе, весьма важное значеніе для рѣшенія вопроса о томъ, что такое представляетъ дохмій, имѣетъ показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія текста схолій къ Гефестіону и Etym. M.; несомнѣнное знакомство съ этимъ показаніемъ древнихъ ритмиковъ изъ схолій къ Гефестіону видно въ замѣткѣ о дохміи, которую мы находимъ у Трихи. Наконецъ, сюда же должны быть отнесены тѣ данныя, которыя мы получаемъ о дохміи изъ сочиненія Аристида Квинтиліана Περὶ μουσικῆς и его перевода у Марціана Капеллы. Что же касается свидѣтельства Бакхія о дохміи въ его Εἰσαγωγὴ τέχνης μουσικῆς, то оно стоитъ отдѣльно и важнаго значенія, повидимому, не имѣетъ.

Третью группу составятъ тѣ данныя, которыя мы почерпаемъ изъ сочиненій грамматиковъ и метриковъ. По поводу всѣхъ ихъ вообще мы должны замѣтить, во-первыхъ, что всѣ они относятся къ

позднѣйшей эпохѣ, когда въ метрику была уже внесена теорія антиспаста, размѣра, который не только не имѣетъ ничего общаго съ ритмическимъ преданіемъ, идущимъ отъ Аристоксена и его послѣдователей, но даже лишенъ всякаго ритмическаго значенія; во-вторыхъ, что всѣ они принимаютъ дохмій за антиспастическій κῶλον и потому для насъ не имѣютъ никакого значенія. Сюда относится показаніе Гефестіона въ его Ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων καὶ περὶ ποιήματος и его схоліаста, автора Etym. M., Трихи, греческаго грамматика Димитрія Триклинія и латинскихъ грамматиковъ: Марія Викторина и Марія Плоція Сацердота. Отдѣльно стоятъ: Цезій Бассъ, который, хотя и жилъ въ императорскую эпоху, но еще до введенія антиспаста въ число μέτρα πρωτότυπα; грамматикъ Діомедъ, который приводитъ одну только схему дохмія, не имѣющую ничего общаго съ той, которую мы находимъ у другихъ грамматиковъ и метриковъ, и схоліи къ Аристофану.

Дохмій въ теоріи краснорѣчія. Одно изъ самыхъ древнихъ упоминаній о дохміи какъ о размѣрѣ не только въ теоріяхъ краснорѣчія, но и вообще въ древней литературѣ, дошедшей до насъ, принадлежитъ *Цицерону*, который въ своемъ сочиненіи Orator ad M. Brutum, написанномъ въ 46 г. до Р. Х. (Teuffel[5], Gesch. d. R. Lit. § 182, 4) говоритъ слѣдующее: dochmius autem, e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa, ut est hoc «amicos tenes», quovis loco aptus est, dum semel ponatur: iteratus aut continuatus numerum apertum et nimis insignem facit (§ 218). Свидѣтельство это, опредѣляя только, какое сочетаніе долгихъ и короткихъ слоговъ Цицеронъ называетъ дохміемъ, не даетъ намъ непосредственно возможности опредѣлить на основаніи его, каково было ритмическое значеніе дохмія, но косвеннымъ образомъ въ связи съ тѣми данными, которыя у насъ есть изъ болѣе поздняго времени, можетъ имѣть значеніе для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ.

Какъ показываетъ уже самое названіе этого размѣра, дохмій былъ взятъ Цицерономъ въ качествѣ готоваго термина для обозначенія извѣстнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ у кого-то изъ ученыхъ Грековъ. Но у кого именно или по крайней мѣрѣ въ какое приблизительно время понятіе о дохміи вошло уже въ на-

учную литературу, и каково было съ точки зрѣнія ритмики качество того источника, изъ котораго было заимствовано это понятіе?

Для того, чтобы отвѣтить на это, мы должны прежде всего коснуться вопроса о томъ, какими вообще источниками Цицеронъ пользовался для своей работы. Изъ Квинтиліана мы знаемъ, что онъ въ томъ отдѣлѣ своего сочиненія, который посвященъ изслѣдованію природы и употребленія ритма въ ораторскихъ произведеніяхъ, пользовался трудами лучшихъ греческихъ теоретиковъ: is, т.-е. Cicero, eminentissimos Graecorum est secutus. Inst. orat. IX 4, 79. На основаніи цитатъ самого Цицерона мы можемъ заключить, что въ данномъ случаѣ онъ пользовался трудами учениковъ Исократа: Эфора, Наврата и Ѳеодекта, а также въ особенности Аристотеля и его ученика Ѳеофраста.

Ученый издатель Orator'а Янъ (Jahn) полагаетъ, что сочиненіе этого послѣдняго Περὶ λέξεως легло въ основаніе даннаго труда Цицерона и опирается при этомъ какъ на цитаты самого Цицерона и на тѣ заимствованія, которыя онъ дѣлаетъ молча изъ Ѳеофраста, такъ и на извѣстную манеру Цицерона держаться въ подобныхъ случаяхъ одного какого-нибудь писателя, не занимаясь серьезнымъ изученіемъ его предшественниковъ, и даже дѣлать на нихъ ссылки на основаніи его же. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ намековъ, которые дѣлаетъ Цицеронъ, Янъ выводитъ заключеніе, что греческіе риторы и послѣ Ѳеофраста занимались вопросами, касающимися примѣненія ритма къ ораторскимъ произведеніямъ, и что Цицеронъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями (Einl[3]. стр. 22 и сл.).

Вестфаль, дѣлая историческій обзоръ теоріи гармоніи, ритмики и метрики у древнихъ, между прочимъ посвящаетъ нѣсколькъ строкъ Цицерону и, слегка касаясь упоминаемыхъ имъ pedes metrici, замѣчаетъ слѣдующее: Hier ist eigenthümlich, dass Trochäus und Choreus gerade umgekehrt als bei den späteren Metrikern gebraucht sind, — ◡ ist ein *choreus*, ◡ ◡ ◡ ein *trochaeus*, — ◡ — ◡ und — ◡ — — ein *dichoreus*. Die Terminologie des Aristoxenus ist dies auch nicht, denn nach dieser ist *choreus* und *trochaeus* gleichbedeutend, sie muss der durch Thrasymachus ausgebildeten Theorie der rhythmischen Rhetorik eigenthümlich sein (Metrik I[2] стр. 117). И дѣйствительно, нѣкоторая разница въ номенклатурѣ указанныхъ стопъ существуетъ, хотя выражена не такъ рѣзко, какъ говоритъ Вест-

фаль, потому что у большинства позднѣйшихъ метриковъ названія: trochaicus и choriacus или chorius употребляются безъ различія другъ отъ друга, ср. Christ, Metrik², стр. 276.

Я съ своей стороны полагаю, что для характеристики тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ идутъ показанія Цицерона, имѣющія отношенія къ ритмикѣ, небезполезно будетъ сравнить эти послѣднія съ тѣми замѣчаніями о стопахъ, которыя мы находимъ у его современника Діонисія Галикарнасскаго въ сочиненіи De comp. verb. c. XVII. Здѣсь намъ бросаются въ глаза двѣ особенности: во-первыхъ, Діонисій называетъ стопу, состоящую изъ долгаго и короткаго слога— по Цицерону хорей—трохеемъ, а стопу, состоящую изъ трехъ краткихъ слоговъ—по Цицерону трохей—трибрахомъ, присовокупляя, что нѣкоторые называютъ ее хореемъ; во-вторыхъ, въ числѣ двусложныхъ стопъ онъ упоминаетъ пиррихій: ὁ μὲν οὖν βραχυσύλλαβος, ἡγεμών τε καὶ πυῤῥίχιος καλεῖται, καὶ οὔτε μεγαλοπρεπής ἐστιν, οὔτε σεμνός· σχῆμα δ' αὐτοῦ τοιόνδε·

λέγε δὲ σὺ κατὰ πόδα νεόλυτα μέλεα,

и въ соотвѣтствіи съ этимъ признаетъ простыми только двусложныя и трехсложныя стопы: ἁπλοῦς δὲ ῥυθμός, ἢ πούς, οὔτ' ἐλάττων ἐστὶ δυοῖν συλλαβῶν, οὔτε μείζων τριῶν καὶ περὶ μὲν τούτων οὐκ οἶδα ὅ τι δεῖ πλείω λέγειν (De comp. verb. c. XVII), такъ что пеонъ по этой теоріи будетъ состоять изъ двухъ стопъ: пиррихія и ямба или трохея. Напротивъ того, у Цицерона мы вовсе не находимъ пиррихія; мало того, одно мѣсто изъ того же сочиненія, изъ котораго я приводилъ цитату о дохміи, ясно показываетъ, что онъ не раздѣлялъ ученія Діонисія о томъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ; именно нѣсколькими строками выше дохмія онъ такъ говоритъ о пеонѣ: jam paean. quod plures habeat syllabas quam tres, numerus a quibusdam, non pes habetur (ib. § 218). Изъ всего этого нетрудно сдѣлать такой выводъ: первая изъ приведенныхъ особенностей указываетъ только на разницу въ номенклатурѣ, которая однако предполагаетъ пользованіе различными источниками у того и другого автора; вторая же не только подтверждаетъ это, но и даетъ намъ возможность заключать, что источникъ Цицерона по качеству былъ выше и ближе къ правильнымъ ритмическимъ понятіямъ, чѣмъ источникъ Діонисія, такъ какъ рит-

мики съ Аристоксеномъ во главѣ не допускали, чтобы два краткихъ слога могли образовать самостоятельную стопу, что видно изъ слѣдующихъ словъ самого Аристоксена: τῶν δὲ ποδῶν ἐλάχιστοι μὲν εἰσιν οἱ ἐν τῷ τρισήμῳ μεγέθει· τὸ γὰρ δίσημον μέγεθος παντελῶς ἂν ἔχοι πυκνὴν τὴν ποδικὴν σημασίαν (Aristox. стр. 415 14—16 M), и сообразно съ этимъ не производили того дѣленія стопъ, которое мы находимъ у Діонисія. Если мы пріймемъ въ соображеніе все это, а также приведенныя уже мною замѣчанія Яна и Вестфаля, то невольно остановимся на той мысли, что правильностью своихъ ритмическихъ понятій Цицеронъ обязанъ Θеофрасту, который былъ современникомъ Аристоксена.

Затѣмъ, я могъ бы указать еще на одно соображеніе, которое заставляетъ видѣть въ Θеофрастѣ тотъ первоисточникъ, откуда Цицеронъ заимствовалъ понятіе о дохміи. Дѣло въ томъ, что вторая часть дохмія представляетъ изъ себя одинъ изъ видовъ пеонической стопы, а такъ какъ употребленіе этихъ послѣднихъ особенно рекомендовала школа Аристотеля (Blass, Die attische Beredsamkeit, II стр. 135), то весьма возможно, что Цицеронъ нашелъ дохмій не у кого другаго, а именно у Θеофраста.

Такимъ образомъ, хотя у насъ и нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что Цицеронъ заимствовалъ понятіе дохмія дѣйствительно изъ сочиненія Θеофраста, но нѣкоторыя косвенныя данныя говорятъ въ пользу этого. Во всякомъ случаѣ, изъ сравненія его съ Діонисіемъ Галикарнасскимъ явствуетъ, что тотъ первоисточникъ, откуда заимствована имъ номенклатура стопъ и нѣкоторыя ритмическія понятія, отличается большей правильностью, чѣмъ этого можно было бы ожидать, судя по той эпохѣ, въ которую жилъ Цицеронъ. А это обстоятельство служитъ намъ порукой того, что если дохмій и не былъ перенесенъ въ теорію краснорѣчія въ такую эпоху, когда метрика еще шла объ руку съ музыкальной ритмикой, то во всякомъ случаѣ говоритъ за то, что нашъ размѣръ есть понятіе ритмическое, а не метрическая фикція въ родѣ антиспаста. Признаніе этого намъ дорого потому, что Цицеронъ является такимъ образомъ посредствующимъ звеномъ между ритмическими показаніями, идущими изъ болѣе поздней эпохи и ритмикой близкой къ Аристоксену или даже, быть можетъ, предшествующей ему.

Но не скрывается ли въ этой замѣткѣ Цицерона объ дохміи че-

го-нибудь годнаго для опредѣленія ритмическаго значенія этого размѣра? Припомнимъ, что о дохміи Цицеронъ упоминаетъ непосредственно послѣ пеона, о которомъ у него выразительно замѣчено, что по его мнѣнію этотъ послѣдній не есть сложная стопа (numerus), какъ это думаютъ нѣкоторые, а простая (pes). Поэтому, еслибы Цицеронъ считалъ дохмій сложной стопой, то долженъ былъ бы во избѣжаніе недоразумѣнія предупредить насъ объ этомъ. Затѣмъ, ему незачѣмъ было бы въ такомъ случаѣ, опредѣляя схему дохмія, прибѣгать къ тому описанію ея, которое онъ дѣлаетъ: dochmius e quinque syllabis, brevi, duabus longis, brevi, longa; гораздо проще было бы опредѣлить составъ дохмія при помощи простыхъ стопъ, на которыя онъ, по его мнѣнію, распадался бы. Наконецъ, лучшимъ комментаріемъ этого мѣста служатъ слѣдующія слова Квинтиліана: equidem Ciceronem sequar — excepto quod pes mihi tres syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurrit, utatur, которыя ясно показываютъ, что Квинтиліанъ, соглашаясь во всемъ остальномъ съ Цицерономъ, не соглашается съ нимъ только во взглядѣ на пеонъ и дохмій, которые самъ онъ принимаетъ за сложныя стопы.

Менѣе интереса представляютъ для насъ тѣ данныя, которыя мы находимъ въ сочиненіи Institutio oratoria *Квинтиліана*: sed quia omnem <compositionem> oratoriam constare <pedibus> dixi, aliqua de his quoque: quorum nomina quia varia traduntur, constituendum est quo quemque appellemus. equidem Ciceronem sequar (nam is eminentissimos Graecorum est secutus), excepto quod pes mihi tris syllabas non videtur excedere, quamquam ille paeane dochmioque, quorum prior in quattuor, secundus in quinque excurrit, utatur. nec tamen ipse dissimulat, quibusdam numeros videri non pedes, neque inmerito: quidquid est enim supra tris syllabas, id est ex pluribus pedibus (IX 4, 79 и 80). Ниже къ дохміямъ имѣютъ отношеніе слѣдующихъ два мѣста: est et dochmius, qui fit ex bacchio et iambo vel ex iambo et cretico, stabilis in clausulis et severus (ib. 97), и, наконецъ, о дохміи упоминается при перечисленіи стопъ, которыя могутъ предшествовать ямбу въ окончаніяхъ періодовъ: sed et spondeus iambo recte praeponitur: [iisdem in] armis fui. Cum spondeus, et bacchius: sic enim fiet ultimus dochmius: in armis fui (ib. 99).

По поводу всего этого мы прежде всего должны еще разъ отмѣтить тотъ фактъ, на который уже указывали раньше, что Квинтиліанъ въ данномъ отдѣлѣ своего сочиненія полагается на авторитетъ Цицерона и его источниковъ, съ которыми онъ не сходится только въ вопросѣ о предѣлахъ простыхъ стопъ; здѣсь онъ стоитъ рѣшительно на сторонѣ той теоріи, съ которой мы знакомы уже изъ сочиненія Діонисія Галикарнасскаго, и которая идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Аристоксена. Замѣтка Квинтиліана о дохміи представляетъ для насъ интересъ только въ одномъ отношеніи: отъ него перваго мы узнаемъ, на какія составныя части дѣлился дохмій. Что касается методы дѣленія его на бакхій и ямбъ, то ее мы находимъ у одного только Квинтиліана, а потому весьма возможно, что она или принадлежитъ ему лично, или была мало распространена; во всякомъ случаѣ, дѣленіе это основано исключительно на внѣшней схемѣ дохмія безъ всякаго отношенія къ его ритмическому значенію и принадлежитъ позднѣйшему времени, такъ какъ бакхій первоначально не причислялся къ γένος ἡμιόλιον. Вторую методу дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ, кромѣ Квинтиліана, мы находимъ еще у музыканта Аристида Квинтиліана и ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym. M. Поводомъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ послужилъ тотъ фактъ, что въ дохміи, какъ показываетъ расположеніе въ немъ ритмическихъ удареній, арзисъ (слабая часть стопы) состоитъ изъ трехъ χρ. πρ., а тезисъ (сильная часть стопы)— изъ пяти.

Для того, чтобы покончить съ теоріями краснорѣчія, въ которыхъ упоминается дохмій, я долженъ привести еще выдержку изъ сочиненія Антіохійскаго грамматика второй половины пятаго вѣка по Р. Х. *Руфина*, которое озаглавливается Commentarius de numeris oratoriis:

Rhetoricas pulchre structuras dochmius ornat:
principium bacchius erit, concludet iambus.
aut vice mutata nomen mutabitur uni:
primus iambus erit, tum finem creticus explet.
prima brevis longaeque duae, brevis, ultima longa;
exemplumque artis dabitur «res publica» vobis,
quam Cicero casu genetivo ponere gaudet.

hoc pede composito laudatur fama pedestris.
ut docet Ausonius orator Tullius ingens,
omnibus iste locis numerum pes efficit aptum:
longa brevem sequitur, longam brevis, addite longam,
syllaba prima brevis, tum syllaba longa secunda,
tertia longa, brevis quarta productaque quinta:
Tullius orator, ceu multi, dochmion ornat (Gr. L., VI стр. 566 7—20 K.).

Все это представляетъ довольно многосложный пересказъ словъ Квинтиліана о составныхъ частяхъ дохмія и Цицерона объ употребленіи этого размѣра въ ораторскихъ произведеніяхъ и для насъ, само собой разумѣется, не имѣетъ ровно никакой цѣны.

Дохмій въ теоріи ритмики и музыки. Теперь перейдемъ ко второй группѣ источниковъ; въ нихъ содержатся нѣкоторыя данныя, исходя изъ которыхъ мы можемъ въ общихъ чертахъ возсоздать теорію дохмія, какъ она существовала у древнихъ ритмиковъ. Первое мѣсто въ этой группѣ источниковъ, какъ по цѣнности тѣхъ данныхъ, которыя мы извлекаемъ изъ нихъ, такъ, можетъ быть, и по древности, принадлежитъ старымъ *схоліямъ къ Aesch. Sept. 101* и *120*. Первая замѣтка въ сущности должна относиться къ 99 стиху, такъ какъ 101 представляетъ ямбическій триметръ: ὁ μέντοι ὀκτάσημος ῥυθμὸς οὗτος πολύς ἐστιν ἐν θρηνῳδίᾳ (τραγῳδίᾳ sch. rec.) καὶ ἐπιτήδειος πρὸς θρήνους καὶ στεναγμούς. ἔστι δὲ δοχμιακά. ὅμοιον τὸ π ό λ ε μ ο ς α ἵ ρ ε τ α ι π ρ ὸ ς ἐ μ ὲ κ α ὶ θ ε ο ύ ς παρὰ Ἀριστοφάνει ἐν Ὄρνισιν (Ar. Av. 1189). ἀλλὰ καὶ παρ' Εὐριπίδῃ ἐ γ ὼ δ' ο ὔ τ ε σ ο ι π υ ρ ὸ ς ἀ ν ῆ ψ α φ ῶ ς ν ό μ ι μ ο ν ἐ ν γ ά μ ο ι ς (Eur. Phoeniss. 344). Затѣмъ ниже къ 120 стиху сдѣлано замѣчаніе, которое должно пополнять предыдущее: καὶ ταῦτα δὲ δοχμικά ἐστι καὶ ἴσα, ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμως βαίνῃ. κυρίως δὲ εἶπον βαίνῃ. ῥυθμοὶ γάρ εἰσι· βαίνονται δὲ οἱ ῥυθμοί, διαιρεῖται δὲ τὰ μέτρα, οὐχὶ βαίνεται. Въ первомъ замѣчаніи дохмій названъ ῥυθμὸς ὀκτάσημος, т. е. такой ῥυθμός, который заключаетъ въ себѣ восемь σημεῖα или χρόνοι πρῶτοι. Но въ какомъ смыслѣ дохмій названъ здѣсь ῥυθμός? Мы видѣли, что Діонисій Галикарнасскій слова ῥυθμός и πούς считаетъ синонимами; позднѣе слово πούς стали употреблять въ значеніи «простая стопа», ῥυθμός—въ значеніи «сложная», т. е. состоящая изъ нѣсколькихъ простыхъ стопъ, такъ что въ этомъ смыслѣ

цѣлый κῶλον могъ быть названъ ῥυθμός; именно такимъ образомъ можно объяснить, что въ замѣчаніи тѣхъ же схолій къ Prom. 128 цѣлый стихъ названъ ῥυθμὸς Ἀνακρεόντειος. Если мы взглянемъ на дохмій съ точки зрѣнія Діонисія Галикарнасскаго, который утверждаетъ, что простая стопа можетъ состоять только изъ двухъ или трехъ слоговъ, не говоря уже объ Аристидѣ Квинтиліанѣ и Бакхіи, которые прямо относятъ дохмій къ числу сложныхъ стопъ, то должны будемъ признать, что слово ῥυθμός обозначаетъ здѣсь сложную стопу. Къ какимъ стопамъ причислялъ дохмій Аристоксенъ, прямыхъ указаній нѣтъ, но мы можемъ опредѣлить это съ нѣкоторой достовѣрностью косвеннымъ путемъ. Простыя стопы различаются у него отъ сложныхъ слѣдующимъ образомъ: οἱ δ' ἀσύνθετοι (подр. πόδες) τῶν συνθέτων διαφέρουσι τῷ μὴ διαιρεῖσθαι εἰς πόδας, τῶν συνθέτων διαιρουμένων (стр. 414 38–39 М). Если Аристоксенъ принималъ дохмій за сложную стопу, то сообразно съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ удареній онъ могъ дѣлить его, подобно Аристиду Квинтиліану, только на ямбъ и трехсложную стопу, которую можно было бы принимать за пеонъ, если бы только краткій слогъ въ ней не допускалъ замѣны ирраціональнымъ долгимъ; но такъ какъ ирраціональныхъ пеоновъ мы не знаемъ ни изъ показаній древнихъ метриковъ, ни изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, то едвали будетъ слишкомъ смѣло заключать отсюда, что Аристоксенъ долженъ былъ принимать дохмій за простую стопу, хотя онъ почему-то и не называетъ его въ числѣ γένη ποδῶν, употреблявшихся въ συνεχὴς ῥυθμοποιΐα (стр. 415 9–13 М). Въ подтвержденіе этой догадки я могу сослаться, во-первыхъ, на тотъ знаменательный фактъ, что у Цицерона, который въ противность Діонисію Галикарнасскому не принимаетъ пеона за сложную стопу точно такъ же, какъ и Аристоксенъ, дохмій является простой стопой; во-вторыхъ, у ритмиковъ, упоминаемыхъ въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym M., ῥυθμοὶ ὀρθοί (ямбъ, дактиль, пеонъ и эпитритъ) и δόχμιοι являются понятіями соподчиненными другъ другу (ср. ниже). Если мы обратимся къ нашимъ схоліямъ, то одно весьма простое соображеніе можетъ, пожалуй, служить подтвержденіемъ вѣрности этой догадки и указаніемъ на то, какъ слѣдуетъ понимать здѣсь слово ῥυθμός. Дѣло въ томъ, что схоліастъ въ данномъ мѣстѣ желаетъ опредѣлить число χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, и ниже еще разъ возвращается

къ этому вопросу; если бы онъ принималъ дохмій за сложную стопу, то для устраненія всякихъ недоразумѣній на этотъ счетъ ему стоило только указать тѣ простыя стопы, на которыя онъ распадается. Однако онъ этого не дѣлаетъ, и это даетъ намъ поводъ предполагать, что онъ принимаетъ дохмій за простую стопу и въ этомъ же значеніи употребляетъ здѣсь слово ῥυθμός. Затѣмъ по поводу перваго замѣчанія мнѣ остается указать только на совершенно вѣрное наблюденіе, которое подтверждается дошедшими до насъ трагедіями, что дохмій употребляется по преимуществу въ θρῆνοι и στεναγμοί.

Во второй замѣткѣ прежде всего обращаетъ наше вниманіе слово ἴσα. Безъ какого-нибудь дополненія оно непонятно. Ближе всего дополнить при немъ τοῖς προτέροις. Въ дальнѣйшемъ мы должны остановиться на глаголѣ βαίνειν, который соотвѣтствуетъ нашему понятію скандировать, по-латыни ferire, percutere, scandere. Словами: ἐάν τις ὀκτασήμως βαίνῃ, съ одной стороны, подтверждается высказанное ранѣе положеніе относительно того, что дохмій есть ῥυθμὸς ὀκτάσημος, съ другой,—дѣлается намекъ на возможность объяснять дохмическіе стихи какъ-то иначе. Далѣе, переходимъ къ слову ῥυθμός, которое, очевидно, служитъ замѣной понятія, обозначаемаго строкой выше мѣстоименіями ταῦτα и αὐτά; такимъ образомъ, здѣсь слово ῥυθμός употребляется для обозначенія дохмическаго диметра, къ которому сдѣлано это замѣчаніе. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что схоліастъ настаиваетъ на различіи понятія ῥυθμοί отъ понятія μέτρα; различіе это сдѣлается для насъ нѣсколько болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что древніе отличали pedes metrici отъ pedes rhythmici; для примѣра укажу на синкопированные трохеи, которые какъ pedes metrici ничѣмъ не отличались отъ кретиковъ, тогда какъ въ качествѣ pedes rhythmici представляли нѣчто совершенно особенное. Изъ всего этого слѣдуетъ, что дохміи представляютъ одно съ точки зрѣнія ритмики и другое съ точки зрѣнія метрики. Но какъ ихъ слѣдуетъ понимать иначе и какъ ихъ можно βαίνειν иначе, чѣмъ ὀκτασήμως, остается неяснымъ изъ нашего текста; впрочемъ, въ схоліяхъ къ Аристофану дохмическая строфа принята за пеоническую.

Въ результатѣ нашего разбора получается одно несомнѣнное данное о числѣ χρ. πρ. въ дохміи въ связи съ ритмическимъ значеніемъ его. Данное это пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ сравнительно съ дру-

гими, добываемыми также изъ свидѣтельствъ древнихъ, особенную цѣну, такъ какъ изъ всего, что дошло до насъ о дохміи, только оно можетъ быть провѣрено посредствомъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ и потому является до нѣкоторой степени мѣриломъ того, насколько мы можемъ довѣрять остальнымъ свидѣтельствамъ древнихъ метриковъ. Однако не смотря на то, что факты, добываемые изъ разбора памятниковъ, неопровержимо подтверждаютъ показанія схолій о числѣ χρ. πρ. въ дохміи, нѣкоторые выдающіеся ученые по метрикѣ склонны придавать слишкомъ мало значенія этой замѣткѣ; такъ Вестфаль даетъ объ ней слѣдующій отзывъ: Man hat dieser Stelle viel Gewicht beilegen zu müssen geglaubt (Griech. Rhythm.,[3] стр. 178); Кристъ также относится съ большимъ сомнѣніемъ къ ея достовѣрности: Dass damit der wirkliche Zeitwerth des Dochmius gegeben sei, möchte ich so fest, wie man gewöhnlich thut, nicht glauben, da auch sonst diese scheinbar alten Bezeichnungen auf nicht anders als eine blosse Sylbenzählung hinauslaufen (Metrik[2], стр. 433). Это обстоятельство заставляетъ насъ коснуться вопроса о происхожденіи этихъ схолій. Старыя схоліи къ Эсхилу, изъ которыхъ мы приводили наши выдержки, заключаютъ въ себѣ много тонкихъ наблюденій надъ художественными пріемами этого поэта, имѣютъ весьма важное значеніе для критики его текста и въ главныхъ чертахъ своихъ, какъ это доказано Фреемъ (Frey, De Aesch. scholiis Mediceis, Bonn 1857 *), восходятъ къ грамматику Дидиму. А Дидимъ, жившій въ вѣкъ Августа, какъ извѣстно, представляетъ для насъ тотъ интересъ, что черезъ посредство почти его одного мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о трудахъ Александрійскихъ ученыхъ, которыхъ онъ компилировалъ. Теперь рождается вопросъ, можемъ ли мы разсматриваемыя замѣчанія возводить къ Дидиму. Утверждать это категорически едвали возможно, но одно обстоятельство сильно говоритъ въ пользу того, что если это замѣчаніе и не принадлежитъ самому Дидиму, то во всякомъ случаѣ явилось немногимъ позже его. Дѣло въ томъ, что у автора разсматриваемыхъ замѣтокъ, кто бы онъ ни былъ, нѣтъ никакихъ намековъ на теорію антиспаста. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что, насколько мы знаемъ, эта теорія всегда безъ исключенія прилагается къ дох-

*) См. W. Christ, Griech. Literaturgesch[2]. стр. 191.

міямъ съ того времени, какъ возникла. А если она, не смотря на свое признанное господство, въ данномъ случаѣ даже не приведена, то изъ этого мы имѣемъ право заключить, что разсматриваемое замѣчаніе схоліаста относится къ такому времени, когда теорія антиспаста не вступила еще въ свои права. Если это показаніе дѣйствительно принадлежитъ Дидиму, то мы можемъ его возводить непосредственно къ одному изъ великихъ Александрійскихъ ученыхъ. Хотя, насколько намъ извѣстно, они не оставили никакихъ сочиненій, содержаніемъ которыхъ служила бы спеціально метрика, тѣмъ не менѣе, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, они затрогивали метрическіе вопросы. Правда, авторитетъ Аристарха, одного изъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, подрывается тѣмъ, что изъ замѣтки одного изъ позднѣйшихъ метриковъ было выведено, будто онъ первый пустилъ въ обращеніе теорію антиспаста, но остроумная догадка Вестфаля освободила имя этого ученаго отъ обвиненія въ этомъ. Metrik d. Griech. I[2] стр. 115.

Второе мѣсто въ этой группѣ, безспорно, должно быть отведено показанію *неизвѣстныхъ ритмиковъ*, которое мы извлекаемъ изъ сопоставленія схолій къ Гефестіону (стр. 185 W.) и Etym. M. (стр. 285), уже по одному тому, что не ознакомившись предварительно съ нимъ, мы не имѣемъ ключа къ правильному пониманію относящихся сюда отрывковъ изъ сочиненій Трихи и Аристида Квинтиліана.

Въ той группѣ схолій къ Гефестіону, которую Вестфаль называетъ Scholia A, и которая по своему происхожденію восходитъ къ комментарію Лонгина, для поясненія слова πενθημιμερές съ подр. ἀντισπαστικόν (Ἐγχ. c. X) сдѣлано довольно пространное замѣчаніе, которое поразительно похоже на объясненіе слова δοχμιακός въ Etym. M. Сходство это замѣтилъ уже Гайсфордъ, который первый открылъ схоліи къ Гефестіону и сличилъ оба мѣста. Этотъ же фактъ привлекъ къ себѣ вниманіе Россбаха и Вестфаля, которые не только указали, что оба эти мѣста имѣютъ одинъ общій источникъ, но и попытались на основаніи сличенія того и другаго возстановить тотъ текстъ, который имѣли передъ своими глазами схоліастъ и авторъ Etym. M. (Metrik d. Griech. Dram. u. Lyr. III[1], стр. 551).

Въ настоящее время это сдѣлано лучше всего въ третьемъ изданіи Theorie der Musischen Künste der Hellenen Россбаха и Вестфаля (I. стр. 178 и сл.), работой которыхъ буду пользоваться и я.

Schol Hephaest.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες δοχμιακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος παιὼν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὸ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἡ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα ἡ δυὰς πρὸς τριάδα ἡ τριὰς πρὸς τετράδα· τουτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονὰς πρὸς δυάδα· ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλλαβή. Εὑρίσκεται οὖν ἡ διαίρεσις τριὰς πρὸς πεντάδα οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται.

Etym. M.

Δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα. ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἰαμβικός, δάκτυλος δακτυλικός, παιών, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοὶ εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται· ἡ γὰρ μονὰς πρὸς δυάδα, ἡ δυὰς πρὸς τριάδα, ἡ τριὰς πρὸς τριάδα· ἡ τριὰς πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δοχμιακῷ τριὰς ἔστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δοχμιακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων.

Такъ какъ текстъ того и другого памятника дошелъ до насъ несовсѣмъ въ исправномъ видѣ, то прежде чѣмъ дѣлать изъ него какіе-нибудь выводы, мы должны внести въ него нужныя поправки. Начнемъ со схолій къ Гефестіону. Въ нихъ слова: τουτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν, μονὰς πρὸς δυάδα заподозрѣны Вестфалемъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, возникли изъ глоссы; можетъ быть, даже изъ двухъ глоссъ: τουτέστι μακρὸς χρόνος πρὸς βραχείας, ὡς ἐν τῷ δακτύλῳ τυχόν служило при словахъ ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται примѣромъ наиболѣе совершенной ἰσότης; слова μονὰς πρὸς δυάδα служатъ повтореніемъ ἡ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα. Очевидно, глоссу также представляютъ слова: ἐπίτριτός ἐστι καὶ συλ-

λαβή, которыя поставлены для того, чтобы пояснить схему дохмія, при чемъ здѣсь предполагается такой эпитритъ, схема котораго будетъ одинакова съ антиспастомъ. Вставка этой глоссы повлекла за собой, повидимому, выпаденіе настоящаго текста, который мы можемъ возстановить по Etym. M. слѣдующимъ образомъ: ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ <τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα>. Послѣ ἐπεί смыслъ требуетъ добавленія, которое нетрудно сдѣлать на основаніи общихъ соображеній: ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται. Въ гораздо лучшемъ видѣ сохранился текстъ Etym. M.; поправки въ немъ, очевидно, требуютъ только безсмысленныя слова: ἡ τριὰς πρὸς τριάδα· ἡ τριὰς πλεονεκτεῖται μονάδος, которыя весьма легко исправляются при помощи параллельнаго мѣста въ схоліяхъ такимъ образомъ: ἡ τριὰς πρὸς <τε>τρ[ι]άδα· [ἡ τριὰς] πλεονεκτεῖται; затѣмъ еще необходима послѣ сравнительной степени μεῖζον вставка частицы ἤ, которая также оправдывается схоліями. Въ исправленномъ видѣ тотъ и другой текстъ будетъ таковъ:

Schol Hephaest.

Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα. Οἱ μέντοι ῥυθμικοὶ τὸ πᾶν μέτρον ὡς μίαν συζυγίαν λαμβάνοντες δοχμιακὸν ὀνομάζουσι διὰ τὴν τοιαύτην αἰτίαν. Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος παιὼν ἐπίτριτος ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθὸ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται· ἡ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα ἡ δυὰς πρὸς τριάδα ἡ τριὰς πρὸς τετράδα· ἐν δέ τῷ δοχμίῳ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Εὑρίσκεται οὖν ἡ διαίρεσις τριὰς πρὸς πεντάδα οὐκέτι ὀρθή. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο ὀρθὸς καλεῖσθαι, ἐπεὶ

Etym. M.

Δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν. Πολλὰ ῥυθμῶν ὀνόματα καὶ ἄλλα· ἀτὰρ δὴ καὶ ταῦτα, ἴαμβος ἰαμβικὸς, δάκτυλος δακτυλικός, παιών, ἐπίτριτος. Οὗτοι μὲν οὖν ὀρθοί εἰσι ῥυθμοί, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται. ἡ γὰρ μονὰς πρὸς δυάδα, ἡ δυὰς πρὸς τριάδα, ἡ τριὰς πρὸς τετράδα πλεονεκτεῖται μονάδος. Ἐν τῷ δοχμιακῷ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός· ἐκλήθη τοίνυν δοχμιακός, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότη-

οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλή-θη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐ-θεῖαν κρίνεται.

τος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται. Καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων.

Изъ сопоставленія ихъ обоихъ Вестфаль выводитъ слѣдующій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для того и другаго: Οἱ προειρημένοι ῥυθμοί, ἴαμβος, παιών, ἐπίτριτος, ὀρθοὶ καλοῦνται, ἐν ἰσότητι γὰρ κεῖνται, καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται, ἢ γὰρ μονάς ἐστι πρὸς δυάδα, ἢ δυὰς πρὸς τριάδα, ἢ τριὰς πρὸς τετράδα. Ἐν δὲ τῷ δοχμίῳ τριάς ἐστι πρὸς πεντάδα καὶ δυὰς ἡ πλεονεκτοῦσα. Οὗτος οὖν ὁ ῥυθμὸς οὐκ ἠδύνατο καλεῖσθαι ὀρθός, ἐπεὶ οὐ μονάδι πλεονεκτεῖται. Ἐκλήθη τοίνυν δόχμιος, ἐν ᾧ τὸ τῆς ἀνισότητος μεῖζον ἢ κατὰ τὴν εὐθεῖαν κρίνεται.

Я съ своей стороны въ виду того, что текстъ Etym. M., хотя и менѣе древній по своему происхожденію, чѣмъ текстъ схолій, не только совершенно свободенъ отъ глоссъ, но и отличается своей краткостью, которая заставляетъ предполагать, что нѣкоторыя выраженія, какъ καθ' ὃ ἕκαστος τῶν ἀριθμῶν μονάδι πλεονεκτεῖται и ἐπεὶ <οὐ> μονάδι πλεονεκτεῖται, взятыя Вестфалемъ изъ схолій, не находились въ общемъ источникѣ (ср. Kuehne, De dochm. q. trad. vet. стр 12), готовъ думать, что слова: καὶ τὸ μέτρον οὖν δοχμιακόν, ὡς ἐμπιπτόντων ἐν αὐτῷ τῶν ὀκτὼ χρόνων представляетъ фразу, принадлежащую также тексту ритмиковъ, которымъ пользовались схоліастъ и этимологъ.

Смыслъ возстановленнаго текста таковъ: тѣ стопы, у которыхъ разность между числомъ χρ. πρ. въ тезисѣ и числомъ ихъ въ арзисѣ равняется единицѣ, называются ῥυθμοὶ (въ смыслѣ πόδες) ὀρθοί; тѣ же, у которыхъ эта разность больше единицы, называются ῥυθμοὶ δόχμιοι. Такимъ образомъ, ямбъ, пеонъ, эпитритъ, будутъ принадлежать къ первой категоріи, дохмій—ко второй. Стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, строго говоря, не относятся ни къ той, ни къ другой категоріи, такъ какъ у нихъ число χρ. πρ. въ тезисѣ и арзисѣ одинаковое; но они по всей справедливости должны быть относимы къ первой категоріи, такъ какъ ἰσότης въ ихъ χρόνοι ποδικοί выражена гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ остальныхъ, которыя κεῖνται ἐν ἰσότητι, не смотря на разность въ единицу. Вестфалю уда-

лось даже открыть, чему обязано происхожденіе такого дѣленія стопъ. Онъ замѣтилъ, что формы отношеній между χρόνοι ποδικοί, обусловливающія принадлежность стопъ къ той или другой категоріи, находятся въ связи съ тѣми формами отношеній чиселъ вообще, которыя мы находимъ у математиковъ. Дѣло въ томъ, что у этихъ послѣднихъ такое отношеніе двухъ чиселъ, которое можетъ быть формулировано x+1/x, называлось λόγος ἐπιμόριος; оно соотвѣтствуетъ отношенію χρόνοι ποδικοί въ ῥυθμοὶ ὀρθοί, хотя подъ него въ сущности не подходитъ отношеніе въ γένος ἴσον и διπλάσιον, такъ какъ въ первомъ оно можетъ быть формулировано отношеніемъ x/x, а во второмъ 2x/x. На основаніи какихъ соображеній стопы, принадлежащія къ γένος ἴσον, были подведены подъ категорію ῥυθμοὶ ὀρθοί, объ этомъ уже было сказано. Что же касается стопъ, относящихся къ γένος διπλάσιον, то онѣ были подведены подъ эту категорію потому, что разность между ихъ тезисомъ и арзисомъ равняется единицѣ. Математическое отношеніе, соотвѣтствующее ῥυθμοὶ δόχμιοι, формулируется такимъ образомъ: x+1+n/x; оно извѣстно подъ именемъ λόγος ἐπιμερής (ср. Nikom. Arithm. I. 19, 20). Связь дѣленія стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι съ указанными формами математическихъ отношеній подтверждается тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ (Π. μουσ. стр. 59 20 J.) и Порфирій (Ad Ptolom. стр. 241) для ῥυθμοὶ ὀρθοί употребляютъ названіе πόδες ἐν λόγῳ ἐπιμορίῳ.

Установивъ связь между дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥυθμοὶ δόχμιοι и соотвѣтствующими формами математическихъ отношеній, Вестфаль переходитъ къ оцѣнкѣ возстановленнаго имъ показанія неизвѣстныхъ ритмиковъ и опредѣленію его даты и дѣлаетъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Diese Tradition über den ῥυθμὸς δόχμιος und die damit in Zusammenhang stehende Classification in ῥυθμοὶ ὀρθοί und δόχμιοι macht den Eindruck, als ob sie gut und alt sei, namentlich wenn man sie mit der bei Hephaestion p. 33 vorkommenden Angabe vergleicht, dass der Dochmius ein antispastisches πενθημιμερές sei, eine Auffassung, die erst, nachdem Heliodor das antispastische Metron unter die πρωτότυπα μέτρα versetzt hatte, aufkommen konnte. Und doch hat die Messung des Dochmius als eines ῥυθμὸς ὀκτάσημος, der aus einem 3-zeitigen Jambus

und einem 5-zeitigen Paeon oder auch aus einem 5-zeitigen Bacchius und einem 3-zeitigen Jambus bestehe,

$\overbrace{\smile - \mid - \smile -}^{8}$ oder $\overbrace{\smile - - \mid \smile -}^{8}$

mit Aristoxenus nichts gemein (I[3] стр. 181). Въ доказательство этого онъ ссылается на то, что Аристоксенъ, перечисляя простыя и сложныя стопы, допускающія συνεχὴς ῥυθμοποιία, по поводу стопъ въ восемь χρ. πρ. говоритъ слѣдующее: ἔσονται δ' οὗτοι δακτυλικοὶ τῷ γένει, ἐπειδήπερ... Что стояло дальше, неизвѣстно, такъ какъ на словѣ ἐπειδήπερ прерывается дошедшій до насъ текстъ Аристоксена; но, по мнѣнію Вестфаля, смыслъ его могъ быть только тотъ, что въ стопахъ, заключающихъ въ себѣ восемь χρ. πρ., всякая другая διαίρεσις ποδική кромѣ дактилической (а именно 1 + 7, 2 + 6, 3 + 5 или наоборотъ 5 + 3, 6 + 2, 7 + 1) неритмична. Но такъ какъ это мнѣніе Вестфаля основано только на предположеніи, которое ничѣмъ не подтверждается, то, при наличности какихъ-либо противорѣчащихъ ему данныхъ, мы можемъ совершенно свободно не принимать его въ разсчетъ.

Если мы станемъ разсматривать текстъ неизвѣстныхъ ритмиковъ въ той формѣ, въ какой онъ возстановленъ Вестфалемъ безъ отношенія къ другимъ источникамъ, то насъ поразитъ въ немъ одна особенность, которую Вестфаль не только оставилъ безъ вниманія, но даже совершенно уничтожилъ въ приведенной нами выше цитатѣ, нѣсколько переиначивъ содержаніе свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ на основаніи другихъ источниковъ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что неизвѣстные ритмики вопреки большинству другихъ нашихъ источниковъ принимаютъ дохмій за одну простую стопу. Видно это какъ изъ того, что дохмій сопоставляется съ ямбомъ, пеонамъ и эпитритомъ, которые принимаются за простыя стопы, такъ и изъ того, что дохмій дѣлится не на ямбъ и кретикъ или бакхій и ямбъ, а на τριάς и πεντάς точно такъ же, какъ ямбъ на μονάς и δυάς, пеонъ—на τριάς и δυάς и эпитритъ—на τριάς и и τετράς; слѣдовательно, на части стопъ, а не на самостоятельныя стопы. Правда, эпитритъ, судя по тѣмъ формамъ, въ которыхъ онъ является, представляетъ не что иное, какъ трохаическую диподію съ постояннымъ спондеемъ на второмъ мѣстѣ, почему Аристоксенъ и

не упоминаетъ его въ числѣ γένη ποδῶν, допускающихъ συνεχὴς ῥυθμοποιία, и затѣмъ ниже говоритъ, что μέγεθος ἑπτάσημον οὐκ ἔχει διαίρεσιν ποδικήν; однако Аристидъ Квинтиліанъ, указавъ при перечисленіи стопъ три γένη ῥυθμικά, которыя мы находимъ и у Аристоксена, замѣчаетъ по поводу эпитрита, что къ числу трехъ упомянутыхъ имъ γένη ῥυθμικά προστιθέασι δέ τινες καὶ τὸ ἐπίτριτον (стр. 28 8 J), и затѣмъ ниже, излагая систему стопъ, которой держатся чистые ритмики (они у него названы οἱ χωρίζοντες τῆς μετρικῆς θεωρίας τὴν περὶ ῥυθμῶν), упоминаетъ λόγος ἐπίτριτος на ряду съ другими. Поэтому мы имѣемъ право заключить, что эпитритъ, а съ нимъ вмѣстѣ и дохмій въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ признаются за такія же простыя стопы, какъ ямбъ и пеонъ.

Наконецъ, показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о томъ, сколько χρ. πρ. заключается въ дохміи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій содержалъ въ себѣ не восемь χρ. πρ., какъ это вытекаетъ изъ того, что наши ритмики дѣлятъ его на τριάς и πεντάς, а больше, то для нихъ, какъ ритмиковъ, было бы обязательно оговорить это обстоятельство и указать, какое число χρ. πρ. и въ какомъ мѣстѣ должно быть восполнено посредствомъ протяженія или паузы. Если же вѣрно мое предположеніе, что послѣдняя фраза въ текстѣ Etym. M. обязана своимъ происхожденіемъ неизвѣстнымъ ритмикамъ, то въ ней мы имѣемъ еще болѣе вѣское доказательство правильности этого моего вывода.

Перейдемъ теперь къ *Аристиду Квинтиліану*, который въ своемъ сочиненіи Περὶ μουσικῆς посвятилъ нѣсколько строкъ дохмію. Но такъ какъ въ девятой книгѣ De nuptiis Philologiae et Mercurii *Марціана Капеллы* мы находимъ почти дословный переводъ этого мѣста изъ сочиненія Аристида Квинтиліана, то будемъ разсматривать оба текста параллельно:

Arist. Quint.	Marc. Cap.
Μιγνυμένων δὴ τῶν γενῶν τούτων εἴδη ῥυθμῶν γίνεται πλείονα· δύο μὲν δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰάμβου καὶ δακτύλου καὶ παίωνος· εὐφυέσ-	Verum haec genera cum permixta fuerint speciebus numerorum, primae species erunt istae, quae dochmiacae nominantur. ex quibus prius quod fuerit, hac lege conponitur ut sit ex iambo

τεραι γὰρ αἱ μίξεις αὗται κατεφάνησαν (δόχμιοι δὲ ἐκαλοῦντο διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον καὶ μὴ κατ' εὐθὺ θεωρεῖσθαι τῆς ῥυθμοποιίας). Стр. 26 5—10 J.

et paeone, qui διάγυιος vocatur: hunc posteriores Graeci διάγυιον nominarunt. secunda est species, quae ex iambo dactylico et paeone constare monstratur. Стр. 372 10—16 Eys.

Глаголомъ μιγνύναι, какъ замѣтилъ Цезарь, Аристидъ обозначаетъ соединенiе въ одно ритмическое цѣлое стопъ, принадлежащихъ къ разнымъ γένη ῥυθμοῦ, тогда какъ при соединенiи стопъ, принадлежащихъ къ одному и тому же γ. ῥυθμοῦ, у него употребляется глаголъ συντιθέναι. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значенiе слова σύνθεσις распространено и на соединенiе стопъ, относящихся къ разнымъ γένη ῥυθμοῦ (Die Grundz. d. griech. Rhyth. стр. 199). Такимъ образомъ, самый выборъ глагола показываетъ намъ, что дохмiй, по мнѣнiю Аристида Квинтилiана, представляетъ соединенiе двухъ самостоятельныхъ стопъ, вслѣдствiе чего при исполненiи его происходитъ каждый разъ μεταβολὴ ῥυθμοῦ γενική.

Первый родъ дохмiя состоитъ изъ ямба и παίων διάγυιος. Спрашивается, что такое представляетъ этотъ послѣднiй. Схему παίων διάγυιος мы находимъ у самого Аристида: παίων διάγυιος ἐκ μακρᾶς θέσεως καὶ βραχείας καὶ μακρᾶς ἄρσεως (стр. 25 35—36 J), а также въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Капеллы, которое впрочемъ нуждается въ исправленiи: paeon διάγυιος appellatur ex longa positione <et brevi> (θέσις) et longa elatione (ἄρσις) (стр. 371 25 —372 1—2 Eys). Наконецъ, въ своемъ переводѣ Капелла отожествляетъ παίων διάγυιος съ кретикомъ, схема котораго извѣстна изъ многихъ источниковъ (Dion. De comp. v. c. XVII; ср. Christ Mitrik[2], стр. 390 и сл.).

По отношенiю ко второму виду дохмiя текстъ Аристида не сходится съ текстомъ Капеллы: этотъ послѣднiй говоритъ, что дохмiй состоитъ изъ дактилическаго ямба, т. е., по всей вѣроятности, ямба, являющагося въ формѣ дактиля: – ⏑⏑, и пеона: – ⏑ –; тогда какъ, по первому, онъ состоитъ не изъ двухъ, а изъ трехъ стопъ: ямба, дактиля и пеона ⏑ – – ⏑ ⏑ – ⏑ –. Это несоотвѣтствiе возбуждаетъ вопросъ о томъ, чье показанiе слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ. Правда, втораго вида дохмiя ни въ той формѣ, въ какой онъ является у Аристида Квинтилiана, ни въ той, въ какой у Марцiана

Капеллы, мы не встрѣчаемъ ни у кого изъ древнихъ метриковъ, но на сторонѣ Марціана Капеллы находится то преимущество, что его дохмій представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ этого размѣра тогда какъ подъ описаніе Аристида Квинтиліана не подходитъ ни одна изъ нихъ. Но еще сильнѣе противъ вѣрности текста Аристида Квинтиліана говоритъ тотъ фактъ, что при перечисленіи πόδες κατὰ περίοδον σύνθετοι, относящихся къ γένος ἰαμβικόν, у него подъ именемъ ἴαμβος ἀπὸ βακχείου, иначе μέσος βακχεῖος, дается стопа, схема которой тожественна со схемой втораго вида дохмія. А такъ какъ описаніе ἴαμβος ἀπὸ βακχείου сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ по тому же источнику, по какому и описаніе двухъ видовъ дохмія, то мы вправѣ были бы ожидать какой нибудь оговорки по поводу такого совпаденія, еслибы оно дѣйствительно имѣло мѣсто. Эти соображенія заставляютъ насъ въ описаніи втораго вида дохмія у Аристида Квинтиліана принять поправку, выставленную Гольдманомъ въ качествѣ одного изъ тезисовъ своей диссертаціи (De dochmiorum usu Sophocleo): Arist. Quint. p. 39 verba· sic corrigenda puto: δύο μὲν δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παίωνος διαγυίου, τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ δακτύλου καὶ παίωνος (_ ᴗ ᴗ _ ᴗ _) εὐφυέστεραι γάρ αἱ μίξεις αὗται κατεφάνησαν.

Приведенное нами описаніе двухъ видовъ дохмія сдѣлано Аристидомъ Квинтиліаномъ, какъ это онъ самъ сообщаетъ ниже, по системѣ, которой держатся οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν, и потому напрасно было бы искать въ немъ какихъ либо слѣдовъ ученія Аристоксена о дохміи. Для этой цѣли мы скорѣе должны обратиться къ приводимому Аристидомъ вслѣдъ за теоріей, которой держатся οἱ συμπλεκοντες, обозрѣнію стопъ по системѣ чистыхъ ритмиковъ, которые названы у него, въ противоположность съ первыми, οἱ χωρίζοντες. Система чистыхъ ритмиковъ состоитъ въ слѣдующемъ: ἀρξάμενοι γὰρ ἀπὸ δισήμου συντιθέασιν ἀριθμοὺς μέχρι τῶν συνθέτων ῥυθμῶν, καὶ τούτους κατὰ τοὺς προειρημένους σχηματίζοντες λόγους, ἴσον τε καὶ διπλάσιον ἡμιόλιόν τε καὶ ἐπίτριτον... πάλιν δὲ τοὺς συνθέτους ὡδὶ ποιοῦσιν· σύμπαντα τὸν ἀριθμὸν ἐκτίθενται καὶ μερίζουσι τοῦτον εἰς σχήματα ῥυθμικά· κἂν μὲν ἔχῃ λόγον τινὰ ταῦτα πρὸς ἄλληλα, ὃν οἱ τῶν ἁπλῶν ῥυθμῶν σώζουσι χρόνοι, ἔρρυθμον ἀποφαίνονται τὸ σχῆμα· εἰ δὲ μή, πάλιν μετασχηματίζουσιν, ἕως ἂν εἰς λόγους ῥυθμικοὺς ἡ τοῦ ῥυθμοῦ διαίρεσις καταντήσῃ. οἷον

ἐκκειμένης δεκάδος θεωρείσθω τὰ σχήματα ὡς ἐπὶ ῥυθμοῦ γενέσεως. ἐκ δυάδος μὲν οὖν καὶ ὀκτάδος οὐκ ἔσται ῥυθμός· οὐ γὰρ ἔῤῥυθμος ὁ τετραπλασίων λόγος· ὥστ' οὐδὲ ὁ δεκάσημος ἔσται ἐκ δισήμου καὶ ὀκτασήμου. μερίζω τὴν ὀκτάδα πάλιν εἰς τριάδα, οὐδ' οὕτως ἔσται ῥυθμικὸς λόγος· τὸν πέντε πάλιν εἰς τρία καὶ δύο, λέγω τὸν τρία πρὸς ἕκαστον τῶν δισήμων λόγον ἔχειν ἡμιόλιον, ὥστε καὶ τὸν δεκάσημον συνεστάναι διὰ τούτων. πάλιν εἰ μερίσαιμι τὸν αὐτὸν εἰς τριάδα καὶ ἑπτάδα, οὐκ ἔσται λόγος τῶν ἀριθμῶν ῥυθμικός. μερίζω τὸν ἑπτὰ εἰς τρία καὶ τέσσαρα, καὶ σώζεται λόγος ἐπίτριτος, ἐξ οὗ φημι συντίθεσθαι τὸν δεκάσημον. πάλιν ποιῶ τὸν αὐτὸν ἐκ τετρασήμου καὶ ἑξασήμου, συνέστη λόγος ῥυθμικὸς ἡμιόλιος. πάλιν εἰς δύο· εἰ μὲν οὖν ἁπλοῦς ἀμφοτέρους, τὸν ἴσον καὶ ῥυθμικὸν ἕξουσι λόγον· εἰ δὲ συνθέτους, καθὰ προεῖπον ποιησάμενος τὴν διαίρεσιν, συνίστημι τὸν δεκάσημον. (Π. μουσ. стр. 26 $_{33-36}$ и 27 $_{9-28}$ J). Вопросъ о томъ, что такое представляетъ изъ себя дохмій съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ остается отсюда нерѣшеннымъ.

Но Брамбахъ, опираясь на приведенный Аристидомъ Квинтиліаномъ примѣръ, приходитъ къ такому заключенію: Auf die den Silben nach achtzeitige Reihe passt nun auch, was der Rhythmiker von der zehnzeitigen sagt, dass ihre Theile zusammengesetzt seien; denn er mass:

τριάς | πεντάς
⏑ — | — ⏑ | —
ἄρσις θέσις

Aus diezer Zerlegung ersehen wir, dass von der alten Rhythmik in der That die Thesis und somit der ganze Dochmius nicht als Einheit behandelt wurde (Metr. Stud. zu Soph. Einl. XXIX). Затѣмъ, указавши на то, что изложенная Аристидомъ Квинтиліаномъ система чистыхъ ритмиковъ находится въ связи съ ученіемъ Аристоксена (Ρ. στ. стр. 415 M), онъ приписываетъ этому послѣднему слѣдующую теорію: er löst die Tactverbindungen so lange in ihre Theile auf, bis sich unter diesen eines der einfachen Massverhältnisse ergibt. Wenn sich die Gesammtverbindung der Arsis und Thesis nicht auch in dieselben Massverhältnisse fügt, so heisst die ganze Reihe 'dochmisch' (ib.).

Признавая съ Брамбахомъ, что излагаемая Аристидомъ Квинтиліаномъ система чистыхъ ритмиковъ въ общихъ чертахъ сходится съ ученіемъ Аристоксена, тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ этимъ ученымъ въ томъ, что онъ безъ дальнихъ разсужденій отождествляетъ ихъ другъ съ другомъ. Противъ этого говоритъ уже тотъ фактъ, что οἱ χωρίζοντες Аристида Квинтиліана допускаютъ λόγος ἐπίτριτος, тогда какъ по Аристоксену его не существуетъ. Далѣе, распространяя названія дохмій на всякое ритмическое сочетаніе, въ которомъ отношеніе частей не подойдетъ ни подъ одно изъ извѣстныхъ намъ четырехъ отношеній, Брамбахъ поступаетъ совершенно произвольно, такъ какъ у Аристида Квинтиліана въ данномъ мѣстѣ даже не упоминается слово дохмій, а въ текстѣ неизвѣстныхъ ритмиковъ дохміемъ называется только такая стопа, въ которой разность между тезисомъ и арзисомъ равняется двумъ. Наконецъ, при разсмотрѣніи показанія Аристида Квинтиліана мы должны принять въ разсчетъ и то обстоятельство, что онъ имѣетъ въ виду дать только общія положенія, которыми дохмій весьма легко можетъ быть не предусмотрѣнъ. Поэтому, еслибы даже дѣйствительно дохмій съ точки зрѣнія чистыхъ ритмиковъ по Аристиду Квинтиліану и представлялъ сложную стопу, однако изъ этого вовсе не должно слѣдовать, чтобы Аристоксенъ также принималъ дохмій за сложную стопу. Напротивъ того, есть одно обстоятельство, которое можетъ повести насъ къ совершенно противоположному заключенію. Дѣло въ томъ, что у Цицерона, неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также, по всей вѣроятности, и въ схоліяхъ къ Эсхиловымъ Sept. 99 дохмій разсматривается какъ простая стопа. По системѣ, которой держатся οἱ συμπλέκοντες, дохмій распадается на двѣ стопы. Нельзя также пріурочить взгляда на дохмій какъ на простую стопу ни къ «старшей», ни къ «младшей» школѣ метриковъ, потому что ни та, ни другая не помѣщаетъ его въ число своихъ μέτρα πρωτότυπα (см. Rossbach u. Westphal, Metrik d. Griech. I² стр. 167). Остается только система чистыхъ ритмиковъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она является въ отрывкахъ Аристоксена. Но, если это такъ, то рождается вопросъ, почему дохмій не упомянутъ Аристоксеномъ при перечисленіи имъ γένη ποδῶν, допускающихъ συνεχῆς ῥυθμοποιία (стр. 412 M.). Если знакомое намъ изъ неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и

Etym. M. дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥ. δόχμιοι было усвоено уже Аристоксеномъ, то мы весьма легко можемъ предположить, что въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ излагается только теорія ῥυθμοὶ ὀρθοί, ῥυθμοὶ же δόχμιοι отнесены въ другую часть книги, которая до насъ не дошла. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы Аристоксенъ ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія не коснулся дохмія.

Изъ источниковъ, относящихся ко второй группѣ, намъ остается разсмотрѣть только показаніе *Бакхія*, автора Εἰσαγωγὴ τέχνης μουσικῆς. Дохмій у него сначала упоминается при перечисленіи сложныхъ стопъ (πόδες συμπεπλεγμένοι); затѣмъ ниже дается его схема и примѣръ на нее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ἔννατος δὲ δόχμιος ἐξ ἰάμβου καὶ ἀναπαίστου καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον·

ἔμενεν ἐκ Τροίας χρόνον.

(Westphal, Metrik d. Gr. I^2, Suppl. стр. 48, 2—4).

Если мы примемъ -οι- въ словѣ Τροίας за краткій слогъ (ср. Christ, Metrik[2] стр. 26 и сл.; Rossbach u. Westphal, Theorie d. mus. Künste d. Hell. III^3, стр. 130 сл.), то схема примѣра будетъ такова: ◡ ◡ ◡ _ ◡ _ ◡ ⏓, представляя одну изъ очень употребительныхъ формъ дохмія, только съ прибавленіемъ двухъ лишнихъ слоговъ въ концѣ.

Для того, чтобы вывести схему дохмія на основаніи предшествующаго примѣру описанія, мы должны опредѣлить, что такое представляютъ изъ себя ἴαμβος, ἀνάπαιστος и παιὰν ὁ κατὰ βάσιν. Схема двухъ первыхъ стопъ опредѣлена у Бакхія и не отличается отъ общепринятой. Что же касается παιὰν ὁ κατὰ βάσιν, то этой стопы мы не находимъ у Бакхія и потому должны вывести схему ея изъ описанія пеана и опредѣленія значенія слова βάσις. Схема простаго пеана опредѣляется у Бакхія такъ: παιὰν σύνθετος ἐκ χορείου καὶ ἡγεμόνος οἷον· εὐπλόκαμος (ib. стр. 48 34 и 47 1); подъ словомъ βάσις Бакхій разумѣетъ σύνταξις δύο ποδῶν ἢ ποδὸς καὶ καταλήξεως (ib. стр. 46 8—10). Собственно говоря, изъ значенія слова βάσις вытекаетъ, что и простой пеанъ, состоя изъ χορεῖος и ἡγεμών, можетъ быть названъ ὁ κατὰ βάσιν; но въ виду того, что Бакхій не называетъ его такъ, мы должны предположить, что подъ именемъ παιὰν ὁ κατὰ βάσιν скрывается кретикъ, который по Бакхію долженъ

распадаться на χορεῖος и κατάληξις. Такимъ образомъ, по описанію, схема дохмія опредѣляется такъ: ⏑ – ⏑ ⏑ – – ⏑ –. Но если мы сравнимъ эту схему со схемой примѣра, то увидимъ, что онѣ не сходятся другъ съ другомъ въ формѣ второй стопы. Это обстоятельство заставило Кюне предположить порчу текста. Исправленіе его онъ начинаетъ съ примѣра, который отожествляетъ съ первой половинкой стиха Eur. Hel. 651:

ἔμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν.

(Kühne, De dochmio quid tradiderint veteres, стр. 29 и сл.).

И дѣйствительно, если мы сравнимъ этотъ стихъ, представляющій дохмическій диметръ съ распущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ въ обоихъ дохміяхъ, и примѣръ Бакхія, то найдемъ, что первый дохмій въ указанномъ Кюне стихѣ совершенно совпадаетъ съ примѣромъ, въ которомъ лишнимъ останется только слово χρόνον. Такое совпаденіе не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что примѣръ Бакхія взятъ изъ приведеннаго стиха Еврипида; а такъ какъ стихъ этотъ въ критическомъ отношеніи не даетъ никакого повода къ сомнѣнію, то мы должны признать, что слово χρόνον попало въ составъ примѣра вслѣдствіе какой-нибудь ошибки и потому подлежитъ удаленію. Такимъ образомъ, примѣръ Бакхія, освобожденный отъ излишней прибавки, представляетъ одну изъ очень употребительныхъ формъ дохмія, которая подходитъ подъ описанія этой стопы, извѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ. Отъ примѣра Кюне переходитъ къ предшествующему ему описанію и уничтожаетъ въ немъ слова καὶ ἀναπαίστου. Исправивши такимъ образомъ текстъ, онъ не только уничтожаетъ несоотвѣтствіе между описаніемъ дохмія и примѣромъ, но и приводитъ въ связь показаніе Бакхія о дохміи съ другими древними свидѣтельствами. Если мы сравнимъ исправленный Кюне текстъ Бакхія съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Аристида Квинтиліана, то найдемъ, что дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать первому виду дохмія Аристида Квинтиліана. А такъ какъ перечисленіе стопъ у Бакхія и у Аристида Квинтиліана по теоріи, которой держатся οἱ συμπλέκοντες τῇ μετρικῇ θεωρίᾳ τὴν περὶ ῥυθμῶν, восходитъ, хотя и не непосредственно, къ одному общему источнику, какъ это показалъ Вестфаль (Rossbach u. Westphal, Metrik d. Gr. I[2] стр. 94 и сл.), то это соотвѣтствіе можетъ слу-

жить ручательствомъ правильности сдѣланныхъ Кюне поправокъ. Остается теперь только уяснить тотъ путь, какимъ произошло искаженіе текста Бакхія. Появленіе слова χρόνον въ немъ Кюне объясняетъ такимъ образомъ: ac quis infitias eat vocem χρόνον in libello rhythmico, ubi sexcenties legitur, nullo fere negotio levissima librariorum socordia ab alia in aliam columnam aut versum migrare potuisse (De doch. q. trad. vett. стр. 29); о томъ, какимъ образомъ явилась вставка словъ καὶ ἀναπαίστου, онъ ничего не говоритъ, считая ее, по всей вѣроятности, вызванной прибавленіемъ въ примѣръ слова χρόνον. Признавая справедливость высказаннаго Кюне мнѣнія о томъ, что примѣръ Бакхія заимствованъ изъ Еврипида, мы не можемъ согласиться съ натянутымъ объясненіемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для того, чтобы показать, какимъ образомъ слово χρόνον появилось въ данномъ мѣстѣ.

Инымъ способомъ старается привести въ соотвѣтствіе описаніе дохмія съ примѣромъ на него Вестфаль. Указавъ на то, что дактилическая стопа по терминологіи, которой держатся οἱ συμπλέκοντες Аристида Квинтиліана, носитъ названіе ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος, онъ высказываетъ мысль, что въ описаніи дохмія у Бакхія подъ ἀνάπαιστος разумѣется не обыкновенный анапестъ, а ἀνάπαιστος ἀπὸ μείζονος; на основаніи этого предположенія схема дохмія у него является таковой:

◡ — — ◡ ◡ — ◡ —

Примѣръ онъ подгоняетъ подъ эту схему, принимая въ словѣ Τροίας діэрезисъ. При такомъ толкованіи этого мѣста дохмій Бакхія будетъ соотвѣтствовать второму виду дохмія у Аристида Квинтиліана, если только не допускать въ текстѣ этого послѣдняго поправки Гольдмана. Но, помимо необходимости этой поправки, черезъ которую нарушится соотвѣтствіе между Бакхіемъ и Аристидомъ Квинтиліаномъ, мы не можемъ допустить толкованія Вестфаля также потому, что въ примѣрѣ Бакхія невозможно удерживать слово χρόνον вопреки чтенію Eur. Hel. 651.

Мнѣ же кажется, для того, чтобы понять, откуда появилось въ примѣрѣ Бакхія слово χρόνον и въ связи съ нимъ слова καὶ ἀναπαίστου въ описаніи, мы должны предварительно опредѣлить, что такое представлялъ изъ себя тотъ оригиналъ, который въ сокращенномъ видѣ компилировалъ Бакхій. Изъ сличенія Аристида Квинти-

ліана съ Бакхіемъ видно, что оригиналъ этотъ различалъ два вида дохмія и былъ снабженъ примѣрами. Если въ видѣ примѣровъ въ немъ были выписаны цѣлые стихи, какъ это мы находимъ у Діонисія Галикарнасскаго при описаніи стопъ, то мѣсто, относящееся къ дохмію, имѣло приблизительно такой видъ: δύο δοχμιακά, ὧν τὸ μὲν συντίθεται ἐξ ἰάμβου καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον·

ἔμενον ἐκ Τροίας πολυετῆ μολεῖν

τὸ δὲ δεύτερον ἐξ ἰαμβικοῦ ἀναπαίστου ἀπὸ μείζονος καὶ παιᾶνος τοῦ κατὰ βάσιν οἷον... Возстановивъ такимъ образомъ общій оригиналъ Бакхія и Аристида Квинтиліана, мы легко прійдемъ къ той мысли, что при словѣ πολυετῆ въ немъ могло явиться въ видѣ надстрочной глоссы слово χρόνον, которое, будучи принято въ составъ примѣра компиляторомъ, сокращавшимъ оригиналъ, повлекло за собою вставку словъ καὶ ἀναπαίστου, извлеченныхъ изъ описанія второго вида дохмія.

Дохмій у грамматиковъ и метриковъ. Показанія источниковъ третьей группы имѣютъ почти только историческій интересъ, а потому мы коснемся ихъ, насколько возможно, кратче. Начну съ *Гефестіона*, какъ съ самаго старшаго по времени появленія, и схолій къ нему. Въ десятой главѣ его Ἐγχειρίδιον, посвященной антиспастамъ, къ дохміямъ имѣетъ отношеніе слѣдующее мѣсто: καὶ ἔστιν ἐπίσημα ἐν αὐτῷ (т. е. ἀντισπαστικῷ) τάδε· πενθημιμερὲς μέν, τὸ καλούμενον δοχμιακόν, οἷον

κλύειν μαίεται
τὸν ἐγχώριον.

(стр. 32 23 и 33 1–4 W).

Въ старыхъ *схоліяхъ* къ нему на это мѣсто сдѣлано такое замѣчаніе: Τοῦτο κατὰ πόδα συμβαίνει. δύο γάρ ἐστι κῶλα ποδῶν ἁπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Ἰστέον γάρ, ὅτι τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς, ὡς πρὸς τὸν μετρικὸν χαρακτῆρα... Ἐνταῦθα οὖν δόχμιον ῥυθμόν φησιν ἴαμβον καὶ παιῶνα πρῶτον, τουτέστιν ἐκ βραχείας καὶ μακρᾶς καὶ μακρᾶς καὶ τριῶν βραχειῶν· τινὲς γὰρ οὕτω μετροῦσι. Καὶ ἔστιν ἡ ται συλλαβὴ εἰς β' βραχέα λογιζομένη τοῦ παιῶνος, ἵνα τὸ μαίεται πρῶτος παιὼν ᾖ. τὸ δὲ τέλος τῆς δευτέρας ῥήσεως ἀντὶ μακρᾶς ἔχει [τὸ τέλος] λυόμενον εἰς δύο βραχείας

(стр. 185 1—26 W). Изъ словъ Гефестіона явствуетъ, что онъ принимаетъ дохмій за (κῶλον) ἀντισπαστικὸν πενθημιμερές. Названіе это, какъ видно изъ схолій, объясняется тѣмъ, что дохмій состоитъ изъ антиспаста, который, распадаясь на ямбъ и трохей, заключаетъ въ себѣ четыре полустопы, и еще одного лишняго слога, который принимается за половинку стопы. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ словъ Гефестіона въ схоліяхъ приведено разобранное уже нами свидѣтельство неизвѣстныхъ ритмиковъ. Не понявъ, почему въ немъ дохмій дѣлится на τριάς и πεντάς, схоліастъ отожествляетъ эти величины съ ямбомъ и первымъ пеономъ. Но такъ какъ первый стихъ въ примѣрѣ, приводимомъ Гефестіономъ, оканчивается долгимъ слогомъ, а второй—безразличнымъ, между тѣмъ какъ въ первомъ пеонѣ являются въ соотвѣтствіи съ ними два краткихъ слога, то схоліастъ оканчиваетъ свое замѣчаніе нелѣпой попыткой примирить это противорѣчіе.

Въ тѣснѣйшей зависимости отъ Ἐγχειρίδιον Гефестіона и его схолій стоитъ замѣчаніе о дохміи метрика *Трихи*, составившаго компиляцію сочиненія Гефестіона и старыхъ схолій къ нему (scholia A). Въ посвященной антиспасту главѣ, своего сочиненія Ἐπιμερισμοὶ τῶν ἐννέα μέτρων Триха говоритъ слѣдующее: Μονόμετρον δὲ ὑπερκατάληκτόν ἐστιν οἷον τὸ

φαείνοισά μοι.

Τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθημιμερὲς ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει· μετρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἥμισυ δισυλλαβίας εὑρίσκεται ἔχον. Τὸ αὐτὸ δὲ καὶ δοχμαϊκὸν ὀνομάζεται ἢ ἀπὸ ἔθνους οὕτως ὀνομαζομένου ἢ ἀπὸ τοῦ πρώτως αὐτῷ χρησαμένου ἢ παρ' ὅσον, <ὡς> ἔνιοί φασι, πλάγιόν τινα ῥυθμὸν ἔχει καὶ οὐκ ὀρθότατον (стр. 286 17—26 W).

Если мы сравнимъ показаніе Трихи съ приведенной нами выше цитатой изъ схолій, то найдемъ, что въ немъ нѣтъ ни одной фразы, которая не находила бы себѣ параллели въ схоліахъ. Дохмій у Трихи является подъ именемъ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον (подр. ἀντισπαστικόν), которое находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ схолій: τὸ δοχμιακὸν σύγκειται ἐξ ἀντισπάστου καὶ συλλαβῆς. Для того, чтобы понять связь между тѣмъ и другимъ выраженіемъ, мы должны припомнить, что у древнихъ метриковъ всякій членъ (κῶλον), измѣряемый диподіями, назывался гиперкаталектическимъ, если въ

концѣ имѣлъ остатокъ изъ одного или двухъ слоговъ, и что антиспастъ принимался за совокупность двухъ стопъ: ямба и трохея. Слова: τοῦτο δὲ ἐπίσημόν ἐστι πενθημιμερὲς ὀνομαζόμενον, ὅτι τοῦ πέντε τὸ ἥμισυ ἔχει· μετρούμενον γὰρ κατὰ δισυλλαβίαν δύο ἥμισυ δισυλλαβίας εὑρίσκεται ἔχον представляютъ передѣлку словъ схолій: ποδῶν ἁπλῶν δύο καὶ συλλαβῆς. Смыслъ словъ Трихи тотъ, что если дѣлить пять слоговъ дохмія по два, то получится два раза по два слога и еще одинъ слогъ, а если считать каждый слогъ за половинку простой стопы, то всего-на-всего получится пять половинокъ. Начало послѣдней фразы со словъ ἢ παρ' ὅσον представляетъ собственную догадку Трихи относительно происхожденія названія дохмія. Что же касается конца этой фразы, то онъ произошелъ благодаря найденному Трихой въ століяхъ дѣленію стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и ῥ. δόχμιοι.

Слѣдующія строки въ показаніи автора *Etym. M.* стр. 285: δοχμιακός, εἶδος μέτρου ἀντισπαστικοῦ· ἔστι δὲ μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, οἷον

ἐγὼ δ' οὔτε σοι —

ἔστι δὲ Εὐριπίδου Φοινισσῶν..., которыя послѣ сказаннаго по поводу соотвѣтствующаго выраженія у Трихи не нуждаются въ объясненіи, показываютъ, какъ онъ понималъ дохмій.

Одинаковаго съ нимъ взгляда на дохмій держался и *Димитрій Триклиній*, что видно изъ слѣдующаго замѣчанія въ схоліяхъ къ Soph. Ant. 881: θεᾶν ἢ ῥυθῶν] ἀντισπαστικὸν μονόμετρον ὑπερκατάληκτον, ὃ καλεῖται δοχμιακόν.

Для того, чтобы сводъ всего имѣющаго отношеніе къ дохмію у греческихъ писателей былъ совершенно полонъ, мы приведемъ замѣчанія *схолій къ Ar. Av. 836, 1188* и *1262*.

Замѣтка схолій къ 936 стиху содержитъ въ себѣ разборъ цѣлаго отрывка комедіи отъ 936—945, изъ котораго къ дохмію имѣетъ отношеніе только объясненіе ритмическаго значенія стиха 942. Но такъ какъ объясненіе это сдѣлано въ такой формѣ, что можетъ быть понято только въ связи съ объясненіемъ предыдущаго стиха, которое нуждается въ поправкѣ, то я приведу для ясности не толь-

ко слова схолій, относящіяся къ обоимъ этимъ стихамъ, но и самые стихи. Стихи и схема ихъ таковы:

νομάδεσσι γὰρ ἐν Σκύθαις ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ —
ἀλᾶται Στράτων ⏑ — — ⏑ —

Схоліастъ по поводу ихъ замѣчаетъ слѣдующее: ἑξῆς δ' ἡ ε' περίοδος κώλων ἀναπαιστικῶν πέντε. ὧν τὸ πρῶτον δίμετρον καταληκτικόν, τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου. τὸ β' πενθημιμερές, ὃ καλεῖται δοχμαϊκόν (стр. 231 41—44 Did.).

Первый стихъ еще можно, хотя и съ натяжкой, назвать анапестическимъ, но у второго рѣшительно нѣтъ ничего общаго съ анапестами. Поэтому мнѣ кажется, что слово ἀναπαιστικῶν слѣдуетъ замѣнить посредствомъ ἀντισπαστικῶν. Если мы примемъ эту поправку, то для насъ сдѣлается понятнымъ, не только почему 936 стихъ названъ πενθημιμιρές, но и получатъ нѣкоторый смыслъ слова: τοῦ πρώτου ποδὸς πεντασυλλάβου, которыя никакъ не могутъ относиться къ анапестической стопѣ.

Стихъ 1188 представляетъ начало строфы, состоящей изъ чистыхъ дохміевъ, а стихъ 1262—начало антистрофы, находящейся въ соотвѣтствіи съ ней; но схоліастъ, не понявъ этого соотвѣтствія, при первомъ изъ указанныхъ мною стиховъ дѣлаетъ слѣдующій разборъ строфы: Εἴσθεσις χοροῦ ἐπῳδικὴ κώλων τροχαικῶν ἐπιμεμιγμένων χορείοις ἤτοι τριβράχεσι καὶ δακτύλοις πενθημιμερῶν η'. ὧν τὰ μὲν πρῶτα τρία καὶ παιωνικά, εἰ βούλει, ποιήσει ἡμιόλια. τὸ τέταρτον τροχαϊκὸν ἐκ δακτύλου πενθημιμερές. τὸ πέμπτον καὶ ἕκτον ἰθυφαλλικά. τὸ ζ' καὶ η' τροχαϊκὰ πενθημιμερῆ. ἐν ἐκθέσει δὲ ἰαμβικὰ τρία. ὧν τὸ πρῶτον δίμετρον ἀκατάληκτον. οἱ δὲ δύο τρίμετροι ἀκατάληκτοι. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 236 25—33 Did.).

Къ стиху 1262 замѣчено слѣдующее: Κορωνὶς καὶ εἴσθεσις μέλους χοροῦ μεσῳδικὴ κώλων παιωνικῶν ς'. ὧν τὸ πρῶτον καὶ δεύτερον δίμετρα βραχυκατάληκτα, ἤτοι ἡμιόλια. τὸ γ' δίμετρον καταληκτικόν, ἤτοι ἐφθημιμερές. τὸ δ' ὅμοιον τῷ α'. τὸ ε' ὅμοιον τῷ γ'. τὸ δὲ ἕκτον δίμετρον ἀκατάληκτον διὰ τὴν ἀδιάφορον. ἐν τισι δὲ δύο κῶλα συνῆπται ταῦτα. ἐν ἐκθέσει δὲ στίχος ἰαμβικὸς τρίμετρος ἀκατάληκτος ὅμοιος τοῖς ἑξῆς. ἐπὶ τῷ τέλει κορωνίς (стр. 237 32—70 Did.).

Нечего и говорить, что изъ этого невѣжественнаго разбора мы не можемъ извлечь никакихъ новыхъ данныхъ для опредѣленія ритмическаго значенія дохмія.

Переходимъ теперь къ Римскимъ метрикамъ и грамматикамъ, изъ показаній которыхъ имѣетъ нѣкоторую цѣну для насъ только то, что мы находимъ у Марія Плоція Сацердота и Діомеда.

Помимо сочиненій этихъ двухъ грамматиковъ, дохмій упоминается еще въ дошедшемъ до насъ подъ именемъ *Цезія Басса*, но, по всей вѣроятности, не имѣющемъ ничего общаго съ этимъ метрикомъ Breviatio pedum въ слѣдующихъ выраженіяхъ: his, т. е. pedibus disyllabis, trisyllabis, tetrasyllabis, adiciunt multi unum pentasyllabum, quem Cicero dochmium vocat, qui constat ex brevi duabus longis brevi et longa syllabis, ut est senatoriae et, ut idem Cicero posuit, «amicos tenes». (Gr. L. VI стр. 308 $_{26-29}$ K).

Нѣсколько словъ съ описаніемъ схемы дохмія мы находимъ и у метрика четвертаго вѣка по Р. Х., *Марія Викторина*: est autem antispasticum monometrum hypercatalectum, quod et dochmiacum dicitur,

Volant praepetes.

(Gr. L. VI стр. 88 $_{23-25}$ K).

Любопытно, что Атилій Фортунатіанъ, метрикъ также четвертаго вѣка по Р. Х., приводя гиперкаталектическій антиспастъ, повторяетъ примѣръ, данный Маріемъ Викториномъ, но уже совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, что этотъ стихъ называется также дохміемъ.

Точно также не встрѣчаемъ мы уже названія дохмія и въ De pedibus expositio Юлія Севера, который при описаніи сочетанія, имѣющаго схему дохмія, говоритъ только слѣдующее: iambus amphimacro iunctus facit bacchium et iambum ◡ – –, ◡ – (Gr. L. VI стр. 642 $_{5}$ K).

У *Марія Плоція Сацердота* дохмій упомянутъ въ главѣ, трактующей De antispastico metro et eius speciebus X; но изъ этихъ десяти видовъ антиспастическаго размѣра имѣютъ отношеніе къ дохмію только второй и третій: De penthemimerico dochmiaco aeschylio. Antispasticum penthemimericum dochmiacum aesc hylium fit antispasto, hippio secundo et disyllabo,

qui sonante te coegit dare.

De dochmiaco trimetro catalectico euripidio antispastico. Antispasticum dochmiacum euripidium trimetrum catalecticum fit antispasto, ditrochaeo, amphimacro,

decretamus sic corona pulchra nos.

(Gr. L. VI стр. 538 $_{5-11}$ K).

Если мы составимъ схему penthemim. dochm. aesch. на основаніи описанія его (о pes hippius см. Gr. L. VI стр. 537 $_{18-19}$ K.), то увидимъ, что Плоцій здѣсь говоритъ о дохмическомъ диметрѣ. Но примѣръ, который онъ приводитъ для того, чтобы сдѣлать наглядной эту схему, совершенно не подходитъ къ ней въ самомъ началѣ, такъ какъ вмѣсто антиспаста мы находимъ въ немъ дитрохей. Это обстоятельство заставило Кейля предполагать порчу текста въ примѣрѣ и читать quis o Faune вмѣсто qui sonante. Но мнѣ кажется, что легче было бы объяснить порчу текста, если допустить что въ оригиналѣ стояло quis orante.

Схема dochm. trim. catal.—такова:

⏑ — — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ —

Для того, чтобъ привести въ соотвѣтствіе съ этой схемой примѣръ, мы должны измѣнить въ немъ вмѣстѣ съ Кейлемъ непонятное decretamus sic въ decet myrtus et. Почему разсматриваемый нами стихъ названъ дохмическимъ триметромъ, для насъ неясно, такъ какъ въ немъ только начало представляетъ дохмій. Нѣтъ ничего мудренаго, что Плоцій, объ которомъ Вестфаль отзывается такъ: ein so unwissender Metriker auch der Verfasser ist (Metrik I^2 стр. 133) что-нибудь перепуталъ.

Изъ свидѣтельства Плоція явствуетъ, что у неизвѣстнаго намъ греческаго метрика, послуждвшаго для Плоція источникомъ, какъ это видно изъ греческихъ терминовъ и массы греческихъ примѣровъ, которые онъ употреблялъ, были приведены въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ дохмическія диметры и, по всей вѣроятности, триметры и даже снабжены спеціальными названіями, которыя были образованы отъ именъ поэтовъ, часто употреблявшихъ ихъ.

Діомедъ упоминаетъ о дохміи при перечисленіи формъ пятисложныхъ стопъ: Pedes heteroploci pentasyllabi sunt numero triginta

et duo hi... dochmios ex duabus brevibus et longa et brevi et longa temporum septem... hypodochmios ex longa et brevi et longa et brevi et longa temporum octo. dochmios per synzugian antistrophos ex brevi et tribus longis et brevi temporum octo...(Gr. L. I стр. 481 13 и 33, 482 1 и сл. K). Отсюда видно, что схема дохмія у Діомеда не такая, какую мы находимъ въ другихъ источникахъ. Но слѣдующія данныя внушаютъ намъ серьезныя сомнѣнія въ исправности дошедшаго до насъ текста: во-первыхъ, всѣ рукописи Діомеда идутъ отъ одного архетипа (ib. praef. p. XXIX) и, по выраженію Кейля, admodum vitiose scripti (ib. p. XXXV); во-вторыхъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ началѣ тридцати двухъ формъ пятисложныхъ стопъ мы имѣемъ на лице только тридцать одну; въ-третьихъ, пропущено описаніе такой стопы, которая во всѣхъ другихъ источникахъ называется дохміемъ. Кейль, безъ всякаго сомнѣнія, руководясь этими соображеніями, предполагаетъ въ своемъ изданіи текста Діомеда пропускъ передъ словомъ hypodochmios и восполняетъ его такимъ образомъ: dochmios ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться какъ съ предположеніемъ Кейля, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ Діомеда выпало описаніе дохмія, такъ и съ той формой, въ какой онъ восполняетъ это описаніе. Но только мнѣ кажется, что пропуска слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ его предполагаетъ Кейль, а нѣсколько выше, потому что въ такомъ случаѣ мы должны будемъ допустить, что кромѣ пропущенной Діомедомъ стопы, которая пользуется названіемъ дохмія почти во всѣхъ нашихъ источникахъ, упоминающихъ объ ней, это же названіе распространялось и на стопу, встрѣчаемую только у Діомеда и неизвѣстную изъ другихъ источниковъ.

Если мы предположимъ, что описаніе дохмія и названіе слѣдующей стопы, схема которой дана у Діомеда подъ именемъ дохмія, было пропущено послѣ слова dochmios, то избѣгнемъ того неудобства, которое влечетъ за собою вставка на мѣстѣ, указанномъ Кейлемъ: dochmios <ex brevi et duabus longis et brevi et longa temporum octo...> ex duabus brevibus и т. д. Нѣкоторое подтвержденіе моей догадки мы найдемъ и въ расположеніи стопъ у Діомеда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы напишемъ схемы стопъ, приводимыхъ Діомедомъ одну за другой, то увидимъ, что помимо первой и послѣдней стопы, ко-

торыя находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ, восемнадцать начальныхъ стопъ расположены въ строгомъ порядкѣ, не считая musicos, который явно попалъ не на свое мѣсто. Въ расположеніи десяти послѣднихъ уже невозможно уловить такого порядка; но и изъ нихъ сначала помѣщены стопы, состоящія изъ трехъ краткихъ слоговъ и двухъ долгихъ, потомъ стопы, въ которыхъ долгіе и короткіе слоги находятся въ обратномъ отношеніи между собой. Не въ свою половинку попалъ только pariambodes, который слѣдуетъ за стопой, носящей у Діомеда названіе дохмія. Такое нарушеніе общаго порядка при другихъ данныхъ можетъ служить указаніемъ на то, что приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ я предполагаю пропускъ, произошла какая-то путаница въ текстѣ Діомеда, повлекшая за собою выпаденіе нѣсколькихъ словъ.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ показаніе Діомеда относительно того, что стопа со схемою _ ◡ _ ◡ _ носила названіе hypodochmios. Греческое названіе этой стопы доказываетъ, что Діомедъ нашелъ ее, по всей вѣроятности, у Юбы, работой котораго онъ пользовался для своего сочиненія въ качествѣ источника; а этотъ послѣдній въ свою очередь взялъ ее изъ Геліодора (ср. Westphal, Metrik d. Gr. I² p. 224 и сл.).

Теперь перейдемъ къ dochmios per synzugian antistrophos. Повидимому, названіе этой стопы представляетъ переводъ греческаго выраженія δόχμιος κατὰ συζυγίαν ἀντίστροφος. Подъ именемъ πόδες σύνθετοι κατὰ συζυγίαν у нѣкоторыхъ грамматиковъ разумѣются такія сложныя стопы, которыя распадаются на двѣ простыхъ, отличающихся другъ отъ друга только обратнымъ расположеніемъ арзиса и тезиса: такъ самъ Діомедъ говоритъ synzugia <in> contrariis podр. fit (Gr. L. I стр. 502 19 K). Отсюда ясно, что δόχμιος κατὰ συζυγίαν или dochmios per synzugian принимается за сложную стопу, состоящую изъ ямба и трохея съ однимъ долгимъ слогомъ между ними. Прибавка ἀντίστροφος имѣетъ въ виду также указать на то, что стопа эта кончается такими же двумя слогами, какими и начинается, только въ обратномъ порядкѣ. Совершенно справедливо Кюне, приведя описаніе этой стопы, кратко замѣчаетъ слѣдующее: scilicet de systematis dochmiacis generis strophici locutus videtur (De dochmio quid tradiderint veteres, стр. 27).

Стопа, приводимая Діомедомъ подъ именемъ dochmios per synzugian, представляетъ такимъ образомъ одну изъ формъ обыкновеннаго дохмія съ ирраціональнымъ четвертымъ слогомъ и краткимъ пятымъ.

§ 2.

Названіе и ритмическое значеніе дохмія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ.—Названіе дохмія.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тезисъ и арзисъ дохмія.—Дохмій съ современной точки зрѣнія.

Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ. Разсматривая дошедшія до насъ изъ древности отрывочныя и противорѣчивыя показанія о дохміи и соединяя въ одно цѣлое однородныя, мы находимъ, что всѣ они должны быть пріурочены къ тремъ различнымъ школамъ: во-первыхъ, школѣ чистыхъ ритмиковъ, которыхъ Аристидъ Квинтиліанъ называетъ οἱ χωρίζοντες; во-вторыхъ, школѣ метриковъ, которыхъ тотъ же Аристидъ Квинтиліанъ называетъ οἱ συμπλέκοντες; въ-третьихъ, другой школѣ метриковъ, которую Вестфаль называваетъ «младшей».

Чистые ритмики видѣли въ дохміи простую стопу, которая, заключая въ себѣ восемь χρ. πρ., распадается на арзисъ въ три и тезисъ въ пять χρ. πρ. На основаніи того, что въ дохміи тезисъ содержитъ въ себѣ двумя χρ. πρ. больше, чѣмъ арзисъ, тогда какъ въ другихъ стопахъ тезисъ или равняется арзису по числу своихъ χρ. πρ. или больше его только на одинъ, они дѣлили всѣ стопы на двѣ извѣстныхъ намъ групы: ῥυθμοὶ ὀρθοὶ и δόχμιοι.

Кромѣ основной формы дохмія съ ея видоизмѣненіями, сообразно съ тѣмъ, являются ли долгіе слоги дохмія въ распущенномъ или нераспущенномъ видѣ, и замѣняются ли его краткіе слоги посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ слоговъ или нѣтъ, чистые ритмики, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, признавали еще второстепенную форму, которая носила названіе ὑποδόχμιος.

Οἱ συμπλέκοντες различали два вида дохмія и признавали, что какъ тотъ, такъ и другой представляютъ изъ себя сложную стопу, которая распадается на двѣ простыхъ:—на ямбъ и кретикъ въ первомъ случаѣ и на дактиль и кретикъ во второмъ. Второй видъ дохмія представляетъ изъ себя не что иное, какъ видоизмѣненіе общепринятой формы этой стопы, состоящее въ томъ, что первый краткій слогъ ея замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а первый долгій распущенъ на два краткихъ слога. Признано было это видоизмѣненіе дохмія за особый видъ его, повидимому, подъ тѣмъ вліяніемъ, что дохмій въ такой формѣ весьма легко можно принять за сочетаніе дактиля съ кретикомъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что дохмій въ своей обыкновенной формѣ дѣлится на ямбъ и то же кретикъ.

По системѣ «младшей» метрической школы дохмій представляетъ изъ себя μέτρον ἀντισπαστικόν. Но такъ какъ существовало довольно большое количество различныхъ μέτρα ἀντισπαστικά, то для ближайшаго опредѣленія его называли ὑπερκατάληκτον или πενθημιμερές.

Названіе дохмія. Вопросъ о томъ, почему дохмію дано было то имя, которое онъ носитъ, затрогивается изъ дошедшихъ до насъ древнихъ авторовъ, которые говорятъ о дохміи, только у неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., Аристида Квинтиліана и Трихи.

Всѣ они согласно утверждаютъ, что дохмій получилъ свое названіе вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ противоположенія его къ ῥυθμοὶ ὀρθοί. Но если мы обратимъ вниманіе, во-первыхъ, на то, что существуетъ несомнѣнная связь между дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμοι и двумя формами отношеній отвлеченныхъ чиселъ, которыя были установлены въ древней математикѣ, и, во-вторыхъ, на то, что дѣля стопы только на двѣ извѣстныхъ намъ группы, мы должны прибѣгать къ нѣкоторымъ натяжкамъ, то намъ невольно прійдетъ въ голову мысль, что дохмій получилъ свое названіе раньше, чѣмъ явилось дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί, и δόχμιοι, и что самое дѣленіе это было, можетъ быть, вызвано самымъ названіемъ дохмія, когда уже было позабыто, почему оно дано ему.

Триха кромѣ приведеннаго объясненія предлагаетъ еще другое: онъ думаетъ, что дохмій могъ получить свое названіе или отъ име-

ни народа или отъ имени лица, которые въ первый разъ употребили его; руководится онъ при этомъ аналогіей въ происхожденіи названій такихъ стопъ, какъ кретикъ, іоникъ, ямбъ. Но эти объясненія, представляющія догадки самого Трихи, не могутъ быть признаны удачными.

Изъ новыхъ ученыхъ попытки объяснить, откуда произошло названіе дохмія, были сдѣланы только со стороны Криста и Г. Шмидта. Первый изъ этихъ ученыхъ, думая, что подъ ῥυθμοὶ ὀρθοί слѣдуетъ разумѣть не такія стопы, въ которыхъ число χρ. πρ., заключающихся въ тезисѣ и арзисѣ, или одинаково или разнится не болѣе, чѣмъ на одинъ, какъ это показываютъ неизвѣстные ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M., а—такіе размѣры, въ которыхъ арзисъ и тезисъ непрерывно чередуются между собой, предполагаетъ, что дохмій получилъ свое названіе оттого, что въ немъ сталкиваются два арзиса, не будучи отдѣлены другъ отъ друга тезисомъ (Metrik² стр. 455). Г. Шмидтъ въ своей Handb. d. lat. u. gr. Syn., опредѣливъ значеніе прилагательнаго δόχμιος, слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе названія дохмія: Der bekannte so benannte musikalische Satz heiszt so, weil er mit dem wirkungsvollen bakchiischen Takt beginnend gleichsam umknickt in den ruhigeren $^3/_8$- oder $^3/_4$-Takt des Choreus: ⏑ ⋮ — — ⏑ | — , ⏑ ‖ — — ⏑ | — u. s. w. (стр. 541) Но ни та, ни другая попытка не можетъ быть признана удовлетворительной по своей бездоказательности.

Откуда же могло явиться названіе дохмія?

Извѣстно, что многіе термины греческой ритмики заимствованы изъ орхестики: таковы—πούς, θέσις, ἄρσις; далѣе, нѣкоторыя названія стопъ прямо объясняются характерностью движеній, которыми они сопровождаются: ἀνάπαιστος, τροχαῖος. Это позволяетъ предполагать, что названіе дохмія вызвано какими либо характерными движеніями ногъ или туловища, которыми сопровождалась пляска подъ этотъ размѣръ.

Относительно того, что движенія эти были неровными и порывистыми, мы можемъ судить по тремъ случаямъ, когда исполненіе дохміевъ несомнѣнно сопровождается пляской: во-первыхъ, въ парадосѣ Aesch. Sept. 78 и сл. съ пѣніемъ дохміевъ выбѣгаетъ къ алтарямъ боговъ хоръ испуганныхъ Өивянокъ, движенія которыхъ не могутъ быть плавными; во-вторыхъ, также въ пародосѣ Eur. Or. 140

и сл. подъ этотъ же размѣръ является на сцену хоръ встревоженныхъ спутницъ Электры, которыя своими движеніями заставляютъ проснуться спящаго Ореста; въ-третьихъ, стихъ Tr. 325

πάλλε πόδ' αἰθέριον, ἄναγ' ἄναγε χορόν

показываетъ даже, что при пляскѣ подъ дохміи должна была высоко подыматься нога.

Въ пользу моего предположенія говоритъ еще тотъ фактъ, что прилагательному ὀρθός, которое употребляется для обозначенія вертикальнаго направленія линіи, образующей прямой уголъ съ горизонтальной, противополагается, строго говоря, не прилагательное δόχμιος, которое служитъ для обозначенія всякаго направленія, болѣе или менѣе уклоняющагося отъ прямаго, а прилагательное πλάγιος, которое обозначаетъ горизонтальное направленіе линіи, образующей прямой уголъ съ вертикальной. Поэтому, еслибы дохмій дѣйствительно получилъ свое названіе отъ извѣстнаго уже намъ дѣленія стопъ, то скорѣе былъ бы названъ ῥυθμὸς πλάγιος, а не δόχμιος (ср. H. Schmidt, Handb. d. lat. u. gr. Syn. стр. 540 и сл.).

Число моръ въ дохміи. При рѣшеніи вопроса о числѣ χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, мы можемъ основываться, во-первыхъ, на показаніяхъ ритмиковъ и метриковъ; во-вторыхъ, на данныхъ, извлекаемыхъ изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ.

Прямое опредѣленіе числа χρ. πρ., содержащихся въ дохміи, дано въ схоліяхъ къ Sept. Эсхила и Etym. M., въ которыхъ этотъ размѣръ названъ ῥυθμὸς ὀκτάσημος. Косвеннымъ образомъ показаніе этихъ памятниковъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что у неизвѣстныхъ намъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym M. дохмій дѣлится на τριάς и πεντάς, у Аристида Квинтиліана—на ямбъ и кретикъ и у Фабія Квинтиліана—на бакхій и ямбъ. Что касается нѣкоторыхъ позднѣйшихъ метриковъ, которые, признавая дохмій за μέτρον ἀντισπαστικόν, даютъ ему названіе πενθημιμερές, могущее повести къ предположенію, что въ дохміи заключается болѣе восьми χρ. πρ., то эти метрики были слишкомъ далеки отъ правильнаго пониманія ритмическаго значенія дохмія, чтобы мы должны были принимать ихъ въ разсчетъ.

Обращаясь затѣмъ къ разбору стихотворныхъ текстовъ, мы приходимъ къ тому же выводу относительно числа χρ. πρ., заключающихся въ дохміи, къ какому мы сейчасъ пришли на основаніи показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дохмій заключалъ въ себѣ болѣе восьми χρ. πρ., то для восполненія недостающаго количества времени мы должны были бы допустить одно изъ двухъ: или что одинъ изъ его долгихъ слоговъ, будучи протянутъ, заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., или что въ серединѣ или концѣ его является пауза. Допустить протяженіе какого либо изъ трехъ долгихъ слоговъ дохмія мы не можемъ, такъ какъ всѣ они могутъ являться въ распущенномъ видѣ, между тѣмъ какъ замѣчено, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., не можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами. Пауза въ серединѣ дохмія недопустима, потому что при распущеніи двухъ первыхъ долгихъ слоговъ его являются такія комбинаціи въ дѣленіи отдѣльныхъ слоговъ на слова, которыя исключаютъ всякую возможность пріурочивать ее къ какому либо опредѣленному мѣсту. Въ подтвержденіе этого можно было бы указать большое количество примѣровъ изъ произведеній всѣхъ трехъ трагиковъ, но я приведу только два слѣдующихъ дохмія, взятыхъ почти на угадъ изъ Эсхила и Софокла, строгая техника которыхъ не позволяетъ предположить ни распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., ни паузы въ серединѣ слова:

◡ ◡͡◡ ◡͡◡ ◡ ◡͡◡

γοερὰ θανατοφόρα
ἐπιπλόμενον ἄφατον

По своей схемѣ оба эти дохмія (Aesch. Agam. 1175 и Soph. O. R. 1314) тожественны, но дѣлятся на отдѣльныя слова такъ, что внутри перваго изъ нихъ остановка голоса допустима только послѣ третьяго слога, тогда какъ внутри второго—только послѣ пятаго. Въ виду ясно выраженнаго стремленія греческихъ поэтовъ оканчивать слово вмѣстѣ съ послѣднимъ слогомъ дохмія всего естественнѣе предполагать присутствіе паузы не въ срединѣ дохмія, а въ концѣ его. Но это предположеніе оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ въ слѣдующихъ диметрахъ послѣдній слогъ перваго дохмія замѣненъ двумя краткими слогами, изъ которыхъ по крайней

мѣрѣ послѣдній или приходится на средину слова, или же очень тѣсно связанъ съ первымъ слогомъ въ началѣ слѣдующаго дохмія, такъ что намъ приходится отказаться отъ мысли допустить паузу и въ концѣ дохмія:

Aesch. Sept. 187 ὅτε τε σύριγγες ἔκλαγξαν ἑλίτροχοι [1])
= 195 ὅτ' ὀλοᾶς νιφομένας βρόμος ἐν πύλαις
Eur. Bacch. 987 ἐς ὄρος ἐς ὄρος ἔμολ' ἔμολεν, ὦ Βάκχαι [2])
ib. 995 τὸν ἄθεον ἄνομον ἄδικον Ἐχίονος
ib. 1037 ὁ Διόνυσος ὁ Διὸς παῖς, οὐ Θῆβαι [3])
Hel. 650 πόσιν ἐμὸν ἐμὸν ἔχομεν ἔχομεν, ὅν ἔμενον [4])
ib. 696 ὅτε μέλαθρα λέχεά τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσ(α)
id. El. 1170 σχέτλια μὲν ἔπαθες ἀνόσια δ' εἰργάσω
Herc. f. 1020 τὰ δ' ὑπερέβαλε, παρέδραμε τὰ τότε κακά
ib. 1023 σὺ δὲ τέκνα τρίγονα τεκόμενος, ὦ δάιε [5])
ib. 1053 διά μ' ὀλεῖτε. :: κεχυμένος ἐπαντέλλει
ib. 1056 ἀπὸ δὲ πατέρα, μέλαθρά τε καταρρήξει
ib. 1070 ἀπόκρυφον δέμας ὑπὸ μέλαθρον κρύψω
ib. 1212 δρόμον ἐπὶ φόνιον ἀνόσιον ἐξάγει
id. I. T. 871 ἀπέφυγες ὄλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
id. Ion. 767 διανταῖος ἔτυπεν ὀδύνα με πλευ-μόνων
ib. 783 πῶς φῄς; ἄφατον ἄφατόν τιν' ἀναύδητον [6])
ib. 789 ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς [7])
id. Or. 149 κάταγε κάταγε, πρόσιθ' ἀτρέμας, ἀτρέμας ἴθι· λόγον
ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε.
163 ἄδικος ἄδικα τότ' ἄρ' ἔλακεν ἔλακεν, ἀπόφονον ὅτ' ἐπὶ
τρίποδι Θέμιδος ἄρ' ἐδίκασε
ib. 1305 τὰν λιποπάτορα λιπόγαμόν θ', ἃ πλείστους [8])
ib. 1309 δάκρυα δάκρυσι συνέπεσε σιδαρέοις [9])
ib. 1364 διὰ τὸν ὀλόμενον ὀλόμενον Ἰδαῖον
ib. 1468 χρυσεοσάνδαλον ἴχνος ἔφερεν ἔφερεν

[1]) Можетъ быть, въ этомъ стихѣ слѣдуетъ, какъ предлагаетъ Клотцъ De num. dochm. стр. 35 и сл., измѣнить ἁρματόκτυπον въ ἁρμάτων и удвоить ἔκλαγξαν. [2]) ἐς... ἐς Музурусъ: εἰς... εἰς | ἔμολ' ἔμολεν Эльмслей: ἔμολεν ἔμολεν. [3]) ὁ Διὸς παῖς Диндорфъ: ὁ Διόνυσος. [4]) ἐμὸν ἐμὸν Зейдлеръ: ἐμόν. [5]) δάιε Кантеръ: δαΐς. [6]) ἄφατόν τιν' Диндорфъ: ἄφατον. [7]) ἔλαβ' Г. Шмидтъ: ἔλαβεν. [8]) λιπόγαμόν θ' Германъ: λιπόγαμον. [9]) σιδαρέοις Германъ: σιδαρέοισι.

id. Tr. 244 τίν' ἄρα τίς ἔλαχε; τίνα πότμος εὐτυχής [1])
ib. 247 τοὐμὸν τίς τίς ἔλαχε τέκος, ἔννεπε [2])
ib. 260 τί δ' ὃ νεοχμὸν ἀπ' ἐμέθεν ἐλάβετε τέκος [3])
id. Phoen. 165 πρὸς ἐμὸν ὁμογενέτορα, περὶ δ' ὠλένας
ib. 1295 πότερον ἄρα νέκυν ὀλόμενον ἀχήσω
Rhes. 131 τάδε δοκεῖ, τάδε μεταθέμενος νόει
= 195 μέγας ἀγών, μεγάλα δ' ἐπινοεῖς ἑλεῖν

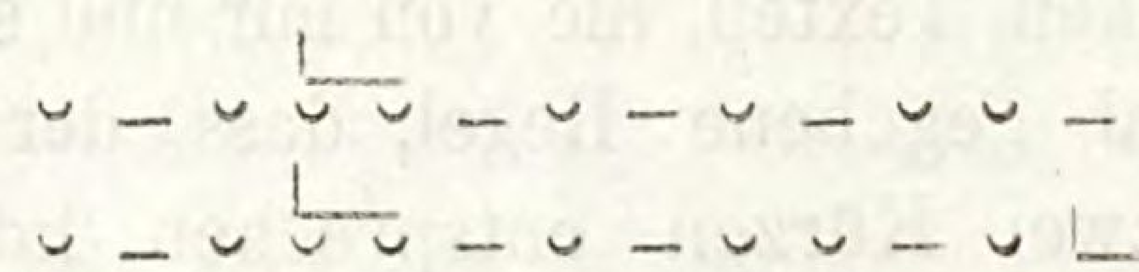
Правда, нѣкоторые ученые допускаютъ возможность распущенія такого долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., но Г. Шмидтъ, разсмотрѣвъ всѣ случаи такого распущенія, собранные весьма тщательно Кристомъ въ его рецензіи на метрику Вестфаля (Jahrbb. f. Phil u. Päd. 99 стр. 352), приходитъ къ слѣдующему выводу, съ которымъ трудно не согласиться: Das Resultat unserer Untersuchung also ist folgendes: An tausenden von Stellen war Gelegenheit in den antiken Texten, die von mir und schon minder bestimmt von Westphal gegebene Regel, dass der mehr als zweizeitigen Länge keine zwei Kürzen entsprechen konnten, zu übertreten; trotzdem ist nur an zwei Stellen in den überlieferten Texten der Fall eingetreten! Ist das nicht ein ungeheuerer Beweis fur die Regel? Denn wollte man ein solches Vorkommen als entscheidend betrachten und nicht gerade daraus das Recht zur Emendation schöpfen: was müsste man da Alles in den Kauf nehmen! (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но доводы Шмидта не убѣдили Криста, и онъ въ своей метрикѣ, по прежнему признавая возможнымъ въ видѣ исключенія распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., ссылается на тѣже примѣры, которые были приведены имъ въ рецензіи. Это обстоятельство заставляетъ насъ еще разъ подвергнуть ихъ разсмотрѣнію.

Всѣ свои примѣры Кристъ дѣлитъ на двѣ группы: къ первой онъ относитъ такіе, въ которыхъ второй краткій слогъ, явившійся изъ распущеннаго долгаго, приходится на начало или средину слова; ко второй — такіе, въ которыхъ этотъ второй краткій составляетъ конецъ слова. Наиболѣе ранніе случаи распущенія, принадлежащіе къ первой группѣ, Кристъ находитъ у Пиндара въ Pyth. V 2 и 3, VI 3 и Isth.

[1]) τίν' ἄρα τίς ἔλαχε Наукъ: τίν' ἄρα τίς ἔλαχον. [2]) τίς τίς Наукъ: τίς или τίς ἄρ'. [3]) τί δ' ὅ Мусграве: τί δὲ τό.

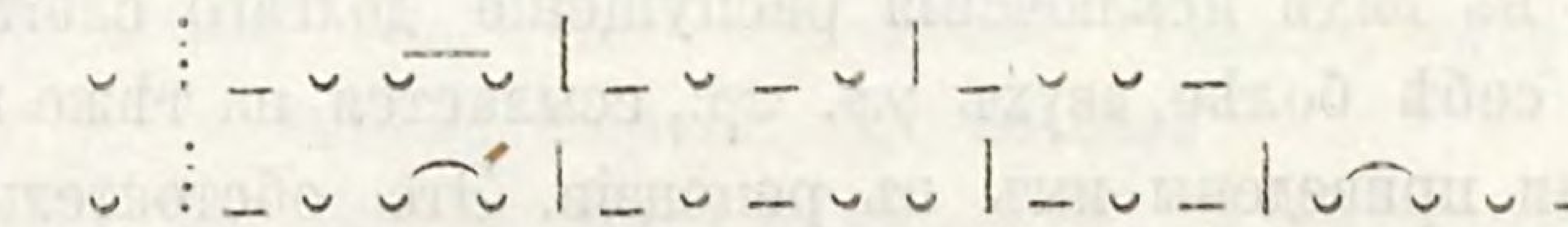
VII (VIII) 5; остальные онъ указываетъ у Еврипида въ Phoen. 208 и Hel. 1364. Къ этой же группѣ слѣдуетъ причислить Hipp. 147 и Hel. 336, которые невѣрно отнесены къ второй (Metrik[2] стр. 98 и сл.), и упоминаемый имъ ниже Jon. 799 (ib. стр. 358). Болѣе многочисленно собраніе примѣровъ, принадлежащихъ ко второй группѣ: Or. 999, Tr. 565, Jon. 463 (ib. стр. 98 и сл.) Alc. 395 (ib. стр. 358), Iph. T. 1089=1106, Iph. Aul. 1054=1076, 1055=1077 (стр. 511), съ этими стихами Кристъ указываетъ для сравненія слѣдующіе: Eur. Suppl. 971, Hipp. 549=559, Hel. 1314=1332, Iph. Aul. 180=201, 574, 580, 796; Ar. Thesm. 1149 и 1156.

Такъ какъ въ составъ строфы и эпода Pyth. V входятъ стопы, относящіяся ко всѣмъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, то намъ нѣтъ никакой нужды предполагать во второмъ и третьемъ стихѣ строфы этой оды распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣ двухъ χρ. πρ:

στρ.α' ὅταν τις ἀρετᾷ κεκραμένον καθαρᾷ
βροτήσιος ἀνὴρ πότμου παραδόντος αὐτὸν ἀνάγῃ
ἀντ.α' φέροντι καὶ τὰν θεόσδοτον δύναμιν
σέ δ' ἐρχόμενον ἐν δίκᾳ· πολὺς ὄλβος ἀμφινέμεται

Гораздо естественнѣе объяснять ритмическое значеніе того и другого стиха такимъ образомъ:

тѣмъ болѣе, что подобное же соединеніе стопъ, принадлежащихъ ко всемъ тремъ γένη ῥυθμοῦ, мы находимъ въ строфѣ и эподѣ Ol. II; разница между той и другой одой заключается только въ томъ, что въ первой преобладающимъ элементомъ являются трохаическія и дактилическія стопы, тогда какъ во второй—пеоническія.

Въ Pyth. VI 3, Isth. VII (VIII) 5 и Phoen. 208 наблюдается та общая имъ всѣмъ особенность, что или послѣ перваго изъ двухъ краткихъ слоговъ, которые заступаютъ мѣсто долгаго, заключающаго въ себѣ, по мнѣнію Криста, болѣе двухъ χρ. πρ., или передъ нимъ

почти безъ исключенія приходится конецъ слова, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться, прослѣдивъ всѣ относящіеся сюда стихи:

Pind. Pyth. VI 3:

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑ – ⏑ –

στρ.α′ ἀναπολίζομεν, ὀμφαλὸν ἐριβρόμου
στρ.β′ στρατὸς ἀμείλιχος, οὔτ' ἄνεμος ἐς μυχοὺς
στρ.γ′ τά ποτ' ἐν οὔρεσι φαντὶ μεγαλοσθενεῖ
στρ.δ′ ὃς ὑπερέφθιτο πατρός, ἐναρίμβροτον
στρ.ε′ πρίατο μὲν θανάτοιο κομιδὰν πατρός
στρ.ς′ ἄδικον οὔθ' ὑπέροπλον ἥβαν δρέπων

Isth VII (VIII) 5:

– ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑ – ⏑ – ⏓

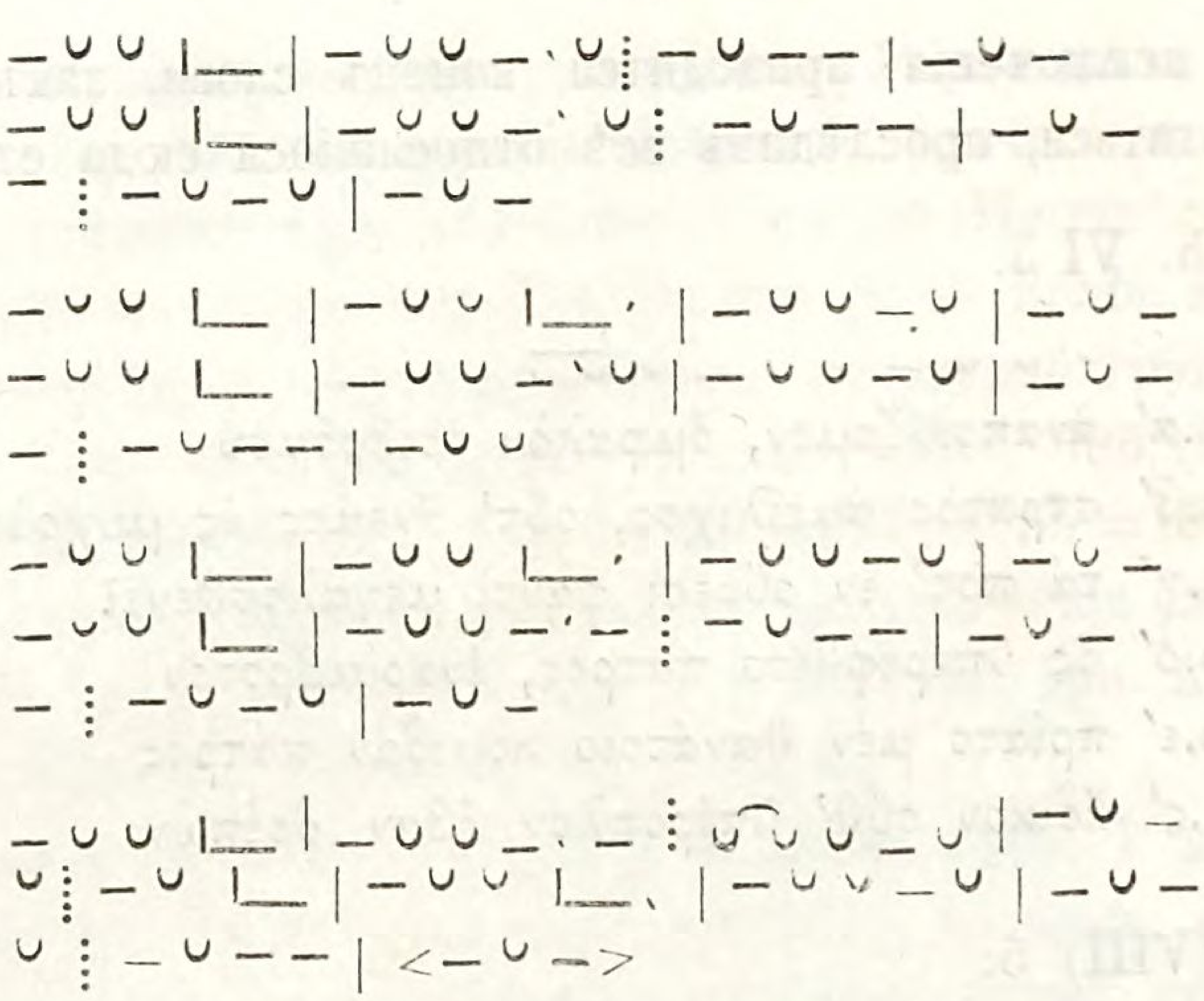
στρ. α′... Μοῖσαν. ἐκ μεγάλων δὲ πενθέων λυθέντες
στρ. β′... χρὴ δ' ἐν ἑπταπύλοισι Θήβαις τραφέντα
στρ. γ′... σώφρονές τ' ἐγένοντο πινυτοί τε θυμόν
στρ. δ′... παύσατε· βροτέων δὲ λεχέων τυχοῖσα
στρ. ε′... νεῦσαν ἀθανάτοισιν· ἐπέων δὲ καρπὸς
στρ. ς′... Αἴγιναν σφετέραν τε ῥίζαν πρόφανεν
στρ. ζ′... πατραδελφεοῦ· ἁλίκων τῷ τις ἁβρὸν

и Phoen. 208 и сл.

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑⏑
– – – ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ –

Ἰόνιον κατὰ πόντον ἐλά-
τᾳ πλεύσασα περιῤῥύτων

Изъ того, что окончаніе слова въ большинствѣ указанныхъ стиховъ приходится на одно и то-же мѣсто, мы можемъ, принявъ также въ соображеніе и аналогичное построеніе стиха Pyth. VI 6, вывести то заключеніе, что въ нихъ съ концомъ слова совпадаетъ конецъ члена. Если же мы разсмотримъ формы, какія принимаетъ стопа, части которой принадлежатъ двумъ различнымъ членамъ, то замѣтимъ, что онѣ допускаютъ нѣкоторое разнообразіе, не смотря на соотвѣтствіе въ формахъ другихъ стопъ, даже въ строфахъ монодической лирики. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, разсмотрѣвъ схему Anacr. fr. 21:

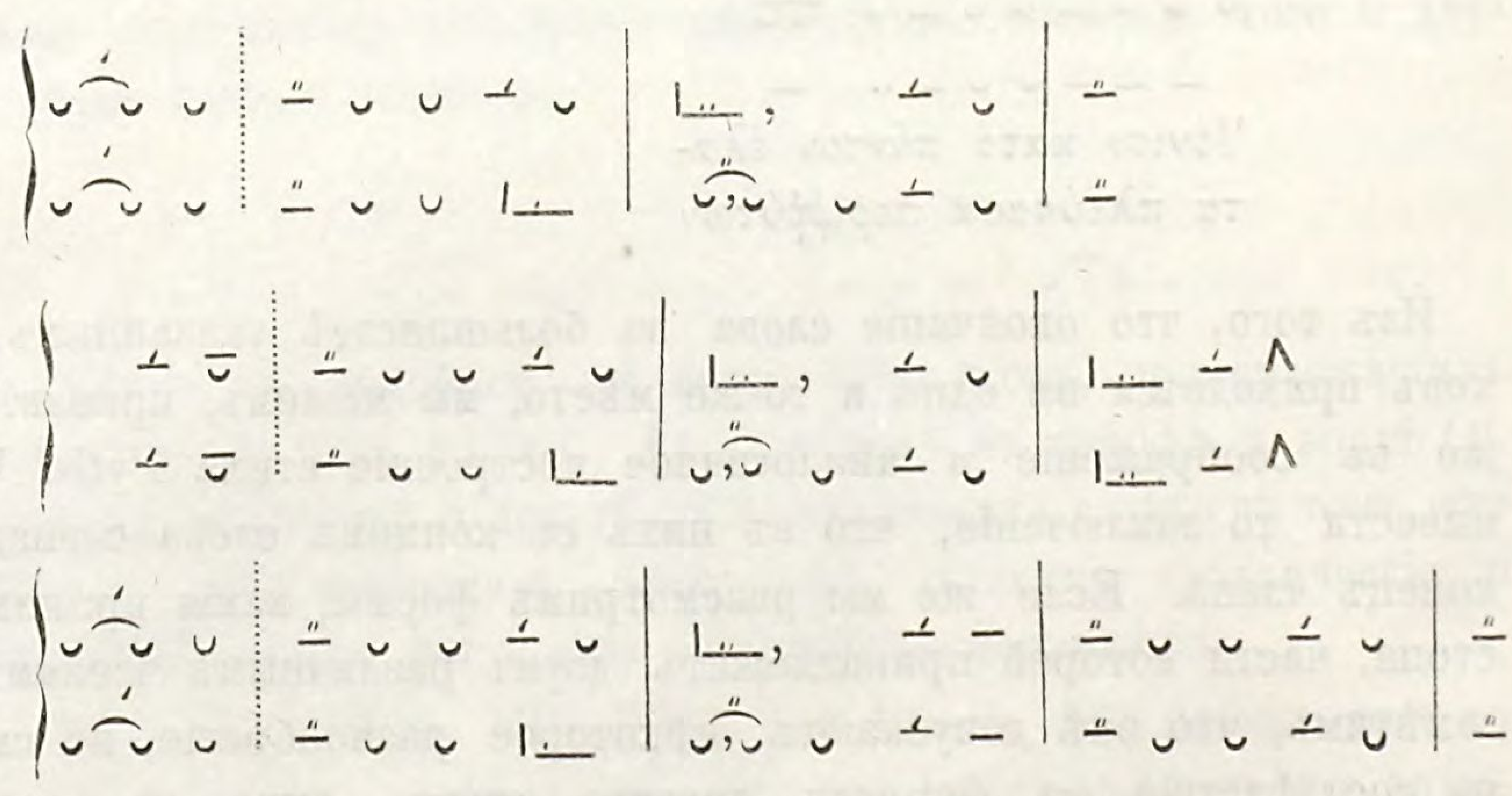

Изъ схемы этого фрагмента видно, что арзисъ стопы, находящейся на границѣ между двумя членами не только выражается какъ долгимъ, такъ и короткимъ слогомъ, но даже можетъ и совсѣмъ не быть выраженнымъ особымъ слогомъ. Имѣя въ виду эту свободу, можно предположить, что и въ разсматриваемыхъ нами стихахъ пограничная стопа выражалась то однимъ долгимъ слогомъ, заключающимъ въ себѣ три χρ. πρ., то тремя краткими слогами, и что въ связи съ этимъ колебаніемъ предшествующая стопа то являлась въ формѣ трохея, то въ формѣ χρ. τρίσημος:

Pyth. VI 3.

Isth. VII (VIII) 5.

Phoen. 208.

Г. Шмидтъ, избѣгая необходимости допускать распущеніе долгаго слога, замѣняющаго цѣлую стопу, предполагаетъ, что четвертая

стопа въ Pyth. VI 3 и Ist. VII (VIII) 5 принимаетъ такую форму ⏑́ ⏑⏑ съ синкопическимъ удареніемъ на краткомъ слогѣ (Die Kunstform. d. gr. Poes. III стр. 29). Но стопа съ такимъ удареніемъ возможна только тогда, если она составляетъ базисъ и, слѣдовательно, носитъ на себѣ обязательно второстепенное ритмическое удареніе, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ на нее должно падать главное ритмическое удареніе.

Россбахъ дѣлаетъ предположеніе, что вообще, когда долгій слогъ, замѣняющій собой цѣлую стопу, является въ распущенномъ видѣ, то недостающее количество времени въ такомъ случаѣ восполняется посредствомъ паузы, которая является непосредственно передъ или послѣ одного изъ краткихъ слоговъ, замѣняющихъ долгій слогъ, сообразно съ тѣмъ, гдѣ это позволяетъ окончаніе слова (Gr. Metr[3]. стр. 604). Но такое тѣсное соединеніе между собою двухъ членовъ, при которомъ на границѣ между ними конецъ слова падаетъ не всегда на одно и то же мѣсто, повидимому, исключаетъ возможность предполагать какую либо остановку голоса.

Изъ первой группы теперь остаются неразсмотрѣнными нами только четыре случая: Hel. (1348—1349=)1364—1365

— — ⋮ — ⏑ ⏑ — ⏑ | ⏑⏑ ⏑
— — ⋮ — ⏑ ⏑ — ⏑ | —

βακχεύουσά τ' ἔθειρα Βρομί-
ῳ καὶ παννυχίδες θεᾶς

но если мы допустимъ, что -α въ окончаніи слова ἔθειρα долго по положенію, и отнесемъ конецъ перваго стиха на одинъ слогъ далѣе, что подтверждаетъ окончаніе слова на томъ же мѣстѣ въ соотвѣтствующемъ стихѣ антистрофы, то избѣгнемъ необходимости предполагать распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., и достигнемъ болѣе полнаго соотвѣтствія между строфой и антистрофой:

— — ⋮ — ⏑ ⏑ — | — ⏑ ⏑ —
— ⋮ — ⏑ ⏑ — ⏑ | —

στρ. καλλίστα τότε πρώτα μακάρων
Κύπρις· γέλασέν τε θεὰ

ἀντ. βακχεύουσά τ' ἔθειρα Βρομίῳ
καὶ παννυχίδες θεᾶς

Hipp. 147(=157)

⏑ ⋮ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑͡⏑ – ⏑ ⏑ – – –

στρ. ἀνίερος ἀθύτων πελάνων τρύχῃ
ἀντ. λιμένα τὸν εὐξεινότατον ναύταις

но Вейль возстановляетъ соотвѣтствіе между схемою стиха въ строфѣ и антистрофѣ и устраняетъ необходимость допускать въ стихѣ строфы распущеніе долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., измѣнивъ ἀνίερος въ ἀνίρων и ἀθύτων въ ἄθυτος и поставивъ эти слова одно на мѣсто другого:

⏑ ⏑͡⏑ ⏑ – | – ⏑ ⏑ – | –

ἄθυτος ἀνίρων πελάνων τρύχει

Hel. 336

⏑ ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ ⏑͡⏑ ⏑ | ⏑
– ⏑ ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ –

τίν' ἄρα τάλαινα τίνα δακρυό-
εντα λόγον ἀκούσομαι

въ этимъ стихѣ мы достигнемъ тѣхъ же результатовъ, что и въ предшествующемъ, если вмѣстѣ съ Германомъ перемѣнимъ мѣстами слова δακρυόεντα и λόγον:

⏑ ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ | ⏑͡⏑ ⏑ –
– ⏑ ⏑ – ⏑ | –

τίν' ἄρα τάλαινα τίνα λόγον
δακρυόεντ' ἀκούσομαι

Ion 799

– ⏑ – ⏑ – ⏑ | ⏑͡⏑ – ⏑ –

οἷον οἷον ἄλγος ἔπαθον, φίλαι

но этотъ стихъ представляетъ изъ себя соединеніе или двухъ гиподохміевъ:

– ⏑ – ⏑ – | ⏑͡⏑ – ⏑ –

о ритмическомъ значеніи которыхъ ср. ниже, или двухъ усѣченныхъ трохаическихъ триподій:

– ᴗ – ᴗ ⊔ ᴗ͡ᴗ ᴗ – ᴗ – ∧

Такимъ образомъ и въ этомъ стихѣ намъ нѣтъ необходимости допускать распущенія долгаго слога, заключающаго въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ.

Еще менѣе трудно избѣжать необходимости допустить распущеніе долгаго слога, который заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., по отношенію къ примѣрамъ, принадлежащимъ ко второй группѣ.

Два слѣдующихъ стиха

Or. 999

ἐγένετο τέρας ὀλοὸν ὀλοὸν

и Tr. 565

νεανίδων στέφανον ἔφερεν

представляютъ два неусѣченныхъ ямбическихъ диметра:

ᴗ ᴗ͞ᴗ ᴗ ᴗ͞ᴗ | ᴗ ᴗ͡ᴗ ᴗ ᴗ͡ᴗ |

въ которыхъ съ точки зрѣнія древней метрики всѣ части стопъ были выражены слогами; съ современной точки зрѣнія мы должны первый слогъ въ нихъ отдѣлить въ качествѣ анакрузиса и соотвѣтственно съ этимъ восполнить въ концѣ одинъ χρ. πρ. посредствомъ паузы, допущеніе которой въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не представляетъ затрудненія.

Во всѣхъ остальныхъ стихахъ, относящихся ко второй группѣ, Al. 395 (396 N)

προλιποῦσα δ' ἀμὸν βίον

Ion. 463(=483)

στρ. παρὰ χορευομένῳ τρίποδι
ἀντ. δορί τε γᾷ πατρίᾳ φέρει

Iph. Taur. 1089=1106

στρ. ὄρνις, ἃ παρὰ πετρίνας
ἀντ. ὦ πολλαὶ δακρύων λιβάδες

Iph. Aul. 1054 и 1055=1076 и 1076

στρ. παρὰ δὲ λευκοφαῆ ψάμαθον
εἱλισσόμεναι κύκλια
ἀντ. μακάριον τότε δαίμονες
τᾶς εὐπάτριδος γάμον

точно также, какъ и въ указываемыхъ Кристомъ для сравненія съ ними примѣрахъ (за исключеніемъ только одного):

Supl. 971

ὑπολελειμμένα μοι δάκρυα

Hippol. 549=559

στρ. ζεύξασ᾽ ἀπ᾽ Εὐριτίων, δρομάδα
ἀντ. βροντᾷ γὰρ ἀμφιπύρῳ τοκάδα

Hel. 1314=1332

στρ. μέτα κοῦραι ἀελλόποδες
ἀντ. πόλεων δ᾽ ἐπέλειπε βίος

Iph. Aul. 180=201.

στρ. Πάρις ὁ βουκόλος ἂν ἔλαβε
ἀντ. παρὰ δὲ Μηριόνην, Ἄρεος

ib. 574 (573 N)

ἔμολες, ὦ Πάρις, ἦτε σύ γε

ib. 580 (579 N)

εὔθηλοι δὲ τρέφοντο βόες

ib. 796

φάτις ἐτήτυμος, ὡς ἔτεκε [1])

Ar. Thesm. 1149

πότνιαι, ἄλσος ἐς ὑμέτερον

[1]) ἐτήτυμος Германъ: ἔτυμος

ничто не мѣшаетъ намъ, принявъ послѣдній слогъ за безразличный, признавать, что предпослѣдняя стопа представляетъ изъ себя киклическій дактиль. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такому дактилю въ параллельномъ стихѣ соотвѣтствуетъ трохей, но чередованіе двухъ этихъ стопъ не должно насъ удивлять, такъ какъ мы находимъ его и въ другихъ случаяхъ, ср. Anacr. fr. 21; Soph. Phil. 1138=1161; Ar. Lys. 326=340.

Ритмическое значеніе Ar. Thesm. 1156:

Θεσμοφόρω πολυποτνία

въ которомъ Кристъ принимаетъ послѣдній слогъ за краткій, такъ какъ слѣдующее слово начинается непосредственно съ гласнаго звука, въ дѣйствительности таково:

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ⏓ ∧

и потому намъ нѣтъ нужды допускать въ немъ незаконнаго распущенія долгаго слога.

Число и расположеніе удареній въ дохміи. Сколько удареній слышали въ дохміи древніе, мы не знаемъ и потому должны рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно.

Если мы представимъ себѣ непрерывный рядъ дохміевъ, то увидимъ, что за двумя долгими слогами каждаго дохмія обязательно слѣдуетъ краткій слогъ:

... ◡ — — ◡ —, ◡ — — ◡ —, ...

второй долгій слогъ сопровождается краткимъ слогомъ, принадлежащимъ къ одному и тому же съ нимъ дохмію, третій—, принадлежащимъ къ слѣдующему. Такъ какъ болѣе двухъ χρ. πρ. не можетъ оставаться безъ ритмическаго ударенія, то каждый изъ этихъ долгихъ слоговъ дохмія долженъ носить на себѣ ритмическое удареніе. Теперь намъ остается только рѣшить вопросъ, носитъ ли какое нибудь ритмическое удареніе первый долгій слогъ дохмія Если онъ не носитъ никакого, то можетъ подчиняться только ритмическому ударенію, лежащему на конечномъ слогѣ предыдущаго дохмія. Но въ такомъ случаѣ одному ритмическому ударенію будетъ подчинено пять χρ. πρ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что даже

стопа въ четыре χρ. πρ., если только всѣ они выражены краткими слогами, допускается въ однихъ анапестахъ, и то въ видѣ исключенія, не смотря на быстроту ἀγωγή, съ какой они исполняются. Объясненіе этого явленія состоитъ въ томъ, что силы одного ритмическаго ударенія едва хватало на то, чтобы подчинить себѣ при такомъ условіи четыре χρ. πρ., не говоря ужъ о пяти, въ какой бы схемѣ они ни являлись. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то необходимо должны будемъ допустить, что на первомъ долгомъ слогѣ дохмія лежитъ ритмическое удареніе. Такимъ образомъ каждый долгій слогъ дохмія носитъ на себѣ ритмическое удареніе:

$$\smile \; \acute{-} \; \acute{-} \; \smile \; \acute{-}$$

Но какова была относительная сила каждаго изъ трехъ этихъ ритмическихъ ударенiй?

Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны воспользоваться двоякаго рода данными: съ одной стороны, выводами, которые можно сдѣлать изъ нѣкоторыхъ показаній о дохміи, идущихъ изъ древности, съ другой стороны, соображеніями, которыя основываются на общемъ физіологическомъ законѣ, опредѣляющемъ мѣсто и относительную силу ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ долгихъ и короткихъ слоговъ. По этому закону болѣе сильное удареніе падаетъ на такой долгій слогъ, за которымъ слѣдуетъ краткій слогъ, чѣмъ на такой, за которымъ—долгій. Отсюда вытекаетъ, что въ дохміи самое слабое, т. е. третьестепенное, ритмическое удареніе приходится на первый долгій слогъ, такъ какъ за нимъ обязательно слѣдуетъ долгій слогъ.

Теперь намъ надобно опредѣлить, на которомъ изъ двухъ остальныхъ долгихъ слоговъ лежитъ главное ритмическое удареніе и на которомъ—второстепенное. Неизвѣстные ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M., дѣля дохмій на τριάς и πεντάς точно такъ же, какъ они дѣлятъ ямбъ на μονάς и δυάς, пеонъ—на τριάς и δυάς и эпитритъ—на τετράς и τριάς, очевидно, принимаютъ первую величину за арзисъ, вторую—за тезисъ. А такое дѣленіе дохмія на арзисъ и тезисъ возможно только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что на второмъ долгомъ слогѣ его лежитъ главное ритмическое удареніе. Въ подкрѣпленіе этого вывода можно указать еще

на то, что дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ, которое принадлежитъ метрикамъ, названнымъ у Аристида Квинтиліана οἱ συμπλέκοντες, по всей вѣроятности, также основывается на томъ, что главное ритмическое удареніе въ дохміи слышалось на второмъ долгомъ слогѣ.

Независимо отъ этихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, мы не можемъ доказать, что главное ритмическое удареніе въ дохміи лежало на второмъ долгомъ слогѣ его, но у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя косвеннымъ образомъ подтверждаютъ это. Въ пользу этого свидѣтельствуетъ слабость ритмическаго ударенія, лежащаго на первомъ долгомъ слогѣ дохмія. Если мы обратимся къ изслѣдованію формъ, въ которыхъ является дохмій, то въ нихъ также найдемъ подтвержденіе того, что главное ритмическое удареніе въ дохміи лежитъ на второмъ долгомъ слогѣ. Уже Энгеръ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что когда второй долгій слогъ дохмія замѣняется двумя краткими слогами, то первый слогъ также почти безъ исключенія подвергается распущенію. Объяснить это явленіе можно только стремленіемъ не ослабить силы главнаго ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ, что непремѣнно должно послѣдовать въ томъ случаѣ, если первый долгій слогъ не будетъ распущенъ на два краткихъ слога, а второй распущенъ. Этимъ же перевѣсомъ силы ритмическаго ударенія, лежащаго на второмъ долгомъ слогѣ дохмія, объясняется допущеніе сравнительно большаго количества случаевъ замѣны перваго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, чѣмъ второго. Такимъ образомъ дохмій есть стопа съ тремя ритмическими удареніями, различными по степени своей силы: на первомъ долгомъ слогѣ его лежитъ самое слабое ритмическое удареніе, на второмъ самое сильное, на третьемъ менѣе сильное:

$$\cup \ \acute{-} \ \overset{'''}{-} \ \cup \ \overset{''}{-}.$$

Если мы отдѣлимъ два первыхъ слога дохмія съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ въ качествѣ ποὺς ἀκέφαλος и взамѣнъ ихъ возьмемъ соотвѣтствующее число слоговъ отъ слѣдующаго, то дохмій въ чистомъ видѣ будетъ имѣть такую схему:

$$\overset{'''}{-} \ \cup \ \overset{''}{-} \ \cup \ \acute{-}.$$

Это вызываетъ вопросъ, не является ли гдѣ нибудь дохмій въ своемъ чистомъ видѣ такъ, какъ мы сейчасъ обозначили. Но предварительно я долженъ замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса пріобрѣтаетъ особенную трудность въ виду того, что дохмій въ такомъ видѣ по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ усѣченной на слогъ трохаической триподіи.

Обратимся сначала къ преданію, идущему изъ древности. Діомедъ, перечисляя формы пятисложныхъ стопъ, упоминаетъ о стопѣ съ такою схемой, какую имѣетъ чистый дохмій и называетъ ее hypodochmios. Если мы, во-первыхъ, припомнимъ, что это показаніе Діомеда черезъ Юбу можетъ быть связано съ Геліодоромъ и, во-вторыхъ, примемъ во вниманіе, что такую стопу ближе всего было бы назвать v. ithyphallicus catalecticus, еслибы она не имѣла никакого отношенія къ дохмію, то это показаніе Діомеда должно будетъ получить въ нашихъ глазахъ большой вѣсъ.

Посмотримъ теперь, не встрѣчаются ли примѣры гиподохмія въ дошедшихъ до нашего времени поэтическихъ текстахъ.

Въ дохмическомъ коммосѣ Eur. Jon. 763—799 заключительный стихъ таковъ:

— ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ —
οἷον οἷον ἄλγος ἔπαθον, φίλαι

Его можно было бы объяснить какъ соединеніе двухъ усѣченныхъ на слогъ трохаическихъ триподій, въ которыхъ недостающая часть третьей стопы должна быть восполнена посредствомъ протяженія въ одинъ χρ. πρ. или же въ послѣдней триподіи также посредствомъ такой же длины паузы, такъ что ритмическая схема этого стиха будетъ такова:

— ᴗ — ᴗ |⎯⎯ | ᴗ͡ᴗ ᴗ — ᴗ |⎯⎯

Это объясненіе было бы удовлетворительно, еслибы разсматриваемыя нами триподіи являлись въ качествѣ повторенія какихъ-нибудь предшествующихъ трохаическихъ или ямбическихъ стиховъ или служили переходомъ къ нимъ въ непосредственно слѣдующей лирической части. Но такъ какъ этотъ коммосъ за исключеніемъ двухъ стиховъ въ началѣ его и эпирремaтическихъ ямбическихъ триметровъ состоитъ изъ однихъ дохміевъ, и такъ какъ продолженіемъ

его служитъ діалогъ, то появленіе двухъ трохаическихъ триподій въ концѣ его представляется крайне подозрительнымъ, особенно если мы припомнимъ, во-первыхъ, что усѣченныя трохаическія триподіи и всякіе трохаическіе триметры вообще встрѣчаются очень рѣдко и, во-вторыхъ, что ямбы и трохеи, входящіе въ составъ дохмическихъ строфъ обыкновенно дѣлятся на диподіи. Поэтому сама собой приходитъ въ голову мысль, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ только кажущіяся усѣченныя трохаическія триподіи, которыя въ дѣйствительности представляютъ сочетаніе, состоящее изъ двухъ гиподохміевъ или дохміевъ въ чистомъ видѣ. Если это предположеніе справедливо, то разсматриваемый стихъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ двумя дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ, которые ему предшествуютъ въ той же системѣ:

⏑ ⏑͡⏑ ⋮ – ⏓ – ⏓ ⏑͡⏑ | – ⏓ –
⏓ – ⋮ – ⏑ – ⏓ ⏑͡⏑ | – ⏑ – ∧ ∧̄
– ⏑ – ⏑ – | ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ –

или, если мы предпочитаемъ представлять два предпослѣднихъ стиха за дохмическій диметръ, которому предшествуетъ и за которымъ слѣдуетъ монометръ, то тогда заключительный стихъ оказывается повтореніемъ предшествующаго ему диметра, который отдѣленъ отъ него монометромъ:

⏑ ⏑͡⏑ ⋮ – ⏓ –
⏓ ⏑͡⏑ ⋮ – ⏓ – ⏓ – | – ⏑ –
⏓ ⏑͡⏑ ⋮ – ⏑ – ∧ ∧̄
– ⏑ – ⏑ – | ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ –

образуя несравненно болѣе подходящее заключеніе всей лирической части, чѣмъ состоящій изъ двухъ трохаическихъ триподій членъ, который заставляетъ предположить въ самомъ концѣ строфы ничѣмъ не мотивированную перемѣну ритмическаго движенія.

Трудно помириться также съ составомъ стиха Eur. Or. 140=152

– ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ –
стр. σῖγα σῖγα, λεπτὸν ἴχνος ἀρβύλης
ἀντ. πῶς ἔχει; λόγου μετάδος, ὦ φίλα

если предположить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, что онъ представляетъ сочетаніе двухъ усѣченныхъ трохаическихъ триподій, такъ какъ во всей строфѣ, которая имъ открывается, нѣтъ ни одного трохаическаго или ямбическаго стиха, да и вообще никакого элемента, принадлежащаго по своимъ стопамъ къ иному γένος ῥυθμοῦ, чѣмъ дохміи—стихъ 145=158 представляетъ, какъ мнѣ кажется, одно изъ видоизмѣненій дохмія. Правда, въ слѣдующей строфѣ мы находимъ ямбическіе и трохаическіе стихи въ соединеніи съ дохміями, но они совершенно явственно дѣлятся на диподіи, и потому едвали возможно ставить въ соотвѣтствіе съ ними двѣ одинокихъ трохаическихъ триподіи въ началѣ предшествующей строфы. Еслибы существовала такая связь между этими двумя строфами, то разсматриваемыя нами триподіи находились бы не въ началѣ первой строфы, а въ концѣ ея, служа переходомъ къ послѣдующему. Поэтому весьма естественно предположить, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сочетаніемъ только кажущихся трохаическихъ триподій, но что на самомъ дѣлѣ данный стихъ представляетъ дохмическій диметръ въ чистомъ видѣ и находится въ соотвѣтствіи съ послѣдующими дохмическими диметрами въ обыкновенной формѣ. Схема въ первой части строфы, начало которой составляетъ данный стихъ, такова:

– ⏑ – ⏑ – | ⏑‿⏑ ⏑ – ⏑ – | ∧ ∧ ∧
⏑ ⏑‿⏑ ⋮ – ⏓ – ⏓ ⏑⏑ | – ⏑ –
⏑ ⏑‿⏑ ⋮ – ⏑ – ⏑ ⏑‿⏑ | – ⏓ –
⏑ – ⋮ – ⏑ –

Хотя ни въ одномъ изъ приведенныхъ мною дохмическихъ диметровъ въ чистой формѣ третій долгій слогъ перваго дохмія не распущенъ на два такихъ краткихъ слога, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ послѣдній приходился бы на начало или средину слова, и первый краткій слогъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, какъ это требовалось бы для полноты доказательства того, что моя догадка вѣрна, однако я думаю, что и тѣ доводы, которые я привелъ, подкрѣпляютъ ее въ достаточной степени.

Примѣняя къ дохмію нормы современной ритмики, мы должны признать его за одну изъ формъ двухдольнаго такта. Если мы возьмемъ другую форму того же такта, которой въ древней ритмикѣ

соотвѣтствуетъ дактилическая и анапестическая диподія (тактъ $^4/_4$), и сравнимъ ихъ между собою, то найдемъ, что отношеніе между ними будетъ приблизительно такое же, какъ между двумя формами трехдольныхъ тактовъ—$^6/_8$ и $^3/_4$, изъ которыхъ первому въ древней ритмикѣ соотвѣтствуетъ трохаическая диподія, второму—стопа іоника. Число χρ. πρ. и мѣсто главнаго ритмическаго ударенія въ той и другой стопѣ одинаково; разница существуетъ только въ числѣ и расположеніи второстепенныхъ ритмическихъ удареній. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ въ іоникѣ всѣ долгіе слоги распущенными, то ритмическія ударенія въ немъ распредѣлятся слѣдующимъ образомъ:

◡̋◡ ◡̋◡ ◡́ ◡

Въ трохаической диподіи, замѣняющей его при превращеніи (ἀνάκλασις), они падаютъ уже не черезъ одинъ слогъ, а черезъ два и потому ихъ оказывается однимъ меньше:

◡̋◡ ◡ ◡́◡ ◡

Приблизительно то же самое мы найдемъ, если представимъ распущенными всѣ долгіе слоги дохмія:

◡̋◡ ◡ ◡̋◡ ◡ ◡́◡

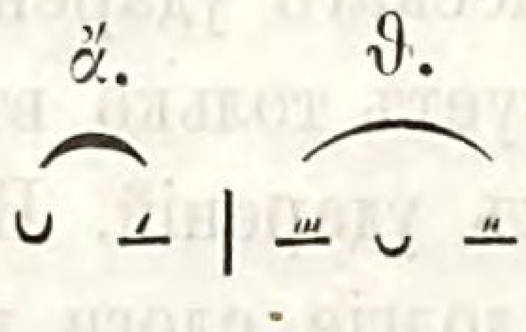
и затѣмъ дактилической диподіи:

◡̋◡ ◡◡ ◡́◡ ◡◡

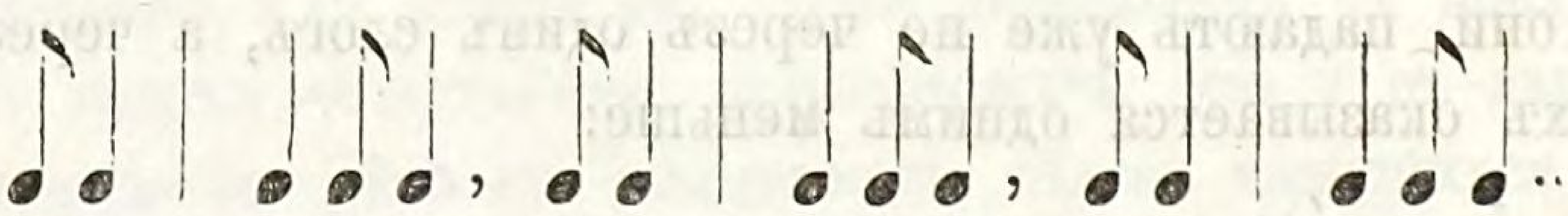
Родство между нисходящимъ іоникомъ и трохаической диподіей, какъ извѣстно, доходитъ до того, что трохаическая диподія при превращеніи заступаетъ мѣсто іоника. Чередованія дохмія съ дактилической диподіей мы не находимъ, но близость между ними доказываетъ тотъ фактъ, что такъ называемые лирическіе анапесты иногда имѣютъ въ своемъ составѣ отдѣльно стоящіе дохміи, напр. Eur. Hec. 154—215, Ion. 859—922. Еслибы между анапестами и дохміями не было никакого родства по счету, то трудно было бы объяснить такое странное нарушеніе общаго ритмическаго движенія въ цѣломъ ряду системъ посредствомъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга отдѣльныхъ тактовъ.

Тезисъ и арзисъ дохмія. Теперь, когда намъ извѣстно, какъ дѣлили дохмій на его χρόνοι ποδικοί неизвѣстные ритмики схолій

къ Гефестіону и Etym. M., и какъ въ немъ расположены ритмическія ударенія всѣхъ трехъ степеней, мы можемъ прямо сказать, что арзисъ дохмія состоитъ изъ трехъ χρ. πρ., заключающихся въ двухъ первыхъ его слогахъ, тезисъ же изъ пяти, заключающихся въ трехъ остальныхъ слогахъ его:

Дохмій съ современной точки зрѣнія. Если мы захотимъ изобразить дохмій посредствомъ современныхъ нотныхъ знаковъ, то, отожествивъ краткій слогъ съ одной восьмой ноты, долгій—съ четвертью, должны будемъ представить рядъ дохміевъ въ слѣдующемъ видѣ:

Счетъ въ такихъ тактахъ можетъ быть обозначенъ посредствомъ $^{8}/_{8}$. Правда, современная намъ музыкальная ритмика не знаетъ такого такта, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы не должны были допускать его и въ древней. Вообще надобно замѣтить, что ритмика музыки новѣйшаго времени отличается замѣчательной бѣдностью своихъ формъ сравнительно съ древней. Счетъ $^{5}/_{4}$, который мы находимъ въ дорической лирикѣ и особенно часто въ аттической комедіи, въ современныхъ намъ музыкальныхъ произведеніяхъ является только со времени Глинки, который заимствовалъ его изъ русской народной пѣсни. Если отъ отдѣльныхъ тактовъ мы перейдемъ къ болѣе крупнымъ ритмическимъ величинамъ, то найдемъ здѣсь то же самое: ритмическіе члены (κῶλα) въ огромномъ большинствѣ случаевъ образуются сочетаніемъ тактовъ по два, періоды—по четыре, тогда какъ у Грековъ въ этомъ отношеніи было гораздо болѣе разнообразія.

§ 3.

Теоріи дохмія, выставленныя въ новое время.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время.

А. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи перемѣну ритмическаго движенія, *дѣлятъ его* а) *на бакхій и ямбъ:* Россбахъ.—Беллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.—b) *на ямбъ и кретикъ*: Бёкъ.—Мункъ.—Лортцингъ.—Лёшгорнъ.—c) *признаютъ возможнымъ дѣлить его тѣмъ и другимъ способомъ*: Цезарь.

В. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, *относятъ его къ разряду* а) *антиспастовъ*: Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ. — Фритче.—b) *ямбовъ*: Гольдманъ. — Шулльце.—Пикель.—c) *трохеевъ*: Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхіевъ*: Бергкъ.—Вестфаль.—e) *пеоновъ*: Штейгеръ.—f) *признаютъ за самобытную стопу*: Мейсснеръ.—М. Шмидтъ.—Кристъ.—Древесъ.—Клотцъ.

Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время. Едвали найдется въ метрикѣ обоихъ классическихъ языковъ другой размѣръ, который вызвалъ бы столько самыхъ разнообразныхъ попытокъ уяснить его ритмическое значеніе, какъ дохмій. Но, не смотря на разнообразіе этихъ попытокъ, всѣ онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ тѣмъ, признается ли дохмій за сложную стопу, въ предѣлахъ которой происходитъ перемѣна ритмическаго движенія (μεταβολὴ ῥυθμοῦ), вызванная тѣмъ, что простыя стопы, образующія сложную, принадлежатъ къ двумъ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, или же—за такую ритмическую величину, внутри которой эта перемѣна ритмическаго движенія не допускается. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ въ свою очередь возможно установить нѣсколько болѣе мелкихъ подраздѣленій.

Теоріи, принадлежащія къ первой группѣ, идутъ въ двухъ направленіяхъ: однѣ изъ нихъ дѣлятъ дохмій на бакхій и ямбъ, другія—на ямбъ и кретикъ. Россбахъ и Вестфаль первые признали дохмій за сочетаніе бакхія съ ямбомъ уже въ первомъ изданіи своей метрики. Къ нимъ примкнули Беллерманъ, Грабовъ, Диндорфъ

и Г. Шмидтъ. Впослѣдствіи, правда, Вестфаль отказался отъ этой теоріи, но его сотрудникъ Россбахъ, дѣлая нѣкоторыя уступки новой теоріи Вестфаля, держится прежней. Представителями второго направленія служатъ Бёкъ, Мункъ, Лортцингъ и Лёшгорнъ. То и другое направленіе сливается въ теоріи Цезаря, который полагаетъ, что дохмій по своему составу бываетъ двоякимъ: въ однихъ случаяхъ онъ представляетъ такую сложную стопу, которая дѣлится на ямбъ и кретикъ, въ другихъ—такую, которая распадается на бакхій и ямбъ.

Во второй группѣ являются слѣдующія подраздѣленія: по однѣмъ изъ теорій, принадлежащихъ сюда, дохмій относится къ разряду антиспастовъ, по другимъ—къ разряду ямбовъ, по третьимъ—къ разряду бакхіевъ, по пятымъ—къ разряду пеоновъ, по шестымъ онъ представляетъ изъ себя самобытную стопу. Къ антиспастамъ причисляютъ дохмій Германъ, Зейдлеръ, фонъ-Леутшъ и Фритче. Въ теоріяхъ этихъ ученыхъ есть одна общая имъ всѣмъ черта, которая состоитъ въ томъ, что онѣ вводятъ въ составъ дохмія arsis nuda т. е. такой арзисъ, который заступаетъ мѣсто цѣлой стопы безъ всякаго возмѣщенія недостающаго при немъ тезиса посредствомъ протяженія или паузы. Ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, видятъ въ дохміи Гольдманъ, Шулльце и Пикель. Первый изъ этихъ ученыхъ, допуская въ дохміи arsis nuda, стоитъ еще на точкѣ зрѣнія старой метрической школы, хотя его работа вышла изъ печати уже послѣ появленія ритмики и метрики Россбаха и Вестфаля, которые показали, что недостающій въ стопѣ тезисъ (слабая часть стопы) необходимо восполняется протяженіемъ арзиса той же стопы или паузой. Къ этому направленію близко стоитъ Брамбахъ и его послѣдователь Фогельманъ, которые признаютъ дохмій за трохаическую триподію съ синкопическимъ удареніемъ на первой стопѣ. Горячимъ защитникомъ мимоходомъ высказанной Бергкомъ мысли, что дохмій представляетъ изъ себя усѣченную на слогъ бакхическую диподію, является Вестфаль, который усвоилъ ее со второго тома своей Theorie der musikalischen Künste der Hellenen во второмъ изданіи этого сочиненія и поддерживаетъ до сихъ поръ. Попытка объяснить дохмій какъ пеоническій монометръ съ анакрузисомъ въ формѣ ямба сдѣлана Штейгеромъ. Наибольшею оригинальностью въ обѣихъ группахъ отличается напра-

вленіе, представители котораго признаютъ дохмій за самобытную стопу. Сюда относятся слѣдующіе ученые: Мейсснеръ, М. Шмидтъ, Кристъ, Древесъ и Клотцъ.

А.

а) Теоріи, принимающія дохмій за сочетаніе бакхія съ ямбомъ. Взглядъ на дохмій какъ на ритмическую величину, состоящую изъ бакхія и ямба, впервые былъ высказанъ въ новое время въ Griechische Metrik Россбаха и Вестфаля (1856) и затѣмъ удержанъ *Россбахомъ* въ третьемъ изданіи ея (1889), которое было обработано уже имъ однимъ.

Объяснивъ въ этой послѣдней обработкѣ своего сочиненія (Griechische Metrik[3]), на чемъ основано дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι, и указавъ, что въ дохміи заключается восемь χρ. πρ., этотъ ученый на основаніи показанія М. Фабія Квинтиліана, Аристида Квинтиліана и схолій на Гефестіона опредѣляетъ ритмическое значеніе дохмія слѣдующимъ образомъ: der Dochmius gilt als ein ῥυθμὸς μεταβάλλων, der aus zwei verschiedenen Rhythmengeschlechtern, dem päonischen und diplasischen, zusammengetzt ist (стр. 761 и сл.). Но такъ какъ это опредѣленіе слишкомъ обще и даетъ возможность дѣлить дохмій на бакхій и ямбъ точно такъ же, какъ на ямбъ и кретикъ, то Россбахъ, отвергнувъ вторую комбинацію на томъ основаніи, что въ кретикѣ краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ соотвѣтствующій ему слогъ въ дохміи допускаетъ такую замѣну, переходитъ къ первой и продолжаетъ такъ: Wir haben demnach den Dochmius als die Zusammensetzung eines Bakchius mit einem Jambus auzusehen; durch die Zusammensetzung beider Füsse entsteht ein Taktwechsel, μεταβολὴ κατὰ γένος, indem auf einen fünfzeitigen päonischen ein dreizeitiger diplasischer Takt folgt; beide Füsse werden einem gemeinschaftlichen Hauptictus unterworfen, denn sonst könnten sie nicht als die beiden ἀριθμοί Eines Rhythmus angesehen werden, aber sie behaupten zugleich ihre Selbstständigkeit als verschiedene Takte, und deshalb lässt sowohl der Bakchius wie der Jambus die Irrationalität der anlautenden Thesis zu:

⏑̱ –̋ – ⏑̄ –́
bakchius iambus (стр. 762).

Но въ виду того, что Вестфаль въ Griechische Rhythmik[3] принимаетъ дохмій за усѣченную бакхическую диподію, Россбахъ, желая до нѣкоторой степени смягчить противорѣчіе между собой и Вестфалемъ, дѣлаетъ предположеніе, что дохмій могъ исполняться двоякимъ образомъ: въ хоровой лирикѣ въ качествѣ усѣченной на слогъ бакхической диподіи, въ трагедіи же, сообразно съ ея болѣе страстнымъ характеромъ,—въ качествѣ ῥυθμὸς μεταβάλλων, отличаясь почти неограниченной подвижностью своей формы.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Griechische Metrik Россбаха и Вестфаля въ первомъ изданіи ея находятся нѣсколько страницъ, посвященныхъ дохмію, въ рѣчи *Беллермана* De metris Sophoclis veterum doctrina explicandis (1864). Начинаетъ Беллерманъ такъ же, какъ Россбахъ и Вестфаль съ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ показаній древнихъ о дохміи, изъ которыхъ выводитъ, что дохмій заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ. и состоитъ изъ двухъ стопъ: одной, принадлежащей къ γ. ἡμιόλιον, другой,—къ γένος διπλάσιον. Затѣмъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли выше, возможны двѣ комбинаціи, то Беллерманъ разсматриваетъ каждую изъ нихъ порознь и приходитъ къ тому заключенію, что изъ ямба и кретика дохмій не можетъ состоять въ виду непосредственнаго столкновенія арзисовъ двухъ стопъ. Возраженіе противъ этого, заключающееся въ томъ, что ямбъ въ данномъ случаѣ является въ качествѣ тезиса, а кретикъ—арзиса сложной стопы, Беллерманъ опровергаетъ, ссылаясь на Аристоксена, который учитъ, что простыя стопы, входящія въ составъ сложной, въ свою очередь дѣлятся на арзисъ и тезисъ; единственный исходъ, возможный при такомъ дѣленіи дохмія на составныя части, заключается въ томъ, чтобы восполнить недостающій тезисъ посредствомъ протяженія; а это въ свою очередь влечетъ за собою увеличеніе числа χρ. πρ. въ дохміи, которое не можетъ быть допущено, если только мы хотимъ оставаться вѣрными показаніямъ древнихъ. Послѣ этого Беллерманъ переходитъ къ другой комбинаціи и говоритъ относительно ея слѣдующее: In qua facile perspicitur ab omnibus illis difficultatibus pedem esse liberum, sed commode et ὀκτάσημον et σύνθετον posse legi, cum bacchius generi hemiolio ascriptus certe disemas longas habeat. Sed aliae sunt dubitationes, quae a nonnullis moventur ad labefactandam hanc mensuram (стр. 25). Сомнѣнія эти разрѣшаются полеми-

кой, направленной главнымъ образомъ противъ Вестфаля и Цезаря, взгляды которыхъ не сходятся со взглядами Беллермана. Но для насъ изъ этой полемики имѣетъ значеніе только слѣдующее мѣсто, опредѣляющее положеніе и относительную силу ритмическихъ удареній въ дохміи: in secunda syllaba, подр. dochmii, ictum primarium volumus esse, totumque bacchium esse pro arsi, iambum pro thesi, sic: ⏑ ⏗ – | ⏑ ⏗. Et quamquam, ut supra diximus, hic iam-

arsis thesis

bus, qui pro thesi est, ipse quoque percussione rhythmica in duas partes dirimitur, ut suam arsim et thesim in se habeat, tamen secundae dochmii syllabae accentu maiore pronuntiandae totus rhythmus quasi subiectus est, hoc modo: ⏑ ⏗ – | ⏑ ⏗ (стр. 27). Въ заключеніе Беллерманъ переходитъ къ такимъ формамъ дохмія, въ которыхъ взамѣнъ краткаго слога является ирраціональный долгій, ⏑̄ – – ⏑̄ – и въ существованіи ихъ видитъ важное подтвержденіе своей собственной теоріи: Nam quarta syllaba quomodo potuerit produci haud facile intellegitur, si illa cretici esse putatur, sin autem iambi est prior syllaba, res plane ac facile expeditur (стр. 28 и сл).

Опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, которое даетъ *Грабовъ* въ своей диссертаціи Numeri dochmiaci usus Sophoclis (1869) представляетъ компиляцію того матеріала, который онъ нашелъ у Россбаха и Вестфаля въ Griechische Metrik, съ одной стороны, и у Беллермана, съ другой.

Начинаетъ Грабовъ съ того, что высказываетъ такой взглядъ на дохмій: inter omnes constat eum (т. е. dochmium) non simplicem esse rhythmum, sed e genere duplici atque sescuplici compositum (стр. 1) и подкрѣпляетъ его одинаковыми съ Россбахомъ и Беллерманомъ показаніями древнихъ. Но дохмій допускаетъ двоякую комбинацію въ дѣленіи на стопы, принадлежащія къ этимъ γένη ῥυθμοῦ, и можетъ быть разлененъ или на ямбъ и кретикъ ⏑ – | – ⏑ – или на бакхій и ямбъ ⏑ – – | ⏑ –. Однако первая комбинація оказывается несостоятельной, такъ какъ, допуская ее, мы должны предположить протяженіе перваго долгаго слога или паузу послѣ него для того, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія тезисовъ двухъ стопъ, чего не допускаетъ ученіе Аристида Квинтиліана объ арзисѣ и тезисѣ; далѣе, вслѣдствіе этого дохмій сдѣлается ῥυθμὸς ἐννεάσημος, тогда какъ, по свидѣтельству древнихъ, онъ есть ῥυθμὸς ὀκτάσημος. Прав-

да, при замѣнѣ одного изъ краткихъ слоговъ дохмія ирраціональнымъ долгимъ, пожалуй, можетъ показаться, что дохмій тоже заключаетъ въ себѣ девять χρ. πρ., а при замѣнѣ обоихъ краткихъ слоговъ ирраціональными долгими—и всѣ десять, однако мы должны помнить, что ирраціональный долгій слогъ только на половину болѣе краткаго слога, заключающаго въ себѣ одинъ χρ. πρ., и что употребленіе ирраціональной стопы не влечетъ за собою μεταβολή ῥυθμοῦ κατὰ γένος, а только нѣкоторое замедленіе въ исполненіи ирраціональной стопы. Вторая причина, по которой мы не можемъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ, заключается въ томъ, что кретикъ не допускаетъ замѣны своего краткаго слога ирраціональнымъ долгимъ. Принимать этотъ кретикъ за сложную стопу, состоящую изъ пиррихія и трохея или ямба, или за усѣченную на слогъ трохаическую диподію или двойную моноподію также нельзя, не впадая въ противорѣчіе или съ показаніями древнихъ метриковъ или ритмическими явленіями, наблюдаемыми въ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстахъ. Такимъ образомъ намъ остается только признать, что дохмій представляетъ соединеніе бакхія съ ямбомъ, вслѣдствіе чего мы избѣгаемъ тѣхъ затрудненій, въ которыя попадаемъ, принимая дохмій за ямбъ и кретикъ: nam cum bachii arsis in secunda syllaba, iambi in ultima posita sit, ⏑ ⏗ – | ⏑ ⏗, arsium concursus vitatur; et cum prima utriusque pedis syllaba anceps esse possit; ⏓ ⏗ – | ⏓ ⏗, irrationalis dochmii forma commodissime exponitur (стр. 6). Возраженіе, которое заключается въ томъ, что бакхій будто бы встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ дохміи являются въ древней драмѣ весьма часто, опровергается ссылкой на схоліи къ Гефестіону и на Софокла, у котораго встрѣчаются реальные примѣры употребленія бакхіевъ.

Диндорфъ въ той главѣ своихъ Prolegomena къ Poetarum scenicorum Graecorum, Aeschyli, Sophoclis, Euripidis et Aristophanis fabulae superstites (1869), которая озаглавлена: De metris poetarum scenicorum, посвящаетъ дохмію цѣлый отдѣлъ, но о ритмическомъ значеніи его говоритъ только слѣдующее: Metrum dochmiacum ex bacchio et iambo est compositum ⏑ ⏗ – ⏑ ⏗, anacrusi utraque ancipite, ultima syllaba vel longa vel in pyrrhichium soluta ubi numeris continuatur, ancipite ubi non continuatur, duabus primis vero arsibus, modo alterutra modo utraque, vel longis vel so-

lutis (стр. 45 и сл.). Въ подстрочной сноскѣ къ этому мѣсту онъ замѣчаетъ относительно показаній древнихъ метриковъ о дохміи, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ никакой цѣны; соглашается онъ только съ показаніемъ схоліаста къ Aesch. Sept. 101 объ употребленіи дохмія въ трагедіи. Въ остальной части параграфа, посвященнаго дохміямъ, Диндорфъ уже ни разу не возвращается къ вопросу о ритмическомъ значеніи дохмія.

Изъ приведеннаго мною изложенія взгляда на дохмій, который былъ усвоенъ Россбахомъ, Беллерманомъ, Грабовымъ и Диндорфомъ, мы видимъ, что всѣ эти ученые признаютъ дохмій за сложную стопу, заключающую въ себѣ восемь χρ. πρ. и распадающуюся на бакхій и ямбъ. Будучи вполнѣ согласны съ этими учеными въ опредѣленіи числа χρ. πρ. въ дохміи, мы не можемъ однако согласиться съ возможностью не только видѣть бакхій въ составѣ дохмія, но и вообще признавать существованіе его въ качествѣ такой стопы, какую они въ немъ видятъ, и потому разсмотримъ, что такое онъ изъ себя представляетъ въ дѣйствительности.

Подъ бакхіемъ обыкновенно разумѣютъ стопу, состоящую изъ одного краткаго и двухъ долгихъ слоговъ и распадающуюся на те-

ϑ. ἄ.

зисъ въ три и на арзисъ въ два χρ. πρ. ◡⁀— | — (Ср. Rossbach, Gr. Metrik[3] стр. 731 и 754 и сл. Bellerman, De metris Soph. vet. rhythm. doctr. expl. стр. 25 и сл. Grabow, Num. dochm. usus Soph. стр. 6 Dindorf, De metr. poet. scen. 10). Поэтому, если мы будемъ имѣть стихъ, состоящій изъ ряда бакхіевъ, то должны будемъ разставить въ немъ ритмическія ударенія, согласно съ даннымъ опредѣленіемъ бакхической стопы, такимъ образомъ:

... | ◡ —́ — | ◡ —́ — | ◡ —́ — | ◡ —́ — ...

Но такая разстановка находится въ противорѣчіи съ указаннымъ выше общимъ физіологическимъ закономъ, опредѣляющимъ мѣсто ударенія въ ряду слѣдующихъ другъ за другомъ долгихъ и короткихъ звуковъ (стр. 50). Въ силу этого закона ритмическія ударенія въ бакхическомъ стихѣ должны быть расположены слѣдующимъ образомъ:

... | ◡ — ⋮ —́ | ◡ — ⋮ —́ | ◡ — ⋮ —́ | ◡ — ⋮ —́ ...

Такое расположенiе ритмическихъ ударенiй показываетъ, что бакхическiй стихъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ кретиковъ съ неполной первой и послѣдней стопой, и что такой стопы, какую видятъ въ бакхiи Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Подтвержденiе этого мы найдемъ, если прослѣдимъ употребленiе и исторiю бакхiя. Бакхiй, какъ это видно изъ слѣдующаго показанiя Гефестiона: τὸ δὲ βακχειακὸν σπάνιόν ἐστιν (Script. metr. gr. стр. 43_9 W) и въ особенности изъ дошедшихъ до насъ текстовъ греческихъ поэтовъ, у которыхъ этотъ размѣръ встрѣчается въ видѣ отдѣльно стоящихъ стиховъ, былъ весьма мало употребителенъ, между тѣмъ какъ пеоны были однимъ изъ любимыхъ размѣровъ аттической комедiи. Затѣмъ слѣдующiя замѣчанiя относительно пеоновъ, находящiяся въ схолiяхъ А къ Гефестiону, показываютъ, что бакхiй первоначально не причислялся къ пеонамъ: ὁ πρῶτος παίων καὶ ὁ τέταρτος ποιοῦσι τὸ παιωνικὸν μέτρον· οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος (Script. metr. gr. стр. 125 $_{12-14}$ W) и далѣе τὸ... παιωνικὸν ἐπιπλοκὴν οὐκ ἔχει, ὡς τὰ προειρημένα (ib. стр. 125 $_{14\ и\ 15}$), при чемъ схолiи В, сообразно съ этимъ послѣднимъ замѣчанiемъ, перечисляютъ только три слѣдующихъ ἐπιπλοκαί: τρίσημος, τετράσημος и ἑξάσημος, хотя тутъ же прибавляютъ: εἰσὶ... ἐπιπλοκαὶ κατὰ μέν τινας καὶ ἄλλαι (ib. стр. 136 $_{25\ и\ сл.}$). Въ соотвѣтствiи съ этими замѣчанiями схолiй къ Гефестiону, которыя иначе были бы необъяснимы, въ реторикѣ Аристотеля изъ пеоническихъ стопъ упоминаются только первый и четвертый пеонъ и πεντάβραχυς; не знаетъ бакхiя, повидимому, и Цицеронъ. Первый, у кого мы находимъ названiя бакхiй и гипобакхiй, это—Дiонисiй Галикарнасскiй, который бакхiемъ называетъ стопу съ такою схемою: — — ᴗ, а гипобакхiемъ туже стопу съ краткимъ слогомъ въ началѣ: ᴗ — — (De comp. verb. c. XVII).

Наконецъ, не можемъ мы допустить существованiе бакхiя въ показанномъ выше смыслѣ и на основанiи слѣдующихъ соображенiй: въ первомъ краткомъ слогѣ бакхiя нельзя видѣть части тезиса стопы, потому что онъ предшествуетъ слогу подъ ритмическимъ ударенiемъ, а не слѣдуетъ за нимъ, какъ это мы находимъ въ пеонѣ и кретикѣ. Но если этотъ краткiй слогъ не составляетъ части тезиса стопы, то онъ есть ея арзисъ, а два слѣдующiе долгiе слога—ея

ἄ. | ϑ.

тезисъ: ◡ | ⌒ ⏗ —. Такимъ образомъ, допуская, что въ бакхіи ритмическое удареніе падаетъ на первый долгій слогъ, мы должны черезъ это самое допустить, что χρόνοι ποδικοί относятся въ немъ другъ къ другу какъ 1 : 4, т. е. представляютъ λόγος τετραπλάσιος; а стопы съ такимъ отношеніемъ своихъ χρόνοι ποδικοί, по свидѣтельству Аристоксена, въ συνεχὴς ῥυθμοποιία не употребляются.

Но если это такъ, то откуда же возникло понятіе о бакхіи какъ о стопѣ, принадлежащей къ γένος ἡμιόλιον? отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ рядъ показаній о бакхіи, также идущихъ изъ древности. Если мы обратимся къ Εἰσαγωγή Бакхія и посмотримъ, какая стопа носитъ у него названіе бакхія, то увидимъ, что онъ называетъ такъ нисходящій іоникъ: βακχεῖος ἀφ' ἡγεμόνος καὶ σπονδείου οἷον ἐτεθρήκειν (Westphal. Gr. Rhythm. u. Harm². Suppl. стр. 48 1 и 2). У Аристида Квинтиліана различаются два бакхія: σύνθετοι οἱ κατὰ συζυγίαν, βακχεῖοι δύο, ὧν ὁ μὲν πρότερον ἔχει τὸν ἴαμβον, δεύτερον δὲ τὸν τροχαῖον· ὁ δὲ ἐναντίως (Περὶ μουσ. стр. 25 7—9 J); общее между этими стопами и нисходящимъ іоникомъ заключается въ томъ, что онѣ, какъ и іоникъ, состоятъ изъ двухъ долгихъ и двухъ короткихъ слоговъ. Марій Викторинъ по поводу названій, которыми пользовался v. galliambicus, замѣчаетъ слѣдующее: idem et metroiacon seu, ut quidam, bacchiacon anaclomenon (Gr. L. VI стр. 95 25 и 26 K). Вестфаль, кромѣ того указываетъ, что и у Плутарха De mus. c. 29 слово βακχεῖος употреблено по отношенію къ нисходящему іонику (Gr. Rhythm. u. Harm². стр. 610). Самое названіе бакхія, происходящее, очевидно, отъ употребленія его въ пѣсняхъ въ честь Діониса, мало вяжется со стопой, принадлежащей къ γ. παιωνικόν, такъ какъ эти послѣднія по преимуществу употреблялись въ пѣсняхъ въ честь Аполлона. Чѣмъ было вызвано перенесеніе названія бакхія съ нисходящаго іоника на извѣстную форму пеонической стопы, показываетъ слѣдующее свидѣтельство Гефестіона о перемѣнахъ ритмическаго движенія, допускаемыхъ въ нисходящихъ іоникахъ: Τὸ δὲ ἀπ' ἐλάσσονος ἰωνικὸν συντίθεται μὲν καὶ καθαρόν, συντίθεται δὲ καὶ ἐπίμικτον πρὸς τὰς τροχαϊκὰς διποδίας οὕτως, ὥστε τὴν πρὸ τῆς τροχαϊκῆς ἀεὶ γίνεσθαι πεντάσημον, τοῦτ' ἔστι τρίτην παιωνικήν, καὶ τὴν τροχαϊκήν, ὁπόταν προτάττοιτο τῆς

ἰωνικῆς, γίνεσθαι ἑπτάσημον τροχαϊκήν, τὸν καλούμενον δεύτερον ἐπίτριτον. Ἔσθ' ὅτε δὲ ἡ μὲν τρίτη παιωνικὴ συναιρεῖται εἰς παλιμβάκχειον, τῆς δὲ ἐπιφερομένης τροχαϊκῆς ὁ πρότερος λύεται εἰς τρίβραχυν (Script. metr. gr. стр. 37 $_{20}$ и 38 $_{1-9}$ W) и слѣдующее замѣчаніе схолій A на Гефестіона: Ὁ πρῶτος παίων καὶ ὁ τέταρτος ποιοῦσι τὸ παιωνικὸν μέτρον· οὐκέτι δὲ ὁ δεύτερος καὶ ὁ τρίτος· ἐμπίπτει δὲ εἰς ἰωνικά (Script. metr. gr. 125$_{12-14}$ W). Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что дѣло происходило такъ: когда іоники вслѣдствіе употребленія ихъ въ ἰωνικὰ ποιήματα александрійскими поэтами получили свое теперешнее названіе, то грамматики стали примѣнять ихъ старое названіе спеціально по отношенію къ слѣдующей формѣ стопы ⏑ ⏑ — ⏑, которую они находили при дѣленіи на стопы іоническихъ стиховъ съ превращеніемъ (ἀνάκλασις):

⏑ ⏑ — — | ⏑ ⏑ — —
⏑ ⏑ — ⏑ | — ⏑ — —

Послѣ этого уже названіе бакхій перенесено было на туже форму стопы, но со стяженіемъ двухъ первыхъ краткихъ слоговъ въ одинъ долгій — — ⏑. Стремленію пополнить формы пеоническихъ стопъ въ соотвѣтствіи съ найденной новой формой обязанъ своимъ происхожденіемъ такъ называемый ὑποβάκχειος, ἀντιβάκχειος или παλιμβάκχειος: ⏑ — — Почему впослѣдствіи на первую форму стопы перенесено было второе названіе, а на вторую первое, мы не знаемъ; но придавать какое-либо значеніе этому явленію мы не можемъ, такъ какъ аналогичный съ этимъ случай представляетъ перемѣна въ употребленіи названій trochaeus и choreus.

Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ тотъ выводъ, что древняя ритмика не допускала существованія бакхія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его признаютъ Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ, и потому не могла признавать дохмій за сложную стопу, состоящую изъ бакхія и ямба. Не можемъ дѣлать этого и мы помимо авторитета древнихъ, потому что это влечетъ за собою неестественную постановку ритмическихъ удареній въ пеоническихъ и дохмическихъ стихахъ.

Но допустимъ, что бакхій дѣйствительно существуетъ, имѣя то ритмическое значеніе, какое ему приписываютъ Россбахъ и его послѣдователи, и всетаки мы не можемъ три первыхъ слога дохмія

признать за него, потому что въ дохміи первый краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ въ бакхіи мы не находимъ этого. Правда, Россбахъ, указавъ, что такая замѣна возможна въ первой стопѣ бакхическаго стиха (Gr. Metr' стр. 757), приводитъ въ числѣ бакхическихъ стиховъ Eur. Alc. 92=104, Ion. (190=)201, Phoen. 187, 1039 и 1040=1063 и 1064; но, если мы внимательно разсмотримъ эти стихи, то найдемъ, что ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ къ γένος ἡμιόλιον: Alc. 92=104, заканчивающій собою логаэдическую строфу, скорѣе долженъ быть признанъ ямбическимъ стихомъ въ соотвѣтствіи съ ямбическимъ тетраметромъ, который открываетъ строфу:

⏓ |__ | – ⏑ |__ | –
ὦ Παιάν, φανείης
δουπεῖ χεὶρ γυναικῶν.

Несомнѣнно ямбическій стихъ представляетъ и помѣщенный въ серединѣ логаэдической строфы Ion. (190=)201:

⏓ |__ | – ⏑ |__ | –
ἰδοὺ τάνδ' ἄθρησον,
καὶ μὰν τόνδ' ἄθρησον

въ чемъ не позволяетъ сомнѣваться ритмическое значеніе предшествующаго ему и слѣдующаго за нимъ стиха (Диндорфъ, который признаетъ, что краткій слогъ въ бакхической стопѣ не можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, предлагаетъ читать τί вмѣсто καί, De metr. poet. sc. стр. 45); Phoen. 187 ненадеженъ въ критическомъ отношеніи и, повидимому, долженъ представлять изъ себя дохмическій диметръ; Phoen. 1039 и 1040=1063 и 1064, находящіеся въ чистой ямбической строфѣ, не могутъ быть иными кромѣ ямбическихъ:

⏓ |__ | – ⏑ |__ | ⏒
⏓ |__ | – ⏑ |__ | ⏓
стр. βροντᾷ δὲ στεναγμός,
ἀχά τ' ἦν ὅμοιος

ἀντ. Καδμεῖαν μέριμναν
ὁρμήσασ' ἐπ' ἔργον

Недопущеніе замѣны краткаго слога бакхія посредствомъ ирраціональнаго долгаго объясняется тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя часть тезиса пеонической стопы:

—̋ ⏑ ⏑́ | —̋
Λ

и потому не можетъ быть вынесенъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса.

Другую часть дохмія, которая остается по выдѣленіи изъ него бакхія, Россбахъ, Беллерманъ, Грабовъ и Диндорфъ считаютъ ямбомъ и объясняютъ допущеніе замѣны въ немъ краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ представляетъ изъ себя анакрузисъ. Посмотримъ же, дѣйствительно ли возможно признать предпослѣдній слогъ дохмія за анакрузисъ ямбической стопы; а такъ какъ новѣйшіе метрики обыкновенно довольствуются тѣмъ опредѣленіемъ этого понятія, которое дано Германомъ, то и мы обратимся къ нему. Этотъ ученый опредѣляетъ анакрузисъ слѣдующимъ образомъ: apertum est... quae... ante ictum est pars, quoniam ab ictu non potest determinata esse, partem esse infiniti cuiuspiam numeri. Eam partem, quia neque arsis est, ut ictu destituta, neque thesis, ut non ex ea vi, quam indicat ictus, pendens, anacrusin vocamus, propterea quod quasi introductio quaedam est ad numerum, quem deinde ictus orditur. Anacrusis autem etsi animadvertitur prima, tamen, ut vel sensus quemque docet, non est initium seriei, sed pars, quam quae praegressa sunt, quia in animadversionem von cadunt, praecessisse sumuntur. Similes in figuris sunt eae, quae quum medium habeant, in utriusque lateris extrema non sunt finibus circumscriptae: quarum descriptio etsi a medio utrobique aequa proportione progreditur, tamen quoniam desinit, priusquam conclusa sit, in infinitum proferri potest (Elem. doctr. metr. I 2, 10). Такимъ образомъ, если мы возьмемъ, напримѣръ, ямбическій триметръ, то на основаніи словъ Германа ни одинъ изъ его краткихъ слоговъ не можетъ быть названъ анакрузисомъ кромѣ перваго, потому что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ introductio ad numerum, quem deinde ictus ordi-

tur, въ виду того, что этотъ ictus уже лежитъ на предшествующемъ долгомъ слогѣ; да и быть иначе не можетъ, потому что тогда во всемъ ямбическомъ триметрѣ были бы одни только тезисы и анакрузисы, а арзиса не было бы ни одного; затѣмъ, это повлекло бы за собой въ качествѣ послѣдствія то, что каждый краткій слогъ ямбическаго триметра могъ бы быть замѣщаемъ по произволу посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, между тѣмъ какъ мы этого не находимъ.

Далѣе, дѣленіе дохмія на бакхій и ямбъ изъ древнихъ авторовъ встрѣчается у одного только Фабія Квинтиліана, показаніе котораго не подтверждается рѣшительно никакимъ другимъ древнимъ авторитетомъ и потому съ значительной долей вѣроятности можетъ быть признано за такую комбинацію, которая пришла въ голову ему самому.

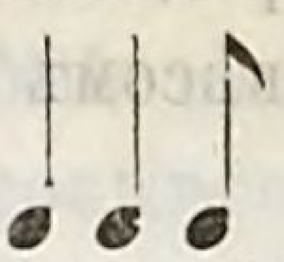
Наконецъ, μεταβολὴ ῥυθμοῦ въ предѣлахъ сочетанія, состоящаго изъ двухъ стопъ, хотя въ теоріи и не представляетъ ничего невозможнаго, но является мало вѣроятной и во всякомъ случаѣ не имѣющей аналогіи въ древней ритмикѣ.

По мнѣнію *Г. Шмидта*, дохмій представляетъ единственный размѣръ, въ которомъ происходитъ перемѣна ритмическаго движенія въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ немъ соединяются въ одно цѣлое двѣ стопы съ различнымъ числомъ χρ. πρ.: пеоническая стопа въ неправильной формѣ съ анакрузисомъ, служащимъ для выраженія наплыва сильныхъ душевныхъ движеній, и непосредственно слѣдующая за ней трохаическая стопа, которая ни въ какомъ случаѣ не была способна выражать страстное возбужденіе: ⏑ ⋮ ⏗ – ⏑ | ⏗. Соединеніе этихъ-то стопъ даетъ дохмій; ихъ смѣна служитъ превосходнымъ выраженіемъ того, какъ страсть борется со спокойнымъ размышленіемъ и получаетъ перевѣсъ надъ нимъ (Die Kunstform. d. gr. Poes. I, стр. 130). Такъ какъ дохмій служитъ такимъ образомъ для выраженія сильнаго душевнаго волненія, то первая изъ этихъ стопъ, на которой лежитъ главная сила, должна считаться тезисомъ всего сочетанія, а вторая—арзисомъ его (ib. стр. 138). Но по своей силѣ ритмическое удареніе тезиса и арзиса въ немъ было почти одинаково, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ автора: Ueberhaupt ist es noch fraglich, ob der Dochmius einen Haupticlus ausgeprägt enthalte, der den des zweiten Taktes wesentlich überragt. Durch annähernd

gleiche Stärke beider Icten wird er erst recht zu einem Metrum leidenschaftlicher Aufregung. Затѣмъ, непосредственно ниже Шмидтъ даетъ такую характеристику ритмическаго ударенія въ дохміи: Die Ictenverhältnisse im Dochmius scheinen überhaupt ausserordentlich schwankend gewesen zu sein. Dafür zeugen die gestatteten Auflösungen und irrationalen Silben (ib. стр. 140).

Въ четвертомъ томѣ того же сочиненія (стр. 522) Шмидтъ, объясняя допущеніе замѣны обоихъ краткихъ слоговъ дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, еще разъ возвращается къ вопросу объ относительной силѣ ритмическихъ удареній въ дохміи и замѣчаетъ по поводу этого слѣдующее: Die irrationale Silbe am Anfange erklärt sich aus dem Wesen des Auftaktes überhaupt; diejenige vor der letzen Thesis aber zeigt, wie stark hier die Gegenintonation war, so dass sich die beiden Theile des Dochmius in ähnlicher Weise entgegenstanden, wie zwei choreische Dipodien (nicht einzelne $^3/_8$-Takte). Eine solche Schärfe der Intonation ist auch dem Ethos des dochmischen Rhythmus ausgezeichnet angemessen. Sie wird ferner bewiesen durch die gestatteten Auflösungen. In ⏑ ⁝ ⏑ ⏑ _ ⏑ | _ und ⏑ ⁝ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ | _ zeigt sich, da diese Formen häufig vorkommen, dass der «Hauptictus» wenig Uebergewicht haben konnte.

Сравнивая между собой взгляды на дохмій Россбаха съ его послѣдователями и Г. Шмидта, мы найдемъ, что разница между ними почти формальная: Россбахъ не отдѣляетъ перваго краткаго слога дохмія въ качествѣ анакрузиса и соотвѣтственно съ этимъ дѣлитъ дохмій на бакхій и ямбъ, Шмидтъ же, вынеся этотъ краткій слогъ за тактъ дѣлитъ дохмій на бакхій (или вѣрнѣе антибакхій) и усѣченный трохей. Поэтому всѣ возраженія, представленныя мною противъ теоріи Россбаха и его послѣдователей, по стольку, по скольку они касаются вопроса о дѣйствительности существованія бакхія, невозможности объяснять допущеніе замѣны перваго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго въ качествѣ анакрузиса, отдѣляемаго въ началѣ пеонической стопы, и неестественности перемѣны ритмическаго движенія въ предѣлахъ сочетанія, состоящаго всего только изъ двухъ стопъ, примѣнимы одинаково къ теоріи Шмидта, и потому я не буду уже болѣе возвращаться къ нимъ. Правда, съ перваго взгляда можетъ, пожалуй, показаться, что выносъ перваго краткаго слога дохмія за тактъ даетъ бакхію та-

кую форму, при которой отношенiе между его тезисомъ и арзисомъ равняется 3 : 2, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣнiи этого не оказывается. Въ самомъ дѣлѣ, ритмическое значенiе бакхiя Шмидтъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: –́ –́ ◡ oder bacchius, gewöhnlich mit Auftakt. $^5/_8$-Takt mit Gliederung $^2/_8 + ^2/_8 + ^1/_8$ (Leitfad. in der Rhythm. u. Metr. стр. 28). Каково будетъ отношенiе между χρόνοι ποδικοί бакхiя при такомъ понимании его? Если мы опредѣлимъ ихъ такъ:

ϑ. ἄ.

–́ –́ | ◡, то тезисъ стопы будетъ относиться къ арзису ея какъ 4 : 1; дѣлить же такимъ образомъ:

ἄ. ϑ.

–́ | –́ ◡ не позволяетъ то обстоятельство, что на первомъ слогѣ бакхiя Шмидтъ кладетъ болѣе сильное ритмическое ударенiе, чѣмъ на второмъ. Далѣе, выносъ перваго краткаго слога въ дохмiи за тактъ хотя и видоизмѣняетъ нѣсколько положенiе второго краткаго слога, который вслѣдствiе этого является частью бакхической стопы, но такая перемѣна нисколько не способствуетъ объясненiю, почему онъ можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Шмидтъ, конечно, могъ бы сослаться на то, что ему удалось найти при разборахъ лирическихъ частей въ трагедiяхъ Эсхила и Еврипида нѣсколько примѣровъ ирраціональнаго бакхiя, но ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ критики: самые надежные изъ нихъ Eur. Bacch. 1153 и 1154, Ion. 676=695, Or. 145=157 и Phoen. 178 представляютъ дохмiй распространенный кретикомъ.

Нѣкоторое разногласiе между Россбахомъ и Шмидтомъ заключается въ вопросѣ объ относительной силѣ ритмическаго ударенiя, лежащаго на тезисахъ тѣхъ стопъ, на которыя они дѣлятъ дохмiй: Россбахъ полагаетъ, что ритмическое ударенiе первой стопы совершенно подчиняетъ себѣ ритмическое ударенiе второй, тогда какъ Шмидтъ почти совсѣмъ уничтожаетъ между ними разницу. Мы въ данномъ вопросѣ должны безусловно стать на сторону Россбаха, потому что какъ было показано нами выше (см. стр. 51), у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу того, что ударенiе, падавшее на второй долгiй слогъ дохмiя,

имѣло перевѣсъ надъ удареніями двухъ остальныхъ его долгихъ слоговъ. Допущеніе замѣны втораго долгаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго никакъ не можетъ служить доказательствомъ слабости ритмическаго ударенія, лежащаго на предшествующемъ долгомъ слогѣ, такъ какъ оно объясняется перевѣсомъ музыкальнаго элемента надъ поэтическомъ текстомъ.

b) Теоріи, принимающія дохмій за сочетаніе ямба и кретика. Изъ ученыхъ новаго времени, занимавшихся метрикой, *Бёкъ* первый высказался въ пользу того, что дохмій состоитъ изъ ямба и кретика: Cum antispastica forma, говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи De metris Pindari, coniuncta est d o c h m i a c a, ex iambo et cretico,

⏑ –́ –́ ⏑ –

frequens apud tragicos, in Pindaricis rarissima: in qua mitigatur arrhythmia subiecto cretico (стр. 148).

Хотя Бёкъ и не указываетъ нигдѣ причины, по которой онъ ставитъ въ связь дохміи съ антиспастами, но ее нетрудно угадать, если вспомнить, что онъ ранѣе говоритъ о такихъ сочетаніяхъ стопъ, въ которыхъ непосредственно сталкиваются между собой два арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ). Приведя рядъ примѣровъ подобнаго рода сочетаній и между ними на первомъ мѣстѣ такое:

⏑ –́ –́ ⏑

онъ замѣчаетъ объ нихъ слѣдующее: harum primam formam antispastum vocant veteres: ceterarum tamen omnium eandem esse naturam quis non intelligit (ib. стр. 80)?

Изъ формъ дохмія Бёкъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, такъ какъ существованіе этихъ формъ вызвало споръ между Германомъ и Зейдлеромъ, изъ которыхъ первый, опираясь на допущеніе этой замѣны, признавалъ второй краткій слогъ дохмія за анакрузисъ ямбической стопы:

⏓ ⏑́‿⏑ | ⏑́‿⏑ | ⏓ ⏑́‿⏑

тогда какъ второй считалъ возможнымъ принимать этотъ же слогъ

и за тезисъ (часть стопы, не находящаяся подъ ритмическимъ удареніемъ) трохаической стопы:

⏒ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏒ | ⏑́ ⏑

Mihi tota haec lis videtur nulla esse, говоритъ Бёкъ, quippe si modo continuus rhythmus est, media anceps tum praecedentis, tum sequentis arseos debet esse thesis. Si tamen nomine opus est, quo appelletur hic numerus, – ⏒ – non iambum dixerim praemissa longa, hoc est pyrrhichio, sed potius trochaeum cum nova arsi trochaica sine thesi. Apparet hoc ex iis, quae capite secundo dixi de monopodia trochaica. Nam quemadmodum ex trochaica dipodia nascitur creticus purus et rationalis dempta thesi pedis secundi, –́ ⏑ – | ⏒, sic ex monopodia trochaica duplici, dempta secundi trochaei thesi existit ille creticus, qui est in dochmio, –́ ⏒ –́ | ⏒ estque hic creticus irrationalis, per eandem paracatalogen, cuius saepius mentionem feci: mensura tamen aequalis est rationali, nisi quod in hoc ratio syllabarum duarum priorum est duplex, $\underset{2}{\acute{-}}\ \underset{1}{\smile}\ \acute{-}$ in irrationali autem sesquitertia, $\underset{\frac{12}{7}}{\acute{-}}\ \underset{\frac{9}{7}}{\overline{\smile}}\ \acute{-}$, computatis vero irrationalis huius trochaei duabus syllabis mensura totius pedis est 3 (nam $\frac{12}{7}+\frac{9}{7}=3$) eadem quae rationalis, $2+1=3$. Neque ego statuerim in omni dochmio creticum irrationalem esse: quem certe in Pindaricis non admiserim, ob arrhythmiam nimiam, qua turbat numerum: sed vulgaris dochmius creticum habet uno ordine constantem, irrationalis duobus; unde arsium exigua quaedam nascitur diversitas, quum in rationali vehementior arsis sit in priori longa, infirmior in posteriori, –̋ ⏑ –́ in irrationali vero par in utraque, –́ ⏑ –́ cuiusmodi diversitatem in uno eodemque rhythmo et carmine ac passim vel in respondentibus sibi antistrophicorum locis admissam, ut absolutae lyricorum rhythmopoeiae non condono, ita tragicorum arrhythmiae studio inprimis iudico consentaneam (стр. 150 и 151).

Для того, чтобы выяснить себѣ, откуда берутся у Бёка $\frac{12}{7}$ и $\frac{9}{7}$, нужно припомнить, что онъ признаетъ отношеніе арзиса къ тезису въ ирраціональномъ трохеѣ равнымъ 4 : 3 (стр. 106), и сдѣлать

слѣдующій разсчетъ: если мы, исходя изъ указаннаго Бёкомъ отношенія между χρόνοι ποδικοί ирраціональнаго трохея, предположимъ, что первый долгій слогъ въ этой стопѣ равняется 4 частицамъ времени, то второй слогъ въ ней должны признать равнымъ 3 частицамъ; обозначивъ одну частицу времени черезъ х и принявъ въ соображеніе, что длительность всей стопы Бёкъ считаетъ равной 3 χρ. πρ. всякой обыкновенной стопы, нетрудно составить слѣдующее уравненіе:

$$4x + 3x = 3$$

и опредѣлить изъ него, что длительность перваго долгаго слога ирраціональнаго трохея равняется $\frac{12}{7}$ χρ. πρ., а длительность втораго $\frac{9}{7}$ χρ. πρ. всякой обыкновенной стопы.

Послѣдователемъ Бёка въ его взглядѣ на дохмій явился *Мункъ* въ своей Die Metrik der Griechen und Römer (1834), которая вообще написана подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній Бёка.

Мункъ относитъ дохмій въ главу, которая посвящена обозрѣнію стопъ, заключающихъ въ себѣ пять χρ. πρ., и разсматриваетъ его въ двухъ отдѣлахъ этой главы: съ раціональными кретиками онъ разсматриваетъ такія формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, съ ирраціональными—такія, въ которыхъ этотъ слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога.

Указывая въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ, въ сочетаніи съ какими ритмическими величинами, принадлежащими по формѣ своихъ стопъ къ инымъ γένη ῥυθμοῦ, чѣмъ кретики, можетъ являться кретическій монометръ, Мункъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно дохмія: Mit vorgesetzter iambischer Basis giebt der Creticus den D o c h m i u s

⏑ –́ –́ ⏑ –

Die Composition des Dochmius ist zwar wegen des Zusammenstoszens der Arsen arrhythmisch, doch sind die Theile selber rhythmisch (стр. 89).

Ниже въ отдѣлѣ ирраціональныхъ кретиковъ для насъ имѣютъ значеніе только слѣдующія слова, касающіяся дохмія: Am häufigsten

erscheint er, т. е. der irrationale Creticus, mit vorausgeschicktem Iambus als **D o c h m i u s**

⏑ –́ –́ ⏓ – (стр. 94).

Послѣ выхода въ свѣтъ Metrik der griechischen Dramatiker und Lyriker Россбаха и Вестфаля взглядъ на дохмій какъ на сочетаніе ямба и кретика нашелъ себѣ поддержку только въ двухъ диссертаціяхъ: Лортцинга De numero dochmiaco (1863) и Лёшгорна Quaestiones metricae (1873).

Такъ какъ древніе метрики, говоря объ дохміи, называютъ его ῥυθμὸς ὀκτάσημος, то *Лортцингъ* при опредѣленіи ритмическаго значенія этого размѣра начинаетъ съ того, что задаетъ себѣ вопросъ, что такое разумѣется у Аристоксена подъ именемъ ῥυθμός и рѣшаетъ его такъ: Аристоксенъ употребляетъ слово ῥυθμὸς какъ по отношенію къ отдѣльнымъ стопамъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ сочетаніямъ стопъ, составляющимъ одно цѣлое. Число χρ. πρ. въ одной стопѣ, продолжаетъ онъ, не можетъ быть больше пяти, въ сочетаніи—меньше шести. Отношеніе между арзисомъ и тезисомъ въ сочетаніи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ стопъ, должно принадлежать къ одному изъ трехъ родовъ, которые мы находимъ въ простыхъ стопахъ. Въ сохранившихся отрывкахъ сочиненія Аристоксена о ритмѣ это ученіе доведено только до μέγεθος ὀκτάσημον, а далѣе возстановлено только по догадкѣ Вестфалемъ, съ которымъ Лортцингъ объявляетъ себя согласнымъ.

Показавъ, какое значеніе должно имѣть слово ῥυθμός въ приложеніи къ дохмію, Лортцингъ на основаніи показаній объ этомъ размѣрѣ Schol. vet. ad Aesch. Sept. 128 (120 W). Eym. M. стр. 285, Schol. Heph. стр. 61 (185 W) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его ритмическое значеніе: dochmius... ῥυθμὸς σύνθετος ὀκτάσημος est, compositus ex duobus numerorum generibus, atque ita insignis rhythmica mutatione (стр. 10). Такая перемѣна ритмическаго движенія, которую мы находимъ въ дохміи, должна быть названа γενικὴ ῥυθμοῦ μεταβολή; но она не можетъ служить главной отличительной чертой дохмія, такъ какъ мы находимъ ее и въ другихъ размѣрахъ.

Для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается разница между дохміемъ и другими однородными сочетаніями стопъ, Лортцингъ

указываетъ, что, по ученію Аристоксена, моменты времени, смотря по тому, въ какомъ они находятся порядкѣ, бываютъ или χρόνοι ἔρρυθμοι или ἄρρυθμοι, а, по ученію Аристида Квинтиліана, они могутъ быть еще сверхъ того и ῥυθμοειδεῖς. Правда, Вестфаль совершенно не допускаетъ, чтобы въ составъ ритмики входили χρόνοι ἄρρυθμοι, но Лортцингъ болѣе склоненъ держаться мнѣнія Бёка, который высказалъ по поводу ихъ слѣдующую мысль: ut in melopoeia dissonantia ipsa late patet, ita a numeris in promptu est non omnem posse arrhythmiam excludi (стр. 13).

Приведя затѣмъ возстановленное Вестфалемъ дѣленіе стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι и сославшись на Schol. Heph. стр. 60 (185 W), Etym. M. стр. 285 и на слѣдующія слова Аристида Квинтиліана: μερίζω τὴν ὀκτάδα πάλιν εἰς τριάδα καὶ πεντάδα, οὐδ' οὕτως ἔσται ῥυθμικὸς λόγος, Лортцингъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: docemur... in dochmio inesse διαίρεσιν τριάδος πρὸς πεντάδα, quam rationem... perspicuum est ἄρρυθμον esse, soli enim numerosi sunt λόγος ἴσος, διπλάσιος, ἡμιόλιος (стр. 13 и 14). Такимъ образомъ дохмій отличается отъ остальныхъ сложныхъ стопъ, въ которыхъ происходитъ также μεταβολὴ ῥυθμοῦ, тѣмъ, что χρόνοι ποδικοί его являются ἄρρυθμοι.

Послѣ этого Лортцингъ, замѣтивъ, что дохміи встрѣчаются не только у трагическихъ поэтовъ, но и у Пиндара и другихъ лириковъ, опредѣляетъ разницу между дохміями тѣхъ и другихъ. Разница эта состоитъ въ томъ, что въ дохміяхъ лирическихъ поэтовъ стопы, на которыя дѣлится этотъ размѣръ и которыя принадлежатъ къ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, дѣлались по своей длительности равными другъ другу благодаря различному темпу или, какъ говорили Греки, ἀγωγή, съ которымъ они исполнялись.

Въ дохміяхъ трагическихъ поэтовъ такого уравненія не происходило, что подтверждается свидѣтельствомъ Аристида Квинтиліана стр. 39 и 99 (26 и 60 J) и Sch. Heph. стр. 60 (185 W).

Въ заключеніе Лортцингъ на основаніи всего вышесказаннаго даетъ такое полное опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, употребляемаго трагическими поэтами: ῥυθμὸς σύνθετος ὀκτάσημος compositus ex iambo et cretico, cuius ratio, τριὰς πρὸς πεντάδα, ἄρρυθμος est, insignis temporis mutatione non exaequata ductu et summa solutionum et syllabarum irrationalium licentia (стр. 16).

Работа *Лёшгорна* носитъ полемическій характеръ: авторъ ея нападаетъ на различные пункты сочиненія Г. Шмидта Die Kunstformen per griechischen Poesie und ihre Bedeutung. Дохмія онъ касается только мимоходомъ и излагаетъ свой взглядъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Equidem censeo, ut de hac re, т. е. quanam ratione dochmiaci versus sint accipiendi, iudicium feratur, respiciendum esse locum Arist. Quint. p. 39, ubi dochmiacus pes ⏑ _ | _ ⏑ _ ita diudicatur, ut rationem numerorum 3 : 5 prae se ferens habeatur compositus ex iambo et cretico. Нѣсколькими строками ниже онъ продолжаетъ такъ: Omnino de versuum dochmiacorum natura dubitare non iam poterimus, si diligenter nobiscum reputaverimus, eos ita esse accipiendos, ut habeantur compositi ex iambo et dipodia trochaica catalectica. Hoc modo si de dochmio iudicamus, paene ad Aristid. Quint. p. 39 sententiam nos accedere per se apparet. Cui opinioni non repugnat IX, 4, 97, ubi dochmiacus versus habetur compositus ex bacchio et iambo. Reicienda contra est opinio scholiastae ad Aeschyl. sept. 103 et 126 et Heph. p. 55, qua dochmius ad antispasticum numerum refertur, ita ut habeatur monometer antispasticus hypercatalecticus, quum antispasticus numerus ab Heliodoro primo excogitatus et a posteris sola eius auctoritate probatus sit (стр. 15 и 16).

Изъ показаній, идущихъ изъ древности, ученые новаго времени, которые дѣлятъ дохмій на ямбъ и кретикъ, могутъ опереться только на свидѣтельство М. Фабія Квинтиліана, которое впрочемъ никто изъ нихъ не приводитъ, не считая его, повидимому, достаточно авторитетнымъ въ данномъ вопросѣ, и на переданное намъ Аристидомъ Квинтиліаномъ ученіе метриковъ, носящихъ у него названіе οἱ συμπλέκοντες, на которое ссылаются Лортцингъ и Лёшгорнъ.

Но ученіе этихъ метриковъ, расходящееся въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ дошедшими до насъ отрывками ритмики Аристоксена не можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ достаточно доказательной силы при существованіи не возбуждающаго ни съ какой стороны сомнѣній свидѣтельства неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., которые дѣлятъ дохмій на арзисъ въ три χρ. πρ. и тезисъ въ пять. Дѣленіе дохмія на эти величины тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего предпочтенія передъ дѣленіемъ на ямбъ и кретикъ, что арзисъ дохмія, имѣющій форму ямба, легко могъ быть принятъ

за стопу этого имени, а тезисъ его съ краткимъ слогомъ, не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, имѣющій форму кретика, также легко могъ быть признанъ за самостоятельную стопу, носящую это имя, а не обратно. Правда, Лортцингъ кромѣ Аристида Квинтиліана указываетъ еще на схоліи къ Эсхилу и Гефестіону и Etym. M.; но въ схоліяхъ къ Эсхилу дѣленіе дохмія на составныя части вовсе не дано, а въ схоліяхъ къ Гефестіону и Etym. M. онъ раздѣленъ не на отдѣльныя стопы, а на χρόνοι ποδικοί, которые какъ таковые названы τριάς и πεντάς.

Но и помимо ненадежности Аристида Квинтиліана въ вопросѣ о ритмическомъ значеніи дохмія у насъ есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ насъ отказаться отъ мысли дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ справедливымъ дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ, то допустимъ черезъ это, что за частью одной стопы, на которую падаетъ ритмическое удареніе, непосредственно слѣдуетъ часть другой стопы также подъ ритмическимъ удареніемъ. Но, допуская это, мы становимся въ противорѣчіе съ понятіемъ о ритмѣ какъ о правильномъ чередованіи сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, которое нашло себѣ выраженіе между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аристоксена: τὸν ῥυθμὸν γίνεσθαι, ὅταν ἡ τῶν χρόνων διαίρεσις τάξιν τινὰ λάβῃ ἀφωρισμένην, οὐ γὰρ πᾶσα χρόνων τάξις ἔνρυθμος. Πιθανὸν μὲν οὖν καὶ χωρὶς λόγου, τὸ μὴ πᾶσαν χρόνων τάξιν εὔρυθμον εἶναι (стр. 410 20—23 M).

Лортцингъ, предвидя возможность возраженія на свое объясненіе ритмическаго значенія дохмія, ссылается на слова Бёка, который высказываетъ мысль, что иногда даже въ произведеніяхъ, подчиненныхъ законамъ ритма, должно быть допускаемо нарушеніе ихъ, и указываетъ, что дохмій представляетъ одинъ изъ частныхъ случаевъ этого правила. Но мы не можемъ согласиться ни съ ученіемъ Бёка, ни съ приложеніемъ этого ученія у Лортцинга, такъ какъ оно не можетъ быть оправдано ни показаніями древнихъ, ни какими-либо другими данными.

Несостоятельнымъ оказывается дѣленіе дохмія на ямбъ и кретикъ также потому, что посредствомъ его не всегда можетъ быть объяснено допущеніе замѣны перваго краткаго слога дохмія посред-

ствомъ ирраціональнаго долгаго и никогда—допущеніе замѣны второго краткаго.

Какъ извѣстно, первый краткій слогъ дохмія свободно замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Если мы будемъ держаться того мнѣнія, что этотъ краткій слогъ съ послѣдующимъ долгимъ представляетъ ямбическую стопу, то ирраціональный долгій слогъ, являющійся взамѣнъ его въ началѣ стиха, можетъ быть вполнѣ безукоризненно объясненъ какъ анакрузисъ. Но въ томъ случаѣ, когда такой ирраціональный долгій слогъ допускается въ такомъ дохміи, который является въ серединѣ члена (κῶλον), то тогда такое объясненіе не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ за анакрузисъ можно принимать одинъ только первый слогъ ямбической стопы въ стихѣ, иначе каждый краткій слогъ ямбической стопы могъ бы быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, между тѣмъ какъ мы этого не находимъ.

Случай замѣны втораго краткаго слога предусмотренъ только Бёкомъ и Мункомъ.

Первый изъ нихъ высказываетъ мысль, что кретикъ съ краткимъ слогомъ образовался изъ трохаической диподіи, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ краткаго слога, а арзисъ второй не выраженъ ничѣмъ, тогда какъ кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ, образовался изъ двойной трохаической моноподіи, въ которой арзисъ первой стопы выраженъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а арзисъ второй также ничѣмъ не выраженъ. Но допуская, что какая либо стопа можетъ состоять изъ одного тезиса, не заключающаго въ себѣ въ качествѣ χρόνος παρεκτεταμένος болѣе двухъ χρ. πρ., мы предполагаемъ, что возможна стопа, состоящая всего изъ двухъ χρ. πρ.; между тѣмъ это предположеніе совершенно противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ Аристоксена, въ которыхъ онъ выразительно замѣчаетъ, что стопа, состоящая только изъ двухъ χρ. πρ., невозможна: ὅτι μὲν οὖν ἐξ ἑνὸς χρόνου πούς οὐκ ἂν εἴη φανερόν, ἐπειδήπερ ἓν σημεῖον οὐ ποιεῖ διαίρεσιν χρόνου· ἄνευ γὰρ διαιρέσεως χρόνου πούς οὐ δοκεῖ γίνεσθαι (413_{3-6} M.).

Но допустимъ, что часть стопы, не носящая на себѣ ритмическаго ударенія, можетъ оставаться не выраженной особымъ слогомъ или слогами и не замѣненной посредствомъ протяженія или паузы, и

все-таки мы не можемъ согласиться съ Бёкомъ въ томъ, чтобы кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткій слогъ, могъ произойти изъ двойной трохаической моноподіи. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ посмотримъ, что говоритъ этотъ ученый объ одинарной и двойной трохаической моноподіи, и какіе онъ даетъ примѣры той и другой: Prima... trochaici numeri forma est m o n o p o d i a ⏑́⏑ ⏑̄, quam initio versus positam vocant b a s i n: sed reperitur etiam in mediis versibus aliis praefixa rhythmis: item in fine, ubi possis appellare e c b a s i n... Ea vero aut s e m e l ponitur... aut b i s (De metr. Pind. стр. 112). Послѣ этого онъ указываетъ въ видѣ примѣра различные стихи, въ которыхъ является двойная трохаическая моноподія въ различныхъ формахъ. Заканчиваетъ онъ вопросъ объ ней такъ: Harum formarum aliae rationalem trochaeum, aliae irrationalem repraesentant. Irrationalis si habet catalexin haec est:

–́ ⏑̄ –́

de qua alius dicendi erit locus (ib. стр. 113).

Разсмотримъ сперва тѣ примѣры двойной трохаической моноподіи, которые Бёкъ беретъ изъ Пиндара. Примѣры этой моноподіи въ формѣ:

×̱ ⏑̄ ×̱ ⏑

онъ видитъ въ Pyth. VIII, str. 5. Nem. IV, 3. 5. VI, st. 2. Въ Pyth. VIII, str. 5 стихѣ мы не будемъ имѣть нужды отступать отъ совершенно ясно выраженнаго дѣленія на диподіи, если примемъ ирраціональный слогъ за анакрузисъ, являющійся въ началѣ члена:

–́ ⏑ ⏑ ⊥ | –́, ⏑̄ –́ ⏑ | –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ | –́

Точно также объясняется ирраціональность слога въ Nem. IV, 3:

– ⁞ –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ | ⊥ –́, ⏑̄ | –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ | ⏑̱́

хотя и безъ того достаточнымъ оправданіемъ для нея служитъ то, что она является въ стопѣ подъ второстепеннымъ ритмическимъ удареніемъ. Въ первой стопѣ пятаго стиха той же оды допущенъ ирраціональный долгій слогъ какъ въ базисѣ логаэдическаго члена:

–́ ⏑̄ ⁞ –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ | –́, ⏑̄ –́ ⏑ ⏑ | –́ ⏑ ⏑̱́ ∧

Такъ же объясняется ирраціональность первой стопы второго члена Nem. VI str. 2:

–́ ⏑ | –̋ ⏑ ⏑ –́ ⏑ | ⌊–̋⌋, –́ ⏒ | –̋ ⏑ –́ ⏑ ⏑ | ⏓́

если только не слѣдуетъ предпочесть исправленіе текста, которое устраняетъ ее, въ единственномъ стихѣ, гдѣ она является (61 Chr.). Примѣръ двойной моноподіи въ формѣ:

× ⏒ × ⏒

указанъ только въ Nem. IV, 6:

× ⏒ × ⏑ | – ⏑ ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑ – ⏓

но такъ какъ вторая стопа является ирраціональной только въ одномъ стихѣ изъ двѣнадцати строфъ (ст. 70):

αὖτις Εὐρώπαν ποτὶ χέρσον ἔντεα ναός

то многіе издатели различнымъ образомъ исправляютъ этотъ стихъ; наиболѣе удачная поправка, по моему мнѣнію, предложена Э. Шмидтомъ, который читаетъ Εὐρίαν вмѣсто Εὐρώπαν. При такомъ чтеніи первая стопа представляетъ изъ себя базисъ въ v. glyconius III:

–́ ⏒ ⋮ –̋ ⏑ –́ ⏑ ⏑ | –̋, ⏑ –́ ⏑ ⏑ || ⌊–̋⌋ ⏓́

совершенно свободно допускающемъ дѣленіе на диподіи. Примѣръ двойной моноподіи въ формѣ:

× ⏑ ⏑͡⏑ ⏑

показанъ въ Nem. VII str. 4. Но въ этомъ сочетаніи рѣшительно нѣтъ ничего такого, почему мы должны были бы принимать его за двойную моноподію, а не за простую диподію. Двойную моноподію въ формѣ:

× – ⏑͡⏑ ⏑

Бёкъ находитъ въ Pyth. XI str. 4:

– ⏒ ⏑⏑ ⏑ ⏑ – | × – ⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏓

но всякая необходимость прибѣгать къ двойной моноподіи окажется излишней при такомъ объясненіи этого стиха:

–́ ⏑̄ | ⏑⏑̄ ⏑ ⏑ –́, ⏑̄ | ⊔ ⏑́ ⏑ | – ⏑ ⏑ ⏑̄

Что касается стиховъ, не принадлежащихъ Пиндару, то Бёкъ ссылается на одинъ видъ v. priapeus, на v. eupolideus, cratineus и epionicus polyschematisti. Но ирраціональность въ v. epionicus polyschematistus:

⏑̄ – ⏑̄ – ⏑ ⏑ – | – ⏑̄ – ⏑̄ | – ⏑ ⏑ –

мы можемъ весьма легко объяснить при слѣдующемъ расположеніи ритмическихъ удареній и дѣленіи на члены:

⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑ ⊔́ | –, ⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑ –́

не вводя въ этотъ стихъ двойной моноподіи. По поводу трехъ остальныхъ мы должны замѣтить, что хотя при дѣленіи ихъ на диподіи одно изъ главныхъ ритмическихъ удареній въ стихѣ будетъ падать на стопу, допускающую ирраціональную форму, однако мы должны примириться съ этимъ фактомъ по отношенію къ v. eupolideus и cratineus въ виду того, что въ каждомъ изъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, заключается четное число стопъ, и послѣдняя диподія является въ совершенно правильной формѣ:

⏑̄ ⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑ ⊔́, | ⏑̄ ⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑̄

– ⏑ ⏑ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⊔, | ⏑̄ ⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑̄

а по отношенію къ v. priapeus въ виду того, что онъ по своему составу отличается отъ трехъ другихъ видовъ того же стиха только положеніемъ дактилической стопы въ членахъ, изъ которыхъ онъ состоитъ:

⏑̄ ⏑̄ –́ ⏑̄ | – ⏑ ⏑ ⊔́, | – ⏑̄ –́ ⏑ ⏑ | ⊔ ⏑̄

Появленіе ирраціональности въ этихъ стихахъ подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ въ диподіи объясняется слѣдующимъ образомъ: такъ какъ v. eupolideus и cratineus не встрѣчаются ни въ монодической, ни въ хоровой лирикѣ, а v. priapeus въ приведенной Бё-

комъ формѣ является въ монодической лирикѣ только у александрійскаго поэта Евфоріона, то отсюда мы можемъ заключить, что во всѣхъ трехъ этихъ стихахъ ирраціональный слогъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ допущенъ въ виду преобладанія музыки надъ текстомъ. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ приведенныхъ Бёкомъ стиховъ не дѣлится на моноподіи, вслѣдствіе чего оказывается несостоятельнымъ и его объясненіе ирраціональности второго краткаго слога дохмія. Но если есть, какъ это можно предполагать, такіе трохаическіе стихи, которые дѣлятся на моноподіи, то эти моноподіи должны являться въ чистомъ видѣ, иначе ритмическое движеніе въ стихѣ будетъ казаться невполнѣ отчетливымъ для нашего слуха.

Далѣе, нельзя согласиться въ теоріи Бёка съ тѣмъ опредѣленіемъ длительности арзиса и тезиса въ ирраціональной трохаической стопѣ, какое онъ даетъ, такъ какъ оно находится въ противорѣчіи съ слѣдующимъ показаніемъ Аристоксена относительно этого вопроса: Ὥρισται δὲ τῶν ποδῶν ἕκαστος ἤτοι λόγῳ τινὶ ἢ ἀλογίᾳ τοιαύτῃ, ἥτις δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει ἀνὰ μέσον ἔσται. Γένοιτο δ' ἂν τὸ εἰρημένον ὧδε καταφανές· εἰ ληφθείησαν δύο πόδες, ὁ μὲν ἴσον τὸ ἄνω τῷ κάτω ἔχων καὶ δίσημον ἑκάτερον, ὁ δὲ τὸ μὲν κάτω δίσημον, τὸ δὲ ἄνω ἥμισυ, τρίτος δέ τις ληφθείη πούς παρὰ τούτους, τὴν μὲν βάσιν ἴσην αὖ τοῖς ἀμφοτέροις ἔχων, τὴν δὲ ἄρσιν μέσον μέγεθος ἔχουσαν τῶν ἄρσεων. Ὁ γὰρ τοιοῦτος πούς ἄλογον μὲν ἕξει τὸ ἄνω πρὸς τὸ κάτω· ἔσται δ' ἡ ἀλογία μεταξὺ δύο λόγων γνωρίμων τῇ αἰσθήσει, τοῦ τε ἴσου καὶ τοῦ διπλασίου. Καλεῖται δ' οὗτος χορεῖος ἄλογος (Aristox. стр. 413 $_{29-37}$—414 $_{1-2}$ M). Отсюда ясно, что по Аристоксену первый долгій слогъ ирраціональнаго спондея, замѣняющаго трохей, заключаетъ въ себѣ два χρ. πρ., а второй— полтора, ср. Westphal, Gr. Rhythm.[3] стр. 131 и сл.

Наконецъ, не можемъ мы признать справедливымъ замѣчанія Бёка о томъ, что если въ кретикѣ, входящемъ въ составъ дохмія, краткій слогъ замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то ритмическое удареніе, которое падаетъ на первый долгій слогъ такого кретика, бываетъ равно по своей силѣ съ ритмическимъ удареніемъ, лежащимъ на второмъ долгомъ слогѣ этой стопы. Такое предположеніе заставляетъ насъ допустить, какъ это, впрочемъ, замѣчаетъ и самъ Бёкъ, что въ такихъ стихахъ, въ которыхъ дохміи являлись съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго

долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ, происходило нарушеніе правильности ритмическаго движенія по отношенію къ главнымъ ритмическимъ удареніямъ. Между тѣмъ мы не только не находимъ аналогическихъ явленій въ греческой ритмикѣ, но, напротивъ того, изъ недопущенія въ трохаическихъ стихахъ ирраціональнаго спондея и протяженія долгаго слога въ χρόνος τρίσημος подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ можемъ заключить, что Греки всячески стремились къ тому, чтобы не затемнить разницы между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ и сдѣлать ясной правильную смѣну ихъ.

Мункъ, хотя и держится вообще взглядовъ Бёка, но не производитъ подобно этому послѣднему кретиковъ изъ трохеевъ и потому ограничивается только тѣмъ, что указываетъ въ отдѣлѣ, предназначенномъ для ирраціональныхъ кретиковъ, когда они употребляются. По его наблюденіямъ, ирраціональный кретикъ является главнымъ образомъ въ соединеніи съ ямбомъ въ дохміи и затѣмъ въ различныхъ сочетаніяхъ этого послѣдняго съ отдѣльными стопами и самыми разнообразными ритмическими величинами. Здѣсь мы ожидали бы найти только такія формы дохмія и такія ритмическія величины, въ составъ которыхъ входитъ только кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ его краткій слогъ; но Мункъ разсматриваетъ въ данномъ мѣстѣ всѣ тридцать двѣ формы дохмія съ замѣненнымъ и не замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога вторымъ краткимъ слогомъ его и затѣмъ ниже въ числѣ различныхъ величинъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ въ кретикѣ, замѣняющимъ его краткій слогъ, приводитъ и такія, въ которыхъ этотъ слогъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Поэтому мы не будемъ касаться никакихъ формъ дохмія, такъ какъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, не могутъ служить доказательствомъ существованія ирраціональнаго кретика. Точно также оставимъ безъ разсмотрѣнія и такія ритмическія величины, въ которыхъ краткій слогъ кретика не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, а остановимся на разборѣ такихъ примѣровъ, въ составѣ которыхъ Мункъ указываетъ кретикъ съ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, замѣняющимъ краткій слогъ его, будетъ ли этотъ кретикъ являться самостоятельно или какъ часть дохмія, который распространенъ посредствомъ какой-нибудь ритмической величины.

Но предварительно должно замѣтить, что древніе метрики въ числѣ ирраціональныхъ стопъ не приводятъ кретика, а потому мы не можемъ отнестись съ особеннымъ довѣріемъ къ тѣмъ примѣрамъ употребленія этой стопы, которые указываетъ Мункъ.

Въ числѣ стиховъ, которые Мункъ признаетъ за дохмій съ предшествующимъ ямбомъ, упомянуты Eur. Phoen. 1287 и 1288:

⏑ ⏑́⏑ ⏑ ⏑́⏑ ⏑́⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑̄ —

ἔλεος ἔλεος ἔμολε ματέρος δειλαίας

δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα πότερον αἱμάξει

Но первый изъ этихъ стиховъ не заключаетъ въ себѣ ирраціональнаго кретика, такъ какъ въ словѣ δειλαίας, какъ это видно изъ соотвѣтствующаго стиха антистрофы, слогъ - αι - долженъ считаться краткимъ, ср. Christ, Metrik[2] стр. 26 и сл. Westphal, Metrik[3] III, 1 стр. 132; второй же стихъ долженъ быть раздѣленъ на неусѣченный ямбическій диметръ и дохмій:

⏑ ⋮ ⏑́⏑ ⏑ ⏑́⏑ ⏑ | ⏑́⏑ ⏑ ⏑́

⏑ ⏑́⏑ – ⏑̄ –

δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα

πότερον αἱμάξει.

За дохмій съ предшествующимъ трохаическимъ монометромъ съ анакрузисомъ Мункъ признаетъ Aesch. Prom. 580 (603 W):

⏑̄ – ⏑ – ⏑ | ⏑̄ ⏑ ⏑ – ⏑̄ –

οἰστρηλάτῳ δὲ δείματι δειλαίαν.

Такъ какъ соотвѣтствующій стихъ антистрофы (625 W) таковъ:

σκιρτημάτων δὲ νήστισιν αἰκίαις,

то мы не можемъ признать - αι - въ δειλαίαν за краткій слогъ и, слѣдовательно, кретикъ, входящій въ составъ дохмія, является ирраціональнымъ. Но съ точки зрѣнія современной метрики, сдѣлавшей большой шагъ впередъ послѣ выхода въ свѣтъ работъ Россбаха и Вестфаля сравнительно съ тѣмъ состояніемъ этой науки, въ какомъ

она находилась при Бёкѣ и Мункѣ, разсматриваемый стихъ долженъ быть признанъ усѣченнымъ на стопу логаэдическимъ триметромъ съ анакрузисомъ:

– ⁞ –̋ ∪ –́ ∪ | –̋ ∪ ∪ ⊔́ | ⊔̋ –́ ∧

Дохмій съ послѣдующей усѣченной трохаической триподіей, по мнѣнію Мунка, представляетъ Aesch. Sept. 566 (553 W):

∪ ∪ ∪ – ∪̄ – | – ∪ – ∪ –

ἀνοσίων ἀνδρῶν εἴϑε γὰρ ϑεοὶ

Но если мы, основываясь на дѣленіи стиховъ въ М. и на общемъ характерѣ размѣра, отнесемъ къ разсматриваемому стиху изъ предыдущаго κλύουσ' [1]) и отдѣлимъ отъ него къ послѣдующему слово ϑεοί, то получимъ дохмическій диметръ:

κλύουσ' ἀνοσίων ἀνδρῶν εἴϑε γάρ.

Нельзя также думать вмѣстѣ съ Мункомъ, что стихи Eur. Phoen. 104 (105 N):

∪⁀∪ ∪ ∪⁀∪ | – ∪̄ –

ποδὸς ἴχνος ἐπαντέλλων

и id. Hel. 690:

γάμον ἄγαμον αἰσχύνᾳ

представляютъ неусѣченные кретическіе диметры, такъ какъ гораздо надежнѣе принять первый изъ этихъ стиховъ за дохмическій монометръ, отдѣливъ отъ него, какъ мы это находимъ въ рукописяхъ, слово ποδός и присоединивъ его къ предыдущему стиху, который вслѣдствіе этого образуетъ усѣченный логаэдическій диметръ. Что касается второго изъ разсматриваемыхъ нами стиховъ, то, повидимому, слово αἰσχύνᾳ попало въ него по ошибкѣ со стиха 688; поэтому мы можемъ признать справедливымъ исправленіе его Германомъ и Диндорфомъ, которые это слово замѣняютъ по-

[1]) κλύουσ' чесс.: κλύων M.

средствомъ ἐμόν, вслѣдствіе чего онъ образуетъ правильный дохмическій монометръ.

Стихи Eur. Or. 171 и 172=192 и 193, которые читаются въ рукописяхъ слѣдующимъ образомъ:

στρ. πάλιν ἀνὰ πόδα σὸν εἱλίξεις
μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἷμα δοὺς
πατροφόνου ματρός

Мункъ дѣлитъ на дохмій и еще другой дохмій съ предшествующимъ кретикомъ:

στρ. πάλιν ἀνὰ πόδα σὸν
εἱλίξεις μεθεμένα κτύπου
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον
αἷμα δοὺς πατροφόνου ματρός

Но дохмій въ такой формѣ съ предшествующимъ кретикомъ нигдѣ не встрѣчается; поэтому всѣ новѣйшіе издатели, сохраняя рукописное дѣленіе на стихи, дѣлаютъ въ строфѣ слѣдующую перестановку, предложенную Порсономъ, которой возстановляется полное соотвѣтствіе между схемой строфы и антистрофы:

μεθεμένα κτύπου πόδα σὸν εἱλέξεις;

Эта перестановка даетъ возможность разсматривать приведенные стихи какъ неусѣченный ямбическій диметръ, который весьма часто является въ составѣ дохмическихъ строфъ, и дохмическій монометръ:

στρ. πάλιν ἀνὰ μεθεμένα κτύπου
πόδα σὸν εἱλίξεις.
ἀντ. μέλεον ἀπόφονον αἷμα δοὺς
πατροφόνου ματρός.

Было бы явленіемъ не имѣющимъ аналогіи и несоотвѣтственнымъ съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ, если бы мы Eur. El. 1149=1157

ἔπεσεν ἐμὸς ἐμὸς ἀρχέτας
χρόνιον ἱκόμενον εἰς οἴκους

слѣдуя Мунку, раздѣлили на двѣ части: на дохмій и кретикъ, такъ чтобы этотъ послѣдній вводилъ новую систему. Поэтому мы можемъ произвести въ антистрофѣ предложенную Вейлемъ перестановку, которая оправдывается возстановленіемъ полнаго соотвѣтствія между схемой строфы и антистрофы, взявъ изъ конца предыдущаго стиха слова ἃ πόσιν и замѣнивъ ихъ посредствомъ εἰς οἴκους. Переставивъ такимъ образомъ слова, мы можемъ разсматривать данный стихъ какъ неусѣченный ямбическій диметръ:

◡ ⋮ ◡͡◡ ◡ ◡͡◡ | ◡ – ◡ –

ἔπεσεν ἐμὸς ἐμὸς ἀρχέτας
χρόνιον ἱκόμενον ἃ πόσιν

Въ Soph. O. C. 117=149:

ὅρα· τίς ἄρ’ ἦν; ποῦ ναίει;
ἐή, ἀλαῶν ὀμμάτων

слово ναίει должно читаться съ краткимъ -αι-, ср. стр. 85. Кромѣ того мы не должны вопреки чтенію рукописей въ приведенномъ стихѣ отдѣлять словъ ὅρα въ строфѣ и ἐή въ антистрофѣ, какъ это дѣлаетъ Мункъ, считая его за сочетаніе анапеста съ кретикомъ, такъ какъ онъ представляетъ совершенно правильный логаэдическій диметръ, вполнѣ согласный съ общимъ характеромъ ритмическаго движенія въ строфѣ:

◡ ⋮ – ◡ ◡ ⊔ | – ◡ – ∧

Для того, чтобы возстановить полное соотвѣтствіе въ схемѣ стиха строфы и антистрофы Eur. Or. 168=189, которые въ рукописяхъ читаются такъ:

θωΰξασ’ ἔβαλες ἐξ ὕπνου
οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς

мы только должны рукописное οὐδὲ измѣнить или въ οὐδὲν, какъ предлагаетъ Мусграве, или въ οὐ δή, какъ предлагаетъ Диндорфъ; тогда разсматриваемый стихъ будетъ представлять изъ себя встрѣчающееся иногда въ составѣ дохмическихъ строфъ распространеніе дохмія посредствомъ кретика, а не совершенно не имѣющее анало-

гіи обратное сочетаніе этихъ стопъ, которое видитъ въ немъ Мункъ

Также мало можемъ мы согласиться съ даваемымъ Мункомъ объясненіемъ ритмическаго значенія Soph. El. 1239 и 1240=1260 и 1261:

стр. ἀλλ' οὐ τὰν Ἄρτεμιν
τὰν αἰὲν ἀδμήταν
ἀντ. τίς οὖν ἂν ἀξίαν
γε σοῦ πεφηνότος

которые онъ принимаетъ за кретики, предшествуемые трохаическимъ базисомъ съ анакрузисомъ. Для того, чтобы добиться необходимаго здѣсь соотвѣтствія въ схемѣ стиховъ строфы и антистрофы, мы должны отступить отъ чтенія рукописей, котораго держится Мункъ, и уничтожить въ первомъ стихѣ антистрофы совершенно излишнее ἂν, такъ какъ ниже оно стоитъ еще разъ при глаголѣ; будучи исправленъ такимъ образомъ, этотъ стихъ представляетъ изъ себя дохмическій монометръ. Въ виду того, что соотвѣтствующій стихъ строфы также долженъ быть дохмическимъ монометромъ, надобно замѣнить въ немъ рукописное ἀλλ' οὐ посредствомъ μὰ, какъ это предлагаетъ Гартунгъ. Ритмическое значеніе второго стиха станетъ для насъ совершенно яснымъ, если мы будемъ читать вмѣстѣ съ Блейдсомъ стихъ строфы τὰν ἀδμῆτ' ἀεί вмѣсто τὰν αἰὲν ἀδμήταν, а въ стихѣ антистрофы потавимъ γε на мѣсто σοῦ, какъ это дѣлаетъ Зейдлеръ.

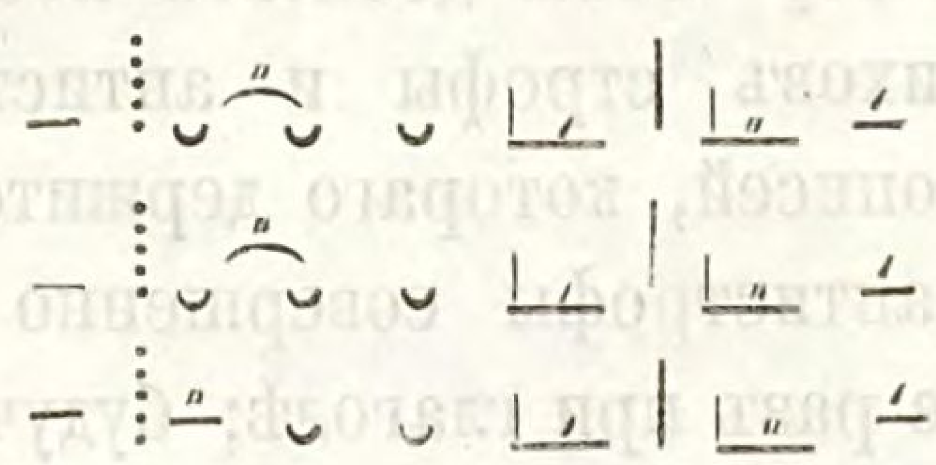
Наконецъ, не могутъ быть признаны за кретическіе диметры, какъ это думаетъ Мункъ, Eur. Phoen. 320 и 321:

ἦ ποθεινὸς φίλοις
ἦ ποθεινὸς Θήβαις

Въ нихъ мы можемъ или замѣнить Θήβαις посредствомъ πόλει, какъ предлагаетъ Геель, признавъ, что первое попало въ текстъ на мѣсто второго изъ пояснительной глассы, или уничтожить ἦ, какъ предлагаетъ Зейдлеръ, благодаря чему мы получимъ два дохмическихъ монометра, которымъ предшествуютъ и за которыми слѣдуютъ также дохмическіе стихи. Точно также не могутъ быть признаны за кретическіе диметры и Soph. Trach. 846—848=857—859:

στρ. ἤ που ὀλοὰ στένει,
ἤ που ἀδινῶν χλωρὰν
τέγγει δακρύων ἄχναν
ἀντ. ἃ τότε θοὰν νύμφαν
ἄγαγες ἀπ' αἰπεινᾶς
τάνδ' Οἰχαλίας αἰχμᾷ.

Если мы для возстановленія соотвѣтствія въ схемѣ между первымъ стихомъ строфы и антистрофы примемъ предлагаемую Блейдсомъ замѣну στένει черезъ αἰάζει, которую оправдываетъ и аналогія въ построеніи двухъ другихъ стиховъ, составляющихъ съ первымъ одинъ періодъ, то ритмическое значеніе всѣхъ ихъ будетъ таково:

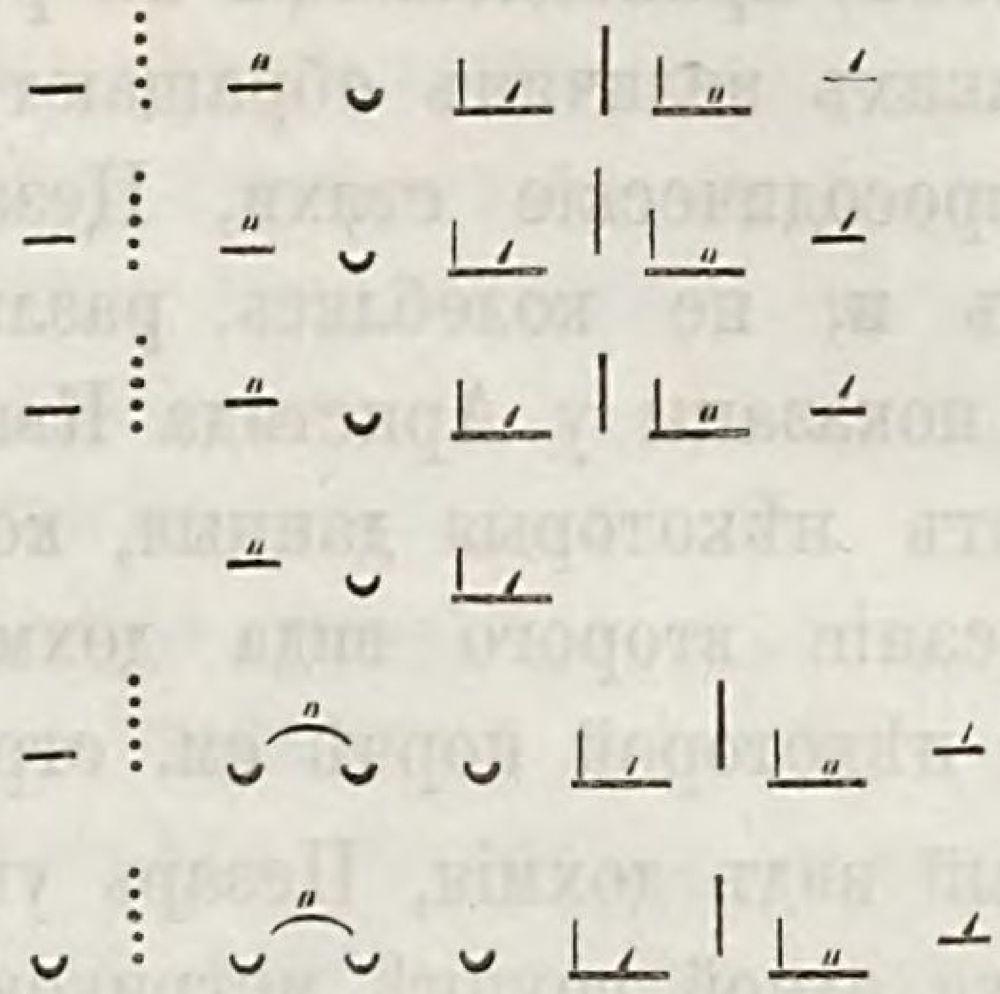
Для того, чтобы дать правильное съ точки зрѣнія современной ритмики толкованіе стиховъ Soph. El. 510—515:

παγχρύσων ἐκ δίφρων
δυστάνοις αἰκίαις
πρόρριζος ἐκριφθείς,
οὔτι πω
ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου
πολύπονος αἰκία

которые Мункъ признаетъ за усѣченные кретическіе диметры съ анакрузисомъ, мы должны сдѣлать въ нихъ слѣдующія исправленія, оправдываемыя одинаковымъ составомъ предшествующихъ стиховъ тогоже эпода: παγχρύσων замѣнить, какъ предлагаетъ Германъ, посредствомъ παγχρυσέων, δυστάνοις согласно Науку — посредствомъ δύστανος, вмѣсто ἔλιπεν ἐκ τοῦδ' οἴκου (или οἴκους), какъ читается въ рукописяхъ, поставить ἔλειπε τοὐσδ' οἴκους, какъ предлагаетъ Гледичъ. Подвергнувшись такимъ исправленіямъ, текстъ будетъ имѣть слѣдующее ритмическое значеніе:

παγχρυσέων δίφρων
δύστανος αἰκίαις

πρόῤῥιζος ἐκριφθείς,
οὔτι πω
ἔλειπε τούσδ' οἴκους
πολύπονος αἰκία.

Такимъ образомъ, если мы выяснимъ надлежащимъ образомъ ритмическое значеніе примѣровъ ирраціональнаго кретика, которые приводитъ Мункъ, и внесемъ въ нѣкоторые изъ нихъ совершенно необходимыя поправки, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ надежнымъ. Принявъ во вниманіе, что у Бёка не найдено нами также ни одного несомнѣннаго примѣра ирраціональнаго кретика, мы въ правѣ заключить изъ этого, что ихъ совершенно не существуетъ, и далѣе, что возможность замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго доказываетъ вслѣдствіе этого неправильность дѣленія дохмія на ямбъ и кретикъ.

с) Теоріи, которыя признаютъ возможнымъ дѣлить дохмій на ямбъ и кретикъ и на ямбъ и бакхій. Нѣкоторыя слабыя стороны теорій, какъ тѣхъ, по которымъ дохмій состоитъ изъ ямба и кретика, такъ и тѣхъ, по которымъ онъ распадается на бакхій и ямбъ, не укрылись отъ взгляда *Цезаря.* Поэтому онъ для того, чтобы избѣжать ошибокъ своихъ предшественниковъ, въ той главѣ своихъ Grundzüge der griechischen Rhythmik im Anschluss an Arist. Quintil., которая, служа пространнымъ комментаріемъ къ отрывку изъ сочиненія Аристида Квинтиліана Περὶ μουσικῆς стр. 54 8—17 (26 5—14 J), озаглавлена имъ Die aus verschieden Geschlechtern zusammengesetzten Reihen, высказываетъ предположеніе, что дохмій, пред-

ставляя сложную стопу, въ однихъ случаяхъ долженъ дѣлиться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ на бакхій и ямбъ.

Замѣтивъ, что Аристидъ Квинтиліанъ употребляетъ глаголъ μιγνύναι только по отношенію къ такимъ ритмическимъ величинамъ, въ составъ которыхъ входятъ стопы, принадлежащія къ различнымъ γένη ῥυθμοῦ, и что въ числѣ такихъ величинъ обращаютъ на себя наше вниманіе дохмическіе и просодическіе стихи, Цезарь переходитъ къ разсмотрѣнію дохміевъ и, не колеблясь, различаетъ въ нихъ тѣ же два вида, которые показаны у Аристида Квинтиліана, не смотря на то, что существуютъ нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ думать, что въ описаніи второго вида дохмія текстъ Аристида Квинтиліана подвергся нѣкоторой порчѣ см. стр. 20 и сл.

Затѣмъ, имѣя въ виду первый видъ дохмія, Цезарь указываетъ, что Аристидъ Квинтиліанъ, слѣдуя одной группѣ метриковъ, дѣлитъ дохмій на ямбъ и кретикъ, между тѣмъ какъ другая группа метриковъ признавала его за сочетаніе бакхія съ ямбомъ. Далѣе, онъ замѣчаетъ, что хотя существуетъ еще другое идущее изъ древности опредѣленіе ритмическаго значенія дохмія, по которому онъ представляетъ изъ себя гиперкаталектическій антиспастъ или, какъ говоритъ Гефестіонъ, πενθημιμερὲς ἀντισπαστικόν, но что съ точки зрѣнія ритмики мы должны предпочесть дѣленіе дохмія на двѣ величины: одну, состоящую изъ трехъ χρ. πρ., и другую,—изъ пяти, которыя, однако, нельзя признавать за части одной стопы, такъ какъ отношеніе между ними не можетъ быть подведено ни подъ одинъ изъ четырехъ возможныхъ γένη ῥυθμοῦ; въ подтвержденіе справедливости этого онъ ссылается на названіе дохмія, которое, какъ онъ думаетъ, основываясь на свидѣтельствѣ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также и самого Аристида Квинтиліана, вызвано было дѣленіемъ стопъ на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι. Но при этомъ Цезарь обращаетъ наше вниманіе на то, что это объясненіе не примѣнимо ко второму виду дохмія, и что Аристидъ Квинтиліанъ даетъ еще другое, по которому дохмій получилъ свое названіе вслѣдствіе разнообразія принимаемыхъ имъ формъ и нѣкоторой неправильности, проявляющейся въ допущеніи замѣны обоихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ.

Разсмотрѣвъ показаніе Аристида Квинтиліана объ дохміи, Цезарь

дѣлаетъ попытку опредѣлить, каково было ритмическое значенiе этого размѣра въ дѣйствительности.

Если дохмiй, говоритъ онъ, состоитъ изъ ямба и кретика, какъ учитъ Аристидъ Квинтилiанъ, то онъ представляетъ такую ритмическую величину, въ которой, какъ въ антиспастѣ, сталкиваются между собою арзисы (части стопъ подъ ритмическимъ ударенiемъ по терминологiи Цезаря) двухъ стопъ, не будучи раздѣлены между собой тезисомъ. Но такое столкновенiе арзисовъ нарушаетъ правильность ритмическаго движенiя, по крайней мѣрѣ, при частомъ повторенiи и для того, чтобы уничтожить его, какъ это, повидимому, необходимо съ точки зрѣнiя ритмики, можно предположить, что первый долгiй слогъ дохмiя заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ. Но свидѣтельство древнихъ метриковъ относительно того, что дохмiй содержитъ въ себѣ всего только восемь χρ. πρ., и допущенiе замѣны перваго долгаго слога дохмiя посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ не позволяетъ сдѣлать этого, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда первый долгiй слогъ дохмiя замѣняется двумя краткими слогами. Когда же первый долгiй слогъ его не бываетъ распущенъ на два краткихъ слога, тогда возможно допускать и протяженiе этого слога. Вообще, замѣчаетъ Цезарь, ритмическое значенiе величинъ, имѣвшихъ схему дохмiя, могло быть неодинаковымъ въ различныхъ случаяхъ, подтвержденiемъ чего служитъ тотъ фактъ, что метрики несогласны между собой въ опредѣленiи ритмическаго значенiя дохмiя, если только не допустить, что до насъ уже не дошло преданiя о томъ, каково оно было въ дѣйствительности. Допустивъ, что въ однихъ случаяхъ дохмiй могъ распадаться на ямбъ и кретикъ, въ другихъ имѣть протянутымъ въ χρ. τρίσημος свой первый слогъ, Цезарь идетъ далѣе и дѣлаетъ слѣдующее предположенiе: Sollte man nicht bei dem Dochmius, wie bei anderen Rhythmen, einen Polyschematismus voraussetzen dürfen, der ohne den Umfang der ganzen Syzygie zu verändern, eine verschiedene Gliederung innerhalb desselben mit Veränderung des rhythmischen Verhältnisses der Glieder hervorbrachte (стр. 201)? Допустивъ такой полисхематизмъ въ составныхъ частяхъ дохмiя, мы получаемъ возможность дѣлить его не только на ямбъ и кретикъ, но также на бакхiй и ямбъ, хотя, замѣчаетъ Цезарь, разница между тѣмъ и другимъ дѣленiемъ даетъ себя знать особенно потому, что въ первомъ случаѣ за меньшей

частью, которая является тезисомъ сочетанія, слѣдуетъ большая, которую мы должны признавать за арзисъ, тогда какъ во второмъ— онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ обратномъ порядкѣ. Противъ того, чтобы дѣлить дохмій непремѣнно на бакхій и ямбъ, продолжаетъ Цезарь, какъ это дѣлаетъ Россбахъ, и вслѣдствіе этого допускать на второмъ долгомъ слогѣ дохмія какъ на тезисѣ бакхической стопы болѣе слабое удареніе, чѣмъ на третьемъ долгомъ слогѣ его, говоритъ, во-первыхъ, наше чувство ритма, съ которымъ мы должны считаться при недостаткѣ другихъ данныхъ, во-вторыхъ, показанія древнихъ метриковъ, которые отводятъ бакхіямъ очень скромное мѣсто въ греческой поэзіи, и въ-третьихъ, допущеніе замѣны второго долгаго слога дохмія посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ, за рѣдкими исключеніями, только при томъ условіи, если распущенъ также предшествующій второму первый долгій слогъ. Частое распущеніе перваго долгаго слога дохмія, которое имѣетъ своею цѣлью смягчить антиспастическій характеръ этого размѣра, уничтожая стеченіе двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ, также не свидѣтельствуетъ въ пользу дѣленія дохмія на бакхій и ямбъ. Единственное преимущество, которымъ мы пользуемся, допуская, что дохмій распадается на бакхій и ямбъ, а не на ямбъ и кретикъ, заключается въ томъ, что посредствомъ этого легко объясняется, почему мѣсто второго краткаго слога въ немъ можетъ быть занято посредствомъ долгаго. Но дохміи съ такимъ долгимъ слогомъ Цезарь вмѣстѣ съ Бекомъ отдѣляетъ отъ дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ и высказываетъ мысль, что какъ бы мы ихъ ни дѣлили на составныя части, предпослѣдній слогъ въ нихъ представляетъ изъ себя второй арзисъ: Wir statuiren, говоритъ онъ, eine polyschematistische Form des Dochmius, welche nach Analogie des Polyschematismus in anderen Rhythmen den Zweck hat, einen Wechsel der Betonung herbeizuführen, und namentlich das Zusammentreffen der Arsen bisweilen aufzuheben, und welche zu diesem Behuf eine Thesis zwischen die beiden Arsen treten lässt, sei es nun dass diese als anceps betrachtet wird, oder dass sie den ersten Theil zum Bakchius macht, in welchem Fall die letzte Länge anceps sein muss; in beiden Fällen rückt die zweite Arsis an die vorletzte Stelle (◡ –́ ⏑̄ –́ – oder ◡ –́ – –́ ⏑̄) (стр. 203). На языкѣ метрики, продолжатъ далѣе Цезарь, это явленіе можетъ быть названо

замѣной ямба и кретика посредствомъ ямба и бакхія или такъ называемаго iambicum penthemimeres, которое иногда встрѣчается въ соединеніи съ антиспастами и дохміями. Но какъ бы мы ни называли это сочетаніе, все-таки допущеніе безразличнаго слога на третьемъ мѣстѣ въ дохміи объясняется такъ же мало, какъ въ іоникахъ и хоріямбахъ. Если допустить, что всѣ тридцать двѣ формы дохмія существуютъ въ дѣйствительности, то съ метрической точки зрѣнія можно сдѣлать нѣсколько возраженій противъ мысли признать третій слогъ дохмія ирраціональнымъ; но критика текстовъ показала, что онѣ не всѣ употребляются, и затѣмъ, что еще важнѣе, значительно убавила число такихъ случаевъ, когда чистому дохмію соотвѣтствуетъ полисхематическій; число этихъ случаевъ еще болѣе сократится, если считать за краткій слогъ такой дифтонгъ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ гласный звукъ. Что касается тѣхъ случаевъ, когда соотвѣтствіе между полисхематической формой дохмія и чистой не можетъ быть устранено, то относительно ихъ Цезарь приходитъ къ слѣдующему заключенію: Bleiben..., wie sich nicht leugnen lässt, doch noch Beispiele übrig, in welchen die Responsion der reinen Form mit der polyschematistischen nicht zu beseitigen ist, so muss zugestanden werden, dass eine der einfachen Metrik vollkommen genügende Erklärung dafür nicht gegeben werden kann, wie sie auch durch die Annahme der Irrationalität der vorletzten Stelle nicht gegeben wird. Darin besteht gerade die Eigenthümlichkeit des Polyschematismus, dass Formen von gleichem rhythmischen Umfang mit einander vertauscht werden, deren Gliederung verschieden ist, und die nach den bei den einfachen Maassen herrschenden Gesetzen einander nicht völlig gleichgestellt werden können (стр. 204). Какъ на послѣднее доказательство того, что долгота предпослѣдняго слога въ дохміи бываетъ раціональной, Цезарь ссылается на требованіе нашего слуха, заключающееся въ томъ, чтобы мы клали на этотъ слогъ ритмическое удареніе, а не оставляли его безъ ударенія, и на данное Діомедомъ описаніе схемы dochmii per synzugian antistrophici, въ которомъ долгимъ показанъ предпослѣдній слогъ дохмія, а безразличнымъ послѣдній.

Въ заключеніе Цезарь прибѣгаетъ къ аналогіи и указываетъ, что во второмъ гликонеѣ также чередуются между собой формы съ краткимъ и долгимъ предпослѣднимъ слогомъ, и что мы должны

долготу такого слога признавать раціональной, считая послѣдній слогъ за безразличный, а третій отъ конца за χρόνος τρίσημος, потому что иначе въ данномъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ допущеніе замѣны краткаго слога посредствомъ долгаго.

Послѣ этого Цезарь переходитъ ко второму виду дохмія и согласно показанію Аристида Квинтиліана дѣлитъ его на ямбъ, дактиль и пеонъ. Въ какомъ отношеніи находится это сочетаніи къ другимъ ритмическимъ величинамъ въ двѣнадцать χρ. πρ., между которыми приведена у Аристида Квинтиліана и тожественная со вторымъ видомъ дохмія, и которыя всѣ дѣлятся у него на стопы въ три χρ. πρ., Цезарь не считаетъ возможнымъ рѣшить вполнѣ опредѣленно вслѣдствіе краткости того мѣста, гдѣ объ нихъ говорится и ограничивается только слѣдующими догадками: ob er, т. е. Aristides Quintilianus, eine verschiedene theoretische Auffassung derselben rhythmischen Reihe vortrage, oder der gleichen metrischen Form in verschiedenen Fällen einen verschiedenen Rhythmus zuschreiben wolle, ist aus seiner aphoristischen Darstellung nicht zu ersehen (стр. 207). Положительный результатъ его соображеній относительно второго вида дохмія заключается въ слѣдующемъ: Auf keinen Fall hatte er selbst an unserer Stelle die dreizeitige Messung des Daktylus vor Augen, die wir mit den meisten Neueren der rhythmischen Behandlung des Glyconeus zu Grunde legen zu müssen glauben, da er gerade eine Mischung verschiedener Geschlechter darin erkennt (стр. 207).

Разсматривая взглядъ Цезаря на ритмическое значеніе перваго вида дохмія, мы должны прежде всего остановиться на его попыткѣ отнести дохмій къ числу μέτρα πολυσχημάτιστα, основываясь только на сдѣланномъ, между прочимъ, замѣчаніи Аристида Квинтиліана, что дохмій получилъ свое названіе διὰ τὸ ποικίλον καὶ ἀνόμοιον. Но если мы обратимся къ нашему единственному источнику, изъ котораго мы получаемъ понятіе объ μέτρα πολυσχημάτιστα, главѣ Περὶ πολυσχηματίστων Гефестіонова Ἐγχειρίδιον и схоліямъ на нее, то найдемъ, что всѣ показанныя здѣсь μέτρα πολυσχημάτιστα относятся къ числу логаэдическихъ стиховъ, между тѣмъ какъ о дохміи, который встрѣчается въ греческой поэзіи гораздо чаще нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ Гефестіаномъ примѣровъ, ничего не упоминается. Это обстоятельство заставляетъ насъ предположить, что слова Аристида

Квинтиліана, на которыхъ основывается Цезарь, не заключаютъ въ себѣ указанія на то, что дохмій принадлежитъ къ *μέτρα πολυσχηματιστα*, а отмѣчаютъ только разнообразіе формъ, принимаемыхъ имъ, которое заставило даже группу метриковъ, называемыхъ Аристидомъ Квинтиліаномъ *οἱ συμπλέκοντες*, установить два вида дохмія: одинъ съ ямбомъ въ началѣ, другой съ дактилемъ.

Далѣе, если мы представимъ себѣ рядъ дохміевъ, въ которомъ они являются въ полисхематической формѣ, т. е. съ долгимъ предпослѣднимъ слогомъ, и въ неполисхематической, то замѣтимъ, что за какую бы ритмическую величину мы ни принимали дохмій, правильное паденіе ритмическихъ удареній въ такомъ ряду окажется нарушеннымъ:

... ⏑ ⏗ | ⏗ ⏑ — | ⏑ ⏗ | ⏗ ⏑ — | ⏑ ⏗ | ⏓ ⏗ — | ⏑ ⏗ | ⏓ ⏗ — ...

тогда какъ въ *μέτρα πολυσχηματιστα*, приводимыхъ Гефестіономъ, мы не находимъ нарушенія порядка, въ какомъ должны находиться ритмическія ударенія.

Но допустимъ, не смотря на это, что дохмій принадлежитъ къ *μέτρα πολυσχηματιστα*, и что предпослѣдній долгій слогъ въ немъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ два полныхъ *χρ. πρ.*, тогда какъ предшествующій ему слогъ является безразличнымъ; это обстоятельство даетъ намъ право ожидать, чтобы первый изъ нихъ замѣнялся двумя краткими слогами, второй однимъ краткимъ, между тѣмъ Цезарь едва-ли могъ бы привести хоть по одному примѣру того и другого случая.

Наконецъ, нельзя признать справедливымъ и дѣлаемаго Цезаремъ опредѣленія состава дохмія въ полисхематической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ дѣлить его на ямбъ и бакхій, признавая подъ этимъ послѣднимъ стопу извѣстной формы въ пять *χρ. πρ.* съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, то одной изъ составныхъ частей дохмія окажется, какъ было уже выше показано мною (стр. 63 и сл.), несуществующая стопа. Если же дохмій представляетъ изъ себя penthemimeres iambicon, то остается совершнно непонятнымъ, какимъ образомъ слѣдуетъ восполнять въ немъ недостающую часть послѣдней стопы, не увеличивая числа *χρ. πρ.* до девяти.

Но если мы не признаемъ справедливымъ объясненіе ритмическаго значенія той формы дохмія, въ которой второй краткій слогъ за-

мѣненъ посредствомъ долгаго, то намъ останется видѣть въ дохміи съ точки зрѣнія Цезаря только сочетаніе ямба съ кретикомъ или бакхія съ ямбомъ. Но мы уже выше показали, почему нельзя согласиться ни съ той, ни съ другой комбинаціей (ср. стр. 63 и сл., 77 и сл.).

Что касается второго вида дохмія въ той формѣ, въ какой его допускаетъ Цезарь, то я уже выше привелъ тѣ основанія, въ силу которыхъ мы должны признавать текстъ Аристида Квинтиліана съ описаніемъ его испорченнымъ (стр. 20 и сл.), тѣмъ болѣе, что Цезарь не можетъ указать разницы между этимъ видомъ дохмія и тожественнымъ съ нимъ по схемѣ логаэдическимъ стихомъ.

B.

а) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду антиспастовъ. Изъ ученыхъ новаго времени Германъ первый призналъ дохмій за антиспастическій размѣръ и пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ въ лицѣ Зейдлера, который, впрочемъ, не во всемъ согласенъ съ Германомъ, и фонъ-Леутша. Послѣ выхода въ свѣтъ работъ по ритмикѣ и метрикѣ Россбаха и Вестфаля одинъ только Фритче счелъ возможнымъ усвоить себѣ мнѣніе Зейдлера и отстаивать его.

Взглядъ *Германа* на дохмій установился еще до появленія самаго капитальнаго его труда по метрикѣ: Elementa doctrinae metricae (1816), такъ какъ въ этой книгѣ онъ только развиваетъ и подкрѣпляетъ аргументами то, что уже было высказано имъ ранѣе въ предисловіи къ Eurip. Herc. f. (1810).

Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что дохмій, по мнѣнію Германа, состоитъ e tribus ordinibus, iambo, arsi, et rursum iambo (стр. 6) и допускаетъ распущеніе каждаго изъ трехъ своихъ арзисовъ (т. е. долгихъ слоговъ подъ ритмическимъ удареніемъ) на два краткихъ слога и замѣну каждаго краткаго слога, которые онъ называетъ анакрузисами, долгимъ, такъ что схема дохмія будетъ такова:

⏑ ⏑́ | ⏑́ | ⏑ ⏑́
— ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑

Зейдлеръ, котораго сочиненіе De versibus dochmiacis tragicorum graecorum (1811) вышло пятью годами раньше Elementa Германа,

не вдается въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, что такое представляетъ изъ себя дохмій, а затрогиваетъ этотъ вопросъ только мимоходомъ по поводу допущенія замѣны второго краткаго слога его посредствомъ ирраціональнаго долгаго.

Не отвергая того, что второй краткій слогъ можно соединять въ одну стопу съ послѣдующимъ долгимъ, какъ это дѣлаетъ Германъ, Зейдлеръ думаетъ, что этотъ же слогъ можно относить и къ тремъ предыдущимъ, образуя изъ нихъ полный антиспастъ, въ которомъ послѣдній слогъ будетъ безразличнымъ. Для доказательства же того, что въ антиспастѣ послѣдній слогъ бываетъ безразличнымъ, онъ приводитъ слѣдующую схему стиха, который, по его словамъ, весьма часто встрѣчается въ трагедіи:

⏕ ⏑́ ⏑ ⏊ ⏓ | ⏕ ⏊ ⏑ – ⏕

Начало въ этомъ стихѣ, по его мнѣнію, несомнѣнно образовано антиспастомъ, такъ какъ четвертый слогъ въ немъ можетъ примыкать только къ предыдущему слогу, на который падаетъ ритмическое удареніе, а не къ послѣдующему, на которомъ его нѣтъ; этотъ же слогъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, безразличенъ. Но въ заключеніе Зейдлеръ считаетъ нужнымъ прибавить, что, будемъ ли мы держаться мнѣнія Германа или его собственнаго, все-таки вопросъ о ритмическомъ значеніи дохмія не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ многое въ немъ остается неяснымъ.

Возвратимся теперь опять къ Герману, который въ своихъ Elementa только подкрѣпляетъ доказательствами свой взглядъ на дохмій, изложенный въ присловіи къ Eur. Herc. f. Въ первомъ отдѣлѣ главы, посвященной дохмію, онъ занимается обозрѣніемъ дошедшихъ до насъ изъ древности показаній о дохміи и сообщаетъ здѣсь, что древніе метрики принимали дохмій за гиперкаталектическій антиспастическій монометръ и насчитывали въ немъ восемь χρ. πρ. Изъ метриковъ новаго времени Германъ упоминаетъ объ одномъ Зейдлерѣ, котораго хвалитъ за то, что онъ установилъ нѣсколько фактовъ относительно дохмія.

Во второмъ отдѣлѣ той же главы Германъ уже приступаетъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какую ритмическую величину представляетъ изъ себя дохмій, и, исходя изъ сдѣланнаго Зейдлеромъ на-

блюденія, что второй краткій слогъ дохмія можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, высказываетъ мысль, что этотъ краткій слогъ, допускающій такую замѣну, можетъ быть разсматриваемъ или какъ анакрузисъ въ началѣ стопы, или какъ тезисъ въ концѣ ея, и что самый дохмій сообразно съ этимъ можно принимать или за бакхическій диметръ ◡ _ _ | ◡̄ _, или за антиспастъ cum arsi nuda съ послѣдующимъ ямбомъ, или за полный антиспастъ съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ. Но бакхическимъ диметромъ дохмій не можетъ быть, во-первыхъ, потому что, хотя такіе диметры и встрѣчаются у Плавта и Теренція, но они являются у нихъ въ сочетаніи съ бакхическими стихами, а не съ антиспастическими, какъ дохмій; во-вторыхъ, потому что анакрузисъ въ бакхіяхъ не можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога. Вторая комбинація, по которой дохмій представляетъ изъ себя антиспастъ cum arsi nuda съ послѣдующимъ ямбомъ или, другими словами, ритмическую величину, состоящую изъ двухъ ямбовъ cum arsi nuda между ними, кажется Герману самой надежной, такъ какъ антиспастическій характеръ дохмія черезъ это нисколько не уменьшается въ виду того, что сущность антиспастическаго размѣра заключается только въ томъ, чтобы за однимъ арзисомъ непосредственно слѣдовалъ другой. Разсматривая, напротивъ того, дохмій какъ полный антиспастъ съ послѣдующимъ долгимъ слогомъ, который намъ должно признать за arsis nuda, мы, нисколько не увеличивая антиспастическаго характера дохмія, дѣлаемъ этотъ размѣръ безсвязнымъ, такъ какъ допускаемъ въ концѣ его arsis nuda. Такимъ образомъ и въ Elementa точно также, какъ и въ вышедшей еще позднѣе Epitome doctrinae metricae, Германъ остается при томъ взглядѣ на дохмій, который былъ высказанъ имъ въ Praefatio къ Eur. Herc. f.

Какъ Германъ, такъ и Зейдлеръ въ своемъ объясненіи ритмическаго значенія дохмія дѣлаютъ двѣ ошибки, которыя общи у нихъ, не смотря на нѣкоторое разногласіе между собой: во-первыхъ, оба они, слѣдуя наименѣе авторитетнымъ изъ дошедшихъ до насъ изъ древности источниковъ, признаютъ дохмій за антиспастическій стихъ; во-вторыхъ, у того и другого изъ нихъ въ составъ дохмія вводится arsis nuda.

Но, прибѣгая къ антиспасту для объясненія ритмическаго значенія дохмія, Германъ и Зейдлеръ не достигаютъ своей цѣли, такъ

какъ антиспастъ представляетъ неудачное изобрѣтеніе «младшей» школы метриковъ, не оправдываемое ритмикой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы признаемъ антиспастъ за дѣйствительно существующую стопу, то должны будемъ признать возможнымъ въ ритмическихъ величинахъ стеченіе двухъ арзисовъ, не раздѣленныхъ между собою тезисомъ, не смотря на то, что это противорѣчитъ понятію о ритмѣ какъ о правильномъ движеніи, ср. стр. 78. Далѣе, если мы, допустивъ существованіе антипаста, возьмемъ совершенно правильный антиспастическій триметръ (малый асклепіадовскій стихъ съ базисомъ въ формѣ ямба):

⏑ — — ⏑ | ⏑ — — ⏑ | ⏑ — — ⏑̱

и разставимъ въ немъ ритмическія ударенія, то найдемъ, что въ серединѣ его рядомъ стоящіе краткіе слоги отнесены къ разнымъ стопамъ, не смотря на то, что подчинены одному и тому же ритмическому ударенію. Не свидѣтельствуетъ также въ пользу признанія антиспаста и многочисленность тѣхъ случаевъ, когда онъ замѣняется посредствомъ ямбической диподіи, при чемъ уничтожается стеченіе арзисовъ, которое Германъ признаетъ столь характернымъ для антиспаста. Наконецъ, полная возможность объяснить всѣ приводимые Гефестіономъ антиспастическіе стихи какъ логаэдическіе заставляетъ насъ окончательно отказаться отъ мысли допустить существованіе антиспаста.

Вторая ошибка, которую дѣлаютъ Германъ и Зейдлеръ, заключается въ томъ, что первый изъ нихъ признаетъ второй долгій слогъ дохмія за arsis nuda, а второй — третій, не смотря на то, что это находится въ противорѣчіи съ ученіемъ Аристоксена о томъ, что стопа въ два χρ. πρ. недопустима, ср. стр. 79.

Кромѣ того Германъ не правъ, объясняя допущеніе замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго тѣмъ, что этотъ краткій слогъ является анакрузисомъ ямбической стопы, между тѣмъ какъ мы показали уже выше, что принимать за анакрузисъ этотъ слогъ мы не имѣемъ права см. стр 68 и сл.

Въ Grundriss zu Vorlesungen über die griechische Metrik *фонъ-Леутша* (1841) теоріи дохміи посвященъ одинъ изъ параграфовъ главы объ антиспастѣ (§ 142 стр. 156 и 157), но опредѣлить въ подробностяхъ, каковъ былъ взглядъ автора на изслѣдуемый размѣръ,

изъ голыхъ рубрикъ, которыя у него даны сообразно съ общимъ характеромъ всего сочиненія, не представляется никакой возможности.

Къ Герману и Зейдлеру тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ *Фритче* съ своей теоріей дохмія, которая въ окончательной формѣ изложена имъ въ Ind. lect. acad. Rostoch. 1884—5.

Признавъ, что происхожденіе кретика и бакхія съ одной стороны и дохмія съ другой представляетъ аналогію, и что исторія изобрѣтенія кретиковъ можетъ быть прослѣжена по даннымъ, идущимъ изъ древности, онъ начинаетъ съ нея. Первоначально, говоритъ онъ, въ трохаическихъ стихахъ, какъ это видно изъ показаній схоліаста къ Ar. Ach. 676, съ концемъ каждой диподіи оканчивалось слово. Изъ такихъ трохаическихъ диподій Критянинъ Θалесъ, жившій около 700 г. до Р. Хр., будто бы создалъ амфимакры или кретики, замѣнивши въ нихъ послѣдній арзисъ паузой (σιωπή). Въ подтвержденіе этого Фритче ссылается на то, что кретики съ концомъ слова послѣ каждой стопы и паузой въ одинъ χρ. πρ. являются еще у Эсхила въ Suppl. 405, и, далѣе, на приведенное въ схоліяхъ къ Гефестіону показаніе Геліодора, по которому будто бы въ пеонахъ съ концомъ стопы обыкновенно совпадаетъ конецъ слова для того, чтобы за ней могла слѣдовать пауза въ одинъ χρ. πρ. Впослѣдствіи, продолжаетъ онъ, когда кретики сдѣлались самобытнымъ размѣромъ, стопа въ нихъ стала заключать уже не шесть, а пять χρ. πρ., исключая вторую стопу въ тетраметрѣ, въ которой съ обязательнымъ концомъ слова соединяется пауза въ одинъ χρ. πρ.

Такъ какъ въ бакхіяхъ, по свидѣтельству Зейдлера, съ концомъ стопы постоянно совпадаетъ конецъ слова, то Фритче, основываясь на аналогіи съ кретиками, предполагаетъ, что этотъ размѣръ произошелъ изъ антиспаста путемъ замѣны послѣдняго слога посредствомъ паузы. Но у Плавта уже бакхіи являются такимъ же самобытнымъ размѣромъ, какъ и кретики, вѣроятно, по почину одного изъ поэтовъ новой комедіи.

Послѣ этого Фритче дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ употребленіи антиспаста. Греки вообще не любятъ употреблять подрядъ нѣсколькихъ антиспастовъ въ чистомъ видѣ; допускается это только тогда, если въ антиспастѣ распущены всѣ долгіе слоги. Но по преимуществу антиспастъ употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ: такъ, когда онъ открываетъ стихъ какого-либо другого размѣра, то

послѣдній слогъ въ немъ бываетъ долгимъ, если размѣръ которому онъ предшествуетъ, начинается краткимъ слогомъ; когда антиспастъ преобразуется въ бакхій, то мѣсто послѣдняго слога въ немъ заступаетъ пауза.

Наконецъ, найденъ былъ еще способъ для образованія изъ антиспаста новаго размѣра. Первый шагъ въ этомъ направленіи состоялъ въ томъ, что антиспастъ раздѣлили на ямбъ и трохей:

⏑ –́ | –́ ⏑

и присоединили къ трохею новый трохей въ ирраціональной формѣ:

⏑ –́ –́ ⏑ – – | ⏑ –́ –́ ⏑ – –

Въ такой преобразованной формѣ антиспасты могутъ являться по нѣскольку подрядъ, и примѣры такого употребленія ихъ встрѣчаются въ дохмическихъ системахъ, но по большей части мы находимъ одинъ антиспастъ съ добавляющей его трохаической стопой въ качествѣ заключительнаго члена системы.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію времени, когда былъ изобрѣтенъ дохмій, Фритче говоритъ слѣдующее: Vixit autem dochmiorum inventor circa sexcentesimum annum ante Ch. n., hoc est toto saeculo post Thaletam Creticum, cuius invento callide usus est. Thaletas Creticum novum tunc metri genus ita repererat, ut trochaicae dipodiae

–́ ⏑ – ⏑ | –́ ⏑ – ⏑

ultimam rescinderet et silentio pausaque compensaret

–́ ⏑ – | –́ ⏑ –

Hoc dochmiorum inventor plane imitatus est in antispasti parte altera, quae est trochaica. Mutavit antispasti unum trochaeum ⏑ –́ | –́ ⏑ in dipodiam trochaicam eiusque ultimam resecuit atque unius syllabae brevis silentium introduxit. Hinc dochmiaci versus in ipso fine plerumque habent caesuram, veluti dimeter

⏑ –́ –́ ⏑ – | ⏑ –́ –́ ⏑ – (стр. 7).

Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что въ кретикѣ краткій слогъ, соотвѣтствующій арзису первой стопы въ трохаической диподіи, не допускаетъ замѣны посредствомъ ирраціональнаго долгаго,

между тѣмъ какъ въ дохміи мѣсто второго краткаго слога можетъ заступать ирраціональный долгій слогъ? Объясняется это тѣмъ, что дохмій, происходя изъ антиспаста, сохраняетъ особенности этого послѣдняго, а въ антиспастѣ послѣдній слогъ, какъ показываетъ употребленіе, могъ быть какъ долгимъ, такъ и краткимъ.

Въ подтвержденіе того, что дохмій представляетъ видоизмѣненіе антиспаста, Фритче ссылается: во-первыхъ, на относящіеся сюда греческіе тексты; во-вторыхъ, на разнообразіе формъ дохмія, одинаковое у этого размѣра съ антипастомъ; въ-третьихъ, на впечатлѣніе нашего уха, которое при чтеніи дохмическаго размѣра почти невольно слышитъ антиспасты; въ-четвертыхъ, на приводимые древними примѣры дохмія, которые показываютъ, что первоначальная его форма была антиспастической.

Показанія Аристида Квинтиліана относительно того, что v. glyc. нѣкогда назывались дохміями, Фритче объясняетъ тѣмъ, что Аристидъ Квинтиліанъ въ данномъ случаѣ разумѣетъ v. polyschematisti, которые передъ хоріямбомъ имѣютъ антиспастъ:

◡ ⊥́ ⊥́ ◡ | ⊥́ ◡ ◡ —

и допускаютъ свойственное антиспастамъ многообразіе формъ стопы.

Взглядъ Фритче на дохмій не можетъ быть признанъ правильнымъ не только потому, что этотъ ученый считаетъ дохмій за антиспастическій размѣръ, но еще и потому, что онъ вводитъ въ составъ дохмія точно также, какъ кретика и бакхія, въ происхожденіи которыхъ усматриваетъ сходство съ дохміемъ, arsis nuda, который съ теченіемъ времени пересталъ сознаваться и быть таковымъ. Между тѣмъ, если мы, не говоря уже о недопустимости arsis nuda въ составѣ какой-либо ритмической величины, разсмотримъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ Фритче выводитъ кретикъ изъ трохаической диподіи, а бакхій—изъ антиспаста, то найдемъ, что онѣ не могутъ быть признаны надежными. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ наудачу изъ Архилоха, который долженъ былъ быть приблизительно современникомъ Критянина Θалеса, хотя бы fr. 56 и разсмотримъ, оправдывается ли на немъ показаніе схолій къ Ar. Ach. 676. Если исключить вторую диподію, которая представляетъ конецъ перваго члена, то окажется, что изъ десяти случаевъ, когда возможно такое совпаденіе, въ дѣйствительности находится только одно. Точно

также не оправдывается и другое положеніе Фритче относительно того, что въ кретикахъ первоначально съ концомъ каждой стопы совпадалъ конецъ слова: если мы возьмемъ, напримѣръ, изъ Алкмана, поэта также приблизительно современнаго Ѳалесу, fr. 38, то изъ разбора его убѣдимся, что изъ десяти случаевъ, когда съ концомъ стопы по теоріи Фритче долженъ былъ бы совпадать конецъ слова, такое совпаденіе имѣетъ мѣсто всего только пять разъ. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ показаніе Геліодора, на которое ссылается Фритче? Геліодоръ, повидимомому, имѣетъ въ виду не что иное, какъ трохаическую диподію и только называетъ ее кретикомъ, отъ котораго она не отличается по своей схемѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что еслибы даже и существовалъ въ дѣйствительности антиспастъ, то Фритче, производя изъ него извѣстнымъ намъ образомъ бакхій и дохмій, не могъ бы опереться на аналогію въ происхожденіи кретиковъ.

Относительно совпаденія конца слова съ концомъ стопы въ бакхіяхъ Фритче также несовсѣмъ правъ: дѣйствительно, въ трагедіи обыкновенно съ концомъ стопы совпадаетъ конецъ слова, но у Пиндара, у котораго мы также встрѣчаемъ бакхіи въ Ol. II, случаи несовпаденія преобладаютъ надъ случаями совпаденія.

Затѣмъ, если мы распространимъ, какъ предлагаетъ Фритче, два рядомъ стоящихъ антиспаста посредствомъ двухъ ирраціональныхъ трохаическихъ стопъ, то найдемъ, что полученное сочетаніе совпадаетъ съ бакхическимъ тетраметромъ безъ всякой, по крайней мѣрѣ видимой, разницы между ними; а это заставляетъ насъ или отказаться отъ предположенія, что бакхій есть неполный антиспастъ, или признать, что распространеніе антиспаста посредствомъ ирраціональнаго трохея является совершенно излишнимъ.

Что касается другихъ доказательствъ, приводимыхъ Фритче, то они могли бы имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы антиспастъ существовалъ въ дѣйствительности.

b) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду ямбовъ. Первый, кто призналъ дохмій за ритмическую величину, состоящую изъ ямбическихъ стопъ, былъ Россбахъ въ своей Rhythmik (1854). Въ этомъ сочиненіи, составляющемъ, какъ извѣстно, первый томъ Metrik d. gr. Dramatiker u. Lyriker, онъ слегка затрогиваетъ вопросъ о

дохміи (стр. 160) и на основаніи слѣдующаго выраженія Аристида Квинтиліана: μὴ κατ' εὐθὺ θεωρεῖσθαι τῆς ῥυθμοποιίας, которое у него приведено одно изъ всѣхъ свидѣтельствъ о дохміи, идущихъ изъ древности, приходитъ къ тому заключенію, что дохмій не имѣлъ опредѣленной ритмической мѣры, но могъ исполняться различнымъ образомъ и съ большой ритмической свободой, чѣмъ другіе размѣры. Съ современной точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, слѣдуетъ признать, что дохмій заключаетъ въ себѣ три арзиса (часть стопы подъ ритмическимъ удареніемъ), изъ которыхъ второй долженъ содержать три χρ. πρ.:

⏑ ⊔́ –́ ⏑ –́

Далѣе, Россбахъ для того, чтобы оправдать свое толкованіе приведенныхъ имъ словъ Аристида Квинтиліана, указываетъ, что съ точки зрѣнія древней ритмики дохмій можно было причислить и къ γένος διπλάσιον ἑξάσημον:

– –̈ – – –́ ⋀̄ – –̈ – – –́ ⋀̄
⏓ –̈ – ⏓ –́ ⋀̄ ⏓ –̈ – ⏓ –́ ⋀̄

Но уже во второмъ томѣ того же сочиненія, изданномъ въ сотрудничествѣ съ Вестфалемъ, онъ отказался отъ приведеннаго нами объясненія дохмія.

Однако, не смотря на неудачную попытку Россбаха, его мыслью воспользовались Гольдманъ, Шулльце и Пикель и попытались доказать, что дохмій принадлежитъ по составу своихъ стопъ къ γένος διπλάσιον.

Гольдманъ въ своей диссертаціи: De dochmiorum usu Sophocleo (part. I, 1867) привязываетъ вопросъ о происхожденіи и ритмическомъ значеніи дохмія къ изслѣдованію такихъ формъ этого размѣра, въ которыхъ мѣсто одного изъ двухъ краткихъ слоговъ занимаютъ два. Признавъ, что такія формы дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного являются въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, каковы Семь противъ Ѳивъ Эсхила и Электра, Аяксъ и Эдипъ Царь Софокла, и указавъ, что въ дохмическомъ диметрѣ эта замѣна была допущена сначала по отношенію къ первому краткому слогу перваго дохмія, затѣмъ — второго и только послѣ этого по отношенію къ второму краткомъ въ обоихъ дохміяхъ безразлично,

Гольдманъ ставитъ вопросъ: quid de origine numerorum dochmiacorum nobis videatur (стр. 31).

Рѣшеніе этого вопроса онъ начинаетъ съ того, что перебираетъ вкратцѣ различныя древнія и новыя теоріи дохмія и признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными, исходя главнымъ образомъ изъ двухъ положеній: во-первыхъ, изъ того, что дохмій состоитъ изъ нѣсколькихъ стопъ, принадлежащихъ къ одному и тому же γένος ῥυθμοῦ, и, во-вторыхъ, изъ того, что дохмій есть μέγεθος ὀκτάσημον. Затѣмъ, высказавъ мысль, что замѣна одного краткаго слога въ первомъ тезисѣ дохмическаго диметра двумя даетъ ключъ къ пониманію того, какъ произошелъ дохмій, авторъ проводитъ параллель между двумя краткими слогами анапеста, являющагося взамѣнъ первой ямбической стопы въ триметрѣ, и двумя краткими слогами, заступающими мѣсто перваго краткаго слога въ дохмическомъ диметрѣ, и, основываясь на этой параллели, приходитъ къ такому заключенію: Dochmius... mihi videtur natus esse ex genere iambico et proprie quidem ductus a trimetro, ex quo sublata et secunda et quinta thesi versus proprius quasi crevit dimeter dochmiacus ita ut theses sublatae nullo modo compensarentur... sic dimeter dochmiacus rhythmice valde discrepat et a puro et a syncopato trimetro iambico; uterque enim 18 temporum moras continet, dimeter autem dochmiacus non plus 16; quod ut clarius eluceat schema ipsum adscribam:

◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —	trim. iamb. purus
— ⌊3 \| ◡ \| — ◡ — ◡ ⌊3 \| ◡ \| — ◡ —	trim. iamb. thesibus sync.
◡ 2 \| ◡ \| — ◡ — ◡ 2 \| ◡ \| — ◡ —	dim. dochm.

(стр. 32).

Изобрѣтенъ былъ дохмій трагическими поэтами, которые употребляли его для выраженія сильныхъ душевныхъ движеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно въ такъ называемыхъ θρῆνοι.

Дальнѣйшія доказательства, представленныя Гольдманомъ въ пользу его теоріи, таковы: во-первыхъ, диметръ есть древнѣйшая форма стиха, въ какой являются дохміи; во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ усѣченная и неусѣченная ямбическая триподія по своему ритмическому значенію равняется дохмію и можетъ заступать его мѣсто въ дохмическомъ диметрѣ; въ-третьихъ, долгіе слоги въ дох-

мическомъ диметрѣ пользуются такою же свободой по отношенію къ распущенію, какъ и въ ямбическомъ триметрѣ; въ-четвертыхъ, только тѣ краткіе слоги въ дохмическомъ диметрѣ свободно замѣняются посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ, которые соотвѣтствуютъ краткимъ слогамъ ямбическаго триметра, допускающимъ такую же замѣну; въ-пятыхъ, мѣсто цезуры въ дохмическомъ диметрѣ находится въ соотвѣтствіи съ мѣстомъ ея въ ямбическомъ триметрѣ; въ-шестыхъ, только дохмическій диметръ и ямбическій триметръ дѣлятся между двумя дѣйствующими лицами у Софокла.

Для доказательства того, что диметръ представляетъ древнѣйшую форму стиха, въ какой являются дохміи, Гольдманъ ссылается на трагедію Эсхила Sept. и Agam., въ которыхъ диметры очень многочисленны, тогда какъ монометры наоборотъ рѣдки, и на Soph. Ant. 1261 и сл. Особенно въ составѣ второй строфы этой лирической части видитъ Гольдманъ наглядное доказательство того, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, такъ какъ 1273 стихъ ея, представляющій дохмическій диметръ, окруженъ спереди и сзади двумя триметрами, а 1275 стихъ состоитъ изъ дохмія и неусѣченной ямбической триподіи. Знаменательное сочетаніе дохмическихъ диметровъ и ямбическихъ триметровъ находитъ Гольдманъ и у Еврипида въ Hipp. 817—829=836—847.

Примѣръ такой ямбической триподіи, которая заступаетъ мѣсто дохмія, Гольдманъ видитъ въ Aesch. Sept. 167 (152 W).

˘ – ˘ – – ˘ – – ˘ –
ἰὼ τέλειοι τέλειαί τε γᾶς

Принимать этотъ стихъ за сплошь ямбическій съ синкопированными тезисами третьей и пятой стопъ, хотя, по его мнѣнію, и возможно, но неудобно въ виду аналогіи съ Agam. 1136=1146 (1129—1130=1142—1143 W):

˘ – ˘ – – ˘ ˘ ˘ – ˘ –
ἰὼ ταλαίνας κακόποτμοι τύχαι
ἰὼ λιγείας μόρον ἀηδόνος

который едва ли можно признать за ямбическій. Далѣе, въ стихѣ id. Suppl. 375=386 (380=391 W):

— ύ ᴗ — (ᴗ) ⊥ ᴗ́ — ᴗ́ — —
πᾶν ἐπικραίνεις· ἄγος φυλάσσου
δυσπαράθελκτος παθόντος οἴκτοις

первая половинка представляетъ, какъ думаетъ Гольдманъ, дохмій съ синкопированнымъ вторымъ тезисомъ и протянутымъ взамѣнъ его третьимъ арзисомъ въ γρ. τρίσημος, вторая представляетъ усѣченную ямбическую триподію. Убѣдиться въ томъ, что такая триподія по своему ритмическому значенію равняется съ дохміемъ весьма нетрудно: стоитъ только третій долгій слогъ поставить въ ней передъ вторымъ краткимъ и она по своей схемѣ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ дохмія. При этомъ Гольдманъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что стихи, въ составъ которыхъ входитъ такая триподія, встрѣчаются только въ самыхъ раннихъ трагедіяхъ Эсхила. Неусѣченную триподію, заступающую мѣсто дохмія въ диметрѣ, Гольдманъ находитъ въ слѣдующихъ стихахъ Софокла: O. R. 1360, 1365 и Ant. 1340, въ которыхъ онъ считаетъ нужнымъ удерживать чтеніе рукописей, не смотря на то, что его обыкновенно исправляютъ такъ или иначе. Допущеніе замѣны онъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что Софоклъ не слишкомъ строго соблюдалъ метрическіе законы и, во-вторыхъ, тѣмъ, что тезисъ второй стопы въ такой триподіи исполнялся очень быстро, и въ доказательство справедливости этого объясненія указываетъ, что всѣ стихи съ такой триподіей находятся въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ имъ соотвѣтствуютъ обыкновенные дохмическіе диметры.

Что касается распущенія долгихъ слоговъ, то разница между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ состоитъ только въ томъ, что въ первомъ послѣдній долгій слогъ можетъ распускаться, тогда какъ во второмъ нѣтъ. Различіе это Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ трагическихъ поэтовъ отдѣлить дохмическій диметръ отъ ямбическаго триметра въ качествѣ самостоятельнаго размѣра.

По поводу ирраціональныхъ долгихъ слоговъ Гольдманъ замѣчаетъ вообще, что они являются въ дохмическомъ диметрѣ взамѣнъ только такихъ краткихъ слоговъ, которые соотвѣтствуютъ тезисамъ нечетныхъ стопъ ямбическаго триметра. Затѣмъ, переходя къ отдѣльнымъ случаямъ такой замѣны, онъ указываетъ, что четвертый краткій слогъ

въ диметрѣ соотвѣтствуетъ тезису шестой стопы дохмія и потому по большей части бываетъ краткимъ. У Софокла исключенія рѣдки и допускаются преимущественно въ антистрофахъ, при чемъ въ строфахъ долгому слогу чаще всего соотвѣтствуетъ краткій, ср. О. С. 1568. Эсхилъ также избѣгаетъ дѣлать ирраціональнымъ послѣдній краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ. Серьезное затрудненіе представляетъ только Soph. Phil. 395=510:

σὲ κἀκεῖ, μᾶτερ πότνι', ἐπηυδώμαν
εἰ δὲ πικρούς, ἄναξ, ἔχθεις 'Ατρείδας

такъ какъ въ этомъ случаѣ послѣдній краткій слогъ ирраціоналенъ въ строфѣ и антистрофѣ. Но это исключеніе объясняется тѣмъ, что въ Филоктетѣ Софоклъ вообще отличается сравнительно большей небрежностью даже въ построеніи ямбическихъ триметровъ, чѣмъ въ другихъ трагедіяхъ, и въ частности тѣмъ, что строфы, изъ которыхъ взяты эти стихи, сильно разнятся по своему строю отъ другихъ дохмическихъ строфъ Софокла. Первый краткій слогъ въ дохмическомъ диметрѣ и соотвѣтствующій ему тезисъ первой стопы въ ямбическомъ триметрѣ часто бываютъ ирраціональными, при чемъ эта ирраціональность во многихъ случаяхъ сопровождается въ томъ и другомъ стихѣ распущеніемъ слѣдующаго долгаго слога. Второй краткій слогъ диметра соотвѣтствуетъ тезису третьей стопы въ триметрѣ и потому свободно можетъ быть замѣняемъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго. Разница между тѣмъ и другимъ заключается только въ томъ, что въ триметрѣ такая замѣна встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ диметрѣ. Третій краткій слогъ дохмическаго диметра соотвѣтствуетъ тезису четвертой стопы ямбическаго триметра, поэтому Гольдманъ утверждаетъ, что въ чистой и основной формѣ диметра этотъ слогъ никогда не бываетъ ирраціональнымъ. Немногочисленные стихи, представляющіе исключеніе: O. R. 656=685, 1361; O. C. 1480, 1556 и сл.=1568 и сл.; Trach. 1024=1043; Phil. 395=510, произошли изъ сочетанія двухъ дохмическихъ монометровъ, которые отличаются уже большей свободой формъ, чѣмъ давшіе имъ начало диметры. Доказательствомъ того, что диметры съ ирраціональнымъ третьимъ слогомъ произошли изъ монометровъ служитъ постоянное совпаденіе въ нихъ конца слова съ концомъ перваго дохмія.

По отношенію къ мѣсту, занимаемому цезурами, связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ, по мнѣнію Гольдмана, проявляется въ томъ, что когда въ диметрѣ не бываетъ діэрезиса, который обыкновенно отдѣляетъ въ немъ одинъ дохмій отъ другого, то его замѣняетъ цезура, которая приходится или послѣ втораго тезиса, соотвѣтственно съ цезурой penthemimeres триметра, или послѣ третьяго тезиса, соотвѣтственно съ hephthemimeres. Употребленіе діэрезиса въ дохмическомъ диметрѣ Гольдманъ объясняетъ стремленіемъ поэтовъ обособить дохмій въ самостоятельный размѣръ.

Единственный у Софокла случай, когда дохмическій диметръ раздѣленъ между двумя дѣйствующими лицами, представляетъ O. C. 836=879; соотвѣтствующій ему ямбическій триметръ Гольдманъ указываетъ въ O. R. 1167 и O. C. 820.

Признавъ доказаннымъ, что дохмическій диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, Гольдманъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, когда приблизительно этотъ стихъ вошелъ въ употребленіе въ трагедіи. Сравнивая размѣры, которые являются въ двухъ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ трагедій, Персахъ и Семи противъ Ѳивъ, нашъ авторъ замѣчаетъ, что въ первой изъ нихъ размѣромъ діалога кромѣ ямбическаго триметра служитъ трохаическій тетраметръ, между тѣмъ какъ дохмическій диметръ почти совершенно отсутствуетъ, во второй же, напротивъ того, употребленіе дохміевъ для описанія сильныхъ душевныхъ движеній сильно развито, тогда какъ трохаическіе тетраметры совершенно не встрѣчаются, и выводитъ отсюда, что дохмическій диметръ впервые сталъ широко употребляться въ качествѣ самостоятельнаго размѣра въ одной изъ трагедій, явившихся между Персами и Семью противъ Ѳивъ.

Обсуждая теорію Гольдмана мы должны прежде всего указать на то, что ни у кого изъ древнихъ писателей нѣтъ даже намека на какую-либо связь между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ.

Далѣе, выводя дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра Гольдманъ допускаетъ, что въ диметрѣ второй и пятый долгіе слоги представляютъ arses nudae, не смотря на то, что arsis nuda исключается понятіемъ о ритмическомъ движеніи по опредѣленію Аристоксена (ср. стр. 79).

Наконецъ, еслибы дохмій былъ изобрѣтенъ трагическими поэтами, какъ это предполагаетъ Гольдманъ, то намъ, по всей вѣроятности, было бы извѣстно имя его изобрѣтателя, такъ какъ древніе писатели охотно даютъ свѣдѣнія на этотъ счетъ при первой возможности.

Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли соотвѣтствіе между различными явленіями въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ было такъ велико, какъ думаетъ Гольдманъ, и, такъ какъ первое, что навело его на мысль выводить дохмическій диметръ изъ ямбическаго триметра, было допущеніе замѣны въ томъ и другомъ одного краткаго слога двумя, то постараемся прежде всего убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ такая замѣна существуетъ въ дохміи. Для того, чтобы доказать существованіе ея по отношенію къ первому краткому слогу Гольдманъ ссылается на слѣдующіе стихи: Soph. O. C. 1447—1450=1462—1465, которые онъ читаетъ такъ:

стр. νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι, νέα βαρύποτμα κακὰ παρ᾽ ἀλαοῦ
ξένου, εἴτι μοῖρα μὴ κιγχάνει
ἀντ. μέγας ἴδε μέγας ἐρείπεται κτύπος ἄφατος ὅδε διόβολος· ἐς δ᾽
ἄκραν δεῖμ᾽ ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν
⏑‿⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ — | ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ —
⏑ — — ⏑ — | ⏑ — — ⏑ —

Eur. Hel. 634 (628 N):

περιπετάσασα χέρα ⏑‿⏑ ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑

Soph. O. R. 1330=1350:

ὁ κακὰ κακὰ τελῶν ἐμὰ τάδ᾽ ἐμὰ πάθεα
νομάδος ἐπιποδίας ἔλαβέ μ᾽ ἀπό τε φόνου
⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ — | ⏑‿⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏓
⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑‿⏑ — | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏓

id. O. R. 1315:

ἀδάμαστόν τε καὶ δυσούριστον ⏑ ⏑ — — ⏑ — | ⏑ — — ⏓

id. Ai. 358:

ἁλίαν ὃς ἐπέβας ἑλίσσων πλάταν ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ ⏑ — | ⏑ — — ⏑ —

id. Ai. 956:

ὁ πολύτλας ἀνήρ ◡ ◡ _ _ ◡ _

id. Ai. 403:

ὀλέθριον αἰκίζει ◡ ◡ ◡ ◡ _ _ _

Но если мы разсмотримъ эти стихи, то окажется, что ни одинъ изъ нихъ не представляется достаточно благонадежнымъ въ критическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, то объясненіе, которое Гольдманъ даетъ O. C. 1447—1450=1462—1465, возбуждаетъ противъ себя слѣдующія возраженія: 1) соотвѣтствіе между строфой и антистрофой въ первомъ стихѣ возстановлено только при помощи исправленія чтенія рукописей, что лишаетъ уже этотъ примѣръ надлежащей убѣдительности; 2) повтореніе слова νέα не требуется смысломъ и при νεόθεν является крайне натянутымъ; 3) слова νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι представляютъ правильный ямбическій диметръ и въ рукописяхъ образуютъ самостоятельный стихъ; 4) зіяніе между словами ξένου и εἴ τι показываетъ, что раздѣленіе на стихи сдѣлано Гольдманомъ неправильно; хотя онъ и оправдываетъ это зіяніе ссылкой на Eur. Hec. 689 и Soph. Ant. 1276, но въ первомъ изъ этихъ стиховъ зіяніе обыкновенно устраняется вставкой частицы δέ, во второмъ оно объясняется тѣмъ, что образовано междометіемъ. Eur. Hel. 634 (628 N) весьма удачно исправилъ Германъ слѣдующимъ образомъ:

περί τ' ἐπέτασα χέρα ◡ ◡͡◡ ◡͡◡ ◡ ◡͡◡

Сомнѣніе въ вѣрности рукописнаго преданія въ стихахъ O. R. 1330=1350, не говоря уже о формѣ дохміевъ, должно возбудить: 1) прилагательное ἐπιποδίας, которое встрѣчается только въ данномъ мѣстѣ, и 2) въ связи съ этимъ то обстоятельство, что слова ἐμά и κακά въ L. прибавлены уже послѣ того, какъ текстъ былъ написанъ (ср. Mekler, Soph. Trag. adn. crit.). Поэтому, какъ кажется, правъ Веклейнъ, который въ строфѣ выбрасываетъ слова κακά и ἐμά, а въ антистрофѣ — ἐπιποδίας; если мы при этомъ рукописное πάθεα замѣнимъ, какъ предлагаетъ Эльмслей, посредствомъ πάθη, то у насъ получится совершенно правильный ямбическій диметръ, который часто входитъ въ составъ дохмическихъ строфъ. Путь, какимъ про-

никла въ текстъ порча, могъ быть таковъ: при словѣ νομάδος явилась глосса ἐπὶ πόας (Кампбеллъ въ своемъ изданіи замѣняетъ этими словами слово ἐπιποδίας); затѣмъ, превратившись въ ἐπιποδίας, эта глосса проникла въ текстъ антистрофы, въ строфѣ же для соотвѣтствія были удвоены слова κακά и ἐμά. Въ O. R. 1315, какъ показываетъ Эллендтъ, слѣдуетъ принять чтеніе ἀδάματον (Lex. Soph.[2] подъ эт. сл.), которое не только устраняетъ необычную форму дохмія, но и установляетъ соотвѣтствіе между первымъ словомъ стиха въ строфѣ и антистрофѣ. Въ остальныхъ стихахъ рукописное чтеніе, котораго держится Гольдманъ, внушаетъ мало довѣрія въ виду несоотвѣтствія схемы стиха въ строфѣ и антистрофѣ тѣмъ болѣе, что поправки, предлагаемыя различными издателями, очень мало отступаютъ отъ него: Ai. 358 Германъ предлагаетъ читать или такъ:

ἅλιον ὃς ἐπέβας ⏑ ⏑͡⏑ ⏑͡⏑ ⏑ –

потому что прилагательное ἅλιος можетъ не образовать особой формы для женскаго рода, ср. Eur. Heracl. 82, или такъ:

ὃς ἁλίαν ἔβας ⏑ ⏑͡⏑ – ⏑ –

Ai. 956 Порсонъ исправляетъ такъ:

πολύτλας ἀνήρ ⏑ – – ⏑ –

Изъ поправокъ Ai. 430 заслуживаетъ особеннаго вниманія та, которую сдѣлалъ Диндорфъ:

ὀλέθρι' αἰκίζει ⏑ ⏑͡⏑ – ⏑ –

Существованіе такихъ формъ дохмія, въ которыхъ двумя краткими слогами замѣняется второй краткій слогъ, Гольдманъ доказываетъ ссылкой на слѣдующіе стихи: Soph. El. 1246=1266:

οὔ ποτε καταλύσιμον – ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑‿⏑ –

εἴ σε θεὸς ἐπόρισεν

Aesch. Suppl. 352=365:

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑‿⏑ – | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ –

ἴδε με τὰν ἱκέτιν φυγάδα περίδρομον

σὺ δὲ παρ' ὀψιγόνου μάθε γεραιόφρων

id. Sept. 207=215 (191=201 W):

⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑‿⏑ – | ⏑ – –

στόμια πυριγενετᾶν χαλινῶν
πόλεος ἵν' ὑπερέχοιεν ἀλκάν

Soph. O. R. 1324:

⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ – | ⏑ – – – –

ὑπομένεις ἐμὲ τὸν τυφλὸν κηδεύων

Soph. Trach. 1026—1030:

– – – – – | – – – ⏑͡⏑ –

– – ⏑ ⏑ ⏑ ⏑̄ | ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ –

θρώσκει δ' αὖ, θρώσκει δειλαία διολοῦσ'
ἡμᾶς ἀποτίβατος ἀγρία νόσος

Но и изъ этихъ стиховъ ни одинъ не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ въ пользу допущенія замѣны второго краткаго слога дохмія двумя. Въ Soph. El. 1246=1266 намъ нѣтъ никакой нужды принимать послѣдній слогъ за обоюдный, а не за краткій, такъ какъ первое слово въ слѣдующемъ стихѣ начинается съ гласнаго звука въ строфѣ и антистрофѣ; краткость же послѣдняго слога исключаетъ форму дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного. Въ Aesch. Suppl. 365 очень подозрительно слово γεραφρονῶν (у Гольдмана γεραιόφρων), которое нигдѣ кромѣ этого мѣста не встрѣчается; но если даже мы и не прибѣгнемъ ни къ одной изъ предложенныхъ поправокъ, которыя возстановляютъ правильный дохмическій диметръ въ строфѣ и антистрофѣ, и останемся вѣрными чтенію рукописей, то все-таки можемъ принять этотъ стихъ за двучленный періодъ, состоящій изъ усѣченной на слогъ логаэдической и трохаической триподіи, какъ это предлагаетъ Г. Шмидтъ:

⏑͡⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⊥ | ⏑͡⏑ ⏑ ⏑̄ ⏑̄ ⏑ – ∧

Aesch. Sept. 207=215 съ предшествующимъ ему стихомъ въ М. читается такъ:

στρ. πηδαλίων διὰ στόμα
πυριγενετᾶν χαλινῶν.
ἀντ. πρὸς μακάρων λιτάς, πόλεως
ἵν' ὑπερέχοιεν ἀλκάν.

Какъ бы мы ни исправляли первый изъ этихъ стиховъ, но намъ нѣтъ нужды касаться второго, по крайней мѣрѣ въ антистрофѣ, который представляетъ усѣченный ямбическій диметръ; вслѣдствіе этого для дохмія съ двумя краткими слогами вмѣсто одного не будетъ уже мѣста. Измѣненіе ἐμέ въ μέ, предложенное Эрфурдтомъ, приведетъ въ полное соотвѣтствіе стихъ O. R. 1323 съ параллельнымъ стихомъ въ строфѣ. Ритмическое значеніе Soph. Trach. 1026—1030 выясняется дѣленіемъ на стихи въ строфѣ 1007—1009:

πᾷ μου ψαύεις; ποῖ κλίνεις; – ⋮ –́ – –́ – | –́ –́

ἀπολεῖς μ', ἀπολεῖς. ⏑ ⏑ ⋮ –́ ⏑ ⏑ –́

ἀνατέτροφας ὅτι καὶ μύσῃ ⏑ ⋮ ⏑⁀⏑ ⏑ ⏑⁀⏑ ⏑ | –́ ⏑ ⏑́

Если мы въ первомъ стихѣ антистрофы не измѣнимъ δειλαία въ δεινά, какъ предлагаетъ Гледичъ, то намъ придется вставить въ строфѣ слово παῖ, какъ предлагаетъ Веклейнъ, и считать первый стихъ за неусѣченный анапестическій диметръ. Было бы весьма странно отступать отъ этого объясненія, основаннаго на дѣленіи стиховъ въ L., и вводить съ Гольдманомъ не встрѣчающуюся нигдѣ форму дохмія, не говоря ужъ объ подозрительномъ обоюдномъ слогѣ въ срединѣ третьяго стиха.

Такимъ образомъ, оказывается, что у насъ нѣтъ ни одного вѣрнаго примѣра употребленія въ дохміи двухъ краткихъ слоговъ вмѣсто одного.

Соотвѣтствіе между дохмическимъ диметромъ и ямбическимъ триметромъ въ другихъ явленіяхъ, на которое ссылается Гольдманъ для подтвержденія своей теоріи или объясняется какъ случайность, или не выдерживаетъ строгой критики.

Въ самомъ дѣлѣ, между распущеніемъ арзисовъ въ дохмическомъ диметрѣ и ямбическомъ триметрѣ нельзя провести полной параллели, потому что въ первомъ одинаково подвергаются распущенію какъ не синкопированные, такъ и синкопированные арзисы; тогда какъ во второмъ синкопированные даже не являются. Поэтому Гольдманъ долженъ былъ бы указать такой ямбическій стихъ, въ которомъ были бы распущены синкопированные арзисы.

Замѣна третьяго и четвертаго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго въ дохмическомъ диметрѣ, какъ бы ее ни

ограничивалъ Гольдманъ, совершается съ большею свободой, тогда какъ въ ямбическомъ триметрѣ мы не найдемъ ни одного случая такой замѣны соотвѣтствующихъ краткихъ слоговъ.

Положеніе, занимаемое цезурой въ дохмическомъ диметрѣ, объясняется вовсе не тѣмъ, что диметръ произошелъ изъ ямбическаго триметра, а тѣмъ, что цезура, замѣняя діэрезисъ, должна стоять какъ можно ближе къ тому мѣсту, на которомъ является онъ.

Дѣленіе одного стиха между двумя дѣйствующими лицами у Софокла допускается не только по отношенію къ ямбическимъ триметрамъ и дохмическимъ диметрамъ, но и по отношенію къ анапестическимъ диметрамъ, ср. Trach. 977, 981, 991; O. C. 173, логаэдамъ, ср. O. C. 179, 180 и др.

Несостоятельными оказываются и остальныя доказательства Гольдмана.

Въ томъ, что диметръ представляетъ самую древнюю форму дохмическаго стиха, Гольдманъ, по своей вѣроятности, правъ; но зависитъ это отъ числа χρ. πρ., заключающихся въ диметрѣ, а не отъ того, что онъ произошелъ изъ ямбическаго триметра.

Такое тѣсное соединеніе ямбическихъ триметровъ съ дохмическими диметрами, какое мы находимъ въ Soph. Ant. 1271—1276=1294—1300 и Eur. Hipp. 817—829=836—847 могло бы служить нѣкоторымъ доказательствомъ въ пользу теоріи Гольдмана, еслибы мы не находили гораздо чаще въ такомъ соединеніи съ дохміями ямбическихъ диметровъ. Что касается Soph. Ant. 1275, то ритмическое значеніе этого стиха едва-ли такое, какое предполагаетъ Гольдманъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ представлялъ бы изъ себя единственный въ своемъ родѣ примѣръ соединенія въ одно неразрывное цѣлое дохмія съ ямбической триподіей; скорѣе его слѣдуетъ объяснять съ Г. Шмидтомъ и Гледичемъ такимъ образомъ:

⏑ ⌊__ _ ⏑ _ ⏑ _ ⏑ _ ⏑ _

Стихи, въ которыхъ Гольдманъ находитъ ямбическую триподію, равную по своему ритмическому значенію дохмію, или невѣрно истолкованы имъ, или невѣрно прочитаны. Такъ, если мы Aesch. Sept. 167 (152 W) приведемъ въ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ

стихами, то увидимъ, что естественнѣе всего принимать его или за синкопированный ямбическій триметръ:

ἰὼ παναρκεῖς θεοί,
ἰὼ τέλειοι τέλειαί τε γᾶς
τᾶσδε πυργοφύλακες

⏑ ⋮ – ⏑ ⌞ | – ⏑ ⏓
⏑ ⋮ – ⏑ ⌞ | – ⌞ | – ⏑ ⌞
⏑ ⌞ | ⏑͡⏑ ⏑ ⏑ ⏓ ∧

или кретическій триметръ съ анакрузисомъ:

⏑ ⋮ – ⏑ – | – ⏑ ⏓
⏑ ⋮ – ⏑ – | – ⏑ – | – ⏑ –
– ⏑ – | ⏑͡⏑ ⏑ ⏓

Впрочемъ это послѣднее объясненіе, принадлежащее Г. Шмидту, кажется мнѣ менѣе удачнымъ, такъ какъ предполагаетъ паузу въ четыре χρ. πρ. между первымъ и вторымъ стихомъ. Аналогіи между разсмотрѣннымъ стихомъ и Aesch. Agam. 1136=1146 (1129—1130=1142 и 1143 W) не оказывается никакой, потому что, какъ это видно изъ критическаго изданія Веклейна, въ М. этотъ послѣдній стихъ раздѣленъ на два и читается такъ:

ἰὼ ἰὼ ταλαίνας ⏑ ⋮ – ⏑ – ⏑ | ⌞ –
κακόποτμοι τύχαι ⏑ ⏑͡⏑ ⋮ – ⏑ –

Aesch. Suppl. 375=386 гораздо естественнѣе объяснять какъ логаэдическій триметръ:

– ⏑ ⏑ ⌞ | – ⏑ – ⏑ | ⌞ –

въ соотвѣтствіи съ тремя пробрахикаталектическими ямбическими триметрами, которые предшествуютъ ему. Три примѣра чередованія одного изъ дохміевъ, составляющихъ диметръ въ строфѣ, съ ямбической триподіей въ антистрофѣ основаны на невѣрномъ чтеніи рукописей, которое исправляется при помощи самыхъ незначительныхъ измѣненій. Такъ слѣдуетъ читать О. R. 1360:

νῦν δ' ἄθεος μέν εἰμ(ι)

вмѣсто рукописнаго:

νῦν δ' ἄθλιος μέν εἰμ(ί)

хотя можно было бы удержать даже рукописное чтеніе, считая ἄθλιος за трибрахъ; ib. 1365, который въ L. читается такъ:

ἔφυι κακοῦ κακόν

исправленъ Германомъ слѣдующимъ образомъ:

ἔτι κακοῦ κακόν

id. Ant. 1340:

ἑκὼν κατέκτανον

слѣдуетъ измѣнить вмѣстѣ съ Мусграве въ ἑκὼν ἔκτανον

Наконецъ, опредѣленіе времени, когда дохміи появились въ греческой трагедіи, сдѣлано Гольдманомъ безъ достаточной основательности, такъ какъ связь между исчезновеніемъ трохаическаго тетраметра и появленіемъ дохмическаго размѣра остается у него недоказанной. Весьма возможно, что отсутствіе дохміевъ въ Персахъ представляетъ такую же случайность, какъ въ Ифигеніи въ Авлидѣ.

Шулльце въ своей диссертаціи De dochmio (1877) соглашается съ Германомъ въ томъ, что характеръ дохмія выражается во встрѣчѣ двухъ тезисовъ, не раздѣленныхъ между собой арзисомъ, и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ритмическое значеніе этого размѣра: Dochmium... nihil aliud esse censemus nisi i a m b i c a m t r i p o d i a m a s y n a r t e t u m (стр. 36). Не входя въ разсужденіе о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ versus asynarteti, и сославшись на Вестфаля, который называетъ этимъ именемъ стихи съ усѣченіемъ внутри, онъ продолжаетъ такъ: Catalexin... tum esse post primam longam apertum est. Quod sic intellegendum ut, cum iambicus numerus more suo et natura in trochaicum transeat (quamobrem Hermannus numerum iambicum, anacrusi dempta, recte aequalem reddere trochaico videtur), pausa, quae alterius iambi arsi eiecta fit, post secundam syllabam ita incidat, ut syllaba brevis expulsa ad praecedentem longam pertinuisse videatur (стр. 36 и сл.). Правда, Вестфаль полагаетъ, что дохмій нельзя признать за прокаталектическую ямбическую триподію въ виду распущенія всѣхъ трехъ долгихъ слоговъ его, но Шулльце въ оправданіе своего пониманія

дохмія ссылается на то, что и въ гликонеѣ послѣдній долгій слогъ, предшествующій прекращенію ритмическаго движенія, можетъ подвергаться распущенію; въ дохміи же, какъ это извѣстно изъ наблюденій надъ стихотворными текстами, послѣдній слогъ не бываетъ соединенъ съ послѣдующими ритмическими величинами болѣе тѣсно, чѣмъ въ гликонеѣ; точно также связь между большей и меньшей частью дохмія не оказывается болѣе тѣсной, чѣмъ связь между всѣмъ дохміемъ и примыкающими къ нему сзади размѣрами. Отсюда вытекаетъ, что мы можемъ допустить въ немъ распущеніе долгихъ слоговъ послѣ паузы и передъ нею. Важнѣйшимъ доказательствомъ того, что между первой, большей половинкой дохмія, и второю, меньшей, отсутствуетъ болѣе близкая связь, чѣмъ между концомъ одного ритмическаго члена и началомъ другого, служитъ допущеніе замѣны второго краткаго слога въ дохміи посредствомъ ирраціональнаго долгаго, которое мы встрѣчаемъ вообще только въ концѣ и въ началѣ стиха.

Переходя затѣмъ къ тому возраженію, что въ срединѣ дохмія, разсматриваемаго какъ ямбическая триподія, необходимо предполагать паузу, которая неудобна, Шулльце замѣчаетъ, что эта пауза въ одинъ χρ. πρ. не можетъ лишить плавности дохмій, какъ это будетъ, если мы признаемъ его вмѣстѣ съ Вестфалемъ за усѣченную бакхическую диподію и опредѣлимъ длительность паузы въ концѣ его въ два χρ. πρ., потому что, во-первыхъ, большую разницу составляетъ, допускаемъ ли мы паузу въ одинъ χρ. πρ. или въ два, во-вторыхъ, важное значеніе имѣетъ и положеніе этой паузы, такъ какъ, если за трехсложной стопой (◡ – –) слѣдуетъ двусложная (◡ –), то пауза послѣ этой послѣдней бываетъ гораздо большей, чѣмъ, если за двухсложной стопой идетъ односложная (–), меньшая ея всего только на одинъ χρ. πρ., тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этой послѣдней является полная ямбическая стопа. Въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ появленіе паузы въ срединѣ дохмія также распущеніе перваго и второго долгаго слога, которое такъ часто встрѣчается въ дохміи.

Далѣе, замѣтивъ по поводу распущенія перваго долгаго слога, что только одно оно иногда сопровождается сокращеніемъ долгой гласной или дифтонга во избѣжаніе зіянія, Шулльце выводитъ отсюда, что послѣ второго слога дохмія находилась пауза и восполня-

лась отчасти посредствомъ остатковъ долготы сокращаемыхъ долгихъ гласныхъ и дифтонговъ.

Замѣчательно, продолжаетъ Шулльце, по отношенію къ дохмію то, что никто почти изъ древнихъ ритмиковъ не упоминаетъ иной формы его кромѣ основной (⏑ — — ⏑ —), и что Аристоксенъ рѣшительно нигдѣ даже не намекаетъ на то, что ему знакомъ дохмій. Исходя изъ этого, Шулльце предполагаетъ, что дохмій подобно антиспасту и нѣкоторымъ другимъ размѣрамъ не былъ знакомъ древнимъ ритмикамъ, а былъ открытъ въ позднѣйшее время вслѣдствіе стремленія къ изобрѣтенію новыхъ размѣровъ.

Немаловажнымъ доказательствомъ, по мнѣнію Шулльце, правильнаго пониманія имъ ритмическаго значенія дохмія служитъ тотъ фактъ, что въ греческой трагедіи иногда является неусѣченная ямбическая триподія въ качествѣ самостоятельнаго члена, такъ какъ и дохміи часто встрѣчаются въ качествѣ самостоятельныхъ монометровъ.

Наконецъ, указавъ, что, по наблюденіямъ новѣйшихъ ритмиковъ, въ стихахъ входятъ въ сочетаніе между собой только родственные размѣры, и что это обстоятельство также подтверждаетъ принадлежность состава дохміевъ къ ямбамъ, съ которыми они особенно охотно соединяются, Шулльце дѣлаетъ относительно первыхъ такой выводъ изъ всего сказаннаго имъ: Dochmii igitur, quamquam eos principio esse iambos censeo, apparent tamen—id quod pausa atque asynartesi efficitur—aliter compositi atque a rhythmicis sic fere aut saepe adhibiti esse, quasi octo temporibus constarent, non novem (стр 40).

Но мы не можемъ признавать дохмій вмѣстѣ съ Шулльце за ямбическую триподію съ паузой между первымъ и вторымъ долгимъ слогомъ, во-первыхъ, въ виду того, что никто ни изъ древнихъ ритмиковъ, ни изъ метриковъ не относитъ дохмія по составу его стопъ къ γ. ἰαμβικόν; во-вторыхъ, въ виду того, что это заставляетъ насъ допустить въ дохміи девять χρ. πρ., тогда какъ, согласно ученію тѣхъ же древнихъ ритмиковъ и метриковъ, ихъ заключается въ немъ всего только восемь; въ-третьихъ, въ виду того что, предположивъ даже, что въ дохміи можетъ содержаться девять χρ. πρ., мы должны будемъ черезъ это признать возможнымъ для восполненія недостающаго χρ. πρ. или помѣщать паузу въ серединѣ слова, или распускать долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ.

Однихъ этихъ общихъ соображеній было бы совершенно достаточно для того, чтобы отвергнуть теорію Шулльце; но мы можетъ указать въ ней еще нѣсколько слабыхъ пунктовъ. То объясненіе возможной ирраціональной долготы второго краткаго слога въ дохміи, какое даетъ Шулльце, едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ усѣченіе въ серединѣ члена, какъ это показываютъ наблюденія, не влечетъ за собою ослабленія связи между отдѣльными частями его, выражающейся въ недопущеніи зіянія и безразличнаго слога (συνάφεια). Далѣе, долгая гласная или дифтонгъ при сокращеніи передъ непосредственно слѣдующей гласной, во избѣжаніе зіянія, не превышаетъ по своей длительности обыкновеннаго краткаго слога, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ дифтонгѣ, неслоговая часть обращается въ соотвѣтствующій согласный звукъ. Наконецъ, изъ умолчанія Аристоксена о дохміи нельзя дѣлать никакихъ выводовъ въ виду очень авторитетнаго показанія объ этомъ размѣрѣ со стороны неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., а также другихъ извѣстій, идущихъ изъ древности.

Если не болѣе удачная, то во всякомъ случаѣ болѣе серьезная попытка отнести дохмій по его составу къ γένος ἰαμβικόν сдѣлана была *Пикелемъ* въ его диссертаціи De versuum dochmiacorum origine (1881).

Этотъ ученый замѣтилъ, что первый долгій слогъ дохмія подвергается распущенію гораздо чаще, чѣмъ второй, и заключилъ отсюда, что если дохмій дѣйствительно представляетъ изъ себя триподію, принадлежащую по составу своихъ стопъ къ γένος διπλάσιον, то за χρ. τρίσημος въ немъ надобно признавать не первый, а второй долгій слогъ. Но это заключеніе ставитъ Пикеля въ противорѣчіе съ Вестфалемъ, который, доказавъ возможность пропуска внутри члена части стопы, не находящейся подъ ритмическимъ удареніемъ, утверждаетъ въ тоже время, что недостающая часть стопы восполняется протяженіемъ долгаго слога, предшествующаго пропущенной части, а не слѣдующаго за ней какъ въ нисходящихъ, такъ и въ восходящихъ размѣрахъ. Поэтому Пикель, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію дохміевъ, дѣлаетъ попытку доказать слѣдующее необходимое для него общее положеніе: Arsis per syncopam sublata potest compensari productione theseos eiusdem pedis, in versibus trochaicis praecedentis, in iambicis sequentis

(стр. 9). При этомъ онъ упоминаетъ, что тоже самое положенie уже ранѣе было высказано Гольдманомъ, который опровергалъ Вестфаля въ вопросѣ о мѣстѣ протяженiя въ восходящихъ размѣрахъ, основываясь на томъ, что этотъ ученый не обращаетъ, по его мнѣнiю, должнаго вниманiя ни на восходящiй характеръ ямбовъ, для сохраненiя котораго мы должны восполнять пропущенный тезисъ (часть стопы, находящаяся подъ ритмическимъ ударенiемъ по терминологiи Гольдмана) посредствомъ протяженiя слѣдующаго за нимъ долгаго слога, а не предшествующаго, ни на самую стопу, которая остается неполной, такъ какъ вслѣдствiе того, что протягивается не ея арзисъ, а арзисъ предшествующей стопы, она содержитъ въ себѣ всего только два χρ. πρ. вмѣсто трехъ, тогда какъ предшествующая ей стопа заключаетъ ихъ четыре. Но Вестфаль не согласился съ возраженiями Гольдмана и въ предисловiи ко второму изданiю своей метрики указалъ тѣ основанiя, изъ которыхъ онъ исходилъ; основанiй этихъ три: во-первыхъ, аналогiя между ямбическими и соотвѣтствующими имъ трохаическими асинартетами (такъ онъ называетъ стихи съ недостающимъ арзисомъ какой-нибудь стопы), которая состоитъ въ томъ, что какъ неусѣченный ямбическiй диметръ представляетъ изъ себя усѣченный трохаическiй диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса:

⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ –

– ⏑ – ⏑ – ⏑ –

такъ и неусѣченный ямбическiй диметръ съ синкопой представляетъ тотъ же усѣченный трохаическiй диметръ, распространенный посредствомъ анакрузиса, также съ синкопой:

⏑ – ⏑ – – ⏑ –

– ⏑ – – ⏑ –

во-вторыхъ, недопущенiе замѣны одинаковыхъ по порядку долгихъ слоговъ посредствомъ двухъ краткихъ въ трохаическихъ и ямбическихъ стихахъ; въ-третьихъ, разстановка нотныхъ знаковъ въ дошедшихъ до насъ гимнахъ Месомеда, изъ которой видно, что въ концѣ стиха, имѣющемъ такую схему ⏑ – –, первый долгiй слогъ заключаетъ въ себѣ три χρ. πρ., а второй два. Если же въ стихѣ, продолжаетъ Вестфаль, схема котораго такова:

⏑ – ⏑ – ⏑ – –

предпослѣдній слогъ заключаетъ въ себѣ три χρ. πρ.:

⏑ — ⏑ — ⏑ ⌞— —

то отсюда ясно, что при отсутствіи выраженія для второго краткаго слога въ томъ же стихѣ:

⏑ — — ⏑ — —

этотъ слогъ долженъ быть возмѣщенъ посредствомъ протяженія предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ:

⏑ ⌞— — ⏑ ⌞— —

Изъ всего этого Вестфаль выводитъ слѣдующее правило о мѣстѣ протяженія въ ямбическихъ стихахъ: im Inlaute des iambischen Verses ist diejenige Länge, hinter welcher die Kürze unterdrückt (?) ist, eine 3-zeitige, nicht diejenige, vor welcher die Kürze fehlt (Gr. Metrik² стр. XI).

Но Пикель не соглашается съ доводами Вестфаля и въ опроверженіе перваго изъ нихъ указываетъ, что понятіе объ анакрузисѣ отдѣленіе котораго необходимо предполагается, если допустить въ ямбическихъ стихахъ протяженіе тамъ, гдѣ его дѣлаетъ Вестфаль, не существовало въ древности и было заимствовано изъ современной музыкальной ритмики, по ученію которой тактъ можетъ начинаться только съ ноты подъ удареніемъ, и что вслѣдствіе этого Вестфаль самъ себѣ противорѣчитъ, такъ какъ признаетъ неимѣющими подъ собой твердой почвы всѣ тѣ законы, которые не основны ни на показаніяхъ древнихъ ритмиковъ, и, особенно Аристоксена, ни на выводахъ изъ этихъ показаній. Совершенно иначе, чѣмъ теперь, продолжаетъ Пикель, дѣлили стихи древніе, которое начинали одни стопы съ тезиса, другія—съ арзиса. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ показаній древнихъ ритмиковъ и метриковъ, въ которыхъ указывается, что между трохеями и ямбами существуетъ διαφορὰ κατ' ἀντίθεσιν.

Послѣ этого Пикель обращается къ опроверженію третьяго довода Вестфаля и сначала разсматриваетъ гимнъ Месомеда къ Музѣ по codex Marcianus Venetus одиннадцатаго вѣка, основываясь на показаніяхъ объ этой рукописи, сдѣланныхъ Шелемъ. Гимнъ Месомеда, говоритъ Пикель, состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ ямбическихъ тетраподій; въ неусѣченныхъ тетраподіяхъ число сло-

говъ и нотныхъ знаковъ одно и тоже, а въ тѣхъ изъ усѣченныхъ, которыя не подверглись порчѣ, число нотъ превышаетъ число слоговъ, такъ что на два послѣднихъ слога такихъ тетраподій приходится четыре нотныхъ знака. Вестфаль три изъ этихъ четырехъ нотъ относитъ къ предпослѣднему долгому слогу, откуда заключаетъ, что этотъ слогъ содержитъ въ себѣ три χρ. πρ. Пикель же, указавъ на небрежность переписчика, которая обнаруживается уже въ томъ, что въ первомъ словѣ стиха гимна три ноты, которыя должны были бы быть помѣщены надъ каждымъ изъ трехъ слоговъ этого слова, всѣ отнесены къ одному третьему, и въ томъ, что надъ вторымъ словомъ, которое состоитъ изъ двухъ слоговъ, также двѣ ноты поставлены при одномъ послѣднемъ слогѣ, дѣлаетъ отсюда выводъ, что еслибы даже дѣйствительно въ усѣченной тетроподіи три ноты были написаны надъ предпослѣднимъ слогомъ, то это все-таки не могло бы служить надежнымъ доказательствомъ длительности этого слога въ теченіе трехъ χρ. πρ. Но на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, этого нѣтъ, такъ какъ въ четвертомъ стихѣ, какъ это видно изъ показанія Шелля, изъ четырехъ нотъ, относящихся къ двумъ послѣднимъ слогамъ, три расположены такъ, что мы съ одинаковымъ правомъ можемъ относить ихъ и къ послѣднему и къ предпослѣднему слогу. Что касается двухъ другихъ гимновъ Месомеда къ Солнцу и къ Немезидѣ, при разсмотрѣніи которыхъ Пикель основывается на codex Neapolitanus пятнадцатаго вѣка, то тотъ и другой изъ нихъ состоитъ изъ неусѣченныхъ и усѣченныхъ логаэдическихъ тетроподій съ тремя анапестическими стопами въ началѣ. Въ составѣ обоихъ гимновъ заключается шестнадцать усѣченныхъ стиховъ, но изъ нихъ имѣютъ значеніе для рѣшенія разсматриваемаго нами вопроса пять, такъ какъ только въ нихъ число нотъ двумя превышаетъ число слоговъ. Вестфаль и нѣкоторые другіе ученые, продолжаетъ Пикель, принимаютъ, что и здѣсь къ предпослѣднему слогу относятся три ноты; но изъ точнаго списка текста этихъ гимновъ, который приложенъ Беллерманомъ къ его Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes, видно, что въ стихѣ 13 гимна къ Солнцу надъ предпослѣднимъ слогомъ совсѣмъ нѣтъ никакой ноты, а въ остальныхъ четырехъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ стоитъ по двѣ ноты, хотя всѣ онѣ и поданы нѣсколько впередъ, такъ какъ переписчикъ, очевидно, боялся, что онѣ всѣ не умѣстятся надъ словами.

Важное доказательство въ пользу своей теоріи Пикель видитъ во второй половинѣ стиха Aesch. Eum. 390=398, которая въ рукописяхъ читается такъ:

δυσοδοπαίπαλα

καίπερ ὑπὸ χθονός

Такъ какъ чтеніе всего этого стиха въ антистрофѣ не подаетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно его вѣрности, то Пикель полагаетъ, что мы можемъ на основаніи его установить схему и для стиха строфы, который возбуждалъ сомнѣніе уже въ древности, какъ это видно изъ того, что въ M. при немъ сдѣланъ значекъ ζτ, и исправлять чтеніе его во второй половинкѣ слѣдующимъ образомъ:

δύσοδα παίπαλα

Будучи исправлена такимъ образомъ, эта часть стиха представляетъ изъ себя, по его мнѣнію, ямбическую триподію, въ которой недостающій арзисъ второй стопы необходимо долженъ быть восполненъ протяженіемъ въ χρ. τρίσημος не тезиса первой стопы, который распущенъ, а второй:

⏕ ⏑⁀⏑ ∟ ⏑ –

Однако не всегда арзисъ стопы, не выраженный особымъ слогомъ, восполняется протяженіемъ слѣдующаго за нимъ тезиса, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мнѣнію Пикеля, это послѣднее можетъ быть замѣнено посредствомъ паузы. Пауза можетъ явиться только послѣ конца слова, хотя и тутъ ничто не мѣшаетъ вмѣсто нея допустить протяженіе долгаго слога въ χρ. τρίσημος. Только въ такихъ строфахъ или разрядахъ стиховъ мы можемъ съ большимъ правдоподобіемъ предполагать непремѣнно паузу, а не протяженіе, въ которыхъ наблюдается постоянное совпаденіе конца слова съ концомъ стопы, предшествующей пропущенному арзису. Таковы— встрѣчающіеся только у Плавта усѣченные ямбическіе диметры съ синкопой третьяго арзиса:

⏑̆–⏑̆ ⏑̆ ⏑̆–⏑̆ ⏑ – | ⏑̆–⏑̆ ⏑̆–

которые употребляются какъ сами по себѣ, такъ и въ соединеніи съ неусѣченными ямбическими диметрами (v. Reizianus). Недостающій

арзисъ въ такихъ стихахъ мы должны восполнять посредствомъ паузы, такъ какъ тезисъ той же стопы является въ распущенномъ видѣ. Такіе же стихи, думаетъ Пикель, существуютъ и въ греческой поэзіи, при чемъ пауза можетъ явиться въ нихъ не только тогда, когда тезисъ стопы, арзисъ которой не выраженъ слогомъ, бываетъ распущенъ, но и тогда, когда онъ бываетъ долгимъ слогомъ.

Послѣ этого Пикель переходитъ къ объясненію ритмическаго значенія дохмія; но мы, прежде чѣмъ приступить къ изложенію его взгляда на этотъ счетъ, разсмотримъ, на сколько надежны тѣ доводы, на которыхъ онъ основывается.

Общій отзывъ о первой части диссертацій Пикеля сдѣланъ Клотцемъ въ рецензіи на нее, помѣщенной въ Jahresbericht f. Alterthumswiss. XXXVI (1883 III) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Einen durchschlagenden Grund für diese ganz verschiedene Behandlung der jambischen und trochäischen τονή kann Pickel nicht vorbringen (стр. 377). Если мы разсмотримъ въ частности каждое изъ тѣхъ основаній, которыми руководился Пикель, то найдемъ, что трудно не согласиться съ этимъ отзывомъ Клотца.

Соглашаясь съ первымъ доводомъ Гольдмана, Пикель неправъ, такъ какъ нисходящій или восходящій характеръ ритмическаго движенія въ стихѣ зависитъ отъ того, будетъ ли этотъ стихъ начинаться слогомъ безъ ударенія или подъ удареніемъ, т. е. анакрузисомъ или нѣтъ, а не отъ того, гдѣ мы будемъ восполнять недостающій арзисъ стопы въ серединѣ его. Далѣе, если мы допустимъ справедливость этого довода Гольдмана, то черезъ это введемъ въ греческую ритмику такіе χρ. τρίσημοι, въ которыхъ ритмическое удареніе является, начиная только со второго χρ. πρ., тогда какъ первый остается безъ ударенія. Но такихъ долгихъ слоговъ съ восходящимъ ритмическимъ удареніемъ мы нигдѣ не находимъ въ другихъ случаяхъ при разборѣ стихотворныхъ текстовъ; ничего не упоминаютъ объ нихъ и древніе ритмики и метрики.

Не можемъ мы также согласиться и со вторымъ доказательствомъ Пикеля, заимствованнымъ имъ у Гольдмана. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ рядъ ямбическихъ стопъ:

..... ◡ _ ◡ _ ◡ _ ◡ _

Нетрудно замѣтить при чтеніи, что каждый краткій слогъ въ этомъ ряду подчиняется ритмическому ударенію предшествующаго ему долгаго слога, а не слѣдующаго за нимъ, и что слѣдовательно въ случаѣ отсутствія краткаго слога онъ долженъ быть замѣняемъ протяженіемъ того долгаго слога, ударенію котораго онъ подчиненъ. Отсюда ясно, что мѣсто, занимаемое протяженіемъ въ ямбахъ, опредѣлено Вестфалемъ совершенно правильно.

Не болѣе удачны доказательства самого Пикеля: такъ показанія древнихъ ритмиковъ о *διαφορὰ κατ' ἀντίθεσιν* между ямбами и трохеями, на которыя онъ ссылается, не имѣютъ никакого значенія для опредѣленія мѣста занимаемаго протяженіемъ въ ямбическихъ стихахъ. Мало того, мы не имѣемъ даже права въ настоящее время дѣлить стихи на стопы по методѣ древнихъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказывается совершенно несостоятельной. Несостоятельность ея и невозможность держаться ея и теперь, когда существуетъ болѣе совершенная, обнаруживается лучше всего въ томъ, когда на основаніи ея мы должны опредѣлить предѣлы каждой стопы въ стихѣ, состоящемъ изъ нисходящихъ іониковъ съ превращеніемъ. Держась старой методы, мы непремѣнно должны допустить, какъ это дѣлаетъ Гефестіонъ и его схоліастъ, въ такомъ стихѣ *μεταβολὴ ῥυθμοῦ*, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ:

... ⏑ ⏑ — ⏑ | — ⏑ — — | ⏑ ⏑ — —

тогда какъ, если мы выдѣлимъ два первыхъ краткихъ слога въ качествѣ анакрузиса, то все будетъ совершенно ясно:

⏑ ⏑ ⋮ — ⏑ — ⏑ | — — ⏑ ⏑

Точно также несостоятельной оказывается древняя метода и тогда, когда мы должны, руководясь ей, дѣлить на стопы пеоническіе стихи съ анакрузисомъ въ одинъ *χρ. πρ.*:

⏑ — | ⏑ — | — ⏑ — |

тогда какъ по нашей и здѣсь намъ нѣтъ никакой необходимости предполагать *μεταβολὴ ῥυθμοῦ*:

⏑ ⋮ — ⏑ — | — ⏑ — |

Отсюда видно, что такъ какъ дѣленіе стиховъ на стопы по древней методѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается совершенно ошибоч-

нымъ, то странно было бы настаивать на сохраненіи ея, гдѣ бы то ни было.

Впрочемъ и въ древности сознавалось уже, что разница между восходящими и соотвѣтствующими имъ нисходящими размѣрами существуетъ только формальная, какъ это доказывается тѣмъ, что древніе метрики подводили такіе размѣры подъ одну ἐπιπλοκή, ср. Вестфаль, Gr. Rhythm³. стр. 212 и сл.

Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ, что различіе между восходящими и нисходящими размѣрами, какъ это утверждаетъ Пикель, выражается въ томъ, что въ первыхъ главное ритмическое удареніе падаетъ на вторую стопу въ диподіи, а во вторыхъ — на первую. Напротивъ того, изъ слѣдующихъ словъ Аристида Квинтиліана можно заключить, что какъ въ тѣхъ, такъ въ другихъ оно падало одинаково на первую стопу: κρητικός, ὃς συνέστηκεν ἐκ τροχαίου θέσεως καὶ τροχαίου ἄρσεως, δάκτυλος κατ' ἴαμβον, ὃς σύγκειται ἐξ ἰάμβου θέσεως καὶ ἰάμβου ἄρσεως (стр. 26_{20-23} J); косвенно подтвержаютъ тоже самое и два латинскихъ грамматика: Діомедъ стр. 503_{33} и 504_{1} и Марій Викторинъ, стр. 81_{29}, 182_{14}, которые, повидимому, по греческому источнику называютъ нечетныя стопы ямбическихъ стиховъ dextri pedes; а такое названіе этихъ стопъ, какъ кажется, должно отмѣтить въ нихъ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ въ четныхъ. Кромѣ этихъ показаній, идущихъ изъ древности, тотъ фактъ, что первый ударъ въ диподіи, будетъ ли она состоять изъ восходящихъ или нисходящихъ стопъ, представляется для слуха болѣе сильнымъ, чѣмъ второй, показываетъ, что какъ въ ямбическихъ, такъ и трохаическихъ стихахъ болѣе сильное ритмическое удареніе падаетъ на нечетныя стопы. Еще болѣе сильное доказательство того же мы найдемъ въ употребленіи ирраціональныхъ стопъ. Разсматривая ирраціональную стопу въ γένος διπλάσιον по формѣ ея, мы видимъ, что она состоитъ изъ двухъ равныхъ другъ другу χρόνοι ποδικοί, тогда какъ въ раціональной стопѣ тезисъ является вдвое большимъ арзиса; понятно, что если мы будетъ читать или пѣть такой рядъ стопъ, въ которомъ раціональныя стопы будутъ чередоваться съ ирраціональными, то намъ всегда будетъ слышаться, что тезисъ раціональной стопы носитъ на себѣ болѣе сильное ритмическое удареніе, чѣмъ тезисъ ирраціональной, по одному тому, что за тезисомъ раціональной сто-

пы слѣдуетъ вдвое болѣе короткій, чѣмъ онъ, арзисъ, тогда какъ за тезисомъ ирраціональной стопы слѣдуетъ арзисъ, равный ему по длительности. Такимъ образомъ, первое доказательство, которое выставилъ Вестфаль, не можетъ быть признано уничтоженнымъ Пикелемъ.

Что касается доводовъ Пикеля, приводимыхъ имъ для опроверженія третьяго доказательства Вестфаля, то я ограничусь только тѣмъ, что приведу относящіяся сюда строки изъ упомянутой уже мною выше рецензіи Клотца: Ganz verfehlt, говоритъ этотъ ученый, aber ist der Beweis aus den alten Musiknoten. Verfasser schöpft dabei nur aus einer Quelle, nämlich aus dem von Rud. Schoell im Jahre 1867 verglichenen (obiter inspexit) codex Marcianus Venetus graecus VI 10 membran. fol. sacc. XI. Weil in dieser Handschrift bisweilen in katalektischen Formen auf der letzten Sible zwei Notenzeichen stehen, soll bewiesen sein, dass die letzte Silbe τρίσημος sei, nicht die vorletzte. Aber Stellen wie hymn. in Solem V. 23, in Nemesin

ρμ ρσ μσ σφ
9 μόσχων und βαίνεις beweisen schon deshalb nichts, weil die vorletzte Silbe auch zwei Zeichen hat. Eine nähere Betrachtung und Vergleichung mit der sonstigen Ueberlieferung der Reihen zeigt vielmehr, dass am Schlusse nur deshalb sich die Noten häufen, weil der Schreiber für die ersten Zeichen, da er fast regelmässig über jede Silbe nur ein Zeichen setzte, zu viel Platz verbrauchte. Recht anschaulich lässt sich das machen an hymn. in Solem 21, einem Vers, den auch Westphal nicht richtig notiert. Die Ueberlieferung ist hier:

σ P μ μ μ σ ρ μ μ ιλμ
γλαυκὰ δὲ πάροιθε σελάνα

und

ρ
σρ M M M σς M M ι λM
γλαυκὰ δὲ πάροιθε σελάνα

Demnach ist zunächst klar, dass γλαυ- zwei Noten hat und die unbedeutenden Senkungen δὲ πα θε und σε sämtlich sehr passend mit M notiert sind, λανα aber auf der ersten Silbe ιλ d. i. die τρίσημος hat und auf der zweiten wieder M. Weshalb aber hat sich im Marcianus alles auf die letzte Silbe gehäuft? Offenbar, weil der

Schreiber das Zeichen ρ fälschlich auf die Senkung θε und dann folgerichtig das nächste M auf die Silbe σε- rückte und dann für λα noch ein M blieb, also die drei letzten Zeichen auf -να gedrängt wurden (ιλμ)... Doch genug, es erleidet gar keinem Zweifel, dass die alten Noten für die gewöhnliche Messung sprechen, man vergleiche nur Stellen, wie hymn. in Solem 2. 4 in Nemesin 3, wohl auch in Solem 7:

ιλ μ μ ζλ ζ Єλ ρρ σ
πώλων. δίωκων. θνατῶν. παγάν u. a. (стр. 378 и сл.).

Ссылка на Aesch. Eum. 390=498, какъ можно догадываться, предназначена для опроверженія второго доказательства Вестфаля. Но въ такомъ случаѣ Пикель не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ мы не можемъ считать опровергнутыми первое и третье доказательство Вестфаля, и такъ какъ одинъ этотъ стихъ, ненадежный въ критическомъ отношеніи, не можетъ служить доводомъ въ пользу какого бы то ни было положенія. Кромѣ того этотъ же стихъ, допустивъ, что Пикель исправляетъ его правильно, можетъ быть принятъ за трохаическую триподію, которой въ антистрофѣ соотвѣтствуетъ логаэдическая съ первой стопой въ формѣ дактиля, ср. стр. 49.

Такъ же мало, какъ и все предыдущее, можно одобрить попытку Пикеля доказать, что въ случаѣ пропуска арзиса ямбической стопы онъ можетъ быть восполненъ не посредствомъ протяженія тезиса ея въ χρ. τρίσημος, а посредствомъ паузы въ одинъ χρ. πρ. По крайней мѣрѣ Клотцъ слѣдующимъ образомъ отзывается въ своей рецензіи объ этой попыткѣ и о приложеніи ея на практикѣ: Verfasser... behauptet, eine solche τρίσημος im Jambus könne auch ausgefüllt werden dadurch, dass vor ihr eine einmorige Pause eintrete; ja er misst z. B. Aesch. suppl. 423 μηδ' ἴδῃς μ' ἐξ ἑδρᾶν πολυθέων so ⌊_ ⏑ – | ⌊_ ⏑ – | ∧ ⏑͡⏑ ⏑ – u. ä., weil eine solche τρίσημος zugleich in zwei Kürzen und eine vorhergehende einmorige Pause aufgelöst sein könne. Diese Ansicht sucht er in § 6 und 7 durch eine grössere Zahl ganz unerhörter Messungen probabel zu machen, welche grosse Errungenschaften der Rossbach-Westphal'schen speciellen Metrik wieder in Frage stellen würden (стр. 379).

Вторая часть диссертаціи, посвященная уже исключительно дохміямъ, начинается прямо слѣдующимъ выводомъ изъ предыдущаго:

versus dochmiacos... nihil impedit quominus referamus in versuum iambicorum numerum, quibus et formae similitudine et crebra coniunctione sunt propinqui, statuentes dochmios esse tripodias iambicas arsi secunda syncopata conspicuas:

⏒ ⏑ — ⏑ | ^— ⏑ — ⏑ | ⏒ ⏑ — ⏑ (стр. 28).

Недостающій арзисъ второй стопы въ дохміи долженъ быть восполненъ посредствомъ протяженія слѣдующаго за нимъ тезиса. Частые случаи распущенія перваго долгаго слога на два краткихъ, нисколько не противорѣчатъ, по мнѣнію Пикеля, предлагаемому имъ объясненію дохмія, такъ какъ и въ ямбахъ нерѣдко является въ распущенной формѣ тезисъ стопы, арзисъ которой пропущенъ, особенно первой. Подтвержденіе справедливости своего сближенія дохміевъ съ ямбами Пикель усматриваетъ въ соотвѣтствіи между тѣми и другими, которое выражается, во-первыхъ, въ томъ, что у Эсхила какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ первый арзисъ особенно часто является въ формѣ ирраціональнаго долгаго слога, тогда какъ у другихъ драматическихъ поэтовъ какъ въ ямбическихъ стихахъ первый арзисъ бываетъ долгимъ гораздо рѣже, чѣмъ у Эсхила, такъ въ связи съ этимъ и въ дохміи первый краткій слогъ гораздо рѣже замѣняется посредствомъ долгаго слога; во-вторыхъ, въ томъ, что въ ямбахъ и дохміяхъ одинаково распущеніе тезиса стопы съ пропущеннымъ арзисомъ по большей части сопровождается распущеніемъ тезиса и предыдущей.

Однако какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дохміи бываютъ распущены оба первыхъ долгихъ слога, или даже одинъ второй? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующее: Et in iis dochmiis, qui duabus thesibus solutis decurrunt, et in iis, in quibus thesis altera sola est soluta, si recta est opinio nostra dochmios esse versus iambicos syncopatos, arsis sublata non longa trisema, sed vacuo tempore potest esse compensata, cum thesis eius pedis, cuius arsin per syncopae artificium esse sublatam censemus, in duas breves sit soluta. Oportet igitur in iis fiat caesura ante thesin alteram: id est in iis dochmiis, qui hac thesi sola soluta insignes sunt, post syllabam secundam (⏒ —, ⏑⁀⏑ ⏒ ⏑—⏑), in iis, qui utramque solutam exhibent, post syllabam tertiam (⏒ ⏑ ⏑, ⏑⁀⏑ ⏒ ⏑—⏑) (стр. 30). Хотя для

Пикеля важно доказать только то, что цезура въ дохміи постоянно является передъ распущеннымъ на два краткихъ слога вторымъ тезисомъ, однако онъ предварительно обращается къ тѣмъ случаямъ, когда она является въ формахъ дохмія съ нераспущеннымъ тезисомъ второй стопы, и дѣлаетъ относительно ихъ слѣдующій выводъ, основанный на статистичесыихъ данныхъ: Ex 1719 igitur dochmiis classium I (⏑ – – ⏑ ⏑⏑) et II (⏑ ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑) incisi sunt:

a. post primam thesin solam 391 id est non quarta pars sive 22,8%,

b. post secundam thesin solam 789 id est non dimidia pars sive 45,9%,

c. post primam et secundam thesin 389 id est non quarta pars sive 22,5%,

d. Caesura carent 150 id est non duodecima fere pars sive 8,7% (стр. 34).

Послѣ этого Пикель переходитъ уже къ разсмотрѣнію III (⏓ ⏑⌒⏑ ⏑⌒⏑ ⏓ ⏑ ⏑) и IV (⏓ – ⏑ ⏑ ⏓ ⏑ ⏑) класса дохміевъ, общее число которыхъ равняется 172 (170?); изъ этого числа въ третьемъ классѣ цезуру имѣютъ послѣ третьяго краткаго слога (III a) 69 дохміевъ, что составляетъ 39% (40?) общаго количества ихъ; послѣ третьяго и пятаго (III c)—64 дохмія, т. е. около 38% общаго числа; при этомъ къ числу стиховъ какъ съ одной, такъ и съ двумя цезурами присоединены и такіе, въ которыхъ цезура отдѣляетъ другъ отъ друга двѣ части сложнаго слова. Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ таковъ: Ergo, ut in classibus I et II, ita etiam in III numerus dochmiorum post primam thesin solam et dochmiorum post primam et secundam thesin incisorum idem fere est. Efficiunt autem in hac classe dochmii generum a (⏑ ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑) et c (⏑ ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ | ⏑ ⏑ ⏑) non, sicut in I pariterque in II fit, dimidiam non prorsus partem, sed fere 4/5 vel 78%. Ii vero versus, qui caesura carent, et versus post thesin secundam solam incisi, quorum numerus in classibus I et II par est dochmiis generum a+c, omnino 22% tantum efficiunt; sunt enim 37 dochmii, 8 Aeschylei, 7 Sophoclei, 20 Euripidei, 2 Aristophanei.

Atque huius numeri exigui 37 plus quam dimidia pars (26) incisa est post syllabam quartam; quos dochmios si detraxeris de

summa (37), 11 tantum supersunt dochmii classis III b (⏓ ⏑͡⏑ ⏑͡⏑ | ⏓ ⏑ ⏑ ⏑).

Ex his 37 versiculis autem 8 non sunt traditi tanquam dochmii, sed coniecturis virorum doctorum textui illati, alii falsa distributione mihi videntur esse orti. Inter ceteros sunt, qui etiam aliis difficultatibus laborent et facili modo, plerique transpositione verbi, possint sanari. Paucos qui restant alio modo posse explicari infra docebitur. (стр. 38).

Разбору этихъ стиховъ, не допускающихъ цезуры передъ распущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ дохмія, и посвящена остальная часть диссертаціи Пикеля. Сначала онъ разсматриваетъ тѣ изъ нихъ, въ которые внесена порча издателями или переписчиками вслѣдствіе излишняго повторенія одного и того же слова; всѣхъ случаевъ относящихся сюда Пикель насчитывалъ восемь: 1) Aesch. Sept. 204 (186 W), который въ М. читается такъ:

ἀκού-σασα τὸν ἁρματόκτυπον

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

ἀκού-σασα τὸν ἁρμάτων κτύπον ὄχων τ' ὄτοβον.

Но мы, мнѣ кажется, должны предпочесть поправку этого стиха, предложенную Веклейномъ, какъ болѣе консервативную, не смотря на то, что она не позволяетъ допускать паузы послѣ третьяго слога дохмія:

... ἀκού-
σασα τὸν ἁρματόκτυπον ὄχων ὄτοβον.

2) Eur. Herc. 921 (919 N) въ рукописяхъ читается такъ:

λέγε, τίνα τρόπον ἔσυτο θεόθεν ἐπί

и исправляется Диндорфомъ для того, чтобы онъ представлялъ изъ себя дохмическій диметръ, слѣдующимъ образомъ:

<λέγε,> λέγε τίνα τρόπον ἔσυτο θεόθεν ἐπί

Пикель предлагаетъ исправлять иначе:

λέγε <τάχος, λέγε>, τίνα τροπον ἔσυτο θεό-
θεν. . .

не приведя ни одного вѣскаго довода, который заставлялъ бы насъ отказаться отъ простой поправки Диндорфа, тѣмъ болѣе, что она позволяетъ намъ сохранить рукописное дѣленіе на стихи.

3) Въ id. Ion. 776, который въ рукописяхъ читается такъ:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἄκρον ἔλακες

Зейдлеръ удвоиваетъ слово ἔλακες для того, чтобы образовать изъ разсматриваемаго стиха дохмическій диметръ. Пикель также удвоиваетъ въ немъ слово ἔλακες, но вставляетъ его передъ ἄκρον:

τόδ' ἐπὶ τῷδε κακὸν ἔλακες ἄκρον ἔλακες

не смотря на то, что пропускъ гораздо естественнѣе предположить тамъ, гдѣ его допускаетъ Зейдлеръ.

4) ib. 790 и сл. которые въ рукописяхъ читаются такъ:

ὀτοτοτοῖ· τὸ δ' ἐμὸν ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν
ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς

Пикель предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

τὸ δ' ἐμὸν ἄρα βίοτον ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβεν ἐν ἐρημίᾳ

или слѣдующимъ:

τὸ δ' ἐμὸν ἄρα βίοτον ἄτεκνον ἔλαβεν ἄτεκτον ἐν ἐρημίᾳ

выдѣляя изъ стиха, вопреки рукописямъ, восклицаніе ὀτοτοτοῖ въ нѣчто самостоятельное. Но болѣе консервативную поправку этихъ же стиховъ предложилъ Г. Шмидтъ:

ὀτοτοτοῖ τὸ δ' ἐμὸν
ἄτεκνον ἄτεκνον ἔλαβ' ἄρα βίοτον, ἐρημίᾳ δ' ὀρφανούς

которая, мнѣ кажется, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ обѣ поправки Пикеля.

5 и 6) Eur. Hel. 650, который въ рукописяхъ читается:

πόσιν ἐμὸν ἔχομεν ἔχομεν, ὃν ἔμενον

Зейдлеръ весьма просто обращаетъ въ дохмическій диметръ, повторяя слово ἐμόν; Пикель же предлагаетъ исправлять или слѣдующимъ образомъ:

πόσιν <πόσιν> ἔχομεν | ἔχομεν, ὃν ἔμενον

или слѣдующимъ:

ἔχομεν ἔχομεν ἐμὸν, | ὃν ἔμενον πόσιν.

Мнѣ кажется, что исправленіе этого стиха Зейдлеромъ слѣдуетъ предпочесть исправленію Пикеля въ виду большей консервативности.

7 и 8) Eur. Herc. f. 1059 (1060 и сл. N), который читается въ рукописяхъ такъ:

εὕδει; :: ναί, εὕδει
ὕπνον ὕπνον ὀλόμενον,
ὃς ἔκανεν ἄλοχον, ἔκανε, δὲ τέκεα, τοξήρει
ψαλμῷ τοξεύσας,

Пикель исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

εὕδει; :: ναί, εὕδει | ὀλοὸν ὕπνον, ἄλοχον
ὃς ἔκαν' ἔκανε δὲ <τὰ> | τέκεα τοξήρει
ψαλμῷ τοξεύσας.

Но, по моему мнѣнію, заслуживаетъ большаго довѣрія та редакція этихъ стиховъ, которой держится Виламовицъ - фонъ - Мёллендорфъ, замѣняя вмѣстѣ съ Добрее второе ὕπνον, посредствомъ ἄυπνον, выводя изъ ἔκανεν два слова ἔκανε и μέν и уничтожая τοξεύξας, какъ явившееся изъ τοξήρει.

Къ числу этихъ восьми стиховъ Пикель присодиняетъ еще два, въ которыхъ также цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе неправильнаго исправленія различными издателями.

9) Aesch. Sept. 78, который въ M. читается такъ:

θρέομαι φοβερὰ μεγάλ' ἄχη

Пикель восполняетъ слѣдующимъ образомъ:

θρέομαι <ἄνι' ἄνια> | φοβερὰ μεγάλ' ἄχη,

Но мы получаемъ черезъ это такую форму дохмія, самое существованіе которой подвержено сомнѣнію (см. Rossbach. Gr. Metrik[3] стр. 776). Болѣе естественно предположить, что пропускъ въ этомъ стихѣ находится не послѣ θρέομαι, а передъ нимъ и восполнять его, если не словомъ νεόκοτα съ Диндорфомъ, то ὀρόμενα съ Приномъ.

10) Въ Aesch. Sept. 239 (225 W), который въ M. читается такъ:

ποταίνιον κλύουσα πάταγον ἄμμιγα

большинство новѣйшихъ издателей принимаетъ предложенную Геймсётомъ замѣну слова ποταίνιον посредствомъ ποτίφατον и слова ἄμμιγα посредствомъ ἀναμίξ. Но Пикель находитъ, что хотя эти поправки и возстановляютъ соотвѣтствіе между строфой и антистрофой, однако не могутъ быть признаны удовлетворительными въ виду того, что Геймсётъ удаляетъ изъ текста употребительное у Эсхила слова ἄμμιγα и замѣняетъ неупотребительнымъ ни у кого изъ трагиковъ словомъ ἀναμίξ. Если даже возраженіе Пикеля противъ введенія слова ἀναμίξ и справедливо, то это нисколько не мѣшаетъ намъ признать удачной первую поправку, которая не допускаетъ цезуры послѣ третьяго слога дохмія, и исправлять конецъ стиха какъ-нибудь иначе.

Затѣмъ Пикель переходитъ къ дохміямъ, въ которыхъ цезура не является послѣ третьяго слога вслѣдствіе того, что они образованы неправильнымъ дѣленіемъ текста на стихи. Случаевъ такого неправильнаго дѣленія онъ насчитываетъ девять:

1 и 2) Aesch. Agam. 1407=1426 (1406—1408=1426—1428 W), Пикель дѣлитъ на стихи, вопреки рукописямъ и нѣкоторымъ издателямъ, слѣдующимъ образомъ:

στρ. τί κακόν, ὦ γύναι,
χθονοτρεφὲς ἐδανὸν ἢ ποτὸν
πασαμένα ῥυτᾶς ἐξ ἁλὸς ὄρμενον.
ἀντ. μεγαλομῆτις εἶ.
περίφρονα δ' ἔλακες· ὥσπερ οὖν
φονολιβεῖ τύχᾳ φρὴν ἐπιμαίνεται

Признавая такое дѣленіе на стихи совершенно правильнымъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что еще ранѣе, чѣмъ у Пикеля, точно такое же разграниченіе стиховъ другъ отъ друга дано въ изданіи Эсхила Paley.

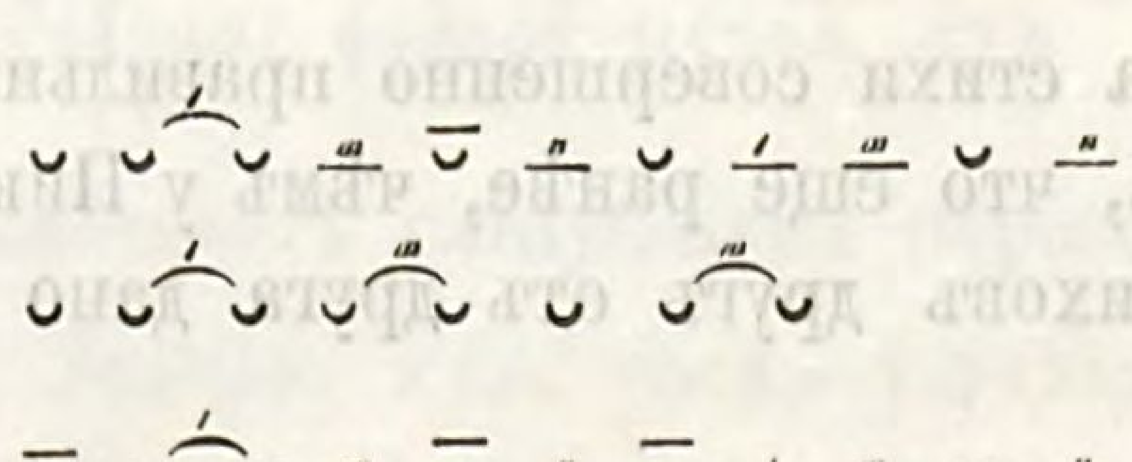
3) Soph. O. C. 1479 (1477—1481=1491—1495) Пикель отдѣляетъ отъ предыдущаго и послѣдующихъ стиховъ, слѣдуя Мейнеке, такимъ образомъ:

στρ. ἔα ἔα, ἰδοὺ μαλ' αὖθις ἀμφίσταται διαπρύσιος ὄτοβος <ὦ>

ἵλαος, ὦ δαίμων, | ἵλαος, εἴ τι γᾷ
ματέρι τυγχάνεις | ἀφεγγὲς φέρων.
ἀντ. ἰὼ <ἰὼ> πρόβαθι βᾶθ' <⏑ –> εἶτ' ἀκρᾶν ἐπὶ
γύαλον ἐναλίῳ
Ποσειδανίῳ | θεῷ τυγχάνεις
βούθυτον ἑστίαν | ἁγίζων, ἰκοῦ

Но неправильность такого разграниченія стиховъ другъ отъ друга доказывается тѣмъ, что, во-первыхъ, въ первомъ стихѣ синкопированная стопа является подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что, тотъ же стихъ въ антистрофѣ оканчивается безразличнымъ слогомъ, тогда какъ въ строфѣ съ концомъ его не совпадаетъ конецъ слова; въ-третьихъ, тѣмъ, что первый и второй стихъ представляютъ не имѣющее аналогіи соединеніе ямбическаго тетраметра съ началомъ дохмія въ одномъ словѣ. Поэтому, мнѣ кажется, скорѣе можно остановиться на слѣдующемъ опредѣленіи границъ разсматриваемыхъ стиховъ, не смотря на то, что второй стихъ при немъ представляетъ такой дохмій, который не допускаетъ паузы послѣ третьяго слога:

στρ. ἔα ἔα, μάλ' αὖθις ἀμφίσταται [1])
διαπρύσιος ὄτοβος
ἵλαος, ὦ δαίμων, ἵλαος, εἴ τι γᾷ
ματέρι τυγχάνεις ἀφεγγὲς φέρων.
ἀντ. ἰὼ <ἰὼ>, παῖ, βᾶθι, βᾶθ', εἶτ' ἀκρᾶν [2])
ἐπὶ γύαλον <ἔμολες>, [3])
εἶθ' ἁλίῳ θεῷ Ποσειδανίῳ
βούθυτον ἑστίαν ἁγίζων κυρεῖς [4]).

[1]) ἔα ἔα Гледичъ: ἔα ἔα ἰδού. [2]) ἰὼ ἰὼ Германъ: ἰώ. [3]) γύαλον ἔμολες Гледичъ: ἔμολες. [4]) εἶθ' ἁλίῳ θεῷ Ποσειδανίῳ β. ἑ. ἁ. κυρεῖς Гледичъ: ἐναλίῳ Ποσειδανίῳ θεῷ τυγχάνεις β. ἑ. ἁ. ἰκοῦ.

4—7) Oed. R. 1313=1321, а также и два слѣдующихъ стиха Пикель разграничиваетъ другъ отъ друга слѣдующимъ образомъ:

στρ. ἰὼ
σκότου νέφος ἐμὸν ἀ|πότροπον, ἐπιπλόμενον
ἄφατον, ἀδάματόν | τε καὶ δυσούριστον ὄν.
ἀντ. ἰὼ
φίλος, σὺ μὲν ἐμὸς ἐπ|ίπολος ἔτι μόνιμος·
ἔτι γὰρ ὑπομένεις | με τὸν τυφλὸν κηδεύων.

такъ какъ, если сохранить рукописное дѣленіе на стихи, то въ первомъ стихѣ не окажется цезуры послѣ третьяго слога. Но согласившись съ дѣленіемъ на стихи, предлагаемымъ Пикелемъ, мы должны, во-первыхъ, допустить въ первой половинѣ перваго стиха дохмій въ такой формѣ, въ какой онъ засвидѣтельствованъ только однимъ надежнымъ примѣромъ (ср. Rossbach. Gr. Metrik[3] стр. 778), во-вторыхъ, признать возможнымъ слишкомъ тѣсное соединеніе посредствомъ энклитики между дохміемъ и ямбическимъ диметромъ, которое въ другихъ случаяхъ мы не находимъ и, въ-третьихъ, нарушить дѣленіе на стихи, находимое нами въ L. Поэтому гораздо удобнѣе сохранить въ данномъ случаѣ такое дѣленіе на стихи, какое мы находимъ въ рукописяхъ:

στρ. ἰὼ σκότου
νέφος ἐμὸν ἀπότροπον | ἐπιπλόμενον ἄφατον,
ἀδάματον τε καὶ | δυσούριστον <ὄν>.
ἀντ. ἰὼ φίλος,
σὺ μὲν ἐμὸς ἐπίπολος | ἔτι μόνιμος· ἔτι γὰρ
ὑπομένεις με τὸν τυφλὸν κηδεύων,

8 и 9) Eur. Iph. Taur. 871 и 872, которые не представляютъ никакого затрудненія по своему ритмическому строенію:

ἀπέφυγες ὄλεθρον ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαϊχθεὶς χερῶν.

⏑ ⏑⁀⏑ ⏑⁀⏑ ⏑ ⏑⁀⏑ ⏑ ⏑⁀⏑ – ⏑ –
⏒ – – ⏑ –

Пикель, измѣняя въ нихъ нѣсколько порядокъ словъ, предлагаетъ читать слѣдующимъ образомъ:

ὄλεθρον ἀπέφυγες ἀνόσιον ἐξ ἐμᾶν
δαϊχθεὶς χερῶν.

Но намъ нѣтъ никакой нужды отступать отъ совершенно естественнаго порядка словъ, какой данъ въ рукописяхъ.

Далѣе Пикель приводитъ пять случаевъ, когда цезуру послѣ третьяго слога въ дохміи можно возстановить при помощи небольшой перестановки словъ въ стихѣ:

1) Soph. El. 1266, который обыкновенно читаютъ такъ:

τᾶς πάρος ἔτι χάριτος, εἴ σε θεὸς ἐπόρισεν

онъ исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

τᾶς πάρος ἔτι χάριτος, εἰ θεὸς ἐπόρισέν σ',

2) Eur. Herc. f. 745, который въ рукописяхъ читается такъ:

πάλιν ἔμολεν, ἃ πάρος οὔποτε διὰ φρενὸς
ἤλπισεν παθεῖν γᾶς ἄναξ

Пикель, согласно требованіямъ смысла, исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

<ἔμολε> πάλιν ἔμολεν, | οὔποτ' ἃ διὰ φρενῶν
ἤλπισ' ἄν, ὁ | πάρος γᾶς ἄναξ.

3) Въ ib. 1023, который въ рукописяхъ читается такъ:

σὺ δὲ τέκνα τρίγονα τεκόμενος, ὦ δάϊε

совершенно ненужна перестановка, которую предлагаетъ Пикель, съ замѣной слова δάϊε посредствомъ τάλαν:

σὺ δὲ τρίγονα τέκνα τεκόμενος, ὦ τάλαν.

4) Тоже можно сказать и относительно Phoen. 299, который Пикель предлагаетъ читать:

τί μέλλεις ὑπώροφα περᾶν μέλαθρα

вмѣсто рукописнаго чтенія:

τί μέλλεις ὑπώροφα μέλαθρα περᾶν.

и 5) Eur. Bacch. 1007 и сл., которые въ рукописяхъ читаются такъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δ' ἕτερα μεγάλα,

Пикель приводитъ въ такой порядокъ:

τὸ σοφὸν οὐ φθόνῳ χαίρω θηρεύουσα, τὰ δὲ μεγαλ' ἕτερα

Къ числу этихъ случаевъ Пикель присоединяетъ еще два, которые также подвергаетъ исправленію, такъ какъ и въ нихъ не является цезура послѣ третьяго слога въ дохміи:

1) Ar. Av. 1193 вмѣсто рукописнаго:

ὃν Ἔρεβος ἐτέκετο

онъ предлагаетъ читать:

ὃν Ἔρεβος τέκετο.

Но признать эту поправку правильной мы не можемъ уже потому, что едва-ли можно предполагать у Аристофана форму безъ приращенія.

2) Въ Eur. I. T. 877, который въ рукописяхъ читается такъ:

τίνα σοι πόρον εὑρομένα πάλιν ἀπὸ πόλεως
ἀπὸ φόνου πέμψω | πατρίδ' ἐς Ἀργείαν,

Пикель предлагаетъ замѣнить ἀπὸ πόλεως какъ неподходящее по смыслу или посредствомъ конъектуры Кёхли (ἀπὸ ξένης), или Веклейна (αὖ πάλιν ἀπ' ὀλέθρου); но Вейль не находитъ нужнымъ дѣлать этого, полагая, что ἀπὸ πόλεως въ данномъ случаѣ равно по смыслу ἀπὸ χθονός.

Теперь изъ третьяго класса остается Пикелю разсмотрѣть всего только 11 стиховъ, которые не имѣютъ цезуры послѣ третьяго слога; это даетъ ему поводъ сдѣлать изъ предыдущаго такой выводъ: Hic numerus exiguus... satis demonstrare mihi videtur poetas consulto et abstinuisse in dochmiis thesibus solutis decurrentibus hac caesura et incidisse omnes hos dochmios post primam thesin. Причина этого заключается будто бы въ томъ, что необходимо было восполнить посредствомъ паузы недостающій арзисъ стопы.

Что же касается тѣхъ одинадцати стиховъ, то, по мнѣнію Пикеля, нѣтъ нужды даже исправлять ихъ, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые

начинаются съ краткаго слога могутъ быть признаны за ямбическія триподіи съ паузой въ началѣ для восполненія недостающаго въ нихъ арзиса. Подтверждаетъ свое мнѣніе Пикель такими соображеніями: 1) такого рода триподіи часто встрѣчаются въ соединеніи съ дохміями и 2) первый слогъ каждаго изъ этихъ стиховъ представляетъ начало самостоятельнаго слова, такъ что ничто не мѣшаетъ поставить передъ нимъ паузу. Тѣ одиннадцать случаевъ, на которые указываетъ Пикель слѣдующіе:

1) вторая половинка стиха Aesch. Suppl. 691 (699 W):

πρόνομα δὲ βοτὰ τοῖς πολύγονα τελέθοι

2) первая половинка стиха Ag. 1173:

ἐπόμενα προτέροις τάδ' <ἐπ>εφημίσω

3) вторая половинка Eum. 256:

λάθῃ φύγδα βὰς ματροφόνος ἀτίτας.

4) первая половинка Soph. El. 1246:

ἀνέφελον ἐπ|έβαλες, οὔποτε καταλύσιμον

5) первая половинка Eur. Or. 177:

ἐρεβόθεν ἴθι, μόλε μόλε κατάπτερος

6) Eur. Hel. 694:

κακόποτμον ἀραίαν

7) первая половинка Ar. Ach. 390:

σκοτοδασυπυκνότριχά τιν' Ἄϊδος κυνῆν

8) вторая половинка Eur. Or. 150:

λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

9) Hel. 627:

περί τ' ἐπέτασα χέρα

10) первая половинка Eur. Or. 150:

λόγον ἀπόδος ἐφ' ὅτι χρέος ἐμόλετέ ποτε

11) Hel. 696:

ὅτε μέλαθρα λέχεα τ' ἔλιπον οὐ λιποῦσ(α).

Не входя въ подробныя объясненія каждаго изъ указанныхъ случаевъ, мы сошлемся на рецензію Клотца, который замѣчаетъ въ ней, что большая часть изъ приведенныхъ Пикелемъ стиховъ находится внутри дохмическихъ строфъ и потому считаетъ невозможнымъ согласиться съ объясненіемъ ихъ, предлагаемымъ этимъ ученымъ, такъ какъ это нарушило бы въ такихъ строфахъ единство дохмическаго размѣра. Въ заключеніе Пикель перечисляетъ такіе дохміи, въ которыхъ распущенъ одинъ только второй долгій слогъ, и замѣчаетъ, что въ большинствѣ изъ нихъ послѣ перваго долгаго слога является цезура; не находитъ онъ ея только во второй половинкѣ стиха:

Aesch. Eum. 840=873 (843=875 W):

πνέω τοι μένος ἅπαντά τε κότον,

и въ послѣдней части Eur. Hipp. 815:

ἀνοσίῳ τε συμφορᾷ σᾶς χερὸς πάλαισμα μελέας

Хотя оба эти стиха несомнѣнно дохмическіе, какъ это показываютъ тѣ стихи, которые предшествуютъ имъ и слѣдуютъ за ними, однако Пикель признаетъ ихъ за ямбическія триподіи съ усѣченіемъ въ третьей стопѣ.

⏑ – ⏑ ⏑́⏑ |__

Въ исправленіи второго изъ нихъ, которое дѣлаетъ Энгеръ, и которое Пикель готовъ признать правильнымъ, нѣтъ никакой нужды.

Принимая во второй части своей диссертаціи дохмій за ямбическую триподію съ усѣченнымъ арзисомъ второй стопы, Пикель впадаетъ въ противорѣчіе съ ясно выраженнымъ ученіемъ древнихъ, которые насчитываютъ въ дохміи всего только восемь χρ. πρ. и нигдѣ не упоминаютъ о томъ, чтобы дохмій состоялъ изъ однихъ только ямбическихъ стопъ.

Желая доказать, что во всѣхъ дохміяхъ съ распущеннымъ долгимъ слогомъ на два краткихъ передъ первымъ изъ этихъ краткихъ слоговъ является цезура, Пикель принужденъ подвергнуть различнымъ измѣненіямъ 37 стиховъ, изъ которыхъ одни, какъ мы видѣли, не подаютъ никакого повода къ сомнѣнію въ критическомъ отношеніи, другіе уже ранѣе исправлены были различными учеными болѣе удачно, чѣмъ Пикелемъ. При этомъ надобно замѣтить, что онъ

относитъ къ числу стиховъ съ необходимой для него цезурой и такіе, въ которыхъ она должна являться въ серединѣ сложнаго слова, напримѣръ, Aesch. Suppl. 646 (654 W):

Δῖον ἐπ|ιδόμενοι

Но мы, конечно, не можемъ признать возможнымъ допущенія паузы въ серединѣ слова, хотя бы и сложнаго.

Дѣлая общую оцѣнку второй части диссертаціи Пикеля, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Клотца, который отзывается объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Die Abhandlung bezeichnet keinen Fortschritt. Die vorgetragene Hypothese ist auf falsche Voraussetzungen gestüzt und zeigt sich auch bei einem speciellen Versuch im einzelnen als undurchführbar (стр. 381).

с) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду трохеевъ. Попытка доказать, что дохмій, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя усѣченную трохаическую триподію сдѣлана была *Брамбахомъ*, въ его Metr. Studien zu Soph. (1869), статьѣ Zur Lehre v. Dochm., помѣщенной въ Jahbb. f. Philol 101 Bd. (1870) и Rhythm. u. metr. Unters. (1871). Выводы, къ которымъ пришелъ этотъ ученый въ концѣ своихъ изслѣдованій, изложены имъ въ Rhythm. Vorbereit. къ его Die Soph. Gesänge² (1881).

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Брамбахъ указываетъ, что всѣ члены, состоящіе изъ стопъ одного какого-нибудь γένος ῥυθμοῦ, начиная отъ такихъ, которые заключаютъ въ себѣ 6 χρ. πρ., и кончая такими, въ которыхъ содержится ихъ 25, должны были быть построены такъ, чтобы дѣлиться на двѣ части, относящіяся другъ къ другу какъ 1 : 1, 2 : 1, 3 : 2. Такое число χρ. πρ., которое безъ дробей не можетъ быть подведено подъ одно изъ этихъ отношеній, напримѣръ, 7, 11, 13, не можетъ быть употреблено для образованія члена, состоящаго изъ однихъ какихъ-нибудь стопъ. Только мѣстами, по свидѣтельству древнихъ, встрѣчаются члены съ отношеніемъ 3 : 4 и 1 : 3.

Такъ какъ древніе ритмики не допускали, что стопа можетъ оканчиваться не вмѣстѣ съ цѣльнымъ слогомъ, то смѣшанные члены они могли подводить подъ одно изъ указанныхъ выше четырехъ отношеній только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этому не препятствовало

расположеніе слоговъ въ словахъ, составлявшихъ данный членъ; въ остальныхъ же случаяхъ они довольствовались тѣмъ, что послѣдовательно отдѣляли отъ члена рядъ частей, между которыми въ отдѣльности все-таки должно было существовать одно изъ четырехъ извѣстныхъ отношеній. Но если мы попробуемъ дѣлить тѣ же смѣшанные члены на двѣ части съ точки зрѣнія современной ритмики, не обращая вниманія на то, будетъ ли одинъ и тотъ же слогъ всегда принадлежать къ одной стопѣ или нѣтъ, то найдемъ, что между частями всякаго изъ нихъ возможно установить одно изъ отношеній, которыя были обязательны для членовъ, состоящихъ изъ одинаковыхъ стопъ.

По терминологіи древнихъ, продолжаетъ Брамбахъ, тѣ изъ членовъ, которые подходили подъ одно изъ отношеній съ разностью между частями его, не большей единицы, назывались ῥυθμοὶ ὀρθοί, остальные—ῥυθμοὶ δόχμιοι. Кромѣ того къ числу этихъ послѣднихъ древняя ритмика относила всякій членъ, отношеніе между частями котораго не было ясно выражено съ ея точки зрѣнія. Но по преимуществу дохмическими назывались ритмическія величины въ двухъ формахъ: 1) ◡ — — ◡ — и 2) ◡ — — ◡ ◡ — ◡ —.

Выше мы показали, на какія основанія опирается Брамбахъ, распространяя названіе дохмій на такіе члены, которые ни у кого изъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ не называются такъ (см. стр. 22 и сл.), и потому теперь уже не будемъ говорить объ этомъ.

Здѣсь мы только разсмотримъ, дѣйствительно ли древніе ритмики и въ томъ числѣ Аристоксенъ не допускали, чтобы конецъ стопы могъ приходиться на средину слога, отъ несовершенства своей методы нотописанія, какъ думаетъ Брамбахъ, или по какой нибудь другой причинѣ; но предварительно обратимся къ Einleitung въ его Metrische Studien zu Sophokles, гдѣ мы найдемъ болѣе подробныя свѣдѣнія по интересующему насъ предмету. Задавъ себѣ вопросъ, не удивительно ли, что Аристоксенъ не уразумѣлъ, что дохмій съ ритмической точки зрѣнія представляетъ нѣчто единое, Брамбахъ продолжаетъ такъ: Es zeigt sich überall in der Geschichte der Musik, wie abhängig die theoretische Auffassung und die herrschende Notirungs- und Theilungsart von einander sind. Indem der alte Rhythmiker die Zeitgrössen, wie sie durch die Silben verkörpert werden, zur Grundform der Messung macht, ist er abhängig von

festen Gestaltungen. Den Zusammenhang derselben ersieht er aus der Wiederkehr gleicher Grössen, und wo diese offen zu Tage liegt, da ist die Einheit nicht zu verfehlen. Wo aber die Formenbildung complicirt wird, da können wir an der höheren oder geringeren Volkommenheit der Notirung ersehen, in wie weit die Theorie den einheitlichen Bau erfasst hat. Die alte Notirung vermag nur die Dauer der Töne, nicht aber die Urform und den dynamischen Werth der in einem Tone vereinigten Zeiteinheiten zu bezeichnen. In den gegebenen acht Zeiten drückt sie selbst mit Benutzung des Punktes als Ictuszeichen nicht aus, wie der dynamische Werth der Zeiteinheiten vertheilt ist. Denn

∸ ⏑ ∸ ∸ ⏑ ist gleich: 2, 1, 2, 2, 1,

wobei 2 betont wird, ohne dass wir wissen, wie diese Zeitgrösse und ihre Betonung entstanden ist. Der Theoretiker musste die Form der Notirung durchbrechen, wenn er die rhythmische Einheit hinter der kunstvollen Verschränkung erkennen wollte. Das haben die alten Rhythmiker nicht gethan. Die massgebende Vocalmusik bot zu geringe Führung für einen solchen Schritt; auch der grösste Theoretiker der Griechen ist nicht über die Anfänge der von ihm angebahnten abstracten Zeitmessung hinaus gekommen. Eine solche ist erst vollkommen ausgebildet worden, seit man die Zeichen für die Zeittheilung mit dem Zeichen für den dynamischen Werth eines Tons vereinigt und die in der Rhythmopoeie erscheinenden festen Zeitgrössen sammt und sonders in ihre einfachsten Bestandtheile zerschnitten hat. Das alles geschah erst in Folge der Erfindung des Tactstrichs, welcher in seiner jetzigen vollkommenen Anwendung einerseits gleiche oder proportionirte Zeitgrössen abtrennt, anderseits anzeigt, dass unmittelbar nach ihm der Sitz eines Accents ist. Der Tactstrich zeigt auf das einfachste an, wie jene acht Zeiten rhythmisch vereinigt sind, z. B.

∸ ⏑ ⏑ ∸ ⏑ ⏑ = | ⏑͡⏑ ⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ ⏑ ⏑ ἐν λόγῳ ἴσῳ
⏑ ⏑ ∸ ⏑ ⏑ ∸ = ⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ ⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ „ „ „
∸ ⏑ ∸ ⏑ ∸ = | ⏑͡⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ „ „ διπλασίῳ.
∸ ⏑ ∸ ∸ ⏑ = | ⏑͡⏑ ⏑ | ⏑͡⏑ ⏑͡| ⏑ ⏑

Im letzten Falle gibt die antike Notirung nicht an, ob die Länge entstanden ist aus einem auf der ersten oder zweiten Kürze betonten Pyrrhichius, ∸ = ⏑̇ ⏑ oder ⏑ ⏑̇ (стр. XXIX и сл.)?

Хотя нельзя не согласиться съ Брамбахомъ, что вообще древняя метода обозначенія длительности нотъ значительно ниже современной, однако мы не можемъ думать, чтобы древніе ритмики, особенно Аристоксенъ, чувствовали себя до такой степени связанными порядкомъ слоговъ, какъ это предполагаетъ Брамбахъ. По крайней мѣрѣ слѣдующій отрывокъ изъ Аристоксена, сохраненный для насъ Пселломъ, показываетъ, что Аристоксенъ уже отрѣшился отъ воззрѣнія на слогъ какъ на единицу времени въ ритмикѣ и въ этомъ отношеніи стоялъ уже на высотѣ современной намъ ритмики: ὁ...'Αριστόξενος οὐκ ἔστι, φησί, μέτρον ἡ συλλαβή. πᾶν γὰρ μέτρον αὐτό τε ὡρισμένον ἐστὶ κατὰ τὸ ποσὸν καὶ πρὸς τὸ μετρούμενον ὡρισμένως ἔχει. ἡ δὲ συλλαβὴ οὐκ ἔστι κατὰ τοῦτο ὡρισμένη πρὸς τὸν ῥυθμὸν ὡς τὸ μέτρον πρὸς τὸ μετρούμενον, ἡ γὰρ συλλαβὴ οὐκ ἀεὶ τὸν αὐτὸν χρόνον κατέχει, τὸ δὲ μέτρον ἠρεμεῖν δεῖ κατὰ τὸ ποσὸν καθὸ μέτρον ἐστὶ καὶ τὸ τοῦ χρόνου μέτρον ὡσαύτως κατὰ τὸ ἐν τῷ χρόνῳ ποσόν, ἡ δὲ συλλαβὴ χρόνου τινὸς μέτρον οὖσα οὐκ ἠρεμεῖ κατὰ τὸν χρόνον, μεγέθη μὲν γὰρ χρόνων οὐκ ἀεὶ τὰ αὐτὰ κατέχουσιν αἱ συλλαβαί, λόγον μέντοι τὸν αὐτὸν ἀεὶ τῶν μεγεθῶν· ἥμισυ μὲν γὰρ κατέχειν τὴν βραχεῖαν χρόνου, διπλάσιον δὲ τὴν μακράν (Westphal, Gr. Rhythm. u. Harm.² Suppl. 417—29). Изъ этого разсужденія ясно, что еслибы греческая метрика допускала, чтобы въ предѣлахъ одного и того-же слога заключались χρ. πρ., принадлежащіе къ различнымъ стопамъ, то Аристоксенъ не преминулъ бы отмѣтить этотъ фактъ. Между тѣмъ ни изъ отрывковъ его ритмики, ни изъ показаній другихъ ритмиковъ и метриковъ мы ничего не знаемъ о существованіи такихъ слоговъ, въ которыхъ одна часть носила бы на себѣ ритмическое удареніе, а другая нѣтъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ задать себѣ вопросъ, возможенъ ли былъ такой фактъ, какой предполагаетъ Брамбахъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ греческомъ языкѣ всѣ слоги бываютъ обязательно или долгими, или короткими, и что расположеніе ритмическихъ удареній въ извѣстномъ ряду долгихъ и короткихъ слоговъ обусловлено тѣмъ порядкомъ, въ которомъ находятся эти долгіе и короткіе слоги, то должны будемъ дать отрицательный отвѣтъ на заданный нами себѣ вопросъ, особенно принявъ въ соображеніе то, что стихотворный текстъ въ древней вокальной музыкѣ игралъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ въ современной.

По поводу дохмія, заключающаго въ себѣ весемь χρ. πρ., Брамбахъ говоритъ въ своемъ Rhythmische Vorbereitung, что это самая извѣстная форма дохмія, которую по большей части дѣлятъ на ямбъ и кретикъ. Рядомъ съ этой формой существуетъ еще другая, второстепенная, которая заключаетъ въ себѣ девять χρ. πρ.: ᴗ _ | _ ᴗ _ ᴗ и носитъ названіе гиперкаталектическаго дохмія, потому что усѣченная форма, которая встрѣчается чаще неусѣчанной, считается обыкновенно первоначальной. Въ дѣйствительности же дохмій въ восемь χρ. πρ. не могъ бы явиться, еслибы не существовалъ предварительно дохмій въ девять χρ. πρ., такъ какъ и тотъ и другой представляютъ на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ трохаическую триподію, въ которой первая стопа съ слабымъ ритмическимъ удареніемъ является въ формѣ ямба. Въ виду того, что послѣдняя стопа въ дохміи неполна и имѣетъ послѣ себя паузу, послѣдній слогъ въ немъ бываетъ безразличнымъ и можетъ образовать зіяніе съ начальнымъ слогомъ слѣдующей ритмической величины. Дохмій въ такой формѣ встрѣчается часто и нерѣдко чередуется съ усѣченной трохаической триподіей въ чистой формѣ.

Доказательства того, что дохмій представляетъ изъ себя трохаическую триподію мы находимъ въ Metr. Studien zu Soph. Здѣсь Брамбахъ указываетъ слѣдующій способъ для того, чтобы открыть ритмическое значеніе дохмія: Entscheiden kann man die Art der Messung nur dadurch, dass man beobachtet, welchen rhythmischen Gliedern ein Dochmius in grösseren Compositionen gleich gesetzt wird, oder in welcher Weise er mit alloiometrischen Rheien verbunden wird (стр. 60) и согласно съ этимъ замѣчаетъ, что въ концѣ усѣченныхъ трохаическихъ триподій, являющихся въ строфахъ дохмическаго каммоса Soph. Ai. 394 и сл.=412 и сл., допускается безразличной слогъ и зіяніе, которыя заставляютъ предположить въ такихъ триподіяхъ паузу послѣ пятаго слога. Въ концѣ дохмія также является безразличный слогъ и зіяніе, которыя могутъ быть объяснены не чѣмъ инымъ, какъ паузой, составляющей одну стопу съ послѣднимъ слогомъ дохмія. Но этимъ еще сходство между усѣченной трохаичесной триподіей и дохміемъ не ограничивается, такъ какъ оба они заключаютъ въ себѣ одинаковое количество χρ. πρ. Съ внѣшней стороны они различаются другъ отъ друга только неодинаковымъ положеніемъ ямба, на самомъ же дѣлѣ эта разница заключается въ дѣйствитель-

ной или кажущейся перемѣнѣ счета, которая похожа на происходящую въ іоникахъ при превращеніи ихъ (ἀνάκλασις), потому что въ томъ и другомъ случаѣ краткій слогъ покидаетъ свое мѣсто и становится между двумя долгими слогами: _ _ ᴗ ᴗ = _ ᴗ _ ᴗ и ᴗ _ _ ᴗ _ = _ ᴗ _ ᴗ _ . Но какъ объяснить такое превращеніе съ ритмической точки зрѣнія? Прежде чѣмъ сдѣлать это мы должны опредѣлить длительность паузы въ дохміи. Пауза въ концѣ дохмія не можетъ быть болѣе одного χρ. πρ.; за это ручается гиперкаталектическій дохмій, въ которомъ мѣсто паузы занимаетъ краткій слогъ. Правда, древніе метрики утверждаютъ, что въ дохміи заключается восемь χρ. πρ.; но такъ какъ, по ученію Аристоксена, это количество χρ. πρ. можетъ быть раздѣлено только на 4 + 4, тогда какъ дохмій не допускаетъ такого дѣленія, то отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ дохмія должна находиться пауза въ одинъ или два χρ. πρ. Если мы допустимъ, что въ концѣ дохмія является пауза въ два χρ. πρ., то это заставитъ насъ признать, что два дохмія не могутъ составлять одного члена, такъ какъ они будутъ заключать въ себѣ двадцать χρ. πρ., между тѣмъ какъ число ихъ въ членѣ, принадлежащемъ къ γ. ἴσον, можетъ достигать только шестнадцати. Но никто не рѣшится сказать, что существуютъ одни только дохмическіе монометры, и отдѣлить отъ дохміевъ ямбическія диподіи, триподіи и т. п., которыя ихъ распространяютъ, въ самостоятельные члены, такъ какъ почти всѣ онѣ, за исключеніемъ только кретика и бакхія увеличатъ число χρ. πρ. въ дохміи сверхъ установленнаго предѣла. Еще менѣе возможна въ концѣ дохмія пауза, состоящая болѣе, чѣмъ изъ двухъ χρ. πρ., такъ что остается предположить только паузу въ одинъ χρ. πρ. Опредѣливъ такимъ образомъ длительность паузы въ дохміи и поставивъ ритмическое удареніе на каждомъ изъ его долгихъ слоговъ, Брамбахъ возвращается къ ямбической стопѣ, находящейся въ началѣ дохмія, и задаетъ себѣ по поводу ея слѣдующій вопросъ: Ist nun die bezeichnete Ictussetzung bei neunzeitiger Messung möglich? и отвѣчаетъ на него: Nicht ganz: denn wir haben hier nicht anderes, als eine Synkopirung des gewöhnlichen trochäischen Tactes,

statt ᴗ́ ᴗ ᴗ | ᴗ́ ᴗ ᴗ | ᴗ́ ᴗ ᴗ |

synkopirt ᴗ́ ᴗ ᴗ | ᴗ́ ᴗ ᴗ | ᴗ́ ᴗ ᴗ |

Der Bequemlichkeit wegen mag man die Länge mit dem Ictus versehen, da sie ihn ja jedenfalls zum Theil hat und vielleicht durch eine Accentversetzung hervorgehoben wurde. Aber richtig ist nur die angegebene Betonung (стр. 64).

Но рождается вопросъ, на какомъ слогѣ надобно ставить ритмическое удареніе, когда первый долгій слогъ дохмія является въ распущенномъ видѣ. Брамбахъ полагаетъ, что съ одной стороны было бы ошибочно въ такихъ случаяхъ не допускать ударенія на первомъ краткомъ слогѣ дохмія, не смотря на извѣстную намъ близость этого послѣдняго съ усѣченной трохаической триподіей, съ другой стороны также было бы ошибочно и предполагать его вездѣ. При рѣшеніи вопроса объ этомъ мы должны руководиться: 1) положеніемъ ударенія въ словѣ, образующемъ дохмій съ распущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ, 2) свойствомъ примыкающихъ къ такому дохмію стиховъ.

Вѣскимъ доказательствомъ въ пользу предлагаемаго имъ объясненія дохмія Брамбахъ считаетъ возможность показать, какимъ образомъ соединяются съ дохміемъ ритмическія величины, состоящія изъ ямбовъ, трохеевъ, кретиковъ и бакхіевъ, даже дактилей и анапестовъ. Приведя самыя разнообразныя комбинаціи, въ которыхъ можетъ являться рядъ долгихъ и короткихъ слоговъ, заключающій въ себѣ девять χρ. πρ., Брамбахъ показываетъ, что всѣ эти комбинаціи при посредствѣ синкопы могутъ быть сведены къ трохаической триподіи, которую представляетъ самъ дохмій.

Но возвратимся опять къ Vorbereitung. Показавъ, что дохмій есть не что иное, какъ усѣченная трохаическая триподія, содержащая въ себѣ вмѣстѣ съ паузой въ концѣ девять χρ. πρ., Брамбахъ дѣлаетъ оговорку и указываетъ, что есть случаи, когда дохмій заключаетъ въ себѣ всего только восемь χρ. πρ. Происходитъ это тогда, когда два дохмія бываютъ на столько тѣсно соединены другъ съ другомъ, что не только между ними не является ни безразличный слогъ, ни зіяніе, ни знакъ препинанія, но даже конецъ одного и начало другого приходятся на средину одного слова. Два такихъ дохмія образуютъ одинъ членъ, который заключаетъ въ себѣ шестнадцать χρ. πρ. и дѣлится на стопы слѣдующимъ образомъ:

⏑ – | –̋ ⏑ | ⏑̲ ⏑ | ⏑ – | –́ ⏑ | – |

8 : 8

Отсюда ясно, что дохмій, заключающій въ себѣ восемь *χρ. πρ.*, употребляется двоякимъ образомъ: или въ концѣ его должна быть восполнена пауза въ одинъ *χρ. πρ.*, и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ *γ. διπλάσιον*:

⏑ _ | ⏑́ ⏑ ⏓ 3 : 6, ⏑ _ _ ⏑ ⏓ ∧ ⏑ _ | _ ⏑ _ ∧ 12 : 6

или же пауза въ концѣ его не является, и онъ представляетъ изъ себя членъ, принадлежащій къ *γ. ἴσον*. Очевидно, что гиперкаталектическіе дохміи, точно такъ же, какъ всѣ отдѣльно стоящіе монометры, въ концѣ которыхъ обязательно находится пауза, принадлежатъ къ *γένος διπλάσιον*.

Соображенія, которыя заставили Брамбаха допустить, что дохмій въ извѣстномъ сочетаніи можетъ являться и безъ паузы въ концѣ, мы находимъ въ статьѣ Zur Lehre vom Dochmius. Здѣсь онъ приводитъ извѣстныя уже намъ слова схолій къ Aesch. Sept. 99: *καὶ ταῦτα δὲ δοχμιακά ἐστιν καὶ ἴσα, ἐάν τις ὀκτασήμως βαίνῃ* и заключаетъ отсюда, что дохмическимъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считать не весь диметръ, состоящій изъ двухъ дохміевъ, а только каждую изъ его составныхъ частей, но что весь онъ принадлежитъ къ *γένος ἴσον*, если только принимать каждый изъ составляющихъ его дохміевъ за одну часть. Выводы изъ этого таковы: 1) dasz zwei dochmien in der that ohne innere pause vereinigt werden...; 2) dasz eine *πρόσθεσις* nicht notwendig ist (слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ Metr. Stud. zu Soph. Брамбахъ объяснялъ такіе диметры слѣдующимъ образомъ: ⏑ _ | _ ⏑ | _ ⏑ | _ ⏑͡ | ⏑ ⏑ ⏑͡ | ⏑ ∧̄); 3) dasz die 16 zeiten als eine der rhythmopöie eigene verbindung zweier dochmischer tacte zu betrachten sind und dem *γένος δακτυλικόν* (*ἴσον*) angehören (стр. 60).

Возвращаемся опять къ Verbereitung. Не слѣдуетъ думать, продолжаетъ Брамбахъ, чтобы дохмій непремѣнно долженъ былъ являться только въ тѣхъ двухъ формахъ, въ которыхъ онъ содержитъ въ себѣ восемь или девять *χρ. πρ.*, такъ какъ онъ можетъ быть распространяемъ посредствомъ ямбическихъ и трохаическихъ стопъ, съ которыми онъ находится въ ближайшемъ родствѣ, а также посредствомъ произведенныхъ изъ нихъ пеоническихъ стопъ до восемнадцати *χρ. πρ.*, наибольшаго количества, которое можетъ заключать въ себѣ членъ, принадлежащій къ *γ. διπλάσιον*.

Такъ какъ такое объясненіе ритмическихъ величинъ дѣлается возможнымъ только въ томъ случаѣ, когда мы принимаемъ дохмій за усѣченную трохаическую диподію, то Брамбахъ указываетъ на него въ Metr. Stud. zu Soph. какъ на доказательство того, что ритмическое значеніе дохмія опредѣлено имъ правильно.

Заключается рядъ параграфовъ, посвященныхъ дохміямъ въ Vorbereitung, разсмотрѣніемъ дохмія, содержащаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ. Въ этомъ дохміи, говоритъ Брамбахъ, первая стопа, являющаяся въ формѣ ямба, служитъ замѣной трохея точно такъ же, какъ и первая стопа въ дохміи въ восемь χρ. πρ., а кретикъ, которымъ онъ оканчивается, точно такъ же представляетъ изъ себя усѣченную на слогъ трохаическую диподію. Если мы примемъ это въ соображеніе, то найдемъ, что дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. представляетъ не что иное, какъ самую часто встрѣчающуюся форму логаэдическихъ членовъ.

Но если это такъ, то почему же этотъ логаэдическій членъ попалъ въ число дохміевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Брамбаха въ его Metr. Stud. zu Soph. Здѣсь онъ, объяснивъ, на чемъ основано у древнихъ ритмиковъ дѣленіе на ῥυθμοὶ ὀρθοί и δόχμιοι, указываетъ, что съ точки зрѣнія древней ритмики разсматриваемый членъ долженъ быть отнесенъ къ дохміямъ, такъ какъ, если дѣлить его на двѣ части слѣдующимъ образомъ:

3 | 9

◡ _ | _ ◡ ◡ _ ◡ _

то части, на которыя онъ распадается, по числу заключающихся въ нихъ χρ. πρ. будутъ находится между собой въ отношеніи 3 : 9 и далѣе послѣ сокращенія—1 : 3 съ разностью между ними равной 2. На самомъ же дѣлѣ между дохміемъ въ двѣнадцать χρ. πρ. и дохміемъ въ восемь χρ. πρ. общаго только то, что въ томъ и другомъ первая стопа является въ формѣ ямба вмѣсто трохея.

Признавая дохмій, заключающій въ себѣ восемь χρ. πρ., за усѣченную трохаическую триподію, Брамбахъ разрываетъ всякую связь съ показаніями объ этомъ размѣрѣ, дошедшими до насъ изъ древности, такъ какъ никто изъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ не относилъ дохмія по его составу къ трохеямъ.

Далѣе, если дохмій есть усѣченная трохаическая триподія, то недостающая часть послѣдней стопы въ немъ должна быть восполнена протяженіемъ или паузой; а это влечетъ за собою увеличеніе общаго числа χρ. πρ. въ дохміи до девяти, между тѣмъ какъ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ, идущимъ изъ древности, оно простирается только до восьми. Доказываетъ Брамбахъ необходимость допустить въ концѣ дохмія паузу, сопоставляя этотъ размѣръ съ усѣченной трохаической триподіей; но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду слѣдующее: во-первыхъ, изъ допущенія зіянія и безразличнаго слога въ концѣ дохмія можно было бы сдѣлать выводъ относительно неполноты послѣдней стопы въ немъ, еслибы можно было доказать, что тѣ же самыя явленія не находятъ себѣ мѣста въ концѣ неусѣченныхъ ритмическихъ величинъ, напримѣръ, неусѣченныхъ пеоническихъ стиховъ; между тѣмъ изъ тщательнаго разсмотрѣнія стихотворныхъ текстовъ мы найдемъ, что зіяніе и безразличный слогъ въ дохміяхъ допускаются при такихъ же условіяхъ, какъ и въ другихъ размѣрахъ; во-вторыхъ, усѣченныя трохаическія триподіи въ греческихъ стихотворныхъ текстахъ встрѣчаются крайне рѣдко, тогда какъ дохміи представляютъ изъ себя такой размѣръ, безъ котораго не обходится почти ни одна греческая трагедія; въ-третьихъ, если Брамбахъ объясняетъ ритмическое значеніе дохміевъ правильно, то совершенно необъяснимо, почему мы не находимъ соотвѣтствія между трохаическими триподіями и дохміями подобно тому, какъ соотвѣтствуютъ другъ другу въ строфахъ и антистрофахъ логаэдическіе стихи съ базисомъ въ формѣ трохея и ямба; въ-четвертыхъ, мы не имѣемъ права дѣлать какихъ-либо выводовъ о ритмическомъ значеніи дохмія, основываясь на недошедшемъ до насъ текстѣ Аристоксена, при наличности показаній другихъ древнихъ ритмиковъ и метриковъ, которыя противорѣчатъ нашему выводу.

Не можемъ мы также согласиться съ Брамбахомъ и въ томъ, что при распущеніи перваго долгаго слога въ дохміи ритмическое удареніе можетъ стоять на какомъ-либо другомъ слогѣ кромѣ перваго и второго краткихъ слоговъ, являющихся взамѣнъ перваго долгаго. Мѣсто прозаическаго ударенія въ греческомъ стихѣ не можетъ оказать никакого вліянія на постановку ритмическаго, такъ какъ первое основано на высотѣ звука, а второе—на силѣ его. Свойствами стиховъ, находящихся въ связи съ извѣстными размѣ-

рами можно иногда руководиться при опредѣленіи мѣста, занимаемаго въ нихъ ритмическимъ удареніемъ; но въ данномъ случаѣ гораздо надежнѣе опираться на чередованіе другъ съ другомъ формъ дохмія съ распущеннымъ и нераспущеннымъ первымъ долгимъ слогомъ и на соотвѣтствіи ихъ между собой въ строфахъ и антистрофахъ и выводить отсюда, что никакого переноса ударенія въ дохміи не происходило. Примѣры чередованія различныхъ формъ дохмія можно легко найти въ любой дохмической строфѣ; примѣрами же соотвѣтствія дохміевъ съ распущеннымъ и нераспущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ могутъ служить слѣдующіе случаи:

Aesch. Sept. 405 δικαίως πόλεως=440 βέλος ἐπισχέσθαι
ib. 551 τριχὸς δ' ὀρθίας=614 ἀμετέρας τελεῖθ' [ὡς...
Suppl. 399 γάμου δύσφρονος=409 ὅσια δ' ἐννόμοις
Ch. 952 ὁ Παρνάσιος=963 χρόνος ἀμείψεται
Soph. Phil. 395 и 396 σὲ κἀκεῖ, μᾶτερ πότνι' ἐπηυδώμαν
=510 и 511 εἰ δὲ πικρούς, ἄναξ, ἔχθεις 'Ατρείδας
Ai. 349 μόνοι ἐμῶν φίλων=357 ἀρωγὸν τέχνας
O. C. 1455 τὰ δὲ παρ' ἦμαρ αὖ[θις=1470 ἀφορμᾶ ποτ' οὐκ
Eur. Or. 146=159 φίλα φώνει μοι=159 φερομένῳ χάριν
ib. 1354 κτύπον καὶ βοὰν=1538 ἕτερον αὖ δόμος
ib. 1358 δόμοις κειμένου=1542 αἰ]θέρος ἄνω καπνός.

Для того, чтобы сблизить съ дохміями различныя ритмическія величины, входящія въ сочетаніе съ ними по ихъ составу, Брамбахъ дѣлитъ ихъ на стопы по три χρ. πρ. въ каждой, прибѣгая къ синкопѣ въ самой широкой мѣрѣ; между тѣмъ данныхъ для того, чтобы дѣлать это, мы не находимъ ни въ показаніяхъ древнихъ метриковъ, ни въ какихъ - либо особенностяхъ въ формахъ, принимаемыхъ стопами, на которыя естественнымъ образомъ распадаются эти ритмическія величины.

Противъ того, что дохмій при извѣстныхъ условіяхъ заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ., становясь на точку зрѣнія Брамбаха и признавая, что онъ представляетъ изъ себя вообще усѣченную трохаическую триподію, можно возразить слѣдующее: если начало дохмія, когда онъ содержитъ въ себѣ восемь χρ. πρ. образуетъ двѣ трохаическихъ стопы, то въ послѣднемъ долгомъ слогѣ или въ заступающихъ его мѣсто двухъ краткихъ слогахъ мы оче-

видно также имѣемъ какую-то стопу, состоящую изъ двухъ краткихъ слоговъ; между тѣмъ, по ученію Аристоксена, стопа, состоящая изъ двухъ χρ. πρ., не допускается, ср. стр. 79. Не въ пользу того, что одни дохміи заключаютъ въ себѣ восемь χρ. πρ., другіе девять, говоритъ и тотъ фактъ, что дохміи съ различнымъ числомъ χρ. πρ. должны являться на ряду другъ съ другомъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаясь между собой по формѣ.

Существованія дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ., какъ мы выше показали (стр. 20 и сл.) очень сомнительно въ виду ненадежности тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ описывается. Но если мы даже допустимъ, что такой дохмій дѣйствительно существовалъ, то не можемъ признать, чтобы даваемое Брамбахомъ объясненіе, почему этотъ логаэдическій членъ попалъ въ число дохміевъ, отличалось особенной убѣдительностью.

Послѣдователемъ Брамбаха въ его взглядѣ на дохмій явился *Фогельманъ* въ своей статьѣ Ueber Taktgleichheit in der antiken Metrik, mit besonderer Rücksicht auf den Dochmius (1877). По мнѣнію этого ученаго, не позволяютъ признавать дохмій за усѣченную трахаическую триподію съ первой стопой въ ней въ формѣ ямба только три слѣдующихъ стиха:

ἔλακεν ἔλακεν ἀπό-φονον ὅτ' ἐπὶ τρίποδι (Or. 163).
πόσιν ἐμὸν ἐμὸν ἔχο-μεν ἔχομεν ὃν ἔμενον (Hel. 650).
παρὰ δ' ὀλίγον ἀπέφυ-γες ὄλεθρον ἀνόσιον (I. T. 871).

такъ какъ въ нихъ мы не можемъ дополнить недостающаго χρ. πρ. въ концѣ перваго дохмія ни посредствомъ паузы, которая пришлась бы въ этомъ случаѣ въ серединѣ слова, ни посредствомъ протяженія послѣдняго долгаго слога, который замѣненъ здѣсь посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ.

Но Фогельманъ находитъ, что такъ какъ три вышеприведенные стиха принадлежатъ Еврипиду, который допускаетъ въ формѣ своихъ стиховъ много нововведеній, то это одно обстоятельство уже можетъ заставить призадуматься жертвовать теоріей Брамбаха, вообще очень удачной, изъ-за нихъ однихъ и поэтому предлагаетъ прибѣгнуть относительно ихъ къ слѣдующему предположенію: Die Neunzeitigkeit des Dochmius, welche Brambach durchführt, wird auch in diesen Versen gewahrt, wenn man annimmt, die Kürzen in ἀπο—, ἔχο—,

—έφυ— füllen den Zeitraum, der gleich drei χρόνοις πρώτοις ist, bleiben aber unter sich gleich, so dass jede $1^1/_2$ von einem χρόνος πρῶτος gilt. Sie sind also χρόνοι ἄλογοι und zwar jede ein χρόνος βραχέος μακρότερος, wovon Bacchius p. 23 spricht. Sonach steht diese Erklärung auch nicht im Wiederspruch mit der Lehre der alten Rhythmiker (стр. 47). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ думаетъ Фогельманъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно обратнымъ такъ называемой тріоли: при ней три момента времени исполняются какъ два, при чемъ одна лишняя частица времени исчезаетъ, благодаря ускоренію темпа; здѣсь же, наоборотъ, благодаря нѣкоторому замедленію два краткихъ слога исполняются въ такое же количество времени, какъ три.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что тотъ, кому дохмій при такомъ взглядѣ на его ритмическое значеніе не кажется достаточно «кривымъ», долженъ припомнить, что между нами и древними Греками, обладавшими чрезвычайной впечатлительностью, большая разница, вслѣдствіе которой тогдашнее искусство въ области мелодіи и гармоніи, не смотря на сравнительно слабыя средства, могло производить на этотъ народъ несравненно болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ оно могло бы произвести на насъ. Въ области ритма мы должны предполагать тоже самое. Поэтому такой ямбъ, какой является въ дохміяхъ, съ удареніемъ на краткомъ и долгомъ слогѣ долженъ былъ казаться древнимъ Грекамъ чѣмъ-то чрезвычайно необыкновеннымъ.

Мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ Фогельмана, во-первыхъ, такъ какъ ритмическая величина, заключающая въ себѣ полтора χρ. πρ., всегда выражается долгимъ слогомъ и, во-вторыхъ, такъ какъ, если второй краткій слогъ дохмія будетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, то окажется, что въ двухъ рядомъ стоящихъ стопахъ, изъ которыхъ каждая заступаетъ мѣсто трохаической стопы, слогъ съ длительностью въ полтора χρ. πρ. одинъ разъ является долгимъ, въ другой разъ—краткимъ.

d) Теоріи, которыя относятъ дохмій къ разряду бакхіевъ. Первый, кто сдѣлалъ предположеніе, что дохміи возникли изъ усѣченныхъ бакхическихъ диметровъ, былъ *Бергкъ*. Опровергая мнѣніе Шпенгеля, который утверждалъ, что бакхическіе стихи не бываютъ усѣченными, онъ указываетъ на дохмій какъ на примѣръ такого

усѣченнаго бакхическаго стиха и говоритъ объ немъ такъ: dochmiacus versus et ipse a principio fuit dimeter bacchiacus catalecticus. Затѣмъ въ подстрочномъ примѣчаніи онъ прибавляетъ къ этому слѣдующее: quamvis dochmiaci numeri origines a baccheis sint repetendae, tamen peculiaris quaedam postea fuit illius numeri ratio, neque videtur varietas ac licentia, qua dochmii sunt insignes ad baccheos propagata esse, quamvis utraque species saepius consocietur (Ind. schol. aest. in Univ. lit. Frid. Hal. 1862, стр. X).

Вестфаль также считаетъ дохмій за усѣченный бакхическій диметръ. Замѣтивъ, что, несмотря на показаніе неизвѣстныхъ ритмиковъ схолій къ Гефестіону и Etym. M., дохмій нельзя дѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ три χρ. πρ., а другая пять, Вестфаль продолжаетъ такъ: so müssen wir nothwendig annehmen, dass die Dochmien auf der griechischen Bühne nach einem anderen Rhythmus als demjenigen vorgetragen wurden, welchen ihnen jene späteren Berichterstatter (Quintilian u. s. w.) vindiciren. Die Dochmien sind häufig genug mit baccheischen Dimetern gemischt und können, wenn wir uns an Aristoxenus halten, schwerlich etwas anderes als katalektische Dimeter gewesen sein:

⏑ –́ –, ⏑ –́ – Dimetron akatalekton.

⏑ –́ –, ⏑ –́ ⩘̄ Dimetron katalektikon (Dochmius).

Am Ende eines Dochmius haben wir daher eine einzeitige Pause oder Dehnung zur Dreizeitigkeit anzunehmen, ja nachdem Wortbrechung vorliegt oder nicht:

μέγα βροτοῖσι φέγ- γος 'Ασκληπιοῦ

⏑ ⏑́ ⏑ – ⏑ –́ | ⏑ –́ – ⏑ –́ ⩘

Ist die letzte Länge in eine Doppelkürze ohne folgende Caesur aufgelöst, so ist dies ebenso zu beurtheilen, wie wenn bei Pindar oder Euripides eine Auflösung am Schlusse des Glyconeions u. s. w. vorkommt (Gr. Rhythm. [3] стр. 182).

Не смотря на великій авторитетъ Вестфаля въ области греческой ритмики и метрики, тѣмъ не менѣе мы не можемъ признать взглядъ его на дохмій правильнымъ.

Не говоря уже о томъ, что никто изъ древнихъ писателей не принимаетъ дохмія за усѣченный бакхическій диметръ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы возможна была бакхическая стопа съ удареніемъ на первомъ долгомъ слогѣ, какъ это допускаетъ въ данномъ случаѣ Вестфаль.

Далѣе, въ концѣ дохмія для восполненія недостающей части второй стопы необходимо предполагать паузу не въ одинъ χρ. πρ., какъ думаетъ Вестфаль, а въ два, или протяженіе послѣдняго долгаго слога не въ χρ. τρίσημος, а въ τετράσημος. Вслѣдствіе этого въ тѣхъ случаяхъ, когда два краткихъ слога, заступающихъ мѣсто послѣдняго долгаго слога, во второмъ бакхіи приходятся на средину слова, мы должны или раздѣлить паузой два слога одного и того же слова, или допустить, что долгій слогъ, заключающій въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., можетъ подвергаться распущенію. Ссылка Вестфаля на то, что у Пиндара и Еврипида также подвергаются распущенію долгіе слоги, находящіеся въ концѣ гликонеевъ и содержащіе въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., не совсѣмъ правильна, потому что, еслибы даже такіе случаи и существовали въ дѣйствительности, то оказалось бы, что въ гликонеяхъ два такихъ краткихъ слога составляютъ цѣлую стопу и заключаютъ въ себѣ по полтора χρ. πρ., тогда какъ въ дохміяхъ они составляютъ одну стопу съ предшествующимъ имъ краткимъ слогомъ, вдвое меньшимъ по своей длительности, чѣмъ они, и заключаютъ въ себѣ по два χρ. πρ.

Наконецъ, предполагая, что послѣдній долгій слогъ въ дохміи содержитъ въ себѣ болѣе двухъ χρ. πρ., мы отступаемъ отъ показанія древнихъ метриковъ, которые учатъ, что въ дохміи содержится всего только восемь χρ. πρ.

е) Теоріи, которыя относятъ дохміи къ разряду пеоновъ. Попытка доказать, что дохмій по своему составу принадлежитъ къ γ. παιωνικόν до сихъ поръ сдѣлана была однимъ только *Штейгеромъ* въ сочиненіи, состоящемъ изъ двухъ частей и озаглавленномъ De versuum paeonicorum et dochmiacorum apud poetas graecos usu ac ratione (1887).

Разсмотрѣвъ въ первой части своего сочиненія формы и употребленіе пеоновъ въ тѣхъ родахъ поэзіи, въ которыхъ они встрѣчаются, Штейгеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно дохмія: Iam via videtur munita esse, qua ad dochmii natu-

ram certius cognoscendam pergamus. quem quidem nihil aliud iudicamus esse quam monometrum paeonicum cum anacrusi iambica (part. I, стр. 52). Во второй части, посвященной спеціально дохміямъ, онъ замѣчаетъ, что пеоническому монометру въ такой формѣ было присвоено названіе дохмія, и продолжаетъ такъ: hoc iam inde ab initio usitatissimum tragoediae metrum fuit, in qua proprium et quasi sui iuris genus est. hinc libertas quaedam nata, qua in condendis versibus dochmiacis poetae usi sunt, finibus vero tam artis circumscripta, ut inde quidem argumenta contra paeonicam dochmii naturam petere vix deceat (part. II, стр. 5).

Послѣ этого Штейгеръ переходитъ къ разсмотрѣнію тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ дохмій отъ пеоническаго монометра въ чистомъ видѣ съ ямбическимъ анакрузисомъ. Здѣсь прежде всего онъ останавливается на χρόνος ἄλογος, который допускается взамѣнъ краткаго слога анакрузиса.

Замѣна эта, по мнѣнію Штейгера, вполнѣ объясняется тѣмъ, что анакрузисъ, хотя и составляетъ часть размѣра, но не подчиняется такъ строго законамъ его, какъ остальныя части.

Что касается допущенія χρόνος ἄλογος взамѣнъ краткаго слога кретика: ᴗ ᴗ ᴗ | _ ⏑̄ _, то его объяснить также возможно. Для этой цѣли Штейгеръ предварительно дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ употребленія дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ, замѣненнымъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго: въ древнѣйшей изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эсхила, Просящихъ защиты, нѣтъ ни одного такого дохмія; въ Промеѳеѣ онъ встрѣчается одинъ только разъ (ст. 574); въ остальныхъ трагедіяхъ Эсхила за исключеніемъ Персовъ на двадцать дохміевъ со вторымъ краткимъ слогомъ не приходится даже одного, въ которомъ этотъ слогъ былъ бы замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго; у Софокла пропорція увеличивается до одного на двѣнадцать; въ раннихъ трагедіяхъ Еврипида — до одного менѣе, чѣмъ на семь, а въ болѣе позднихъ—до одного почти на каждые четыре стиха; Аристофанъ въ дошедшихъ до насъ комедіяхъ замѣнилъ второй краткій слогъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго всего только въ трехъ случаяхъ. Отсюда затѣмъ дѣлается слѣдующій выводъ: primo eam т. е. thesin irrationalem ut in ceteris ordinibus paeonicis, ita in dochmio quoque vitatam esse, deinde cum carmina dochmiaca usitatissima iam ac paene necessaria

pars tragoediarum et tamquam sui iuris fieri coepissent, paulatim irrepsisse et singillatim hic illic admissam esse, denique vergente iam et labente artis metricae severitate magis magisque frequentatam adeoque crebro usurpatam esse, ut strophae sint vel systemata, in quibus theses irrationales ceteras numero aut aequent aut superent (part. II, стр. 6). Впрочемъ Штейгеръ полагаетъ, что и въ другихъ кретическихъ стихахъ иногда краткій слогъ бываетъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго; примѣры такой замѣны онъ указываетъ въ Eur. Phoen. 321:

ἦ ποθεινὸς φίλοις – ◡ – – ◡ –
ἦ ποθεινὸς Θήβαις – ◡ – – – –

id. Jon. 676=695:

ὁρῶ δάκρυα καὶ πενθίμους ◡ – ◡ ◡ ◡ – – ◡ –
φίλαι, πότερ' ἐμᾷ δεσποίνᾳ ◡ – ◡ ◡ ◡ – – –

id. Hel. 661:

ἒ ἔ· πικρὰν ἐς ἀρχὰν βαίνεις ◡̆ ◡̆ ◡̆ – ◡̆ – – –
ἒ ἔ· πικρὰν δ' ἐρευνᾷς φάτιν ◡̆ ◡̆ ◡̆ – ◡̆ – – ◡̆ –

id. Or. 145=157:

ἆ ἆ σύριγγος ὅπως πνοὰ – – – – ◡̆ ◡̆ – ◡̆ –
ὀλεῖς, εἰ βλέφαρα κινήσεις ◡ – – ◡̆ ◡̆ ◡ – – –

id. 168=189:

θωΰξασ' ἔβαλες ἐξ ὕπνου – – – ◡ ◡ ◡ – ◡ –
οὐδὲ γὰρ πόθον ἔχει βορᾶς – ◡ – ◡ ◡ ◡ – ◡ –

два послѣднихъ стиха, по свидѣтельству самаго Штейгера, допускаютъ и другое объясненіе. Цѣль употребленія ирраціональныхъ слоговъ онъ видитъ въ слѣдующемъ: retardatio quidem et mitigatio si in logaoedicis ordinibus sedatiore et leniore numero decurrentibus locum habebat, nonne dochmiaco generi omnium concitatissimo multo etiam magis apta debebat et conveniens videri? itaque saepissime thesis illa irrationalis in fine et periodorum et versuum occurrit, quamquam in quibusdam carminibus maximeque Euripideis identidem repetita legitur quasi augendi et cumulandi effectus causa (part. II, стр. 7).

Далѣе Штейгеръ переходитъ къ распущеніямъ долгихъ слоговъ въ дохміи и указываетъ, что какъ въ пеонахъ, такъ и въ дохміяхъ каждый долгій слогъ можетъ быть распущенъ на два краткихъ за исключеніемъ послѣдняго, когда онъ стоитъ въ концѣ періода или системы.

Послѣ этого Штейгеръ затрогиваетъ вопросъ о томъ, допускается ли въ концѣ дохмія пауза или нѣтъ, и рѣшаетъ его отрицательно:... in fine dochmii, quem monometrum paeonicum acatalectum agnovimus, non magis ad numerum ordinis explendum pausa statuenda est, quam in ceteris omnibus versibus paeonicis acatalectis. quod ita esse cum ratio rhythmi docet, tum ipse usus poetarum, qui haud ita parvum numerum dochmiorum talium adsciverunt, ut finali syllaba soluta verbum finitum non sit, ut neque pausa statui, quippe quae in medium verbum incideret, neque tone, quam vocant, pausa expleri possit finali longa in duas breves soluta. (part. II, стр. 8).

Исходной точкой для Штейгера служитъ, какъ мы видимъ, общность формъ въ пеонахъ и дохміяхъ. Посмотримъ же, на столько ли она велика въ дѣйствительности, что позволяетъ отождествлять дохміи съ пеонами.

Часть дохмія, предшествующая второму долгому слогу его или явившимся изъ распущенія этого долгаго слога двумъ краткимъ, не имѣетъ ничего общаго съ ямбомъ или трибрахомъ, встрѣчающимся въ началѣ пеоническихъ стиховъ, такъ какъ въ дохміи первый краткій слогъ можетъ быть замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, тогда какъ въ пеонахъ онъ всегда остается краткимъ. Объяснять допущеніе этой замѣны тѣмъ, что мы находимъ ее въ анакрузисѣ, нельзя: во-первыхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ представляется необъяснимымъ, почему она возможна въ дохміяхъ и невозможна въ пеонахъ; во-вторыхъ, такъ какъ болѣе двухъ χρ. πρ. подъ понятіе анакрузиса не подходятъ въ силу того, что даже три χρ. πρ. не могутъ оставаться безъ ритмическаго ударенія.

Переходя далѣе къ допущенію замѣны второго краткаго слога дохмія посредствомъ ирраціональнаго долгаго, мы должны замѣтить, что какъ бы рѣдко первоначально она ни являлась, но все-таки она является, тогда какъ у насъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе надежнаго пеоническаго стиха, въ которомъ бы мы находили ее. Что касается тѣхъ стиховъ, въ которыхъ Штейгеръ видитъ пеоны съ такимъ ирраціональнымъ долгимъ слогомъ, то они или должны

быть исправлены, или не принадлежатъ по своему составу къ пеонамъ. Относительно Eur. Phoen. 321 и 322 мы уже выше имѣли случай замѣтить, почему они нуждаются въ исправленіи, и показали, какъ ихъ слѣдуетъ исправлять (см. стр. 89). Eur. Ion. 676=695 не представляетъ, какъ это думаетъ Штейгеръ, пеоническаго триметра, а есть особая форма дохмія, распространенная посредствомъ трехъ слоговъ, точно также, какъ id. Or. 145=157 и 168=189 (ср. стр. 85).

Въ Eur. Hel. 660 и 661 Г. Шмидтъ читаетъ ἐή вмѣсто рукописнаго ἒ ἔ, что даетъ уже извѣстную форму дохмія съ предшествующей ей ямбической диподіей. Если же кто нибудь будетъ настаивать на сохраненіи рукописнаго чтенія, то въ такомъ случаѣ къ этимъ стихамъ слѣдуетъ примѣнить тоже объясненіе, что и къ предыдущимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что по отношенію къ замѣнѣ обоихъ своихъ краткихъ слоговъ посредствомъ ирраціональныхъ долгихъ дохмій не имѣютъ ничего общаго съ пеонами, такъ что объ общемъ происхожденіи тѣхъ и другихъ и принадлежности ихъ къ одному и тому же γ. ῥυθμοῦ не можетъ быть и рѣчи.

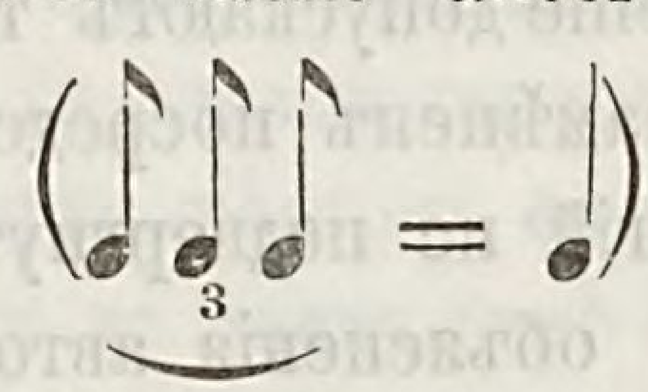
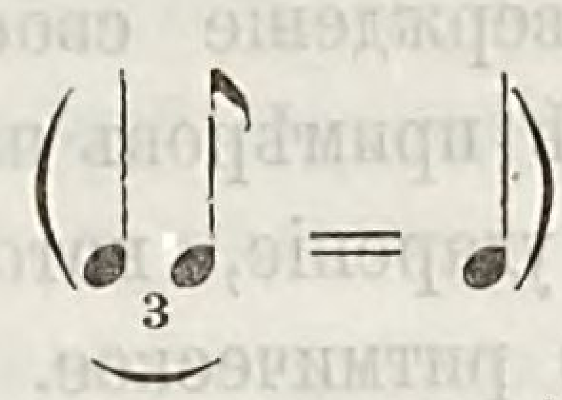
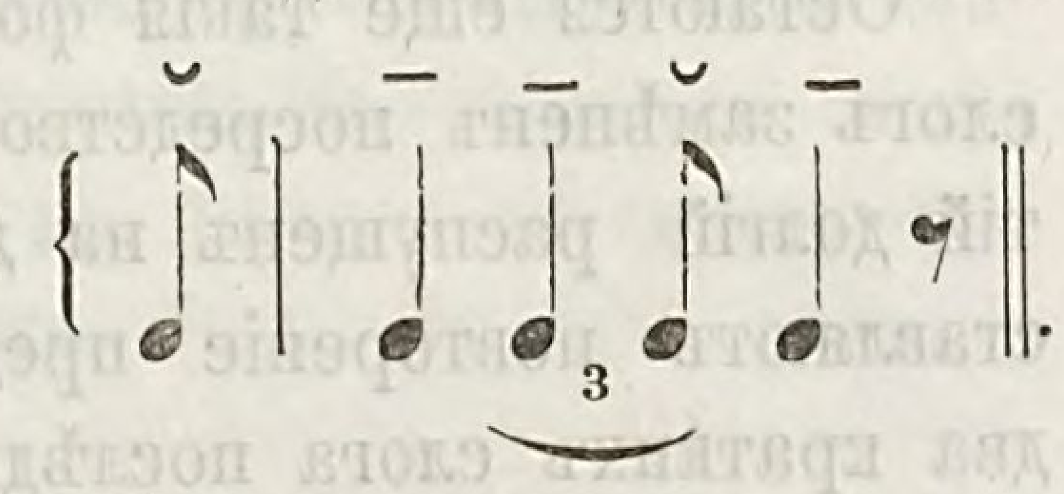
Что касается свободы распущенія, являющейся въ долгомъ слогѣ неполной пеонической стопы и въ первомъ долгомъ слогѣ дохмія, то она ничего не доказываетъ, такъ какъ вообще каждый долгій слогъ, заключающій въ себѣ два χρ. πρ., за рѣдкими исключеніями, свободно можетъ быть замѣняемъ двумя краткими слогами.

Далѣе, признавая, что пауза между двумя дохміями недопустима, Штейгеръ показываетъ этимъ, что онъ считаетъ ту часть второго дохмія, которая предшествуетъ его второму слогу или двумъ краткимъ слогамъ, заступающимъ мѣсто этого долгаго, за анакрузисъ, между тѣмъ какъ внутри періода послѣ слога подъ ритмическимъ удареніемъ невозможно принимать за анакрузисъ даже одного слога (ср. стр. 68 и сл.).

Наконецъ, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ взглядъ Штейгера на дохмій по тому, что этотъ ученый не можетъ связать его ни съ однимъ болѣе или менѣе авторитетнымъ показаніемъ, идущимъ изъ древности.

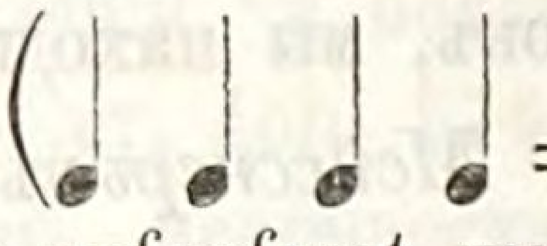
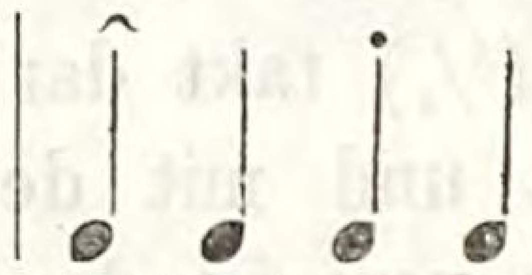
f) Теоріи, которыя признаютъ дохмій за самобытную стопу. Первый, кто призналъ дохмій за ритмическую величину, принадлежащую по своему счету къ $^{8}/_{4}$ такта былъ Мейсснеръ со своимъ

послѣдователемъ М. Шмидтомъ. Позднѣе тотъ же взглядъ на дохмій въ болѣе совершенномъ видѣ, хотя и не свободномъ отъ ошибокъ, мы находимъ у Криста, Древеса и Клотца.

Мейсснеръ въ своей статьѣ Zur Metrik, Philol. V. (1850), опредѣляетъ ритмическое значеніе дохмія такимъ образомъ: Der dochmische vers in seiner gewöhnlichsten form (ᴗ _́ _́ ᴗ _́) stellt nach einleitendem aufschlage von einem achtel den C ($^4/_4$) takt dar und zwar so, dass sein letztes viertel pausirt auftritt und mit dem aufschlage sich ergänzt. Characteristisch für diesen vers ist die figur der triole im zweiten viertel, aber nicht unter der regelmässigen form von 3 einzelnen achteln sondern so, dass die beiden ersten zu einem viertel sich verbinden (стр. 88). Такимъ образомъ современными нотными знаками дохмій можетъ быть изображенъ, по мнѣнію Мейсснера, такъ: C

Ритмическое удареніе въ обыкновенной тріоли падаетъ на первую ноту; еще явственнѣе оно будетъ слышно на первой же нотѣ при томъ особенномъ видѣ тріоли, которой мы находимъ въ дохміяхъ. На послѣднемъ долгомъ слогѣ дохмія также будетъ лежать удареніе такое, какое мы находимъ при счетѣ C на третьей четверти, но по своей силѣ это удареніе будетъ болѣе слабымъ, чѣмъ ритмическое удареніе, лежащее на первой четверти. Изъ возможныхъ тридцати двухъ формъ дохмія на основаніи сказаннаго легко объясняются тѣ, въ которыхъ ни одинъ изъ краткихъ слоговъ не замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго, и тѣ, въ которыхъ замѣненъ только первый; для этого стоитъ только въ случаѣ распущенія долгаго слога, если мы отожествимъ его съ четвертью ноты, изобразить два краткихъ слога посредствомъ двухъ восьмыхъ.

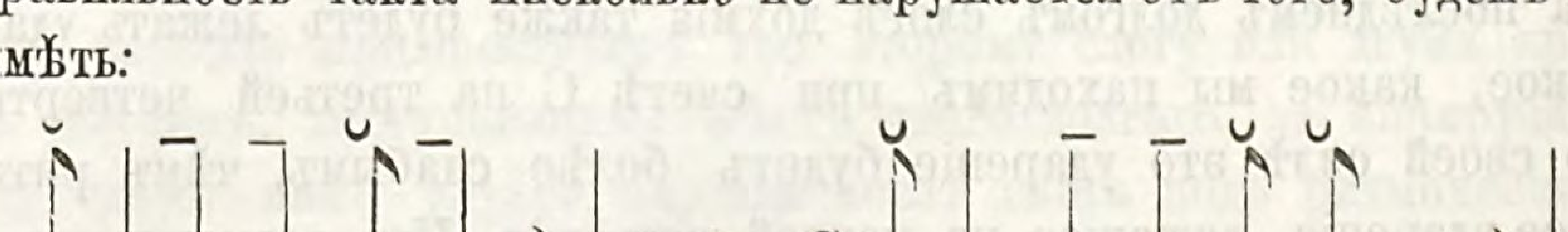
Затѣмъ Мейсснеръ переходитъ къ тому случаю, когда предпослѣдній слогъ дохмія бываетъ долгъ: ᴗ _ _ _ _ и высказываетъ мысль,

что ритмическія ударенія въ такомъ дохміи будутъ падать ◡ ´— — ´— —, а не ◡ ´ ´ — ´, основываясь, на слѣдующемъ: Wenn 4 hintereinander folgende zeitabschnitte von gleicher länge (= — — — —) vom gehör als rhythmische verbindung aufgefasst werden sollen, so ist dies nur möglich durch die natürliche accentuation des $4/4$ takts ; ohne eine solche ist innerer zusammenhang und rhythmisches leben der bezeichneten reihe ungedenkbar (стр. 90). Такое объясненіе допускаютъ тѣ формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а третій долгій не подвергнутъ распущенію; при этомъ въ подтвержденіе своего объясненія авторъ указываетъ, что въ большинствѣ примѣровъ на предпослѣднемъ долгомъ слогѣ лежитъ прозаическое удареніе, которое усиливаетъ лежащее на томъ же слогѣ удареніе ритмическое.

Остаются еще такія формы дохмія, въ которыхъ второй краткій слогъ замѣненъ посредствомъ ирраціональнаго долгаго слога, а третій долгій распущенъ на два краткихъ слога, но эти формы представляютъ повтореніе предыдущихъ, только съ распущеннымъ на два краткихъ слога послѣднимъ долгимъ.

Въ заключеніе Мейсснеръ разсматриваетъ три слѣдующихъ случая:

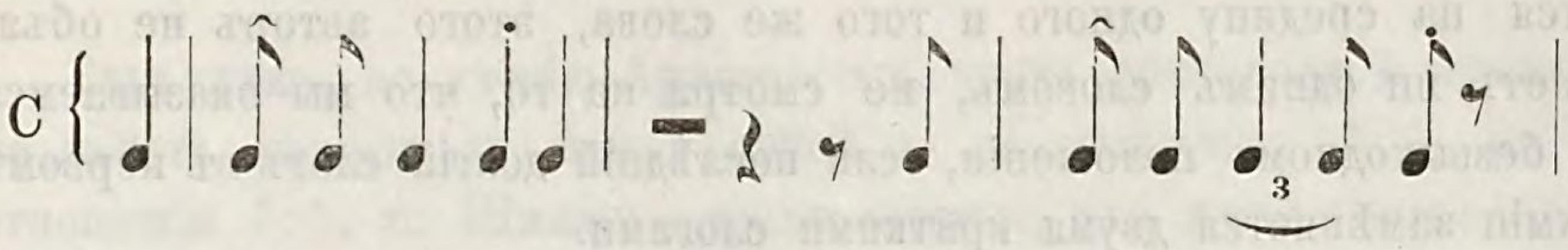
1) Мѣсто послѣдняго долгаго можетъ заступать краткій слогъ; но правильность такта нисколько не нарушается отъ того, будемъ ли мы имѣть:

der taktische accent hat einen völlig ausreichenden stützpunkt in dem sylbenlaut, welcher zu gehör gebracht wird, ohne dass die grössere oder mindere breite desselben von entscheidung ist (стр. 93).

2) Между двумя словами: однимъ, на которое оканчивается дохмій, и другимъ, которымъ начинается другой, иногда является зіяніе. Здѣсь могутъ быть два случая: если первый дохмій по своему образованію таковъ, что въ концѣ его находится пауза, то она доста-

точно объясняетъ допущеніе зіянія, если же такой паузы нѣтъ, то для объясненія зіянія мы должны допустить уже цѣлый рядъ паузъ между обоими дохміями:

такое долгое молчаніе находитъ себѣ полное оправданіе въ крупномъ знакѣ препинанія, раздѣляющемъ оба дохмія.

3) Мѣсто одного перваго краткаго слога въ дохміи могутъ занимать два краткихъ слога; въ началѣ такого дохмія мы должны предположить паузу въ одну восьмую, которая, составляя вмѣстѣ съ послѣдующими нотами, вынесенными за тактъ (онѣ выражаются двумя краткими слогами) тріоль, будетъ соотвѣтствовать одной четверти ноты такихъ формъ дохмія, въ началѣ которыхъ мы ее находимъ.

Разсматривая теорію Мейсснера мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что она построена исключительно на основахъ, заимствованныхъ изъ явленій современной намъ музыки. Что касается свидѣтельствъ древности, то объ нихъ Мейсснеръ ничего не говоритъ и не принимаетъ ихъ въ соображеніе, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало.

Далѣе, мы видимъ, что Мейсснеръ дѣлитъ формы дохмія на двѣ категоріи: на такія, въ которыхъ второй краткій слогъ не замѣняется посредствомъ ирраціональнаго долгаго, и на такія, въ которыхъ онъ замѣняется, и къ каждой изъ этихъ категорій прилагаетъ различное объясненіе. Но такое дѣленіе, влекущее за собою различное положеніе ритмическаго ударенія въ каждой изъ нихъ, недопустимо въ виду многочисленности примѣровъ чередованія другъ съ другомъ формъ, принадлежихъ къ разнымъ категоріямъ.

Признавая ритмическое удареніе, лежащее на первой четверти дохмія, за главное, Мейсснеръ нарушаетъ естественный порядокъ удареній въ дохміи, обусловленный извѣстнымъ расположеніемъ въ немъ долгихъ и короткихъ слоговъ, и сверхъ того отступаетъ отъ показаній древнихъ ритмиковъ (ср. стр. 49 и сл.).

Въ концѣ каждаго дохмія, принадлежащаго къ первой категоріи, Мейсснеръ предполагаетъ остановку, равную четверти ноты, одна восьмая которой можетъ быть занята анакрузисомъ въ одинъ

χρ. πρ. въ началѣ слѣдующаго дохмія; но какъ мы должны восполнять недостающую восьмую ноты въ томъ случаѣ, если послѣднiй долгiй слогъ перваго дохмія и анакрузисъ второго дохмія приходятся на средину одного и того же слова, этого авторъ не объясняетъ ни однимъ словомъ, не смотря на то, что мы оказываемся въ безвыходномъ положенiи, если послѣднiй долгiй слогъ въ первомъ дохмiи замѣняется двумя краткими слогами.

Что касается второй категорiи формъ дохмія, то объясненiе, даваемое имъ авторомъ, находится въ прямомъ противорѣчiи съ ученiемъ древнихъ метриковъ и данными, извлекаемыми изъ дошедшихъ до насъ стихотворныхъ текстовъ, о числѣ χρ. πρ. въ дохмiи, такъ какъ дохмiи этой категорiи у него заключаютъ не восемь, а девять χρ. πρ.

Для объясненія зіянія, являющагося въ одномъ случаѣ между двумя дохміями, у Мейсснера допущена между ними пауза въ семь χρ. πρ., въ оправданіе которой указывается на крупный знакъ препинанія, раздѣляющій оба дохмія; но какъ бы ни былъ крупенъ этотъ знакъ препинанія, едва ли возможна такая продолжительная пауза въ предѣлахъ періода.

Наконецъ, формъ дохмія, въ которыхъ предполагается замѣна перваго краткаго слога двумя, при ближайшемъ разсмотрѣнiи совершенно не оказывается, ср. стр. 112 и сл.

Послѣдователемъ Мейсснера является *М. Шмидтъ*, который въ своей статьѣ Dochmien, помѣщенной въ Jhrbb. f. Phil. 101 (1870) старается обосновать теорію своего предшественника, хотя ни слова не упоминаетъ объ немъ, связавъ ее съ показаніями древнихъ метриковъ, и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступаетъ отъ его взглядовъ.

Въ началѣ своей статьи Шмидтъ, опираясь на показанія Аристида Квинтиліана, Марціана Капеллы и Бакхія, допускаетъ кромѣ дохмія въ восемь χρ. πρ. еще другой дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ.; при этомъ по поводу послѣдняго замѣчаетъ, что хотя онъ по своей схемѣ и ничѣмъ не отличается отъ гликонея съ базисомъ въ формѣ ямба, но что Аристидъ не отожествляетъ его съ гликонеемъ, какъ это видно изъ того, что гликоней у него приведенъ отдѣльно. Причина, по которой то и другое сочетаніе отнесено къ числу дохміевъ, заключается, по мнѣнію Шмидта, въ томъ, что въ обоихъ ихъ число χρ. πρ. тезиса превышаетъ число χρ. πρ. арзиса двумя еди-

ницами: такъ, дохмій, заключающій въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., распадается на тезисъ въ семь χρ. πρ. и на арзисъ въ пять χρ. πρ.

⏑ ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ | — ⏑ —.
7 5

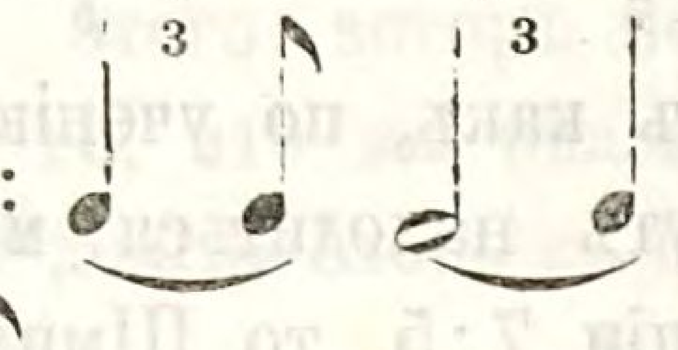
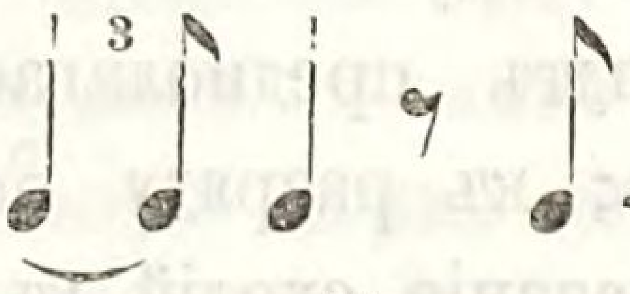
Такъ какъ, по ученію Аристоксена, части ритмической величины не могутъ находиться между собой ни въ отношеніи 3 : 5, ни въ отношеніи 7 : 5, то Шмидтъ предполагаетъ, что Аристоксенъ относилъ δόχμιος ὀκτάσημος къ разряду δακτυλικοί, и опирается при этомъ на извѣстное показаніе схолій къ Aesch. sept. 128.

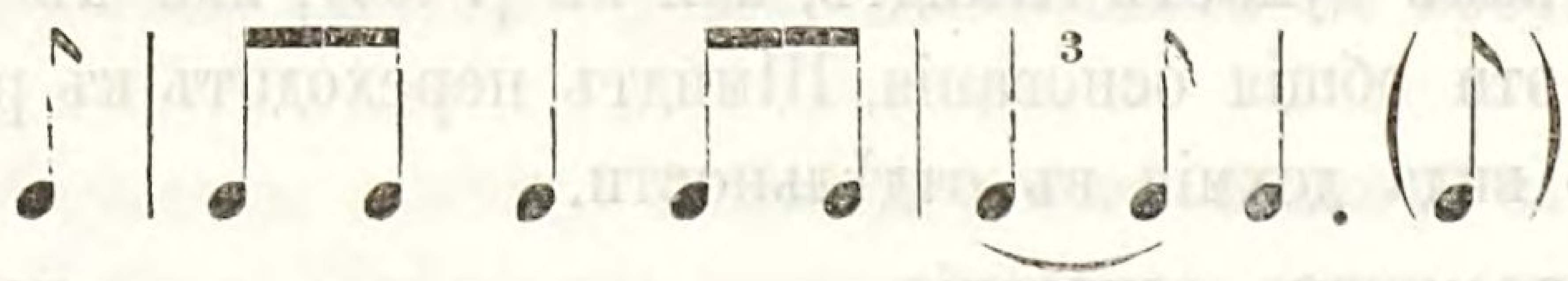
Въ соотвѣтствіи съ дохміемъ въ восемь χρ. πρ. и дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. долженъ принадлежать по отношенію двухъ своихъ частей, какъ думаетъ Шмидтъ, или къ γ. ἴσον, или къ διπλάσιον. Установивъ эти общія основанія, Шмидтъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждаго вида дохмія въ отдѣльности.

Дѣлить элементы сочетанія ⏑ — — ⏑ ⏑ — ⏑ — такъ, чтобы они по своему отношенію принадлежали къ γένος διπλάσιον, невозможно; слѣдовательно, остается установить между ними такое отношеніе, по которому они будутъ принадлежать въ γ. ἴσον. Въ гликонеѣ данное сочетаніе дѣлится или такъ:

⏑ — — ⏑ | ⏑ — ⏑ —, или такъ: ⏑ — — ⏑ ⏑ | — ⏑ ,

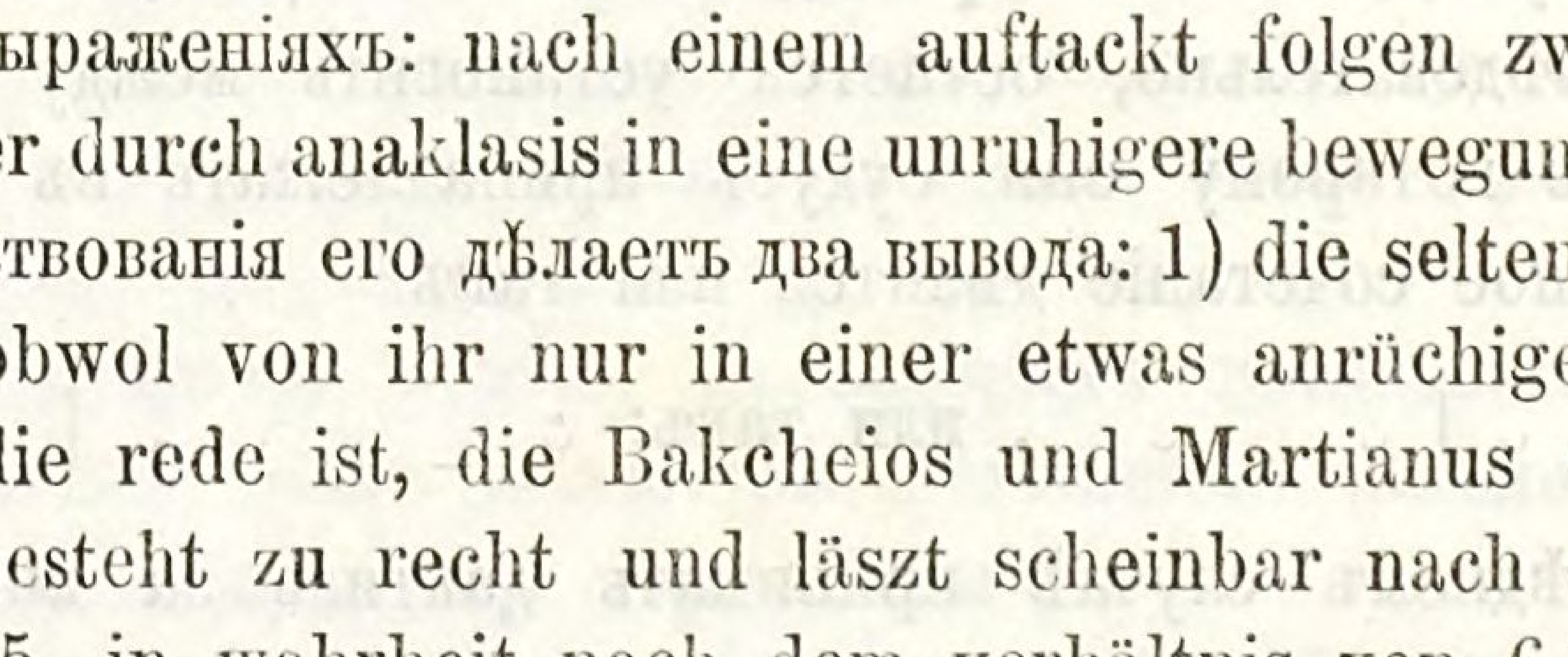
если въ послѣднемъ случаѣ принимать дактиль за киклическій и вслѣдствіе этого равный по своей длительности трохею. Но, называя данное сочетаніе дохміемъ, Аристидъ, очевидно, не имѣлъ въ виду ни того, ни другого дѣленія его на части; другими словами, дактиль въ дохміи не былъ киклическимъ. Это заставляетъ насъ предположить, что тезисъ разсматриваемой ритмической величины представляетъ изъ себя ῥυθμὸς κατὰ σοζυγίαν σύνθετος: ⏑ — — ⏑ ⏑ т. е. іоникъ ἀπὸ μείζονος съ анакрузисомъ (говоря языкомъ современной музыки 3/4 тактъ съ анакрузисомъ, а по терминологіи древней ритмики πούς ἑξάσημος διπλάσιος). Въ томъ случаѣ, когда за однимъ такимъ δωδεκάσημον слѣдуетъ другой, то анакрузисъ второго восполняетъ недостающее количество времени въ первомъ, благодаря чему арзисъ этого послѣдняго имѣетъ форму трохаической диподіи, которая съ точки зрѣнія метрика, не опирающагося на ритмику представляетъ ῥυθμὸς ἴσος, что соотвѣтствуетъ нашему 6/8 такту, а для ритмика и ὁ συμπλέκων она есть тотъ же

іоникъ, который нашъ музыкантъ изобразилъ бы нотами слѣдующимъ образомъ: , а древній въ виду того, что краткій звукъ всегда бываетъ вдвое короче долгаго,—такъ: или въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ: . Такимъ образомъ, дохмій Аристида и Бакхія, заключающій въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., можетъ быть изображенъ современными нотными знаками слѣдующимъ образомъ:

Описываетъ ритмическое значеніе этого сочетанія самъ М. Шмидтъ въ такихъ выраженіяхъ: nach einem auftackt folgen zwei $^3/_4$ tacte, deren letzter durch anaklasis in eine unruhigere bewegung übergeht— и изъ существованія его дѣлаетъ два вывода: 1) die seltenere form des dochmius, obwol von ihr nur in einer etwas anrüchigen partie des Aristeides die rede ist, die Bakcheios und Martianus Capella auch anführen, besteht zu recht und läszt scheinbar nach dem verhältnis von 7 : 5, in wahrheit nach dem verhältnis von 6 : 6 eine gliederung sehr wol zu. die einzelnen hexasemen können διπλάσιοι sein. 2) wir haben bisher nicht gewust was ein παιών διάγυιος sei, und haben ihn zur ungebühr den cretikern gleichgestellt. Aristeides erklärt ihn falsch. im creticus ist das verhältnis der tactteile 3 : 2, im παιών διάγυιος ist es das normale, 2 : 3. wir können uns den unterschied durch folgende tabelle klar machen:

creticus paeon diagyios

Въ доказательство правильности такого объясненія παιὼν διάγυιος съ точки зрѣнія ритмики Шмидтъ указываетъ: 1) на то, что трохаическая диподія соединяется съ пеонами и сама пользуется названіемъ кретика; такую трохаическую диподію онъ обозначаетъ такимъ образомъ: ⏗ ◡ | ⏖, указывая этимъ, что вторая стопа въ ней по своей длительности равняется только двумъ χρ. πρ. первой; 2) на то, что παιὼν ἐπιβατός въ виду его сопоставленія съ παιὼν διάγυιος у Аристида Квинтиліана долженъ быть признанъ за удвоеніе послѣдняго ◡́ ◡ ◡̋ ◡ ◡́. Правда, описаніе παιὼν διάγυιος въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не подтверждаетъ высказанной мысли; но происходитъ это, по мнѣнію Шмидта, отъ того, что Аристидъ Квинтиліанъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ ошибку, которая будетъ исправлена, если мы въ описаніи этой стопы у него разставимъ слова слѣдующимъ образомъ: παιὼν διάγυιος ἐκ μακρᾶς θέσεως καὶ μακρᾶς καὶ βραχείας ἄρσεως; изъ Марія Викторина сюда слѣдуетъ добавить для полноты еще seu contra. Такимъ образомъ, метрическая схема въ кретикѣ и въ παιὼν διάγυιος одинакова, но по своему ритмическому значенію эти стопы различны между собой: въ первой изъ нихъ краткій слогъ равняется цѣлому χρ. πρ., а каждый изъ двухъ долгихъ — двумъ; во второмъ же второй долгій слогъ содержитъ въ себѣ три χρ. πρ., первый есть ἄλογος, а краткій—brevi brevior.

Послѣ этого Шмидтъ занимается опредѣленіемъ мѣста главнаго ритмическаго ударенія въ дохміи, заключающемъ въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ. Если мы, говоритъ онъ, въ этомъ послѣднемъ вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса одинъ только краткій слогъ, то главныя ритмическія ударенія въ дохміи будутъ расположены слѣдующимъ образомъ:

◡ ⋮ ◡̋ ◡ ⏖ ◡ ◡ | ⏗ ◡ | ⏖

Возражать съ формальной точки зрѣнія противъ такого расположенія ритмическихъ удареній нельзя; но оно не совсѣмъ удобно въ виду того, что на χρ. ἀσύνθετοι въ такомъ случаѣ приходятся только второстепенныя ритмическія ударенія. Если же мы вынесемъ за тактъ въ качествѣ анакрузиса краткій и долгій слогъ или два краткихъ слога, замѣняющихъ его, то расположеніе ритмическихъ удареній будетъ таково:

◡ ◡́ ◡ ⋮ ⏗ ◡ ◡ ⏖ ◡ | ⏗

Въ пользу его свидѣтельствуетъ между прочимъ тотъ фактъ, что древніе дѣлятъ дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. на ямбъ, дактиль и пеонъ, а такое дѣленіе возможно только тогда, если главныя ритмическія ударенія падаютъ на второй и на послѣдній долгій слоги дохмія. Особенно ярко выступаютъ достоинства второго способа расположенія главныхъ ритмическихъ удареній передъ первымъ, когда соединяются другъ съ другомъ два дохмія.

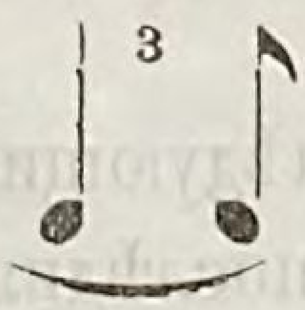
Покончивъ съ вопросомъ о ритмическомъ значеніи дохмія, заключающаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., Шмидтъ переходитъ къ дохмію въ восемь χρ. πρ. и разсуждаемъ такъ: если мы выкинемъ изъ дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. дактиль, то получимъ дохмій въ восемь χρ.. πρ., ритмическое значеніе котораго вслѣдствіе этого опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ дохмій въ двѣнадцать χρ. πρ. принадлежитъ по своему счету къ $^6/_4$ такта, то для опредѣленія того, къ какому счету относится дохмій въ восемь χρ. πρ., мы должны изъ $^6/_4$ вычесть $^2/_4$, откуда получится $^4/_4$. Изъ этого ясно, что дохмій долженъ принадлежать по отношенію своихъ χρ. ποδικοί къ γένος ἴσον.

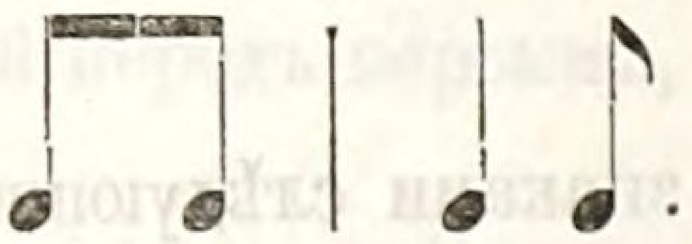
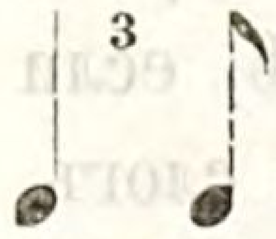
Справедливость даннаго объясненія ритмическаго значенія дохмія, по мнѣнію Шмидта, не измѣнится, если мы вынесемъ за тактъ не одну восьмую ноты, а три восьмыхъ.

Къ тому же объясненію дохмія въ восемь χρ. πρ., по мнѣнію Шмидта, мы придемъ, и не прибѣгая къ помощи дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. Для этого мы должны въ дохміи, заключающемъ въ себѣ восемь χρ. πρ., первый краткій слогъ вынести за тактъ, недостающій въ концѣ одинъ χρ. πρ. восполнить посредствомъ анакрузиса слѣдующаго дохмія и разсуждать такимъ образомъ: по Аристоксену сочетаніе, заключающее въ себѣ восемь χρ. πρ., можетъ принадлежать только къ γ. ἴσον, что соотвѣтствуетъ нашему счету C и $^2/_4$; поэтому восемь χρ. πρ. дохмія мы должны дѣлить на части такимъ образомъ: $\cup^2 \cup \cup^2 \cup \mid \cup^3 \cup \cup \acute{\cup}^1$, что не представляетъ затрудненія не только тогда, когда каждый изъ нихъ выраженъ отдѣльнымъ слогомъ, но и тогда: 1) когда четыре

краткихъ слога въ первой половинкѣ, которая является тезисомъ всего сочетанія, замѣняются двумя долгими слогами, и 2) когда во второй половинкѣ этого сочетанія мѣсто перваго краткаго слога заступаетъ ирраціональный долгій, который съ слѣдующимъ за нимъ краткимъ слогомъ можетъ быть изображенъ современными нотными знаками слѣдующимъ образомъ:

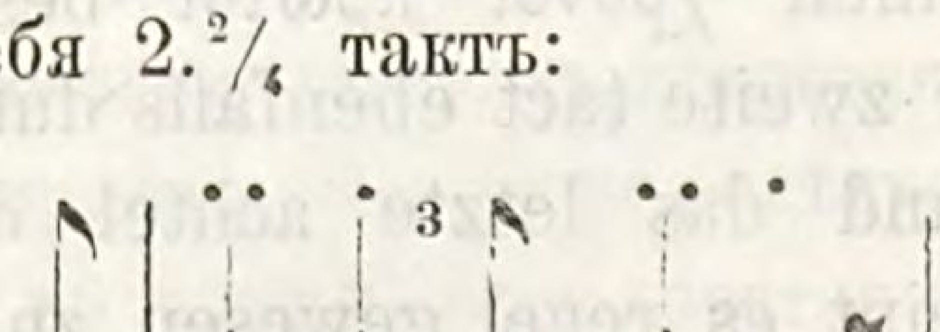
Но дѣлить такимъ образомъ дохмій возможно только при нѣкоторыхъ формахъ его; поэтому Шмидтъ задается вопросомъ, какъ объяснить ритмическое значеніе дохмія, когда онъ, напримѣръ, является въ своей нормальной формѣ ◡ _ _ ◡ _ или съ распущеннымъ вторымъ долгимъ слогомъ: ◡ _ ◡͡◡ ◡ _. Такія формы, по мнѣнію Шмидта, поддаются объясненію только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что либо второй долгій слогъ дохмія, либо долгій слогъ, являющійся взамѣнъ второго краткаго слога, съ послѣдующимъ краткимъ по своей длительности равняются двумъ χρ. πρ. Разсмотрѣвъ въ отдѣльности каждую изъ относящихся сюда формъ дохмія, Шмидтъ дѣлаетъ касательно ихъ слѣдующій общій выводъ: so erhellt auf den ersten blick dasz 1) die thesis des ersten tacts mit der voraufgehenden anakrusis immer die form eines iambus ergibt ◡̄ ◡̄◡̀◡; 2) die triolenform entweder der arsis des ersten oder der thesis des zweiten ²/₄ tacts angehört; nach dem gesetze dasz, wenn sie a) die arsis des ersten tacts bildet, der ganze zweite tact durch eine trisemos mit leimma gefüllt wird, b) wenn sie dagegen die thesis des zweiten bildtet, die arsis des ersten ein aus zwei reinen χρόνοι πρῶτοι bestehender σύνθετος oder ἀσύνθετος ist. es ist jedoch nicht nöthig, dasz im zweiten tacte immer triolenform herrscht, wenn die arsis des ersten aus solchen reinen χρόνοι πρῶτοι besteht; vielmehr kann 3) in diesem falle der zweite tact ebenfalls durch drei reine χρόνοι πρῶτοι ausgedrückt und das letzte achtel durch pause ergänzt werden. wol aber scheint es regel gewesen zu sein, dasz a) die arsis vom ersten tacte niemals in reinen χρόνοι πρῶτοι ausgedrückt wurde, wenn der folgende tact mit der trisemos begann; b) eben diese arsis niemals selbst triolenform haben konnte, wenn die thesis des zweiten tacts in triolenform auftrat; 4) die anakrusis konnte

irrational sein, so dasz auch alle möglichen formen des iambus erschöpft werden, der den päon diagyios einleitet (стр. 472).

Теперь остается разсмотрѣть только такіе случаи, когда дохмій вмѣсто кретика оканчивается либо на такое сочетаніе слоговъ: ◡ ◡ _ ⏓, либо на такое _ _ ⏓. Современными нотными знаками это сочетаніе может быть изображено слѣдующимъ образомъ: . Замѣна въ такихъ случаяхъ послѣдняго краткаго слога посредствомъ ирраціональнаго долгаго съ точки зрѣнія ритмики, по мнѣнію Шмидта, не имѣетъ важнаго значенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ долгій слогъ, являющійся взамѣнъ краткаго, вмѣстѣ съ послѣдующимъ краткимъ, который будетъ brevi brevior, составляетъ такое сочетаніе, которое может быть выражено современными нотными знаками такъ: . Кромѣ того, тотъ фактъ, что могутъ встрѣтиться такимъ образомъ даже два долгихъ слога, когда одинъ дохмій кончается однимъ долгимъ слогомъ, а другой начинается другимъ, показываетъ, что съ точки зрѣнія ритмики оба такихъ долгихъ слога являются не болѣе, какъ только χρόνοι πρῶτοι.

Въ подтвержденіе своего объясненія дохмія Шмидтъ указываетъ на то, что у трагическихъ поэтовъ въ соединеніи съ дохміями встрѣчаются такіе элементы, которые исключаютъ всякій другой счетъ кромѣ C или 2.$^2/_4$.

Въ заключеніе Шмидтъ задается вопросомъ, слѣдуетъ ли относить дохмій къ счету C или 2.$^2/_4$; разница между ними та, что $^4/_4$ тактъ имѣетъ два σημεῖα, а 2.$^2/_4$ тактъ—четыре. Такъ какъ древніе дѣлили дохмій на ямбъ и пеонъ, и такъ какъ пеонъ одинъ уже имѣетъ 2 σημεῖα, то это заставляетъ насъ допустить, что дохмій представляетъ изъ себя 2.$^2/_4$ тактъ:

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ этого объясненія того и другого дохмія, которое предлагаетъ Шмидтъ, мы должны замѣтить, что существованіе дохмія въ двѣнадцать χρ. πρ. подвержено большему сомнѣнію, ср. стр. 20 и сл.

Но допустивъ даже, что онъ дѣйствительно существуетъ, мы не можемъ признать, чтобы ритмическое значенiе его было опредѣлено Шмидтомъ безукоризненно.

Во-первыхъ, какъ въ лирической, такъ и въ драматической поэзiи Грековъ мы находимъ iоники только съ анакрузисомъ въ два χρ. πρ., и ничто не указываетъ на то, чтобы они существовали съ анакрузисомъ въ одинъ безразличный слогъ.

Во-вторыхъ, существованiе παιών διάγυιος съ тѣмъ ритмическимъ значенiемъ, какое ему приписысаетъ Шмидтъ, едва-ли можетъ быть допущено. Судя по описанiю этой стопы у Аристида Квинтилiана, онъ ничѣмъ не отличается ни по схемѣ, ни по своему ритмическому значенiю отъ кретика. Исправлять же текстъ Аристида Квинтилiана у насъ нѣтъ никакихъ основанiи. Правда, Шмидтъ указываетъ на то, что существуетъ аналогичная съ παιών διάγυιος трохаическая диподiя, въ которой вторая стопа равняется двумъ χρ. πρ.; но такъ какъ подтверждаетъ онъ это только тѣмъ, что такая трохаическая доподiя называется кретикомъ и больше ничѣмъ, то мы не можемъ считать Шмидта правымъ въ объясненiи ея ритмическаго значенiя. Ссылки на παιών ἐπιβατός нельзя признать вѣскимъ доводомъ уже потому, что описанiе этой ритмической величины не безъ основанiя заподозрѣно Кристомъ со стороны его надежности, ср. Christ. Metrik[2] стр. 290.

Въ-третьихъ, если мы представимъ себѣ два рядомъ стоящихъ дохмiя въ двѣнадцать χρ. πρ. каждый, то замѣтимъ въ серединѣ его двѣ трохаическихъ стопы, которыя при одинаковой схемѣ имѣютъ разное ритмическое значенiе, что также представляется очень подозрительнымъ.

Не соглашаясь съ Шмидтомъ въ объясненiи имъ дохмiя въ двѣнадцать χρ. πρ., мы также мало можемъ признать его правильно понявшимъ ритмическое значенiе и дохмiя въ восемь χρ. πρ. прежде всего потому, что этотъ ученый не можетъ сослаться въ оправданiе своего взгляда ни на одно свидѣтельство, идущее изъ древности.

Далѣе, передвиженiе ирращональнаго долгаго слога въ дохмiи и короткаго brevi brevior внушаетъ подозрѣнiе потому, что требуетъ очень совершенной системы нотописанiя, которой древнiе не обладали; въ противномъ случаѣ такое передвиженiе легко могло вводить въ заблужденiе исполнителей.

Кристъ, прежде чѣмъ приступить къ объясненію ритмическаго значенія дохмія и опредѣленію положенія въ немъ удареній, обращаетъ вниманіе на два слѣдующихъ пункта, которые имѣютъ важное значеніе при рѣшеніи этихъ вопросовъ: во-первыхъ, такъ какъ всѣ формы дохмія не только являются въ строфахъ другъ около друга, но даже взаимно соотвѣтствуютъ другъ другу, то въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто второго краткаго слога въ дохміи занимаетъ долгій слогъ (⏑ – – –(⏑) – и – ⏑ ⏑ – –(⏑) –), никакъ нельзя принимать его за μακρὰ τρίσημος въ виду того, что этому долгому слогу въ строфѣ можетъ соотвѣтствовать краткій слогъ въ антистрофѣ и наоборотъ; во-вторыхъ, соотвѣтствіе такихъ формъ какъ ⏑ – – ⏑ – и – ⏑ ⏑ – ⏑ –, хотя и рѣдкое, служитъ доказательствомъ того, что мы не имѣемъ права допускать въ нихъ различнаго положенія удареній, а соотвѣтствіе такихъ ⏑ ⏑͡⏑ – ⏑ – и ⏑ – – ⏑ – показываетъ, что мы не можемъ, принимать первый долгій слогъ дохмія за μακρὰ τρίσημος.

Разсмотрѣвъ затѣмъ показанія о дохміи, идущія изъ древности, и найдя, что положиться на нихъ нельзя въ виду ихъ неопредѣленности и шаткости, Кристъ дѣлаетъ попытку опредѣлить ритмическое значеніе дохмія собственными силами. Дохмій, по его мнѣнію, представляетъ изъ себя совершенно самобытную стопу:... erscheint uns der Dochmius als ein einziger rhythmischer Fuss, der wohl eine gewisse Verwandschaft mit dem Jambus und Päon hat, aber doch als ein eigener Rhythmus für sich zu betrachten ist (Metrik[2], стр. 435). Главное ритмическое удареніе Кристъ кладетъ на второй долгій слогъ дохмія: Wir lassen, говоритъ онъ, die 3 ersten Kürzen oder den beginnenden Jambus die Stelle der Thesis oder der Anakrusis vertreten.... Gegenüber dem Hauptictus scheinen die Nebenicten ganz zurückgetreten zu sein, so dass sie sogar in den verschiedenen Formen des Dochmius verschieden fallen konnten:

–́ ⏑ ⏑ –̋ ⏑ –́ ⏑́ ⏑ ⏑ –̋ ⏑ –́ ⏑ –́ –̋ ⏑ –́ ⏑ ⏑́ ⏑ –̋ ⏑ –́

(стр. 434 и сл.).

Полагая, что главное ритмическое удареніе въ дохміи находилось на второмъ долгомъ слогѣ, Кристъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, только такимъ положеніемъ ритмическаго ударенія можно объяснить очень частое распущеніе пер-

ваго долгаго слога и сравнительно рѣдкое—второго долгаго; во-вторыхъ, на такое же положеніе ударенія указываетъ и возможность замѣны формы ⏑ – – ⏑ – формой – ⏑ ⏑ – ⏑ –. Кромѣ того, при такомъ положеніи ударенія объясняются будто-бы показанія ритора Діонисія объ мелодіи пародоса Ореста (De copm. verb. c. 11).

Къ сказанному Кристъ прибавляетъ относительно второстепенныхъ удареній слѣдующее: Wie die Nebenicten des Dochmius, namentlich im Falle der Auflösung der ersten Länge, zu vertheilen sind, ob man ⏑ ⏑́ ⏑ –̋ ⏑ – oder ⏑́ ⏑̅⏑̅ –̋ ⏑ –́ ansetzen soll, darüber wage ich mich nicht mit Zuversicht auszusprechen. Beachtung aber verdient der Umstand, dass in Dochmien mit beginnendem Päon oft die erste Sylbe den Wortaccent hat... Umsomehr werden wir in Dochmien mit beginnendem Daktylus der ersten Länge –́ ⏑ ⏑ –̋ ⏑ – nicht der ersten Kürze – ⏑́ ⏑ –̋ ⏑ – den Nebenictus zu geben berechtigt sein (стр. 435).

Опредѣляя число χρ. πρ. въ дохміи, Кристъ высказываетъ мысль, что оно находится въ зависимости отъ темпа, съ какимъ исполняется этотъ размѣръ: Bei langsamem Tempo, говоритъ онъ, kann die zweite oder letzte Länge über den Umfang einer einfachen Länge hinaus anwachsen, so dass, wenn in einer dochmischen Periode die Auflösung der Längen durchweg vermieden ist, man den betreffenden Längen geradezu den Werth von 3 Zeiten geben kann:

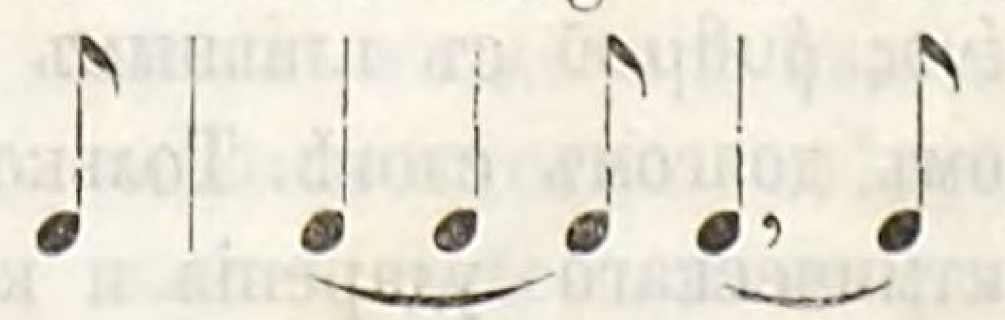
– ⏑ ⏑ | – ⏑ | ⏗ | – ⏑ ⏑ | – ⏑ | ⏗ oder
– ⏑ ⏑ | – ⏑ | – ∧ | – ⏑ ⏑ | – ⏑ | – ∧ |
⏑ ⏗ | – ⏑ | – ⏑ | ⏗ | – ⏑ | – | oder
⏑ ⏑̅⏑̅ | – ⏑ | – ⏑ | ⏗ | – ⏑ | – ∧ |

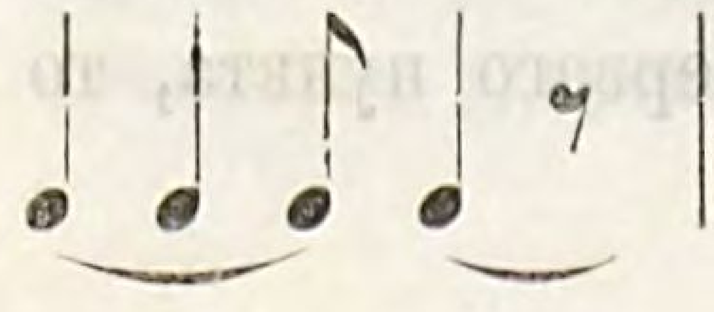
Da aber in der Regel die Dochmien in raschestem Tempo vorgetragen wurden, und in keinem Rhythmus häufiger die Längen sich aufgelösst finden, so bleibt als Norm für den Dochmius die achtzeitige Messung (стр. 436).

Въ вопросѣ о ритмическомъ значеніи дохмія Кристъ совершенно правильно указываетъ, что дохмій представляетъ изъ себя особый γένος ῥυθμοῦ съ главнымъ ритмическимъ удареніемъ на своемъ второмъ долгомъ слогѣ. Только относительно переноса второстепеннаго ритмическаго ударенія и количества χρ. πρ. въ дохміи мы не можемъ согласиться съ Кристомъ. Что касается перваго пункта, то

онъ уже былъ выясненъ нами ранѣе, см. стр. 153 и сл. Относительно же второго мы должны замѣтить слѣдующее.

Исполняя одну и ту же ритмическую величину въ разныхъ темпахъ, мы не можемъ ни увеличивать, ни уменьшать число χρ. πρ. въ ней, потому что оно остается неизмѣннымъ, а измѣняется только длительность каждаго χρ. πρ. Слѣдовательно, еслибы дѣйствительно послѣднiй долгiй слогъ дохмiя протягивался въ χρ. τρίσημος, то это могло бы одинаково происходить какъ при медленномъ, такъ и при быстромъ темпѣ. Далѣе, допуская возможность такого протяженiя, Кристъ разрываетъ связь съ преданiемъ, идущимъ изъ древности, по которому дохмiй заключаетъ въ себѣ восемь χρ. πρ.

Древесъ высказалъ свой взглядъ на ритмическое значенiе дохмiя въ статьѣ Theorie des Dochmius, помѣщенной въ Neue Jahrbb. f. Phil. N. F. 121 Bd. (1880) въ слѣдующихъ выраженiяхъ: er, т. е. dochmius, besteht meiner meinung nach nicht aus zwei zusammengezwungenen versfüssen oder tacten, sondern er ist ein einfacher fusz oder tact mit eigenartigem rhythmus, dessen leichter und schwerer tacttheil ebenso wenig auf den namen besonderer füsze (grundtacte) anspruch hat, wie etwa die des päon (trochäus und pyrrichius) oder des choriambus, den schon die alten metriker fälschlich aus choreus und iambus zusammengesetzt sein lieszen; er ist aber ein fusz, der wegen seiner ausdehnung zugleich als μέτρον und κῶλον und wegen der eigenthümlichkeit des verhältnisses von arsis und thesis als besonderes rhythmengeschlecht erscheint. und da kann es denn nicht zweifelhaft sein, dasz dieses γένος ῥυθμικόν einfach eine unterart (die dritte) des γένος ἄνισον ist: denn wie man auch sonst den dochmius in seine (nicht zwei halbtacte, sondern) tactteile (den schweren und den leichten, tragenden und getragenen) zerlegen mag, immer wird man auf das verhältnis 5 : 3 kommen, und zwar wol am richtigsten, indem man diesen eminent lyrischen rhythmus musikalisch betrachtet, in der weise dasz die beiden ersten längen (die nach H. Schmidt zuweilen zusammengezogen werden) mit einer kürze den schweren, die letzte länge mit einer kürze den leichten tactteil bilden, also

 . von dieser in besonderm sinne schiefen teilung

(da ein achtzeitiger tact gar nicht ungerade geteilt zu werden braucht, sondern die gerade teilung in 4+4 viel näher und bequemer liegt) hat der dochmius sicherlich seinen namen bekommen (стр. 410 и сл.).

Мы должны признать справедливымъ основное положеніе автора, что дохмій представляетъ изъ себя простую стопу съ тезисомъ въ пять χρ. πρ. и арзисомъ въ три, хотя оно теряетъ до нѣкоторой степени свою цѣну оттого, что является ничѣмъ не подтвержденнымъ. Что же касается опредѣленія состава тезиса и арзиса, то оно сдѣлано у него совершенно неправильно, такъ какъ находится въ противорѣчіи съ естественнымъ расположеніемъ ритмическихъ ударенія и тѣмъ дѣленіемъ дохмія на составныя части, которое мы находимъ у древнихъ метриковъ (см. стр. 49 и сл.).

Взглядъ *Клотца* на ритмическое значеніе дохмія намъ извѣстенъ только изъ рецензіи его на ритмику Вестфаля въ третьемъ изданіи ея, помѣщенной въ Jaheresber. f. Alterthumswiss. XLVI (1886, III). Указавъ, что Вестфаль ошибочно полагаетъ, будто ритмическія величины, состоящія изъ восьми χρ. πρ., могутъ дѣлиться только на 4+4, Клотцъ продолжаетъ такъ: Und doch haben wir im achtzeitigen Dochmius ein derartiges μέγεθος in ausnahmweise schräger Gliederung und zwar nach einer Ueberlieferung schol. ad Aesch. sept. 99, 120, die auch Westphal... als gut und alt anerkennt. Dass dieselbe auf einen erfahrenen alten Rhythmiker zurückgeht, beweist für Ref. der Satz καὶ ταῦτα δὲ δοχμιακά ἐστιν καὶ ἴσα ἐάν τις αὐτὰ ὀκτασήμως βαίνῃ, d. h. wenn man den Dimeter als 8 : 8 d. i. 1 : 1 taktiert. Der achtzeitige Einzeltakt (ὀκτάσημος ῥυθμός) ist schräg gegliedert, indem man ihn ähnlich wie den Päon – ᴗ | ᴗ ᴗ zerlegte, etwa in ᴗ ⊥́ und ⊥̋ ᴗ _. Überhaupt kommt die alte Überlieferung bei diesem Rhythmus durch Verfasser nicht zum Verständnis. Zwei Thatsachen, die diese verbürgt, bleiben ihm reine Rätsel, nämlich die zweite, aber seltenere Art des zwölfzeitigen Dochmios, die Aristeides überliefert und die auch nicht leicht, wie Verfasser will, auf einen Fehler der Handschrift zurückgeführt werden kann, da ein Beispiel das Schema bezeugt, und die Angabe des schol. Hephaest., dass einige als Grundform des Dochmios nicht ᴗ – – ᴗ –, sondern ᴗ – ⊥ ᴗ ᴗ ᴗ annehmen. Gerade diese beiden Thatsachen aber erklären sich bestens bei der Annahme des Refe-

renten, ...dass der schräg gegliederte achtzeitige Takt (ῥυθμὸς ὀκτάσημος δόχμιος) durch eine Art von Anaklasis oder Hyperthesis aus dem gerade gegliederten achtzeitigen Takte (ῥυθμὸς ὀκτάσημος ὀρθός d. i. anapästischer oder daktylischer Monometer) entstanden sei. Gehen wir z. B. vom anapästischen Monometer aus, der ja in seinem Ethos und hypermetrischen Gebrauch in Klagegesängen dem Dochmios so nahe steht, so nahm man, um eine Steigerung der gewöhnlichen Klage zur erschütternden Klage eines haltlosen, dem Geschick erliegenden Helden zu kommen, dasselbe vor, wie um vom iambischen Monometer zum ionischem Rhythmus zu kommen. Dort gliederte man statt ⏑ – ⏑ – | ⏑ – ⏑ –, indem man die beiden Hebungen vereinigte ⏑ ⏑ – – | ⏑ ⏑ – – ionicus a minore, oder – – ⏑ ⏑ | – – ⏑ ⏑ ionicus a maiore ohne Auftakt einem Ditrochäus gleich, oder auch – ⏑ ⏑ – | – ⏑ ⏑ – im Choriamb mit Hebung am Anfang und Ende; oder endlich ⏑ – – ⏑ | ⏑ – – ⏑ im Antispast, der nur in diesem Sinne als Abart des ionischen Rhythmus eine gewisse Berechtigung hat,... indem man die Senkung am Anfang und Ende verteilte. Ähnlich machte man es mit dem Anapäst; man vereinigte die beiden Hebungen, denn die erste beiden Hebungen im Dochmius hatten die Icten, die letzte war tonlos, wie uns Dionysios den Dochmios beschreibt,... also –́ –̋ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ und nahm statt der zwei Kürzen der Anapästen nur eine tonlose Kürze als Auftakt vor, also

$\frac{8}{8}$ ⏑, –́ –̋, ⏑ ⏑͡⏑ | ⏑, –́ –̋, ⏑ ⏑͡⏑ u. s. w.,
θέσις ἄρσις θέσις ἄρσις

dann hat es einen guten Sinn, wenn τινὲς οὕτω μετροῦσιν ⏑ –́ –̋ ⏑ ⏑ ⏑. So oder ähnlich erklärt sich nach alter Überlieferung und Analogie des ionischen Rhythmus der dochmische Monometer durch Anaklasis aus dem Monometer des γένος ἴσον, dem anapästischen (daktylischen) Monometer, der dochmische Dimeter ganz so aus dem anapästischen Dimeter. Und wollte man die selten gebrauchte anapästische oder daktylische Tripodie ähnlich brechen oder schräg zergliedern, so musste man auf den von Aristides beschriebenen zwölfzeitigen Dochmios ⏑ ⏑͡⏑ – ⏑ ⏑ – ⏑ – kommen. Dass es aber nur diese beiden Dohmioi gab und keinen andern, erklärt sich nun ganz

natürlich, ebenso dass dieser letzte Dochmios so gut wie nicht in der Praxis vorkam (стр. 59 и сл.).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ общемъ взглядъ Клотца на дохмій правиленъ; однако въ частностяхъ этотъ ученый дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ.

Такъ: второстепенное ритмическое удареніе въ дохміи, по всѣмъ вѣроятіямъ, падало не на первый долгій слогъ его, а на третій, ср. стр. 50 и сл. Извѣстное свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго объ исполненіи трехъ стиховъ Eur. Or. 140—142 (De comp. verb. гл. 11) не можетъ помочь намъ рѣшить вопросъ о томъ, было ли на послѣднемъ слогѣ дохмія ритмическое удареніе или нѣтъ, потому что Діонисій Галикарнасскій въ данномъ мѣстѣ сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мелодіи, а не о ритмѣ разсматриваемыхъ имъ стиховъ.

Аналогія между іониками и дохміями проведена слишкомъ смѣло, такъ какъ стопа іоника (но не хоріямба и антиспаста, самое существованіе которыхъ сомнительно, особенно послѣдняго даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ его допускаетъ Клотцъ) можетъ чередоваться даже въ предѣлахъ одного и того же члена съ трохаической диподіей, тогда какъ дохміи ни съ дактилическими, ни съ анапестическими диподіями не чередуется такимъ образомъ.

Что касается дохмія, заключающаго въ себѣ двѣнадцать χρ. πρ., то относительно его остается совершенно непонятнымъ, почему онъ, имѣя такое ритмическое значеніе, какое приписываетъ ему Клотцъ, не употреблялся на практикѣ и какимъ образомъ тѣмъ не менѣе оказался упомянутымъ у Аристида Квинтиліана, Марціана Капеллы и Бакхія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Показанія древнихъ о дохміи. Схема дохмія.—Общая характеристика показаній древнихъ о дохміи.—*Дохмій въ теоріяхъ краснорѣчія*: Цицеронъ.—Квинтиліанъ.—Руфинъ.—*Дохмій у ритмиковъ и музыкантовъ*:—Схоліи къ Эсхилу.—Ритмики схолій къ Гефестіону и Etym. M.—Аристидъ Квинтиліанъ и Марціанъ Капелла.—Бакхій.—*Дохмій у грамматиковъ и метриковъ*: Гефестіонъ и схоліи А.—Etym. M.—Триха.—Димитрій Триклиній.—Схоліи къ „Птицамъ" Аристофана.—Цезій Бассъ.—Марій Викторинъ —Марій Плоцій Сацердотъ.—Діомедъ 1—35

Названіе и ритмическое значеніе дохмія. Общій обзоръ теорій дохмія у древнихъ.—Названіе дохмія.—Число моръ въ дохміи.—Число и расположеніе удареній.—Тезисъ и арзисъ дохмія.—Дохмій съ современной точки зрѣнія 35—56

Теоріи дохмія, выставленныя въ новое время. Общая характеристика теорій, посвященныхъ объясненію ритмическаго значенія дохмія въ новое время.

А. Теоріи, которыя, допуская въ дохміи перемѣну ритмическаго движенія, *дѣлятъ его* а) *на бакхій и ямбъ*: Россбахъ.—Беллерманъ.—Грабовъ.—Диндорфъ.—Г. Шмидтъ.—b) *на ямбъ и кретикъ*: Бёкъ.—Мункъ.—Лортцингъ.—Лёшгорнъ.—с) *признаютъ возможнымъ дѣлить его тѣмъ и другимъ способомъ*: Цезарь.

В. Теоріи, которыя, не допуская въ дохміи перемѣны ритмическаго движенія, *относятъ его къ разряду* а) *антиспастовъ*: Германъ.—Зейдлеръ.—Е. Фонъ-Леутшъ.—Фритче.—b) *ямбовъ*: Гольдманъ.—Шульце.—Пикель.—с) *трохеевъ*: Брамбахъ.—Фогельманъ.—d) *бакхіевъ*: Бергкъ.—Вестфаль.—е) *пеоновъ*: Штейгеръ.—f) *признаютъ за самобытную стопу*: Мейсснеръ.—М. Шмидтъ.—Кристъ.—Древесъ —Клотцъ 57—179

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

MAX SCHEDL MÜNCHEN

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Učenyja zapiski Moskovskago Universiteta, Otděl Istoriko-Filologičeskij

Bd.: 16. 1892

Moskva 1892

H.lit.p. 332 sv,A-16
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11616796-9